

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакommunikации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2023

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. Январь – март

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бобрицких Л. Я.</i> НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ В ПОЭЗИИ Л. МЕЯ.....	5
<i>Голицына Т. Н., Чурикова Е. И.</i> КОНЦЕПЦИЯ «ШКОЛЬНОГО СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII–XX ВВ.».....	10
<i>Горбачевич О. А., Скобелев Д. А.</i> ПОЭТИКА «РАССКАЗА О БРОДЯГАХ» В. Г. КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ» (1885): СУБЪЕКТНАЯ СФЕРА, СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СИСТЕМА, ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ / ЧУЖОЙ (ДРУГОЙ)».....	14
<i>Коржова И. Н.</i> ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ В ПОЭМЕ К. М. СИМОНОВА «ПОБЕДИТЕЛЬ».....	18
<i>Кочкина А. В., Тернова Т. А.</i> ТЕМА ВЛАСТИ В РОМАНЕ СТ. МИШНЕВА «ПАСЫНКИ».....	24
<i>Нелюбова И. В.</i> «СОЦИАЛЬНЫЙ СТРАХ»: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА-КАУЗАТОРА СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ «КТО БОИТСЯ КОГО / ЧЕГО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»).....	29
<i>Никонова Т. А.</i> «СМЕНА СИСТЕМ» ИЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ? О «СТРАНЕ МУРАВЬИ» А. ТВАРДОВСКОГО.....	32
<i>Олейникова О. Н.</i> ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ.....	37
<i>Пуряева Н. Н.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА «МОНАХИНЯ» Е. П. РОСТОПЧИНОЙ И ДРАМА А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ».....	42
<i>Сатина Т. В.</i> МОДАЛЬНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СЕМАНТИКИ.....	46
<i>Сигов В. К., Ван Цзяоцзяо</i> НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ: «ЦАРЬ-РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА И «БЛЕСТЯЩИЕ ОЗЁРА И ЖИВОПИСНЫЕ ГОРЫ» ЧЖОУ ДАСИНЯ.....	52
<i>Сузрюкова Е. Л.</i> СОБЫТИЙНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ЦИКЛАХ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» И «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА».....	58
<i>Удодов А. Б.</i> РОМАН «ТИХИЙ ДОН» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА (АЛГОРИТМЫ «ЖИЗНИ В ВЕКАХ»).....	63
<i>Чжан Хуаньюй.</i> РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ «МЕРТВАЯ ВОДА» ВЭНЬ ИДО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ТРЕХ КРАСОТ».....	66
<i>Шпилевая Г. А., Борисова У. Ю., Бондаренко В. А.</i> О ТРОПИКЕ РАССКАЗА А. И. КУПРИНА «ГАМБРИНУС».....	70

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Агасиева Т. С.</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	75
<i>Ван Фанфан.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА «СПУТНИК» НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В «ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКИЙ» ПЕРИОД.....	81
<i>Данг Тхи Тхан.</i> КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ В ОБЛАСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ	85
<i>Калинина М. В., Калинина М. А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ НЕПРАВИЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ МАССМЕДИА: ЗА И ПРОТИВ.....	90
<i>Королева М. Н.</i> ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ К ОПИСАНИЮ СТРЕССОГЕННЫХ СОБЫТИЙ	93
<i>Кулько К. А.</i> СИНТЕЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА	98
<i>Литвинцев А. Э.</i> ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ВИДЕОСЪЕМКИ И ВИДЕОМОНТАЖА	101
<i>Мокшин С. И.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ. ДИСКУРС НОВЫХ МЕДИА.....	104
<i>Моргун Н. Ю.</i> О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЕ «ЛЮБОВЬ» В СМИ.....	107
<i>Ничеговская М. А.</i> ОСВЕЩЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В ФОНДАХ, ГРУППАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»	110
<i>Новичихина М. Е.</i> О ТОНКОЙ ГРАНИ МЕЖДУ ОПИСАТЕЛЬНОСТЬЮ И ВВЕДЕНИЕМ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ)	113
<i>Поляков М. Л.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ГОСУДАРСТВ: СОБЫТИЯ И ЯВЛЕНИЯ 2019–2022 ГГ.....	116
<i>Родионова И. Г.</i> ОТРАЖЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ГАЗЕТЕ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»	121
<i>Рубцова Н. В., Гир Н. А.</i> ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ УНИВЕРСИТЕТА.....	125
<i>Рыжкова О. А.</i> МУЗЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ ТЕХНОЛОГИИ К АУДИТОРИИ.....	130
<i>Сидоров В. А.</i> ДИАЛЕКТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ МИХАИЛА КУРАЕВА	137
<i>Сиротинина О. Б., Дегальцева А. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОЗИТОВ С ПРЕПОЗИТИВНЫМИ ЗАИМСТВОВАНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....	143
<i>Тулупов В. В.</i> ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЖУРНАЛИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	148
<i>Федотова Л. Н., Юй С.</i> ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ЗЕРКАЛО ИМИДЖА КИТАЯ В МИРЕ	152
<i>Чэнь Исинь, Хань Цзясин.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ НАРРАТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ	163
<i>Шишпарёнок Е. В.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОСКОНАДЗОРА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ	171
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	177

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2023. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bobritskikh L. Y.</i> FOLK BELIEFS IN THE POETRY OF L. MEY.....	5
<i>Golitsyna T. N., Churikova E. I.</i> THE CONCEPT OF “THE SCHOOL DICTIONARY OF AUTHOR’S NEOLOGISMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVIII–XX CENTURIES”	10
<i>Gorbatsevich O. A., Skobelev D. A.</i> POETICS OF “THE STORY OF THE TRAMPS” IN “THE SOKOLINETS” BY V. G. KOROLENKO (1885): THE SUBJECT SPHERE, THE PLOT-COMPOSITIONAL SYSTEM, THE OPPOSITION “ONE’S OWN / SOMEONE ELSE’S (OTHER)”	14
<i>Korzhova I. N.</i> GENRE MODELS IN K. M. SIMONOV’S POEM “THE WINNER”	18
<i>Kochkina A. V., Ternova T. A.</i> THE THEME OF POWER IN THE NOVEL BY ST. MISHNEV “STEPCHILDREN”	24
<i>Nelyubova I. V.</i> “SOCIAL FEAR”: FEATURES OF THE CAUSATIVE OBJECT OF THE STRUCTURAL SCHEME “WHO IS AFRAID OF WHOM / WHAT” IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW BY F. M. DOSTOEVSKY (BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “POOR PEOPLE”)	29
<i>Nikonova T. A.</i> “CHANGING SYSTEMS” OR A LITERARY TRADITION? REVISITING “COUNTRY O MURAVIA” BY A. TVARDOVSKY	32
<i>Oleynikova O. N.</i> FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN M. I. TSVETAeva ‘S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE	37
<i>Puriaeva N. N.</i> HISTORICAL SCENE “THE NUN” BY E.P. ROSTOPCHINA AND DRAMA BY A. S. PUSHKIN “BORIS GODUNOV”	42
<i>Satina T. V.</i> MODALITY AS A UNIVERSAL CATEGORY OF SEMANTICS	46
<i>Sigov V. K., Wang Jiaojiao.</i> MORAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN RUSSIAN AND CHINESE PROSE: “THE KINGFISH” BY V. P. ASTAFIEV AND “THE SCENERY OF THE LAKE AND THE MOUNTAIN” “BY ZHOU DAXIN.....	52
<i>Suzryukova E. L.</i> EVENT AND SEMANTIC PLOT IN THE CYCLES OF STORIES BY V. A. NIKIFOROV-VOLGIN “CHILDHOOD” AND “MEMORIES OF CHILDHOOD”	58
<i>Udodov A. B.</i> THE NOVEL “THE QUIET DON” AS AN ARTISTIC SYSTEM (ALGORITHMS OF “LIFE IN EPOCHS”)	63
<i>Zhang Huanyu.</i> RUSSIAN TRANSLATION OF THE POEM “DEAD WATER” BY WEN IDO IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF “THREE BEAUTIES”	66
<i>Shpilevaya G. A., Borisova U. Y., Bondarenko V. A.</i> ABOUT THE ARTISTIC MEANS OF A. I. KUPRIN’S STORY “GAMBRINUS”	70

JOURNALISM

<i>Agasieva T. S.</i> MEANINGFUL MODELS OF MAGAZINES FOR WOMEN: A CRITICAL ANALYSIS	75
<i>Wang Fangfang.</i> COMMUNICATION STRATEGIES OF THE SPUTNIK NEWS AGENCY IN CHINESE IN THE POST-EPIDEMIC PERIOD.....	81
<i>Dang Thi Than.</i> THE QUALITY OF BACHELOR'S TRAINING IN JOURNALISM IN VIETNAM	85
<i>Kalinina M. V., Kalinina M. A.</i> LANGUAGE IRREGULARITIES IN MASSMEDIA TEXTS: PRO ET CONTRA	90
<i>Koroleva M. N.</i> APPROACHES OF RUSSIAN ONLINE MEDIA TO THE DESCRIPTION OF STRESSFUL EVENTS.....	93
<i>Kulko K. A.</i> SYNTHESIS OF SOCIO-POLITICAL ASPIRATIONS AND RELIGIOUS AND MORAL PRINCIPLES IN A. I. SOLZHENITSYN'S PUBLICISM	98
<i>Litvintsev A. E.</i> FEATURES OF THE METHODOLOGY OF TEACHING STUDENTS PRACTICAL SKILLS OF VIDEO FILMING AND VIDEO EDITING	101
<i>Mokshin S. I.</i> TRANSFORMATION OF SPORTS JOURNALISM IN RUSSIA. DISCOURSE IN NEW MEDIA	104
<i>Morgun N. Y.</i> ABOUT THE SEMANTIC CONSTANT «LOVE» IN THE MEDIA	107
<i>Nichegovskaya M. A.</i> COVERAGE OF HIV PREVENTION IN FOUNDATIONS, GROUPS AND ORGANIZATIONS IN THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK	110
<i>Novichihina M. E.</i> ON THE SUBTLE DIFFERENCE BETWEEN DESCRIPTIVENESS AND MISLEADING (BASED ON THE MATERIALS OF LINGUISTIC EXPERTS EXAMINATIONS OF TRADEMARKS)	113
<i>Polyakov M.L.</i> INTERACTION OF DIGITAL PLATFORMS AND STATES: EVENTS AND PHENOMENA 2019–2022	116
<i>Rodionova I. G.</i> REFLECTION OF THE LABOR ACTIVITY OF SCHOOLCHILDREN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NEWSPAPER «PIONERSKAYA PRAVDA».....	121
<i>Rubtsova N. V., Gir N. A.</i> CAREER GUIDANCE VIDEO MATERIALS AS MARKETING COMMUNICATIONS TOOL IN UNIVERSITY	125
<i>Ryzhkova O. A.</i> THE MUSEUM IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION: FROM TECHNOLOGY TO AUDIENCE	130
<i>Sidorov V. A.</i> DIALECTICS OF MEMORY AND OBLIVION IN JOURNALISM MIKHAIL KURAEV.....	137
<i>Sirotnina O. B., Degaltseva A. V.</i> FEATURES OF THE FUNCTIONING OF COMPOSITES WITH PREPOSITIVE BORROWED COMPONENTS IN MODERN MEDIA.....	143
<i>Tulupov V. V.</i> PROFESSIONALISM OF A JOURNALIST AND A JOURNALISM TEACHER.....	148
<i>Fedotova L. N., Yu Xiao.</i> PUBLIC OPINION POLLS AS A MIRROR OF CHINA'S IMAGE IN THE WORLD	152
<i>Chen Yixin, Han Jixing.</i> STUDY OF NARRATIVE RECONSTRUCTION OF DIGITAL IMAGES IN THE FIELD OF AUGMENTED REALITY	163
<i>Shishparonok E.V.</i> INTERACTION OF ROSKOMNADZOR AND THE COMPANY IN THE CONTEXT OF CONTROL, SUPERVISION AND PREVENTIVE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE AUTHORITY IN THE FIELD OF MASS COMMUNICATIONS.....	171
SUBMISSION GUIDELINES.....	177

НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ В ПОЭЗИИ Л. МЕЯ

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются демонологические образы славянской мифологии в рецепции Л. Мея. Обращаясь к народным поверьям, поэт использует фольклорно-мифологические образы и связанные с ними мотивы, но репрезентует их иначе, исходя из своего мировосприятия и литературно-эстетических взглядов.

Ключевые слова: поверье, мотив, образ, домовой, русалка, вихорь, оборотень, леший, Л. Мей.

Abstract: the article deals with the demonological images of Slavic mythology in the reception of L. Mey. Turning to folk beliefs, the poet uses folklore and mythological images and motifs associated with them, but represents them differently, based on his perception of the world and his literary and aesthetic views.

Keywords: belief, motive, image, house spirit, mermaid, whirlwind, werewolf, wood spirit, L. Mey.

Проблема взаимосвязи литературы и фольклора занимает важное место в современной фольклористике. Обращение к поэтике традиционных фольклорных жанров дает художникам слова огромные возможности для самовыражения. Причем нужно отметить тот факт, что писатели используют не только элементы поэтики, непосредственно заимствованные из фольклора, но также создают и свои, индивидуально-авторские, так или иначе связанные с фольклором генетически или типологически.

В своей статье мы попытаемся показать, как использовал поэтику традиционного русского фольклора, славянской мифологии Л. А. Мей, поэт и переводчик, к сожалению, на сегодняшний день мало изученный, «пропущенный критикой» (Ап. Григорьев) и незаслуженно забытый.

Детство Мея прошло в имении бабушки Агриппины Станиславовны Шлыковой, где они с матерью поселились после смерти отца. Патриархальный уклад этой состоящей из одних женщин семьи, жизнь которой протекала в тесном общении с немногими крепостными слугами, несомненно, сказался на формировании личности будущего поэта. Отсюда «вынес он любовь к уходящему в прошлое быту и глубокий интерес к народной поэзии, который заронили в мальчика его “учителя”» [1, 6].

Особое место в поэзии Мея занимают старинные поверья и персонажи славянской демонологии («Хозяин» (1849), «Русалка», «Вихорь» (оба 1856), «Оборотень» (1858), «Леший» (1861)).

Стихотворение «Хозяин» открывается бытовой зарисовкой: «низенькая светелка» «чисто прибраная», «пол отструган гладко», «ровен потолок», «печ-

ка развальная», «по стенам — укладки с дедовским добром», «узкая скамейка, крытая ковром», «кровать резная с пологом цветным».

На кровати крепко спит седой старик <...>

А за печкой кто-то нехотя ворчит:

Знать, другой хозяин по ночам не спит! [2, 152–153]

Это домовой, мифологический покровитель семьи. Он происходит от предков данного рода. У Е. Е. Левкиевской читаем: «Тишина и покой царят над крестьянской усадьбой. Но кто-то не спит. Какой-то странный маленький старичок ... заросший седой бородой, появляется в дверях хлева. Одет он в белую рубаху с красным поясом, домотканые штаны и лапти. Неспешно, по-хозяйски обходит скотину...» [3, 23].

В стихотворении Мея домовой выполняет те же функции, что и в фольклоре: «Обошел обычным я дозором дом...» [2, 153] (Ср.: «...старичок обходит весь двор» [3, 23]). «От конюшни кучки снега отгребешь, Корму дашь лошадам, гривы заплетешь...» [2, 153] (Ср.: «...направляется к лошадям, чистит и гладит их, расчесывает гривы, заплетает им в гривах косички, такие мелкие и тугие, что расплести их почти невозможно» [3, 23]). Домовой все видит, все знает и может наказать домочадцев за лень, ругань, грязь в доме. Особенно не любит домовой ссоры в семье. «В отместку за беспорядок он проявляет агрессию <...> давит спящих людей и стаскивает с них одеяло» [3, 27].

Данное поверье Мей использует в несколько ином ключе. Поэт вводит в стихотворение мотив молодой жены при старом муже, взятый из народной лирической песни. В одной из них есть такие строки:

Житье мое, житье,

Житье, горькое житье,

Ты, житье мое, беда:

Муж — старик, я — молода. <...>

*Мне охота бы гуляти,
Погулять бы с молодым,
Не со старым со седым [6, 302].*

У Мея хозяйка «больно черноброва, больно молодая, — На сердце тревога, в голове — беда! <...> При людях смеется, а — глядишь — тайком Плачет да вздыхает...» [2, 153]. За домовым как мифологическим главой семьи признавалось право поучать людей. У Мея домовой наказывает молодую жену, боясь, что она «одурочит мужа-старика».

*Погоди ж, я с нею шуточку сшучу
И от черной думы разом отучу:
Только обойдется с грезой горячо —
Я тотчас голубке лапу на плечо,
За косу поймаю, сдерну простыню <...>
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дам ни разу наливной вздохнуть... [2, 153–154]*

(Ср.: в быличках домовой часто представляется «лохматым, мохнатым, заросшим шерстью или волосами» [3, 31]).

Народные поверья, «погруженные в бытовую обстановку, выраженные в форме реально-бытового рассказа ... выступают как народно-фантастическое объяснение явлений действительности, не исключаящее и другого, “житейского”» [4, 173]. Стихотворение Мея завершается словами, вложенными в уста домового:

*Защемлю ей сердце в крепкие тиски:
Скажут, что зачала с горя да с тоски [2, 154].*

«Таким образом, фантастическая мотивировка как бы выдается за истинную, а здравый смысл людей, объясняющих смерть молодой жены естественными причинами, — недомыслием» [4, 174].

Подобный характер носит изложение народного поверья и в стихотворении «Вихорь», хотя здесь «вторая мотивировка болезни и смерти девушки оказывается не менее фантастичной, чем первая» [4, 174]:

*Думали семьею,
Думали-гадали
И решили: «с глазу!» —
Так тому и быть... [2, 166]*

В основе стихотворения лежит поверье о вихре — пыльном столпе, который одушевляется народом. Считалось, что, если «в вихорь бросить какое-нибудь острое орудие, например нож, — на ноже останется кровь, а бросивший умрет ровно через год» [5, 146].

Главная героиня стихотворения — деревенская красавица Доня, пригожей которой «разве что далёко, А в соседстве нет» [2, 163]:

*Косы по ладони;
Грудь как у лебедки;
Очи с поволокой;
Щеки — маков цвет [2, 163].*

Перед нами портрет, характерный для героини народной лирической песни: «...на Марьюшке Кудри русые <...> По плечам лежат. По белому лицу, По рюмяному...» [7, 167].

Доня, как большинство крестьянских девушек, отбывается трудолюбием: «...что божья птичка — На заре ложится, На заре встает» [2, 163].

Мей вводит в стихотворение картины природы, которые создают особое напряжение в развитии действия, предвещая встречу героини с «призраком»: «Солнце ... Колет, как иглою; Стелется на поле Дым, не то туман <...> Знать, перед грозой <...> А вдали зарница Красный полог кажет... Ходят вдоль дороги Пыльные столпы...» [2, 163–164].

Структура образа вихря усложняется поэтом: с одной стороны, в нем заметны признаки демонологического существа, напоминающего лешего («вырос из земли», «волосы копною», «борода в пыли»). По народному поверью, «появлению лешего обычно сопутствует вихрь или резкий ветер» [8, 323]. В поверьях часто рассказывается «о пристрастии лешего к девушкам и женщинам, которых он похищает из домов или заманивает к себе в лес и берет в жены» [8, 324]. С другой стороны, «призрак» наделен чертами молодца-соблазнителя из народной лирической песни:

*Что ж не молвишь слова,
Что не приголубишь?
Аль еще не знаешь —
Что за зелье страсть? [2, 165]*

(Ср.: «Ты, отрада, ты, отрада, Ты обрадовай меня, Удалого, молодого чумака из кабака!» [7, 120]).

Спасая девичью честь, Доня бросает в «призрака» серп, тем самым разрушая его колдовские чары. Однако после этого случая девушку словно подменили:

*Мать с отцом видали,
Как она украдкой
Утирала слезы
Белым рукавом <...>
Доня все хирела,
Сохнула и чахла... [2, 166]*

Завершается стихотворение умозаключением крестьян, которые «всем селом решили. — Этакой напасти Где избыть серпом! <...> “От беды да страсти Оградись крестом”» [2, 166–167].

Стихия устной народной речи, сказа особенно увлекает поэта в стихотворениях «Русалка» и «Оборотень». «Следуя за Кольцовым, он (Мей. — Л. Б.) ищет в народной песне средств для выражения своих чувств и для описания народного быта. Однако при этом поэт стремится к обработке разветвленных, сложных ... сюжетов, дающих возможность развернуть эпическое повествование» [4, 174]. По мнению Л. М. Лотман, уже в «Русалке» «сочетаются описание бурной природы, фантастическая картина игр русалок, лирическое повествование о страданиях загубленной души и реальные очерки ежедневного крестьянского быта, данные в стиле безыскусственного народного рассказа» [4, 174].

Открывается стихотворение картиной разбушевавшейся стихии: «Мечется и плачет... озеро лес-

ное», «Тучей потемнело, брызжет мелкой зернью...», «Ветер по дуброве серым волком рыщет; Молния на землю жгучим ливнем прыщет...» [2, 160–161]. Природа здесь одушевлена, в ней все подвижно. Этот эффект передается с помощью метафор-олицетворений: озеро «мечется», молния «ливнем прыщет», ветер «волком рыщет»; эпитетов: «жгучим ливнем», «вихрем перелетным». Прием одушевленности пейзажа служит для демонстрации равноправия мира человека и мира природы (русалочьего мира): подводное царство не есть царство мертвых, там тоже кипит жизнь, гармоничное течение которой ничто не нарушает. «На голос бури» из воды появляются русалки. По словам А. Н. Афанасьева, «русалка означает водяную деву» [9, 150]. Чаще всего русалками становились «утонувшие женщины, умершие до замужества девушки» [3, 127]. Их можно было увидеть сидящими на плотах, прибрежных камнях, расчесывающими костяными или железными гребнями волосы, стирающими белье, подобно деревенским бабам, или сидящими на вертящихся колесах водяных мельниц, а иногда — «качающимися на ветвях деревьев, которые растут по берегам водоемов» [3, 132]. Русалки не любят, когда за ними подглядывают. Преследуя любопытного, они нападают на него и могут до смерти защекотать. Русалки увлекают чарующим смехом или пугают диким хохотом. Их длинные волосы похожи на кудель, и расчесывают они их не для того, чтобы «шелком кудрей» заманить пловца или путника, а из-за связи с прядением. Русалка формально считается нечистой, потому всегда простоволоса и не расчесана, какие бы усилия она ни прилагала в попытке уподобиться человеку, волосы которого должны быть соответствующим образом уложены, приведены в порядок.

Мей использует многие из перечисленных «русалочьих» мотивов: мотив прядения («...побросавши прялки, Вынырнули со дна резвые русалки...»), мотив смеха («Любо им ... звонким смехом с громом окликаться!...»), мотив расчесывания волос («Чешут белым гребнем косы рассыпные...»). В описании русалок поэт использует различные природные образы, среди которых особое место занимают орнитологические («Ласточки быстрее ... Руки их мелькают...»), «Притаилась в листе ... Слово белый лебедь в тростнике озерном...»), широко распространенные в фольклоре (сказках, обрядовой и необрядовой поэзии) (Ср.: «Марья <...> поплыла лебедью, Лебедушкой белою» [7, 143]).

В своем стихотворении Мей также использует распространенный мотив русалки — брошенной невесты. В основе сюжета лежит рассказ о трагической судьбе девушки, обманутой возлюбленным. Мать ее в детстве холила и лелеяла, и выросла она такой, что «нет ее красивей в целом хороводе». А далее банальная история: «Полюбился парень девке бесталанной, Так ей полюбился, словно душу вынул, Да и посме-

ялся — разлюбил и кинул» [2, 162–163], — характерная для любовной лирической песни (Ср.: «Проторил милый дороженьку, Проторил, да не стал ходить; Любил парень меня, девицу, Да не стал любить!» [6, 125]). Поэт использует здесь фольклорную лексику («лентой алой», «парни удалые», «девки молодые», «сизокрылый голубь»), реалии крестьянского быта («прялки», «посиделки»), что способствует созданию особой лирической атмосферы.

«Благовест далёкой», «песнь... святая» пробудили в душе русалки далекие воспоминания, «много и тоски и муки», «воскресли много были позабытой».

Рада б зарыдала — и того не может;

Сотворить молитву забытую хочет —

Нет для ней молитвы — и она хохочет... [2, 163]

Еще более сложно построено стихотворение «Оборотень». В поэтическое повествование, которое ведется от лица человека из народа, включается своеобразный монолог удалого охотника Митьки, «плясуна» и «певца», в свою очередь передающий фантастический рассказ, услышанный им от Оборотня. Этот, последний, рассказ также прерывается вставными песнями. Речевая стихия стихотворения — живая разговорная русская речь, изобилующая фольклорной лексикой и фразеологией: «правды нигде не схоронишь», «в море не тонет, в огне не горит», «живут... поживают», «дыбом и поднялся волос», «как с гуся вода», «ведать не ведаю», «в огонь ... и в воду», «вот тебе сказ мой», «не было мочи», «свету не взвидел», «на сердце кошка скребет», «не сносить головы», «ждать-пождать». «Ставя перед собой задачу поэтического воссоздания устной народной речи во всей ее непосредственности и выявления заключенных в ней художественных потенций, Мей искал стихотворных размеров и строфики, наиболее удобных для осуществления этого замысла. В «Оборотне» он дает разные образцы размеров (трехстопный дактиль с парными мужскими рифмами, тот же размер с чередующимися женскими рифмами и вовсе без рифм, трехстопный хорей с чередующимися женскими и мужскими рифмами), стремясь при помощи этого ритмического и строфического разнообразия передать интонационное богатство устной речи» [4, 174].

Стихотворение имеет кольцевую композицию. Слова: «Дело то было давно, не теперь, Истинно было... Кто хочет, не верь... Только ведь правды нигде не схоронишь...» [2, 183] — являются своеобразным зачином и концовкой (подобно сказочным), направляющими читателя на правдивость истории. Экспозиция — рассказ о том, как «в старое время» у Камы-реки, в самом лесу, «пришлые» «мужички» «срубили ... село» и стали жить-поживать, пока не появился в округе необычный волк:

... ни скотины не тронет,

Ни человека, а бродит себе,

Бродит по задворкам, воет да стонет,

Словно покойника чует в избе [2, 183].

Таких волков в народе называли волколаками (*волколаками, вовкулаками*). «Это человек-оборотень, с помощью колдовства превращающийся сам или превращенный другими на определенный срок в волка, но сохраняющий разум» [8, 408]. Оборотничество — это не что иное, как перемещение из человеческого мира в ирреальный. Представления об оборотнях очень древние. Так, в «Слове о полку Игореве» упоминается князь-оборотень Всеслав Полоцкий, который по ночам оборачивался волком: «...из Киева до рассвета дорыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебежал» [10, 385]. По народному поверью, «человек, насильно обращенный в волколака, испытывает страх и отчаянье, он не нападает ни на людей, ни на скот...» [8, 410–411].

Историю волколака мы узнаем из рассказа Митьки, которому тот сам поведал ее на пороге смерти. Был он в бытность молодцем, какого не сыскать во всей округе, да «девка сгубила». Желая добиться ее любви, он продает душу дьяволу: «Складень с шеи долой, И на поклон прямо к деду...» [2, 185], чтобы тот обучил его колдовству. Через год парень овладел всеми науками чародейства. Чтобы привлечь внимание «казнобы», он поет ей любовные песни, которые Мей стилизует под фольклорные. Основным приемом их построения является образный параллелизм, когда картина природы соотносится с картиной человеческой жизни:

*Сокол гонит за лебедкою,
Парень думает о том,
Как бы девице молодкою
Под его вздремнуть крылом. [2, 186]*

(Ср.: «Уж ты сад, ты мой сад, Сад не рано цветет, Ох, да осыпается, Да куда ж, милый друг, собираешься...» [7, 127]).

Мей также вводит в стихотворение описание календарных обрядов, связанных с праздником Ивана Купалы. В ночь на Ивана Купалу девушки и парни «играли в воду»: обливали друг друга. При этом считалось, «какую девушку парню удастся облить водой, та и выйдет за него замуж» [8, 55]. «В купальскую ночь допускались всякие вольности в поведении, в частности в отношениях между мужчинами и женщинами» [8, 58].

*Прыгнула с плота, нырнула... и точно
Кто ее в руки мне сунул нарочно... [2, 189]*

Финал истории Оборотня трагичен: нарушив наказ деда не подходить «лих молодцом ... Буде не сняли святого креста» [2, 186], он превращается в волка, и только меткий выстрел Митьки возвращает ему человеческий облик:

*Парень — не волк, да румяный, здоровый...
Волчий на нем полушубок, весь новый;
Только что кровь запеклась на усах
Да угольки потухают в глазах... [2, 189]*

В 1861 году было написано стихотворение

«Леший». Леший здесь получает точно такую же формульную портретную характеристику, как и в народных поверьях: «То всех деревьев выше, То ниже мелкой травки...» [2, 214]. Сравним, как пишет о внешнем облике лешего современник Мей С. В. Максимов: «... если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими деревьями. <...> выходя для прогулок, забав и шуток на лесные опушки, он ходит там ... малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листочком» [11, 6]. Возможно, Мей и услышал подобные поверья от записавшего их Максимова, который в свою очередь ценил поэта за «неустанное искание сокровищ народной жизни» [12, 330]. Леший — «владыка полновластный Зеленого народа, Он всей лесной державе Судья и воевода» [2, 214]. Сравним у Е. Е. Левкиевской: «Он полновластно владеет всем в лесу — деревьями, лесными зверями и птицами, даже ягодами и грибами. Без его разрешения в лесу ничего нельзя сделать — ни белку поймать, ни гриб сорвать» [3, 73–74]. Леший заботится о лесе и его обитателях, в том числе оберегая их от людей: «Зимою он сугробы В овраге замечает, И тропки он лисицам И зайцам прочищает; И снегом он обносит Берлогу медвежонка, И вьет мохнатой лапой Гнездо для вороненка; И волку-сыромахе Он кажет путь-дорогу, И, на смех доезжачим И звучному их рогу, И стае гончих, зверя В трущобе укрывает...» [2, 214–215]. Такое изображение лесного духа вполне соответствует народным представлениям о нем: в быличках и поверьях он тоже изображается не страшным чудищем и не пустым затейником, а хозяином и защитником дикой лесной природы. Он наказывает тех, кто нарушает правила поведения в лесу (шумит, бранится) и «ведет себя как разрушитель: без цели ломает деревья, губит животных, оставляет незатушенными костры» [3, 76]. «Согласно мифологическим рассказам и поверьям, — пишет Н. А. Криничная, — одной из многочисленных функций лешего является охрана и защита леса. Подчас он не позволяет человеку даже въехать в свои владения <...> Особенно недоброжелателен леший по отношению к дровосеку: прячет у него топор, чтобы сократить время губительной деятельности человека» [13, 268]. Но чаще всего с лешим приходилось иметь дело охотникам. «Без договора с ним охотник не мог и рассчитывать на добычу» [3, 84].

*А в лес пойдет охотник —
Опять стучит дубинка,
И прячется в трущобе
Вся дичь и вся дичинка... [2, 216]*

Леший — большой затейник: то напугает громким хохотом, то собьет путника с дороги и заставит блуждать по лесу, то утащит корзинку с ягодами: «...проберется К грибовницам сторонкой И филином прогукнет <...> В орешнике змеєю Шипит он для потехи, Чтоб девушки у белок Не сняли все оре-

хи» [2, 215]. Леший может подражать голосам людей: «И если бойкий парень Где песенку затянет — Проказник Леший кличем Красавицу обманет...» [2, 215]. Вместе с тем он помогает набрать грибов, ягод, собрать дров, переночевать в лесной избушке, найти дорогу: «...провожает убогую калику», а если «где калику, Позарясь на поневу, Котомочку и кикю С защитым подаяньем, Бродяга ждет — дед стукнет На целый лес дубинкой, Конем заржет, аукнет, Грозой и буйным вихрем Вдоль по лесу застонет, — И в самую трупобу Недоброго загонит...» [2, 216]. Как видим, леший у Мея, в отличие, например, от Катенина или Кюхельбекера, выступает в роли положительного персонажа.

Утомившись за день, леший отправляется «в любимое болото», где его ждет «зыбучая постеля С русалкой-лешачихой» [2, 217]. Здесь Мей соединяет в одном образе черты русалки и «лешачихи» (в народе их называют *лешихи*, *лесовки* или *лесовихи*), так как обе они «похожи на обыкновенных женщин, только ходят с распущенными волосами [8, 324–325], любят качаться на деревьях. Лешихи вплетают в волосы зеленые ветки, русалки на Троицкой неделе «завивают» венки. Леший у поэта предстает нежным, любящим, заботливым по отношению к своей «даме»: «Для ней и незабудки <...> Для ней и соловейки <...> Для ней-то под Купалу... папортник бесцветный Цветет звездой лучистой» [2, 217].

Леший у Мея — образ не только фольклорный, но и авторский. Устав от забот, он засыпает, ему снится чудовище с «паром из ноздрей и искрами», шипящее и свистящее, похожее на крылатого змея. Это «то ли сон, то ли явь — оно превращается в железно-дорожный состав, продукт цивилизации, теснящей живую природу...» [14, 20]: «Дубов — как не бывало: Все срублено, все гладко... Засыпано болото Песком, дресвой и щебнем, И мост над ним поднялся Гранитным серым гребнем...» [2, 218–219].

Таким образом, народно-фантастический образ лешего предстает у Мея как «воплощение нетронутой, дикой, но родной народу и опозитизированной его фантазией природы, которую оттесняет и губит безжалостная цивилизация» [4, 174].

Итак, как показал анализ, обращаясь к народным поверьям, Мей использует фольклорно-мифологические образы и связанные с ними мотивы, но репрезентует их иначе, исходя из своего мировосприятия и литературно-эстетических взглядов.

Воронежский государственный университет

Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: bobritskikh@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухмейер К. Лев Александрович Мей (1822–1862) / К. Бухмейер // Стихотворения / Л. А. Мей. — М.: Советская Россия, 1985. — С. 5–22.
2. Мей Л. А. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер / Л. А. Мей. — Ленинград: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1972. — 679 с.
3. Левкиевская Е. Е. В краю домовых и леших. Персонажи русских мифов / Е. Е. Левкиевская. — М.: ОГИ, 2009. — 264 с.
4. Лотман Л. М. Лирическая и историческая поэзия 50–70-х годов / Л. М. Лотман // История русской поэзии: в 2 т. — Л.: Наука, 1969. — Т. 2. — С. 124–190.
5. Мей Л. А. Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Рейсера / Л. А. Мей. — Л.: Советский писатель, 1951. — 336 с.
6. Русские народные песни / сост. и вв. тексты В. В. Варгановой. — М.: Правда, 1988. — 576 с.
7. Народные песни Воронежского края. Антология. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1993. — 280 с.
8. Левкиевская Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. — М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ, 2000. — 528 с.
9. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А. Афанасьев. — М.: Современный писатель, 1995. — Т. 3. — 788 с.
10. Слово о полку Игореве / [подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова] // Памятники литературы Древней Руси: XII век / [вступ. ст., сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева]. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 373–387.
11. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. — С-Пб.: ПОЛИСЕТ, 1994. — 448 с.
12. Русская литература XIX века. 1840–1860-е годы. Воспоминания, литературно-критические статьи, письма: учебное пособие / под ред. В. Н. Аношкиной, В. П. Зверева, Р. Т. Певцовой. — М.: Высшая школа, 2005. — 623 с.
13. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. — 1008 с.
14. Райкова И. Н. «Ох, если б крылья да крылья...»: поэт с душой ребенка (фольклорные фантазии Льва Мея) / И. Н. Райкова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2015. — № 1 (17). — С. 14–22.

Voronezh State University

Bobritskikh L. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: bobritskikh@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ШКОЛЬНОГО СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII–XX ВВ.»

Т. Н. Голицына, Е. И. Чурикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: настоящая статья посвящена «Школьному словарю авторских неологизмов русского языка XVIII–XX вв.». Авторы формулируют основные принципы составления словаря, описывают его макро- и микроструктуру, приводят пример словарной статьи.

Ключевые слова: русская лексикография, школьные словари, неография, авторские неологизмы.

Abstract: this article is devoted to the “School dictionary of the author’s neologisms of the Russian language of the XVIII–XX centuries”. The authors formulate the basic principles of compiling a dictionary, describe its macro- and microstructure, and give an example of a dictionary entry.

Keywords: Russian lexicography, school dictionaries, neography, author’s neologisms.

Как известно, **школьная лексикография** — «особая лингвометодическая дисциплина, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях» [1]. Эта отрасль словарного дела находится на стыке двух наук: традиционной лексикографии и методики преподавания языка.

В настоящее время отечественная школьная лексикография развивается быстрыми темпами. Появляется большое количество словарей разного типа, предназначенных для учащихся.

Анализ большого количества существующих школьных словарей русского языка показывает, что их составители нередко не учитывают возраст учащихся и их уровень знаний, специфику школьной программы и особенности развития русского языка в XXI веке, игнорируют необходимость включения культурологической и энциклопедической информации в словарные статьи и т.д.

Повышению качества отечественных школьных словарей, по мнению О. В. Загоровской, могло бы способствовать «формирование теоретических основ современного школьного словаростроения и создание единой концепции подготовки школьных словарей русского языка» [2]. Кроме того, целесообразно разработать расширенную типологию школьных словарей русского языка, которая должна включать комплексный школьный нормативно-стилистический словарь русского языка, школьный словарь современной русской разговорной речи, разные виды специальных школьных культурологических словарей, специальные «сопроводительные» толковые словари по произведениям художественной литературы, изучаемым в школе [подробнее см. 2].

Еще одним полезным для современных учащихся словарем, с нашей точки зрения, может стать лексикографический труд, описывающий неологизмы, созданные русскими писателями («левитанистый» А. П. Чехова, «головотяп» М. Е. Салтыкова-Щедрина), учеными («углерод» химика М. Ф. Соловьёва), изобретателями («вертолет» авиаконструктора Н. И. Камова). Ведь изучение родного языка и, в частности, его словообразовательного потенциала открывает большие возможности для развития творческого мышления учащихся.

Цель настоящей статьи — представить концепцию такого лексикографического труда — «Школьного словаря авторских неологизмов русского языка XVIII–XX вв.», работа над составлением которого ведется на кафедре русского языка Воронежского государственного университета. Отметим, что под термином «**авторский неологизм**» мы будем понимать слово, которое создано конкретным автором.

В основе предлагаемой концепции лежат следующие принципы:

1. Ориентированность на школьную программу. Определение «школьный» в названии словаря обязывает нас учитывать специфику и содержание школьных курсов русского языка, литературы и других предметов на всех этапах разработки словаря. Во-первых, ориентация на школьную программу обусловила то, что при отборе авторов-словотворцев мы ограничились только писателями, которые известны школьникам по урокам литературы (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, В. В. Маяковский, В. Хлебников и др.) Кроме того, мы включаем в словарь лексические единицы, созданные известными учеными и изобретателями. С такими словами школьники сталкиваются на различных уроках (фи-

зики, химии, истории, географии). Во-вторых, указанная ориентация определила выбор примеров употребления авторских неологизмов. Мы стремились проиллюстрировать их употребление за пределами текстов-источников примерами из художественной, учебной и научно-популярной литературы, а также из публицистики.

2. Объяснительность. Данный принцип заключается в том, что одним из ключевых разделов микроструктуры создаваемого словаря должна стать зона толкования авторских неологизмов. При толковании мы опираемся на авторитетные толковые словари [3], [4], [5], [6], [7]. При этом, с нашей точки зрения, объяснение не должно быть узколингвистическим: в ряде случаев в него необходимо включать сведения энциклопедического и культурологического характера.

3. Активность. Суть этого принципа состоит в том, что создаваемый словарь будет ориентирован не только на отражение определенной информации, но и на активное усвоение информации учащимися. Этот принцип обеспечивает методически выверенный блок заданий, выполнение которых и будет стимулировать у учащихся активную интеллектуальную деятельность и развивать творческое мышление.

4. Диахроничность. Этот принцип заключается в следующем: в словарь включаются лексические единицы, которые когда-то были новыми для языка, но уже утратили свою новизну. Мы сосредоточили наше внимание на словах, созданных в XVIII–XX вв.

5. Экстралингвистичность. Данный принцип состоит в том, что во многие словарные статьи включается культурологическая или энциклопедическая информация, а также при необходимости дается историческая справка. Мы стремимся к тому, чтобы наш словарь был полезен не только с лингвистической точки зрения, но и помогал всестороннему развитию учащихся.

Макроструктура создаваемого словаря состоит из шести разделов: введение, список условных обозначений, алфавит, словарные статьи, приложения, список использованной литературы.

Во **введении** будет представлено обращение к юным читателям, в котором дана небольшая теоретическая справка об основных способах словообразования.

После этого следует основная часть словаря — **словарные статьи**. Этот раздел состоит из двух частей:

а) **Часть I. «Искусство».** Сюда включаются авторские неологизмы, созданные деятелями искусства (писателями, художниками и др.)

б) **Часть II. «Наука и техника».** Здесь представлены неологизмы, авторство которых принадлежит ученым, конструкторам и др.

Если единицы первой группы давно являются предметом научных исследований, и их отбор может

проводиться с опорой на существующие научные работы, то изучение слов второй группы, насколько нам известно, практически не проводилось, поэтому их поиск представляет особую сложность.

В конце словаря даются три **приложения**:

1) список авторских неологизмов по алфавиту с указанием страниц, на которых располагается словарная статья;

2) список авторских неологизмов, распределенных по авторам-создателям;

3) методическая разработка, включающая в себя план-конспект развивающего занятия «Словообразование и словотворчество».

Приводится также **список использованной литературы**, содержащий основные тексты-источники (в частности, литературные произведения, в которых употреблены авторские неологизмы), а также толковые и словообразовательные словари русского языка.

Микроструктура словаря состоит из девяти зон:

1) Вход — слово в стандартной для отечественной лексикографии начальной форме. Сопровождается акцентологической характеристикой.

2) Краткая грамматическая характеристика. Эта зона словарной статьи включает в себя информацию о частеречной принадлежности описываемого слова. Кроме того, словам, относящимся к разным частям речи, дана своя грамматическая характеристика: для существительных — окончание формы родительного падежа и род, для глаголов — формы 1 и 2 лица настоящего времени, для прилагательных — окончание форм женского и среднего рода именительного падежа и т.д.

3) Толкование. Семантическая характеристика неологизма представляет собой традиционное описательное и/или синонимическое определение. Если толкуемое слово уже становилось объектом лексикографирования, то мы опираемся на имеющиеся словарные дефиниции. Кроме того, в толкование значения неологизма мы часто включаем культурологическую и/или энциклопедическую информацию.

В некоторых случаях авторы сами объясняют созданное ими слово (например, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» объяснял неологизм «стусежаться»). Такие авторские толкования в обязательном порядке включаются в словарную статью и помещаются сразу после стандартного толкования.

Как известно, при создании новых словарей принято опираться на более ранние лексикографические труды. В ряде случаев использования лексикографических решений и находок предшественников значительно облегчает работу составителя словаря. Однако специфика части описываемых нами лексических единиц (слов, созданных русскими писателями XVIII–XX вв.) заключается в том, что многие из них не оказывались в фокусе внимания лексикографов.

4) Комментарий. Это факультативный компонент словарной статьи, который дается к словам,

требующим пояснение. Данная зона может следовать после толкования, словообразовательной характеристики или после зоны «авторская принадлежность лексемы». Комментарий может иметь узко лингвистическую, культурологическую или историческую направленность.

Культурологические и лингвистические комментарии наиболее характерны для слов первой части — слов сферы искусства. Для неологизмов из сферы науки чаще требуются исторические комментарии.

5) Производящее слово и способ образования.

В словарной статье словообразовательная информация представлена в следующем виде (из словарной статьи, посвященной описанию пушкинского неологизма хандрливый):

↪ образовано от слова «хандрить» суффиксальным способом — с помощью суффикса — ЛИВ.

Часть описываемых слов с этой точки зрения не представлены в современных словообразовательных словарях, поэтому одной из самых важных задач, стоящих перед нами, было определение способа образования ряда лексикографируемых авторских неологизмов. Наряду с относительно простыми случаями мы столкнулись с определенным количеством трудных примеров. Так, нетривиальной задачей является определение способа образования таких слов, как «паквлянтствовать», «апельсинничать» и др.

6) Авторская принадлежность лексемы и пример(ы) ее употребления автором-создателем.

Этот раздел словарной статьи является ключевым. Входящие в него примеры использования описываемого слова призваны продемонстрировать спектр употреблений слова в характеризуемом значении.

7) Примеры использования слова другими авторами.

В этой зоне словарной статьи приводятся от одного до пяти примеров употребления описываемого авторского неологизма из произведений художественной литературы, публицистики XIX–XXI веков. Для подбора примеров употребления описываемых лексических единиц мы используем Основной подкорпус, Поэтический подкорпус и Подкорпус современных СМИ Национального корпуса русского языка [8]. При наличии соответствующего материала преимущество отдается произведениям и авторам, представленным в школьной программе. Выдержки из произведений даются курсивом, описываемый неологизм выделяется полужирным шрифтом.

8) Изображения.

Наглядная информация является важной частью тех словарных статей, в которых визуальный ряд облегчает понимание значения или дополняет информацию, переданную вербально. Этот раздел является факультативным.

9) Задания.

Важной особенностью создаваемого словаря является включение в каждую словарную статью блока заданий, при разработке которых должны учитываться возраст учащихся и обусловленные им возможности школьников. Таким образом, еще

одной важной задачей, стоящей перед составителем, была разработка двух серии заданий:

— ориентированных на учащихся 5–8 классов (отмечены знаком ✍),

— ориентированных на учащихся 9–11 классов (отмечены знаком ✎).

При этом составители стремятся к тому, чтобы гармонично встроить разрабатываемые задания в конкретную словарную статью и не допустить большого количества однотипных заданий.

Приведем пример словарной статьи:

БЛАГОГЛУПОСТЬ, -и, ж.р., сущ.

Глупость, вздор, облеченные в серьезную форму.

↪ образовано от слов «благой» и «глупость» способом **сложения основ**.

✎ введено **М. Е. САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ**.

И кого ты своими благоглупостями удивить хочешь? (Невинные рассказы (1857–1863)).

Почему я, видя человека беспомощным, не имею права подать ему руку помощи? Почему, имея возможность сообщить человеку полезный совет, обязываюсь вместо того осквернять его мозги благонамеренными благоглупостями? (За рубежом, 1880–1881).

• **использование другими авторами:**

Благоглупость заключалась в том, что его тянуло хотя бы косвенно, отдаленно, скрытно получить разрешение Сони. (Ю. Трифонов. Дом на набережной, 1975))

Но разве не недостаток — неспособность к маневру, из-за которой распрекрасные принципы обращаются в благоглупость, порядочность в подлость, добро в зло — потому что приводят к поражению? (В. Рыбаков. Свое оружие, 1987)

✍ Какие еще сложные слова с корнем **-благ-** вы знаете? Перечислите их.

✎ Прочитайте следующее предложение из письма Н. С. Лескова Л. Н. Толстому. Попробуйте определить значение слова «благоглупость» в этом контексте.

Смотришь, смотришь на всю окружающую благоглупость, да и сам задумываешься. (Н. С. Лесков. Письма Л. Н. Толстому (1887–1894)).

Таким образом, разрабатываемый нами словарь может стать одним из инструментов, способных помочь преподавателю в развитии творческих способностей учащихся как во время урока, так и в ходе самостоятельной работы. Ведь «если ученик в школе не научится сам ничего творить, — писал Л. Н. Толстой, — то и в жизни он всегда будет только подражать, копировать, так как мало таких, которые, научившись копировать, умели сделать самостоятельное приложение этих сведений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковкин В. В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина / В. В. Морковкин // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Издательство МГУ, 1977. – С. 28–37.

2. Загоровская О. В. О задачах современной школьной лексикографии / О. В. Загоровская // Актуальные проблемы современной лексикографии: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. А. Чуриков. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2023. (в печати).
3. Академический толковый словарь русского языка / редакция Л. П. Крысина – М.: Издательский Дом ЯСК, 2014. – ...
4. Большой академический словарь русского языка / редакция К. С. Горбачевича, А. С. Герда. – М.-СПб.: Наука, 2004. – ...
5. Большой универсальный словарь русского языка / редакция В. В. Морковкина. – М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018. – 1451 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985 – 1988.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: РАН, 2008. – 1164 с.
8. Национальный корпус русского языка. 2003 – 2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
9. Загоровская О. В. Методологические принципы подготовки учебных словарей в Воронежской лингвистической школе общей и учебной лексикографии / О. В. Загоровская // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2019. – №29. – С. 3–6.
10. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – 856 с.

*Воронежский государственный университет
Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru*

*Чурикова Е. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: anelem15@yandex.ru*

*Voronezh State University
Golitsyna T. N., Associate Professor, Department of Russian
Language
E-mail: golitsina.tatiana@mail.ru*

*Churikova E. I., Postgraduate Student of the Department of
Russian Language
E-mail: anelem15@yandex.ru*

ПОЭТИКА «РАССКАЗА О БРОДЯГАХ» В. Г. КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ»
(1885): СУБЪЕКТНАЯ СФЕРА, СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СИСТЕМА,
ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ / ЧУЖОЙ (ДРУГОЙ)»

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: в настоящей статье анализируется рассказ В. Г. Короленко «Соколинец» с точки зрения нарратологии, что высвечивает важные аспекты сюжетно-композиционной системы, позволяет выявить функцию оппозиции «свой / чужой (другой)» и, в конечном итоге, дает возможность уточнить суть некоторых идеологических принципов писателя: о стремлении человека к свободе, об отношениях личности и общества.

Ключевые слова: Короленко, рассказчик, analepsis, prolepsis, образ «другого», жанр, свобода.

Abstract: this article analyzes V. G. Korolenko's story «The Sokolins» from the point of view of narratology, which highlights important aspects of the plot-compositional system, allows us to identify the function of the opposition «one's own / someone else's (other)» and makes it possible to clarify the essence of some of the ideological principles of the writer: about a person's desire for freedom, about relationships individuals and societies.

Keywords: Korolenko, narrator, analepsis, prolepsis, the image of the «other», genre, freedom.

В. Г. Короленко прожил сложную и яркую жизнь, стяжал славу бунтаря, борца за свободу, справедливость и достоинство человека, заслужил репутацию автора произведений «об отношениях властных структур и личности, попавшей в острог и отправленной в ссылку» [9, 64]. В 1879 г. за революционную деятельность писатель был сослан в Вятскую губернию, а впоследствии, в 1880 г., за «самовольную отлучку» свободолюбивый Короленко отправился в Западную Сибирь. На этом злоключения не закончились, и бунтарь, некоторое время находившийся в томской тюрьме (1880–1881 гг.), оказался на поселении в Перми. В 1881 г. Короленко прибыл (разумеется, не по своей воле) в Амгинскую слободу (Якутия), и многие реалии сурового края нашли свое отражение в произведениях о бродягах, каторжанах, острогах.

Как видно, «Соколинец» — рассказ автобиографический, в свое время он пользовался большой популярностью и получил признание в либерально-демократических читательских кругах. Было отмечено и мастерство Короленко, например, А. П. Чехов сообщил автору следующее: «Ваш “Соколинец”, мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подска-

зываются художнику его инстинктом. Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища...» [8, 176–177].

Композиционно «Соколинец» создан как «рассказ в рассказе», поскольку «первый рассказчик» («открыто организующий своей личностью весь текст» [3, 34]), *политический* ссыльный, включает в свое повествование историю о побеге с Соколиного острова «второго рассказчика», *неполитического* ссыльного, бродяги Василия. Герои, конечно же, различаются и манерой повествования, и социальным происхождением, но есть и нечто общее, что для самого Короленко чрезвычайно важно. Взаимодействие двух носителей речи создает некую «конфигурацию голосов», которая интерферирует с «конфигурацией эпизодов», если под *эпизодом* понимать «участок текста, характеризующийся единством места, времени и состава действующих лиц» [7, 37]. Система эпизодов, связанная с бытом «первого рассказчика», прообразом которого является сам Короленко, тяготеет к мимесису, характеризующемуся повышенной обреченностью: читатель получает возможность ознакомиться со своеобразной тропикой (соединение эпитетов и «логических» определений (в терминологии Б. В. Томашевского) с метафорами), рисующей достаточно мрачную картину одиночества и безрадостной жизни в *чужой* стороне. Открывающие экспозицию рассказа «тяжелые впечатления молчания и мрака»,

«неуклюжий пенат якутского жилья» (о камельке), «мертвящий якутский мороз» [4, 94] поддерживают «создание саспенса» [6, 348], характерного для *пролеписиса* (по учению Ж. Женетта, это «опережающее» повествование, предвосхищение событий). Зловещий северный пейзаж, интерьер убогой юрты, тоска, тревога, ощущаемые «первым рассказчиком», поддерживают утверждение о том, что пролеписис «побуждает к предугадыванию ответов, которые в будущем приведут к разгадке тайны» [там же]. *Тайна* в данном случае — это прошлое людей (каторжан, ссыльных, бродяг), попавших на Север не по своей воле, мотивация их поступков.

Неожиданный ночной визит в одинокую юрту «бродяги» Василия знаменует появление «таких эпизодов», которые представляют «нарративную артикуляцию повествованием диегетической цепи событий повествуемого мира» [7, 37]. Диегезис характеризуется, как известно, «буквальным» описанием определенной *истории* (например, побег с острова, носящего «говорящее» название Соколиный), и здесь уже вступает в силу сказовая манера повествования с ее просторечиями («конину жрут», «падаль, прости господи, и ту трескают... тьфу»), установкой на устную речь («Наша-то сторона, Расея...»), что обуславливает *аналепсис* (рассказ об уже произошедших «реальных» событиях), который, в частности, «в русской криминальной прозе» уходит от мистики и акцентирует «социальные факторы», делающие «преступление неизбежным» [6, 348]. Если «первый рассказчик» сослан за политические убеждения, то Василий явно погружен в преступную среду, связанную с незаконной добычей золота, продажей спирта, общением с подозрительными личностями, которые воруют, разбойничают и безвозвратно отдаляют его от прошлой жизни (когда он еще «родителей слушал»).

«Диегетическая цепь событий» связанного с «бродягой» и им же *рассказанного* мира тяготеет к изображению «наиболее распространенных мотивов художественной прозы Короленко», а именно: «дороги, встречи, свободы» [1, 38]. Указанные мотивы правомерно рассмотреть с «физической точки зрения», то есть «положения в пространстве» [3, 21] субъектов речи, имеющих различное «поле зрения» [там же], находящихся в разной степени отдаления от описываемого ими, что меняет ритм повествования, определяет эмоциональный тон и нравственную оценку происходящего.

Физическая точка зрения характеризуется «не только удаленностью носителя речи от изображаемого предмета, но и так называемым углом зрения, то есть их взаимным расположением в пространстве» [3, 22]. От недоверия к гостю незнакомому и сначала невидимому (пока Василий привязывал лошадь на улице) и даже от опасения общения с человеком, «прошлое которого запятнано кровью» [4, 97], «пер-

вый рассказчик» переходит к другому настроению. Перешагнувший порог юрты человек предстает привлекательным, располагает к доверию и общению: «Когда он откинул свой трех на плечи, я увидел молодое, раскрасневшееся от мороза лицо мужчины лет тридцати» [4, 98]; «Я действительно знал Василия по слухам <...> он был одним из немногих, предпочитавших трудовую жизнь» [4, 101].

Рассказ Василия о побеге и жизни на Севере в целом расширяет художественное пространство произведения, у читателя возникает ощущение, что он видит этот суровый край «сверху», с высоты полета птицы (ведь герой — «соколинец!»). Динамичное повествование о приключениях беглеца наполнено интереснейшими подробностями незнакомого нам быта: об особенностях якутских лошадей, о характере добродушных якутов (чьи юрты овевались ветрами с «Великого океана»), о лихих всадниках-татарах («поклонники Магомета»), об «унылой красе» края, где «снега уходили вдаль ровною пеленой, чернела гребнем тайга, синели дальние горы» [4, 133]. Отметим, что обширная топонимическая сфера (поле художественной деятельности «концептированного» автора) несколько противоречит ощущениям безысходной тоски, охватившей обоих рассказчиков («Холодно и жутко... Ночь притаилась, охваченная ужасом»; «лицо Василья сохраняло пасмурное выражение»). Упоминания об Японском море, Лаперузове проливе, Сахалине, порте Дуэ, Тархановой заимке, Николаевске, Дикманской пади, Иркутске, реках Учур и Алдан добавляют повествованию объективности, а «просветительские» примечания автора (лексика «чужого» языка: догор — друг; улус — округ; бергес — шапка и пр.) отделяют его от персонажей, призывают поверить, что этот далекий край по-своему, безусловно, интересен, красив и манит настоящих путешественников, не боящихся трудностей.

Отметим, что «топонимический текст» тяготеет к *итеративному* повествованию («один нарративный фрагмент охватывает вместе несколько случаев одного и того же события» [2, 356]), что приближает рассказ к бытописанию и даже к документальной прозе, показывает интерес самого автора (Короленко) к не такому уж «унылому» и откровенно «враждебному» для его героев Северу. Но эмоциональная окраска рассказа Василия, конечно, отмечена *сингулятивом* (один раз изложено то, что случилось однажды, по женеттовской формуле — 1П/1И), что роднит ощущения «бродяги» и интеллигентного рассказчика-ссыльного, обуславливает доминирующее настроение тревоги, ожидание опасности, мысли о безысходности: «Навсегда... в этом гробу, навсегда!» [4, 95].

В «Соколинец» заслуживает пристального внимания изображенное *время* (повествование «первого рассказчика», «второго рассказчика», а также время «совершения действия» [3, 24] Василием (одним из героев), его мытарств. «Первый» субъект речи отмечен

положением в хроносе, которое назовем «сейчас», «второй» также повествует «сейчас», но о прошедших событиях (побег, убийство охранников, путешествие по тайге). Рассказ «бродяги» позволяет автору «концептированному» ввести множество персонажей (арестанты, «бывалый» бродяга Буран, «гиляк» (представитель северной народности) Оркун, лихие черкесы, добрый старичок-чиновник Самаров, верный товарищ Ахметка и другие), что делает «многонаселенный» рассказ ярким, «живым», наполненным «сочными» деталями, раскрывающими характеры представителей многонационального сибирского населения. «Первый» рассказчик, казалось бы, дистанцируется от этой разнородной и небезопасной публики (можно встретить «взламывавшего замки, воровавшего лошадей или проламывавшего темной ночью головы ближних» [4, 97–98]), но при этом «чужие» (например, Василий) все-таки чем-то очень близки интеллигентному и образованному ссыльному, томящемуся в дальней стороне, мучимому «неразрешимым» вопросом: «Я забыл о том, что привело его в тюрьму и ссылку <...> Я видел в нем только молодую жизнь, полную энергии и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?» [4, 134].

«Неразрешимые вопросы», не дающие покоя обобщенным рассказчикам, могут получить ответы при рассмотрении «идейно-эмоциональной» точки зрения, в частности, через оппозицию «свой / чужой (другой)». Как известно, «любой отрывок художественного текста является оценочным», так как в нем «в той или иной степени раскрывается идейно-эмоциональная точка зрения, которая выражается через отношение субъекта речи к описываемому, изображаемому, а в конечном счете — к действительности» [3, 27].

Выше отмечалось, что понятия «свой» и «чужой» (иногда более нейтрально — «другой») предстают как достаточно неопределенные и размытые множеством деталей, дополнительных оттенков и сомнений, высказываемых персонажами. С одной стороны, «первый рассказчик» обозначает границу между «родом с Урала», временно обзаведшимся хозяйством (изба, засеваемое им поле, корова) *бродягой* Василием и «нашею братиею, интеллигентными людьми, заброшенными судьбой в эти далекие страны» [4, 101]. Сам бродяга имеет два имени и сообщает, что «по-здешнему» он зовется Багылаем, а «по-расейски» («настоящее-то») — Василием, и это показывает, что он не равен самому себе, его удовлетворенность своим оседлым, «законным», положением на самом деле мнимая.

Образованный, интересующийся местными нравами рассказчик сообщает, что доброжелательные якуты оказывают поселенцам значительную помощь (чтобы те не стали разбойниками и не доставляли хлопот), при этом, не совсем доверяя им, стараются поскорее выпроводить «чужаков» на прииск и так из-

бавляются от «неудобных граждан». Отмечается, что «в глаза» называют бродягу Василием Ивановичем, а «за глаза» — Васькой. Как видно, и таким образом подтверждается указанная оппозиция.

Быт сибиряков сильно отличается от «расейского», и это не радует Василия, воспринимается как «чужой» (неприемлемая пища, разное содержание лошадей), однако именно «гиляки»-рыбаки спасли голодных беглецов, дав им рыбы на уху. «Своими» оказались старичок-чиновник Самаров (специально приплывший на лодке к неосторожно разведшим огонь бродягам), купец Тарханов, щедро снабдивший их пищей, а «чужим» стал охранник кордона Салтанов («из нашего-то брата не один от него смерть себе получил» [4, 122]). Другими становятся черкесы, русские и татары, они, по словам Ахметки, «товарища», «вместе бродяга ходил». И это уже другое отношение к понятиям «чужие» и «свой».

Показательно переходит роль рассказчика от Василия и его товарищей (осужденных преступников, беглецов) к «интеллигентному» ссыльному, что в тексте маркировано сменой повествования — от сказа к несобственно-прямой речи и предложениям «первого рассказчика». В небольшом фрагменте может присутствовать реплика, переполненная просторечиями («Износился ты аль нет, это дело твое. Не дойдешь, помрешь в дороге, — за это никто не завинит; а ежели ты подвел одиннадцать человек под плети, то обязан идти» [4, 113–114]), а с ней соседствует явно ироничное заявление, принадлежащее собеседнику Василия-Багылая («Что же, небось весело было в путь отправляться?» [4, 114]). Несобственно-прямая речь (в сочетании с выделенным кавычками отрезком текста), обозначающая отношение к происходящему двух рассказчиков, также часто присутствует в «рассказе бродяги»: «Беглецы “стали на молитву”, отслужили нечто вроде молебна на этот случай по особому арестантскому уставу, попрощались с Бобровым и двинулись в дорогу» [4, 114]. Само *сближение* серьезного отношения Василия к молитве перед грядущими преступлениями, даже убийствами и явно ироничной оценки, исходящей от «первого рассказчика» и самого автора («нечто вроде молебна»), свидетельствует о том, что их всех объединяет: стремление к свободе и ненависть к неволе. Неслучайно ссыльный «интеллигент» признался, что рассказ бродяги и убийцы «кровь взбудоражил» в нем, потому что от него веяло «поэзией вольной волюшки», «пахнуло ... призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи» [4, 134]. Данный миметически (образно) выраженный гимн свободе, подытоживший «нарративную артикуляцию <...> диегетической цепи событий» [7, 37] страдальческой бродяжьей жизни, унылого быта ссыльных, становится точкой сближения столь разных персонажей. Видимо, отсюда происходит справедливый вывод исследователей твор-

чества Короленко о том, что этот писатель, много рассказавший о человеческих страданиях, вовсе не хотел, чтобы читатель вынес из его произведения ощущение тоски, мрака, безысходности и отчаяния [см. об этом: 5, 18–26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вечерок О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие художественной прозы В. Г. Короленко / О. Н. Вечерок. — Полтава: ПолтНТУ, 2014. — 142 с.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. — Т. 1–2 / Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. [<http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru1-2-1998-1.pdf> [Дата обращения: 16.12.2022 г.].
3. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.
4. Короленко В. Г. Рассказы / В. Г. Короленко. — М.: Художественная литература, 1983. — 352 с.
5. Михайлова М. В. Элементы «нового реализма» в поэтике рассказа В. Г. Короленко «Не страшное» (1903 г.) / М. В. Михайлова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2003. — № 4. — С. 18–26.
6. Рейтблат А. И. Дореволюционная русская уголовная проза глазами нарратолога (Рец. на кн.: WHITEHEAD C. THE POETICS OF EARLY RUSSIAN CRIME FICTION 1860–1917: DECIPHERING STORIES OF DETECTION. CAMBRIDGE, 2018) / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. № 3 (175), 2022. — С. 343–350.
7. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь: ТГУ, 2001. — 60 с.
8. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 11. Письма. 1877. — 1892. — М.: ГИХЛ, 1956. — 702 с.
9. Шпиляева Г. А. К вопросу о нарративных стратегиях Ф. М. Достоевского, Н. М. Соколовского, А. П. Чехова (тюрьма, ссылка и каторга в документальной и художественной литературе второй половины XIX века) / Г. А. Шпиляева, В. А. Бондаренко, О. А. Горбачевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2021. № 2. — С. 64–70.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., аспирант Воронежского государственного педагогического университета

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

Email: 19alex04@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Postgraduate Student*

*Jilin State Pedagogical University (China)
Skobelev D. A., Candidate of Philology, Lecturer
Email: 19alex04@mail.ru*

ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ В ПОЭМЕ К. М. СИМОНОВА «ПОБЕДИТЕЛЬ»

И. Н. Коржова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Московский финансово промышленный университет «Синергия»

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье выявляются жанровые каноны, отразившиеся в структуре поэмы К. Симонова «Победитель», посвященной Н. А. Островскому. Ключевыми из них стали романтическая поэма-исповедь и жанровая форма «текст о тексте». Влияние агиографического канона сказывается опосредованно, через роман «Как закалялась сталь».

Ключевые слова: Симонов, роман воспитания, житие, романтическая поэма, исповедь, тело — тюрьма, тело — темница, текст в тексте.

Abstract: the article reveals genre canons reflected in the structure of K. Simonov's poem "The Winner" dedicated to N. A. Ostrovsky. The key ones were the romantic poem-confession and the genre form "text about the text". The influence of the hagiographic canon affects indirectly, through the novel "How the Steel Was Tempered".

Keywords: Simonov, novel of upbringing, life, romantic poem, confession, body — prison, body — dungeon, text in the text.

Поэма К. М. Симонова «Победитель» (1937 г.) относится к ранним произведениям поэта, прокладывая ему путь в большую литературу. Она посвящена памяти Николая Островского, который (как, впрочем, и его герой Павка Корчагин) стал прототипом главного героя поэмы. При ее появлении в свет критика обошла поэму стороной, через несколько лет о ней отзывались как об этапной, но неудачной вещи, в которой, по мнению Е. Трощенко, «непоэтичность системы Симонова не сочетается с поэтичностью сюжета» [1, 234], сходное суждение высказал И. Гринберг [2]. В монографии о творчестве К. Симонова С. Я. Фрадкина подробно остановилась на поэме как первом произведении, в котором найден подлинно симоновский герой. Исследователь отмечает, что основой сюжета стал лишь последний период жизни Островского. Такая избирательность объяснялась интересом Симонова к 1930м годам — времени «надвигающейся битвы» [3, 22]. Жанровые черты поэмы не ставились в фокус исследований, между тем обращение к этому аспекту позволяет углубить представление о реальных направленных связях становящейся литературы социалистического реализма и косвенно проливает свет на рецепцию младшими современниками личности и творчества Островского. Уже тогда в восприятии образа обнаружились некоторые экзистенциальные ноты, которые делают актуальным роман Островского и по сей день. В задачу статьи входит выявление жанровых моделей, повлиявших на поэму К. М. Симонова «Победитель»,

а также установление наличия подобных ориентиров в романе Островского.

Поэму «Победитель» К. Симонов начал писать летом 1936 г., когда Островский был еще жив. В самой поэме герой никак не назван, хотя канва его жизни повторяет судьбу писателя и его героя. В письме 1971 г. К. Симонов подчеркивал: «я брал за основу только образ Островского и не собирался писать документальную поэму...» [4, 588]. В 1936 г. молодой автор создал два варианта поэмы, в архиве хранится не только рукопись, но и машинопись с авторской правкой — этап окончательной отделки для Симонова. Но после смерти Островского Симонов счел необходимым изменить финал, завершив поэму смертью героя, хотя при этом не отказался от сразу возникшего названия «Победитель», которое стало звучать почти парадоксально и от этого еще более уверенно. Следует отметить, что в третьей редакции изменения коснулись не только финала. Даже после публикации поэмы в 1937 г. в № 10 журнала «Октябрь» Симонов продолжал совершенствовать поэму.

Необходимость переписать финал, отреагировав на события действительности, кажется, разрешает вопрос о том, кто является героем поэмы — Островский или Корчагин. Однако исключить влияние романа на поэму невозможно, причиной чего служит ряд фактов.

Во-первых, автобиографичность образа Корчагина и реальная основа многих отраженных в романе фактов не вызывает сомнения. В 1936–1937 гг. в силу отсутствия специальных исследований степень сходства автора с героем, их близость могла

казаться еще более тесной. В день похорон Островского в «Правде» публикуется заметка В. Киришона, начинающаяся словами «дописана последняя страница замечательной повести о Павле Корчагине» и заканчивающаяся полным отождествлением «Умер Павлуша Корчагин» [5, 4].

Во-вторых, Павка Корчагин стал образцом личности нового типа, воспитанной Октябрем. Можно говорить, что и Островский, и те, кто писал о нем самом, руководствовались одним эталоном, но сама мерка оформилась в образах во многом благодаря роману «Как закалялась сталь». Показательно, что в опубликованном в «Правде» очерке «Мужество», после которого широко читателю стала известна трагическая биография Островского, М. Кольцов обильно использует цитаты из романа [6]. В откликах на смерть писателя канву его жизни определяют все те же факты: служба в буфете, то есть исконная принадлежность к угнетенным, участие в боях за Революцию, работа в комсомоле и поездка на Шестой съезд РКСМ в Москву как высшее признание заслуг комсомольца. Хотя современный исследователь Е. Н. Бузни оспаривает, что Островский был делегатом этого съезда [7]. В ранней редакции поэмы Симонова образ также определяется названными вехами: упомянут Третий съезд РКСМ, ранняя пропаганда — чтение книг бойцам у костра, работа агитатора [8].

«Как закалялась сталь» является одним из образцовых романов воспитания. Это жанровое обозначение используют О. И. Матвиенко [9] и М. А. Литовская [10]. Однако, воссоздавая некоторые факты жизни героя, усиливающие параллель с Корчагиным, Симонов не следует по пути транспонирования жанровой модели романа воспитания в область лироэпоса. Хотя он не без оснований именовал свои ранние стихотворные произведения крупной формы повестями в стихах, здесь он избегает прямого влияния эпоса. Поэт меняет хроникальную композицию, укладывая действие в несколько часов (буквально сосчитанных в ранних вариантах), наполненных ретроспективными наплывами, которые можно воспринять как воспоминания героя. Уже это свидетельствует, что идея поступательного развития не является ключевой для Симонова. Более того, самые ранние эпизоды опубликованного варианта поэмы касаются ранения героя, все прочие вставки связаны с болезнью.

Следует сказать, что Симонов намеренно изменяет некоторые факты из жизни прототипа: герой едет для лечения в Ленинград, а не в Москву; в качестве окончательного пристанища он избирает город на Волге, что противоречит и романским фактам, и биографии Островского. Последнее место жительства писателя было, несомненно, известно Симонову. Но некоторые детали: радио, карта Испании на стене — повторяют облик квартиры Островского на Тверской. Случившаяся авария, исходом которой стало повреждение ноги (о ней Симонов упоминает в ранних редакци-

ях) — черта реальной биографии, хотя на самом деле катастрофа была автомобильной, а не железнодорожной, как в поэме. В то же время в поэме никак не отразилось героическое строительство узкоколейки в Боярке, ни одна из любовных историй. Лишь когда ослепшему герою приходит время диктовать роман, этот одиночка неожиданно оказывается женат. Зато ключевые для различных вариантов сцены поэмы (приезд друга, приход пары молодоженов, чтение романа случайно зашедшим сослуживцам) созданы творческой фантазией самого Симонова.

В романе события, связанные с болезнью и безуспешным лечением героя, конспективно изложены в последней главе — в поэме они составляют основу сюжета. О различии звучания романа и поэмы в связи с изменением удельного веса отдельных эпизодов писал Л. И. Шиндель (настоящая фамилия Л. Лазарева): «В романе Островского тема физического недуга героя вводится в произведение очень осторожно. Скупко пишет писатель о болезни Корчагина, подчеркивая, что его герой — борец, а не мученик. В поэме Симонова чрезмерное внимание автора к изображению болезни героя влечет за собой известное преувеличение темы страданий. Преодоление страданий становится в поэме едва ли не обязательным для воспитания истинного мужества, хотя автор хотел показать, что мужество рождается в борьбе» [11, 39]. Отметим, что идея изменения под воздействием опыта в целом чужда молодому Симонову, герои его ранних произведений, переживая испытания, проверяются на стойкость, а не приобретают ее.

По нашему мнению, «Победитель» Симонова — поэма не воспитания, но испытания. Хотя тема воспитания, уже не как жанрообразующее начало, присутствует в поэме. В первой редакции роман героя даже прямо назван «учебник, / Задуманный им для чужих детей» [8, 29]. Поэт сохраняет основной пафос писательства Островского и его героя: литературный труд важен как форма передачи опыта.

Герой собирает вокруг себя молодежь. Показателен вымышленный эпизод, когда к больному герою приходит за советом и за просьбой о протекции пара влюбленных. Слепой писатель и в жизни играет роль наставника, он может словом устыдить и направить молодежь. Эта изначально осознанная миссия прямого воспитания только дублируется писательством, опосредуется им. С. Я. Фрадкина считала эпизод неудачным, мотивируя писательство поэта случайностью [3]. Показательно, что Симонов позже исключил эту сцену при переиздании поэмы в 1941 г.

Итоговый, написанный после смерти Островского, вариант поэмы Симонов завершает мощным лирическим отступлением, в котором обращается к современникам. Он не скрывает, что и его произведение, как и произведение его героя, имеет воспитательную цель. И в этом смысле он повторяет цели дидактического романа в своей поэме.

Второй жанровый канон, о котором пишут в связи с романом — это агиография. Сходство функций знаковых советских романов с Евангельскими отметил еще в 1995 г. Готов, назвавший роман «Евангелием от Николая» [12]. В настоящее время проведенная им аналогия переросла в исследование сюжетных элементов канонического жития в романе. Этому аспекту посвящены работы Ю. С. Подлубновой [13], С. Г. Комагиной [14], Н. А. Красновой [15]. Но при редукции сюжета в поэме Симонова сохраняется только мотив телесного страдания, который сам по себе не может служить указанием на житие. А мотив жертвы во имя идеи с уходом эпизодов изнуряющего труда оказывается затухающим. Разумеется, дух, побеждающий плоть, соотносится с религиозным архетипом. Краснова выделяет в романе Островского внесюжетные жанровые мотивы жития — мотивы аскезы, бесребреничества, целомудрия, ангелоподобия. Но эти черты никак не акцентируются Симоновым.

Уже упоминавшаяся фрагментарная ретроспективная композиция, внутренняя неизменность героя и отодвинутость идеологем к финалу переводят конфликт в универсальную плоскость и заставляют вспомнить о наследии романтизма. В целом эстетика байронического романтизма ярко проявляется в ранних произведениях Симонова.

Поэма Симонова близка к жанру романтической поэмы-исповеди, выделяемому Н. Г. Федосеенко [16]. На русской почве, по мнению А. С. Немзера, мотив исповеди тесно сплетается с другим: «Жуковский задал связь двух важных мотивов: “тюрьма” и “исповедь”» [17, 9]. Вслед за популярным переводом поэмы Байрона «Шильонский узник», выполненным Жуковским, появились уже самобытные реализации этой формы — «Братья-разбойники» А. С. Пушкина и «Мцыри» М. Ю. Лермонтова. В этом ряду традиции особенно важен опыт Лермонтова, заключившего своего героя как бы в двойную темницу — каменную, обозначенную монастырскими стенами, и телесную, непреодолимую вовсе. Но мотив тела-тюрьмы заявлен уже в переводе Жуковского. Узник сравнивает свое заточение с существованием слепого и немом человека:

*То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой [18, 33].*

Интересно, что у Симонова грозный паралич осмыслен зеркально — через пространственную метафору:

*Если, всего безногий пока,
Не нынче, так завтра в полном сознанье
Лишится зрения и языка*

*И, обладая единственно слухом,
Станет бездонным колодцем, куда
Последние мысли скатятся глухо,
Но из которого — никогда! [4, 22]*

Прямо метафора тюрьмы звучала в первых строках самого раннего варианта поэмы, вероятно, тут и кроется зерно замысла: «Как он ненавидит присутствие тела! / Оно неподвижное. Как тюрьма...» [8, 1] и позже «не обрел он еще работы / Внутри тюрьмы, расторгавшей тюрьму» [8, 14].

Тема физической немощи и победы духа над слабостью плотью волновала юного Симонова. В 1935 г. он создает стихотворение «Детство» о мальчике, буквально младенце, силой воли побеждающем телесную немощь. Одновременно с поэмой «Победитель» написано стихотворение «Больной мальчик» о мечтателе и путешественнике, физически не покидавшем свою комнату. Отметим, что мотив и форма поэмы о духе, плененном немощным телом, могли быть актуализированы «Смертью пионерки» Э. Багрицкого. Поэтому интерес Симонова к личности Островского не дань моде, но следование внутренне значимым темам. Симонов нашел героя времени, судьба которого одновременно могла быть прочитана сквозь призму романтических схем, актуальных для молодого поэта.

Повторим, что история «победителя» исчерпывается историей его болезни, другой борьбы он в поэме не ведет. Описывая страдания своего героя в подробностях, отсутствующих у Островского, Симонов не всегда говорит о цели победы над страданиями и немощью, она самоочевидна — утверждение человеческого духа. Интересно, как благодаря анжамбману и олицетворению Симонову удается сохранить романтическую тотальность конфликта при реалистической детализации:

*Послал проклятье целому миру
Вещей, решивших ему мешать:
Лестницам с недоступной вершиной,
Порогам, которых не переступить... [4, 315]*

Для понимания интенций Симонова важно принципиальное отсутствие в поэме одного из самых ярких эпизодов романа — размышления Павки на кладбище, где он рационально взвешивает возможность самоубийства и столь же рационально, вспомнив о цели, отменяет ее. Симонов демонстративно заменяет этот эпизод другим с той же проблематикой. Пришедший к герою товарищ, испугавшись худобы больного и устыдившись собственного здоровья на фоне телесно изможденного друга, пытается похитить у больного револьвер, чем оскорбляет героя, не имевшего даже мыслей свести счеты с жизнью. Часто персонаж Симонова похож не на ревнителя идеи, пропагандиста, добивающегося возможности говорить, но на утверждающий самого себя дух.

Романтический канон порой вступает в противоречие с фабулой, взятой из романа и биографии Островского, и с прямо осознаваемыми и артикули-

руемыми идеологическими установками самого Симонова. Например, герой, ищущий общения с людьми, не мыслящий жизнь без участия в общем деле, из чувства гордости бежит оттуда, где его знали здоровым. История его переселения похожа на бегство и отшельничество, чему способствует романтическая перифраза «приют»:

*Уехать! И вот в городке на Волге
Нашелся ему постоянный приют.
Летом за окнами парни подолгу
Протяжные волжские песни поют.
Зимой за окнами бури подолгу
Ветром и снегом о землю бьют.
Стоит на обрыве над самой Волгой
Одноэтажный дощатый приют... [4, 318]*

В строках поэмы прорывается и романтическая метафорика. Герой наделен известной чайльдгарольдовской метой («С грехом пополам добрался до дома, / Кобель, не узнав, принялся брехать» [4, 315]), к которой Симонов прибегал неоднократно, отмечая ею своих любимых героев-путников, героев-бродяг. Характеристики героя включают мотивы крыльев, полета: «Гость испугался, что закричит / От страшного птичьего прикосновенья / Колких плечей и острых ключиц» [4, 319], «В августе слег с воспалением легких, / Если к нему применимо — слег. / Совсем исхудавши, сделался легким, / Неощутимым, как мотылек» [4, 321] и особенно «Как птица, спалившая крылья и перья, / Он пал в этот город» [4, 318].

Но наиболее ошеломляет эпизод, который появился уже в первоначальных вариантах и был сохранен в итоговом. Это одно из двух (в ранних вариантах их больше) изображение литературного труда героя. Сначала у жены «снова трагически не поспекает / Их [фразы] карандаш записать зараз» [4, 324]. Потом, пока герой собирается с мыслями, жена, думая, что тот уснул, покидает комнату. И, только отдиктовав страницу, слепой понимает, что не слышит шелеста карандаша. Пессимистическая мысль о тщетности излить душу, закрепить ее содержание в написанном слове противоречит пафосу поэмы, но много говорит о ее жанровом генезисе.

Романтическая эстетика, оказавшая несомненное влияние на поэму Симонова, важна и для самого Островского. Влияние на Островского романтической литературы, в частности романа Э. Войнич — широко известный факт. И речь идет о влиянии не столько на выбор жанровой формы, сколько на поведение героя и, вероятно, и автора, о жизнотворческом претворении этих идей. Артикулировано в романе и противостояние духа и тела.

Но испытывал ли сам Островский влияние поэмы-исповеди? Жанровую доминанту исповеди (как первичного, нелитературного, жанра) видит в романе К. Шрамм, причем исследователь говорит о двух уровнях влияния, как это часто происходит применительно к Островскому: о романе-ис-

поведи Павки и о творчестве самого Островского. К. Шрамм утверждает, что исповедь стала важной коммуникативной стратегией для человека тоталитарной эпохи. «Павел и Островский существуют как личности только тогда, когда они исповедуются и когда их исповедь принимается партией: *confiteor ergo sum* — исповедуюсь, значит существую» [19, 918]. В исповеди жизнь советского человека вынесена на суд партии и ищет одобрения, которое бы оправдало ее. Действительно, роман заканчивается не написанием поэмы, а ее одобрением. И не важно, насколько роман Павки передает его биографию, но это экспликация его внутреннего мира, ценностей, опыта, т.е. его «я», в итоге получающее одобрение. В этом смысле его писательство оказывается актом не творческим, а скорее экзистенциальным: через оправдание писания получает смысл вся его жизнь, а не только нынешняя.

Именно эту цель писательства педалирует в поэме Симонов. Но если в первом варианте кульминацией поэмы было признание романа боевыми товарищами героя, то в опубликованном варианте герой в большей степени исповедует в никуда, поэтому финал его поэмы — не одобрение, а окончание произведения, ради которого больному писателю даже приходится силой воли отодвигать наступление смерти и опровергать все прогнозы врачей, но с последней страницей иссякает и жизнь:

*Он должен докончить работу. И вот,
Как бы врачи на него ни глядели,
Он против всех правил еще живет.
Они предлагали с ненужной заботой
Оставить писанье — наивный народ.
Для них непонятно, что, бросив работу,
Он в ту же минуту, наверно, умрет [4, 325].*

Тождественность жизни и исповеди в слове у Островского отмечена в литературоведении. О. И. Матвиенко видит в писательстве Павки реализацию мифологемы воскресения после смерти телесной [9, 123]. Думается, в романе «Как закалялась сталь» соседствуют экзистенциальный и идеологический варианты исповеди.

Осмысление сущности писательства подводит нас еще к одной жанровой модели — «текст в тексте». О романе Островского В. Глотов говорит: «Герой здесь выступает одновременно в двух ипостасях: и Христа, и собственного евангелиста» [12]. Е. Б. Скороспелова пишет: «Как видим, Н. Островский не только создал тип борца (и героя, и жертвы) за новый строй жизни, но и мифологизировал тип писателя, характерный для кульминационного момента в судьбе литературы социалистического выбора, создал свой вариант романа о романе, рожденном жизнью и возвращающемся в жизнь» [20, 309]. Отметим, что исследователь использует все же не совсем привычный предлог в термине. Поэму Симонова тоже правомерно назвать текстом о тексте, а вот замена предлога

на привычный «в» нуждается в пояснении применительно к обоим произведениям.

«Победитель» Симонова — свидетельство того, что современники неосознанно воспринимали роман как нарративную загадку. Если характеризовать «Как закалялась сталь» как «роман в романе», перед нами открывается потаенный нарративный уровень, когда Павка-писатель оказывается внутренним нарратором. И тогда роман неожиданно оказывается в таком ряду, как «В поисках утраченного времени» М. Пруста (на других основаниях эту параллель выстраивает В. Михайлин [21, 84]), «Дар» В. Набокова, но, отметим, отчасти превосхищен «Обрывом» И. А. Гончарова. Однако особенность произведения в том, что из-за сходства субъектов разных нарративных уровней в восприятии современников и рядовых читателей по сей день нарративных уровней в романе, скорее, на один меньше, чем в реальности: личность Островского сливалась не только с внешним нарратором, но и с самим Павкой.

Эта проблема прямо поставлена Симоновым в ранних редакциях поэмы. В первой из них о романе сказано «Дневник есть дневник» [8, 28], во второй этого жанрового обозначения нет, но сохранен следующий пассаж.

*Но как бы скромности он ни жаждал,
Всего не замнешь. И в конце концов
Он с облегченьем придумал однажды
Третье спасительное лицо.
Оно под фамилией Панова,
С обычным именем Николай [8, 28].*

Хотя далее подробно рассказывается, как герой вбирает в себя не только поступки, но и мечты автора, а также деяния его друзей, важно, что Симонов относился к Павке как к alter ego Островского. Интересно, что персонаж безымянного героя Симонова сначала был тезкой самого Островского (косвенно понятно, что героя зовут иначе). Отождествить поэму Симонова с текстом, который создает его герой, конечно, невозможно, хотя бы в силу родовых литературных различий, описания похорон героя и некоторых отступлений, где слышится голос поэта как представителя молодого поколения. Но то, что основная часть является объективированными, изложенными в третьем лице, но сохраняющими психологическую точку зрения персонажа воспоминаниями героя, не вызывает сомнений. Именно для этого избрана ретроспективная композиция.

*Он пристально смотрит на белое что-то,
Где ничего, кроме стенки, нет,
Туда, где по прежним зрячим расчетам
Должен висеть его старый портрет.
Портрет перевешен. В комнате душно... [4, 313]*

Отметим это умозрительное вглядывание в себя прошлого и одновременно трагическую иронию, которая сопровождает образ героя поэмы, диссоциируя с ее общей утверждающей установкой, но указывая

на рудименты романтической традиции. Так, Симонов ставит зеркало против зеркала, множит число нарративных уровней и вместе с тем, не прибегая к монологу от первого лица, сохраняет жанровые черты поэмы-исповеди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троценко Е. Поэзия поколения, созревшего на войне / Е. Троценко // Новый мир. — 1943. — № 7–8. — С. 124–135.
2. Гринберг И. Стихи Константина Симонова / И. Гринберг // Новый мир. — 1943. — № 5–6. — С. 228–246.
3. Фрадкина С. Я. Творчество Константина Симонова / С. Я. Фрадкина. — М.: Наука, 1968. — 207 с.
4. Симонов К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Симонов. — Л.: Советский писатель, 1982. — 203 с.
5. Киршон В. Большевик — писатель / В. Киршон // Правда. — 1936. — 25 декабря. — С. 4.
6. Кольцов М. Мужество: очерк / М. Кольцов // Правда. — 1935. — 17 марта. — С. 4.
7. Бузни Е. Н. Литературное досье Николая Островского / Е. Н. Бузни. — М.: Академиздат, 2021. — 328 с.
8. РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 1. Ед. хр. 26.
9. Матвиенко О. И. Роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» и мифологическое сознание 1930-х годов: дис. ... кандидата филол. наук. / О. И. Матвиенко. — Саратов, 2003. — 280 с.
10. Литовская М. А. Советский роман воспитания / М. А. Литовская // Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х годов. Т. 1 / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. — М.: Академия, 2014. — С. 57–82.
11. Шиндель Л. И. Творчество К. Симонова (1934–1945 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Л. И. Шиндель. — М., 1954. — 506 с.
12. Глотов А. Иже еси в Марксе (Русская литература XX века в контексте культового сознания) / А. Глотов. — Зелена Гура: ALPO, 1995. — 147 с.
13. Подлубнова Ю. С. Агиографический канон в жанровой структуре романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» / Ю. С. Подлубнова // Дергачевские чтения — 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. — Екатеринбург, 2004. — С. 313–316.
14. Комагина С. Г. Трансформация архетипа змееборца в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» / С. Г. Комагина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 8. — С. 88–93.
15. Краснова Н. А. Житийные мотивы в романе Николая Островского «Как закалялась сталь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Краснова. — Саранск, 2010. — 25 с.
16. Федосеенко Н. Г. Лермонтовская романтическая поэма: своеобразие жанра / Н. Г. Федосеенко // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. — СПб.: РХГА, 2014. — С. 104–121.
17. Немзер А. С. «Столетняя чаровница» (О русской романтической поэме) / А. С. Немзер // Русская романтическая поэма. — М.: Правда, 1985. — С. 3–24.

18. Жуковский В. А. Шильонский узник / В. А. Жуковский // Русская романтическая поэма.— М.: Правда, 1985.— С. 25–37.

19. Шрамм К. Исповедь в соцреализме / К. Шрамм // Соцреалистический канон. Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко.— СПб.: Академ. проект, 2000.— С. 910–925.

20. Скорospelова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Бе-

лого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») / Е. Б. Скорospelова.— М.: ТЕИС Москва, 2003.— 358 с.

21. Михайлин В. Ре-актуализация устойчивых культурных кодов в «наивном» романе Н. Островского «Как закалялась сталь» / В. Михайлин // Культурная память. Интерпретация культурных кодов: 2008.— Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2008.— С. 63–84.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Коржова И. Н., кандидат филологических наук, докторант

Московский финансово промышленный университет «Синергия», доцент

E-mail: clean24@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Korzova I. N., Candidate of Philological Sciences, doctoral studies

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Associate Professor

E-mail: clean24@yandex.ru

ТЕМА ВЛАСТИ В РОМАНЕ СТ. МИШНЕВА «ПАСЫНКИ»

А. В. Кочкина, Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье исследуется историческая концепция современного писателя Ст. Мишнева, в центре которой — осмысление соотношения власти и народа в судьбе деревни конца XX века.

Ключевые слова: современная русская литература, постдеревенская проза, реализм, Ст. Мишнев, «Пасынки».

Abstract: the article studies the historical concept of the modern writer St. Mishnev, in the center of which is the understanding of the relationship between power and people in the fate of the village at the end of the 20th century.

Keywords: modern Russian literature, post-village prose, realism, St. Mishnev, «Stepchildren».

Постдеревенская проза — одна из актуальных тенденций развития современной литературы. Ее возникновение можно связать с несколькими показательными чертами литературного процесса начала XXI в. Во-первых, это поворот в сторону реализма, произошедший в современной культуре в целом, и, во-вторых, интерес к литературе нон-фикшн, документализму, фактографическому письму. Возможно также, что расцвет постдеревенской прозы со свойственным ей аналитизмом и желанием выстраивать не только эстетические, но и исторические контексты, является выражением характерного для современной литературы интереса к истории, прежде всего, XX века, с поиском в ней ответов на вопросы, касающиеся современности (З. Прилепин, Г. Яхина и др.).

Постдеревенская проза развивается на стыке литературы и публицистики, поднимая острые проблемы современности. Сама художественная ткань также воплощает эту тенденцию. Так, сюжетная модель журналистского расследования используется в романе Р. Сенчина «Зона затопления». Пример серии текстов (циклизация — черта очерковой прозы) представляет собой «Двор прадеда Гриши» В. Отрошенко, «повесть из десяти новелл и эпилога», объединенных проблематикой и кругом героев. Лирико-эссеистическое начало присутствует в «повести сердца» «Дом в деревне» А. Варламова. Авторская позиция в постдеревенской прозе становится заостренной, нередко прямолинейно выраженной за счет присутствия в тексте автобиографического героя и прямо-оценочной публицистической стилистики высказывания.

Значимым моментом в осмыслении постдеревенской прозы стал выход «Зоны затопления» Р. Сенчина и появление спровоцированной романом критики.

В 2015 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Е. Погорелой «Промежуточные итоги», где прозвучала мысль об ответе литературы на читательский запрос: «От литературы потребовали правды жизни — не усеченного натурализма периода 1990-х, а выпуклой достоверности и подробного, аналитического осмысления реальности как она есть» [4, 220].

Обращаясь к уже ставшей классикой XX века деревенской прозе, авторы новой прозы о деревне как бы отвергают связь с предшествующим литературным десятилетием. Их эстетическими и, что еще важнее, нравственными ориентирами становится творчество В. Распутина (Р. Сенчин), Б. Белова, В. Шукшина (А. Варламов, С. Мишнев) и др. [7]. В то же время это литература нового толка, предполагающая возможность экспериментирования с формой при сохранении остроактуального содержания. Так, А. Рудалев усматривает в ней «синтез производственного романа с деревенской прозой» [6].

Исследование постдеревенской прозы нередко выстраивается по пути поиска сходств и различий с ее пратекстом — деревенской прозой. Д. Грицаенко в качестве едва ли не основного отличия произведения Сенчина и прозы Распутина называет то, что в «Зоне затопления» «главный герой романа — власть», и это «принципиально отличает Сенчина от Распутина, не коснувшегося этой темы, зато уделившего больше внимания психологизму» [2, 215]. Возможно, акцентирование темы власти является универсальным смысловым признаком текстов постдеревенской прозы, спровоцированным, что называется, духом эпохи. Вместо более характерного для прозы деревенщиков противостояния города и деревни в новейшей литературе о деревне мы наблюдаем противостояние власти и народа. Деревня становится значимым, но все же частным случаем,

наиболее показательно фиксирующим драматизм исторического момента. Не случайно А. Рудалев говорит в своей статье также и о судьбе моногородов, расположенных на тупиковых транспортных ветках, и судьбе городов малых, расположенных в сутках поездного пути от центра [6].

Предметом нашего внимания будет осмысление темы власти в творчестве вологодского писателя Ст. Мишнева. В романе «Пасынки» категория власти подвергается системному художественному осмыслению, ложится в основу исторической концепции писателя. Будучи вписанным в современную действительность и оттого остро переживая происходящее («жестоко испохабили мы мир» [2, 18]), Ст. Мишнев ставит перед собой задачу понять причины социального разлома, который пережила страна в 90е годы XX века. С его точки зрения, это не что иное, как «судьбоносный крест России» [18], данный «в отместку» [18] за прошлые ошибки, совершенные политической властью. Подобный авторский замысел предопределил основанную на приеме ретроспекции рамочную композицию «Пасынков», выполняющую не только сюжетообразующую, но и идейную функцию.

Главный герой романа — свидетель и непосредственный участник становления советского государства, бывший председатель Конякинского сельсовета Афанасий Мылов. Ранее «беспощадный коммунар и железный коммунист» [2, 20], а ныне восьмидесятилетний старик, он подводит итоги прожитой жизни. Воспоминания Офони позволяют погрузиться в события первой половины XX века, дать оценку власти и обнаружить следствия эпохальных событий, предопределивших исторический путь России, в дне сегодняшнем («На старый полоз встаем <...>. Через таких, как ты, недоумков здрыхнувших, и разорили деревни» [2, 26]; «нескоро выхлебаем» [2, 157]).

Исследуя категорию власти, автор фокусируется на конфликте ‘человек’ — ‘государство’, представленном в «Пасынках» как вечный («землепашцев испокон веку доили и доить будут, планида у нас такая» [2, 70]). Однако если при царе, несмотря на многочисленные подати, как отмечают герои-крестьяне, «справно жили» [2, 96], «о своем хозяйстве» [2, 96], то коммунисты «вознамерились ограбить свой народ» [2, 90]. В «Пасынках» из уст крестьян неоднократно звучат неодобрительные оценки советской власти, разрушавшей традиционное мироустройство насильственным путем («воры» [2, 144], «шайка-лейка» [2, 150], «власть <...> оказалась — теткина» [2, 224]). Партия, поставив ультиматум крестьянину («Кто не с нами, тот на балалайке медведей играть учить станет» [2, 213]), проводила идеологическую и физическую расправу над несогласными («собрание <...> как бой смертельный!» [2, 69], «много их постреляли» [2, 237]). Запуганный народ «ощетинивался» [2, 65], все больше озлоблялся и, в конце концов, ослабевал в неравной схватке с властью.

Страх — лейтмотив, характеризующий состояние крестьянина в конфликте ‘человек’ — ‘государство’ («напал на меня страх» [2, 61], «конякинский мир боялся новизны» [2, 65], «колхозники собственного вздоха бояться» [2, 252]). Как результат — «пассивный прогиб деревни перед нашествием» [8, 4] власти пролетариата, культ которого развенчивается в романе С. Мишнева. Политическая власть 90-х в лице «депутатских заболоченных платформ» [2, 30] также не снискала народного доверия, она воспринимается людьми исключительно как враждебная сила («Всякая власть против народу!» [2, 30]).

В главах романа, хронотоп которых соотносим с 20–40-ми годами XX века, С. Мишнев последовательно утверждает «самозванную сущность» [5, 19] советской власти. Свидетельство этому — изображение ее антистратегий и антипоступков, идущих вразрез с многовековыми народными ценностями и традициями. К таковым можно отнести инициированную после гражданской войны политику И. Сталина, понимавшего, что устои православия — системы духовно-нравственных координат прошлого — еще не сломлены. «Потому-то первый удар был нанесен именно по быку, на котором стояла Русь. <...> Для окончательного уничтожения русского духа», — выразил убежденность в одном из интервью писатель [8, 4]. В «Пасынках» для представителей власти вера — это «опиум» [2; 101, 104, 105, 112, 134], а церковь — враг, «вроде царского генерала, которого надо вздернуть на фонарь» [2, 90]. В соответствии с Декретом, «откинувшему веру на задворки жизни» [2, 158] и вызвавшим непонимание и возмущение священнослужителей и простого народа, православные храмы разрушались («упал Иван-царь на клеть, столбом взметнулась кирпичная пыль, до земли содрогнулась церковь» [2, 113]), осквернялись («нагадили в пазы, где иконы стояли» [2, 117]) теми, кто называл себя новой властью, поставившей цель установить иные, отличные от прежних правила жизни. Конякинцы Офоня Мылов и Гришка Лобач без раздумий бросились уничтожать «сторожевого пса царизма» [2, 74]. Для односельчан они «обсевки» [2; с. 46], «охвостье» [2, 150], «прощелыги» [2, 182].

Кроме того, в романе подвергается осуждению политика партии, направленная на искоренение эксплуататоров-кулаков, а в действительности — зажиточных крестьян, которыми испокон веку сильна была русская деревня. «Закачалась старина» [2, 118]: лодыри, бездельники, безлошадники — теперь «надежда» [2, 192] советской власти, а рачительные хозяева — враги, подлежащие ликвидации. Калейдоскоп человеческих трагедий изображен на страницах романа. Раскулачили семью мельника из Конякина, мужика по прозвищу Мозоль из деревни Казенной, сыновья которого служили в Красной Армии. Изъяли пятистенок хуторянина Ивана Ермолина. Сере-

га Кузнецов, не смирившийся с описью имущества и не стерпевший вызывающе пренебрежительного поведения комиссии, вместо Офони случайно застрелил собственную жену. «Ревели напуганные малые, причитали бабы, в истерике бился в руках Парфена Серега» [2, 209]. Погибла в дороге и высланная из Конякина семья крестьянина Бориса Непросужего. Сам он был заколот штыком.

Так шаг за шагом все связи с неугодным прошлым целенаправленно разрушались коммунистами. Взамен народу насильственно насаждались («VIII съезд сказал» [80]) новая идеология и новый уклад жизни. Утверждался атеизм («Бога нет <...>, есть живой человек, есть природа, которая <...> боится разума и работы!» [2, 114], «Без Бога широка дорога» [70]), провозглашалось, что бедняк — «крепость советской власти» [2, 67], а царизм — «болото» [2, 129], пережиток прошлого («проклятое царство» [2, 129]). На смену, казалось, непоколебимым константам существования, среди которых русская соборность как «духовно-организационное единство нации» [3, 7] и осмысленный труд на собственном земельном наделе, пришли утверждаемые советской властью новые формы человеческого общежития — коммуны и колхозы. Идущие наперекор привычному укладу жизни и традиционной системе ценностей, они осуждаются в художественном мире романа и героями, среди которых крестьяне и интеллигент Золотухин («кладбище коммунары сметанинские распахали» [2, 163], «коммуна не то!» [2, 166]; «физическое и нравственное истребление народа!» [2, 222]), и текстовым автором («Первые годы жизнь в артелях была похожа на мельничные жернова, пущенные вхолостую» [2, 217], «Стал народ грубеть через эти трудодни» [2, 217]).

Осмывая советскую власть как самозванную, Мишнев демифологизирует ее. В романе создан сложносочиненный художественный образ власти, каждый уровень которого демонстрирует пороки как отдельных ее представителей, так и политической системы в целом. Так, верховная власть являет себя опосредованно через тексты Декретов и резолюций съездов. Вознамерившаяся перекроить сознание русского человека, она создала идеологию, претендующую занять место попорченной веры. Так, в тексте упоминается «ленинская триединая программа» [2, 185], которая может быть интерпретирована как аллюзия на религиозное учение о трех лицах единого Бога («обопришь на бедноту, устанавливай согласие с середняком, ни на минуту не прекращай борьбы с кулаком» [Там же]). Сам Ленин в устах представителей власти более низкого уровня обожествляется («На святое замахнулся» [2, 222]). В то же время в тексте романа подчеркивается, что именно под руководством советских вождей в стране стали возможны «и красный террор, и гражданская война, волнения, расстрелы» [2, 87].

Реализовывать установки новой власти в послереволюционную эпоху на местах были призваны, по выражению С. Мишнева, «бойцы <...> и золотари» [8, 4]. Таким бойцом в «Пасынках» выступает Исаков — «уполномоченный губкома партии» [2, 183], которому было поручено провести идеологическую работу среди населения вологодских деревень и обеспечить сплошную коллективизацию. «До последней капли крови отравленный идеями мировой справедливости» [8, 4], одержимый властью, Исаков понимал поставленную перед ним задачу с позиции силы: «перешибить хребет» [2, 183] местным кулакам, «разнести по ветру непокорные лачуги» [2, 67]. Собрания жителей Конякина, организованные Исаковым, демонстрируют его установку влиять на людские умы запугиванием и прямыми угрозами («заставить осиновыми листками трепетать непослушных» [2, 67], «положить бы вас, своих, под пулеметную строчку» [2, 72]).

Введенные в состав исполкома Офоня Мылов и Гришка Лобач — те самые беспринципные «золотари», чьими руками творились в волостях бесчинства и террор населения. Будучи порождением своего времени, Офоня усвоил, что, чтобы выжить, необходимо «прибаваться ближе к власти» [2, 180], держаться сильных. Этот «злой сор» [2, 57], который «дала <...> революция» [2, 57], став «рабом самых диких своих прихотей» [2, 173], карал несогласных, мстил деревенским за неуважение: теперь он «царь и бог!» [2, 214]. Можно утверждать, что с образом Мылова связан традиционный для классической русской литературы «феномен самооборачиваемости раба в тирана» [4, 17], что еще раз подчеркивает самозванство власти.

Введение подобных знаковых героев в систему персонажей предопределило наличие ряда мотивов в сюжете романа С. Мишнева: мотива хаоса («время на деревне после революции пошло незавидное: <...> зависть, неуважение старших, глумление над всем, во что недавно верили» [2, 39]; «будто смотрю откуда-то снизу на перевернутые облака» [2, 117], «Теперь все можно» [2, 109] и др.), мотива озверения («охлаодить раззлотившегося зверя» [2, 73], «от показной собачьей преданности» [2, 77], «набежал Исаков-волк» [2, 107], «змея лютой до народу» [2, 182], «он телом своим выгладил тропу звериную» [2, 216], «запах <...> крови» [2, 216] и др.). Более того, с образом харизматика-идеолога Исакова и обсева Мылова утверждается дьявольское начало политической власти («осатанел Яшка» [2, 65], «завозился злобный бесенок» [2, 92], «идут путем Каиновым» [2, 93], «это и есть антихрист» [2, 109], «теперь мне сам черт не страшен» [2, 125] и др.). В этом контексте власть 90-х в художественном мире романа выступает преемницей своей предшественницы, о чем пророчески предупреждал отец Михаил, конякинский священник («Это еще не самое худое время» [2,

128]). Читаем в романе Мишнева: «Душу вы о тридцатых годах из людей выдернули» [2, 24] — «теперь за тело Дьявол берется» [2, 24]; «из каких рекрутов он подручных нынче набирает?» [2, 24]; «эти похлеще вас будут» [2, 24]; «Вы бы с Яковом-то и кости с кладбища продали» [2, 26] — «эти землю за пятак продадут» [2, 24]. Подчеркнем, что и послереволюционные годы, и период после распада СССР представлены в романе С. Мишнева как смутное время, когда «одержимость людей злым духом лишает их человеческого облика» [3, 22].

Однако критицизм в репрезентации темы власти не исключает в «Пасынках» объемности авторской позиции. В тексте романа отмечается, что местная власть в лице председателя исполкома Кифы Андреевича Зыкова и главы волостных коммунистов Филата Матвеевича Панкратова человечна, подвергает сомнению линию партии («Церковь снесем и сразу переродимся?» [2, 72], «Незаконно это» [2, 79]). И Кифа, и Филат — «персть земная» [2, 33], они укоренены в деревню, ее быт и многовековые устои, понимают озабоченности и тревоги народа («Не будет того, чтобы всякое ворье нами помыкало!» [2, 188], «Мы этой борьбой, в которую нас суют, сжигаем себя» [2, 203]). Герои вынуждены поступать против своей воли («Четыре амбара хлеба полнехоньки стоят, а не тронь, государственный запас» [2, 257]), им приходится лавировать между потребностями народа и задачами партии («Между молотом и наковальней, шпцты-та я» [2, 159], «Верхам количество подавай, а качество...» [2, 269], «а ночью... за восемь бед один ответ, уж кто сколь может [2, 256]). Власть для Кифы Андреевича и Филата Матвеевича — тяжелая ноша, ответственность, которую они взяли на себя, вступив в борьбу за достижение «победного часа коммунизма» [2, 188]. С образом председателя Зыкова в романе утверждаются мотивы вины и стыда за результаты властных инициатив («Метался Кифа Андреевич, проклинал свою должность» [2, 204], «Подлые мы люди» [2, 211], «Двадцать шесть лет трясем, людям спокойно жить не даем» [2, 230]).

Но и подобных героев стремящийся к объективизму автор не идеализирует. В его концепции действительности тема власти освещается через призму дискредитации ее представителей. Власть имущие на местах одинаково не понимают сути общественно-политических процессов, запущенных революцией, часто руководствуются расхожими лозунгами, ознаменовавшими послереволюционное время («Он отдавал дань моде» [2, 80], «А как и что из этого получится, он не задумывался» [2, 117], «Основные разгромные пункты вызубрил» [2, 196], «Народ <...> работает, так что же верхам надо?» [2, 201]).

Таким образом, тема политической власти является центральной в романе С. Мишнева. Она вынесена в заголовок произведения. В авторской интерпрета-

ции, пасынок — это власть, утвердившаяся в период социально-политического разлома и выступившая против русского народа. Более того, с темой власти в романе сопряжены элементы поэтики и все прочие содержательные компоненты: несовпадение сюжета и фабулы, темы уничтожения традиционного уклада жизни на селе и искоренения веры, проблема раскрестьянивания мужика, конфликт частного человека и государства и обусловленные им мотивы озверения и страха и др.

Демифологизация и дискредитация — ведущие авторские стратегии в процессе создания образа власти, демонстрирующие ее самозванство и утверждающие отрицательную авторскую оценку.

Можно заключить, что художественное осмысление власти позволило С. Мишневу обнаружить истоки умирания русской деревни, выступающего, в соответствии с логикой творчества вологодского писателя, маркером глубокого кризиса, в который погрузилась страна в 90-е годы XX века («не тот мужик пошел» — «захирели колхозы» — «пошла борьба за кресло и власть» — «время течет великой тоской» [2, 18]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицаенко Д. Эхо с Матеры: Роман Сенчин. Зона затопления / Д.
2. Грицаенко // Знамя. — 2016. — № 3. — С. 214–216.
3. Мишнева С. Пасынки / С. Мишнева. — Вологда: Полиграф-Книга, 2011. — 400 с.
4. Переяшкин А. В. Художественное осмысление политических реалий в современной российской прозе (на материале произведений С. Шаргунова, А. Проханова, Л. Бородина) / А. В. Переяшкин. — Автореф. ... к. филол. н. — Пятигорск, 2021. — 29 с.
5. Погорелая Е. А. Промежуточные итоги / Е. А. Погорелая // Вопросы литературы. — 2015. — № 6. — С. 120–122.
6. Постникова Е. Г. Тема власти в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты) / Е. Г. Постникова. — Автореф. ... д. филол. н. — Екатеринбург, 2014. — 44 с.
7. Рудалев А. Литература на пороге синтеза производственного романа с деревенской прозой / А. Рудалев // Рудалев А. Письмена нового времени. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rudaljev-andrej/pisjmena-novogo-vremeni?ysclid=lcnmmaj9w161636074>. — Дата обращения — 16.12.2022.
8. Тернова Т. А. «Прощание с Матерой» В. Распутина как прецедентный текст в современной традиционалистской прозе (к 40-летию создания повести) / Т. А. Тернова // Русистика сегодня: Традиции и перспективы. Сборник докладов юбилейной научной конференции (София, 23–25 ноября 2016 г.). — София: «Тип-топ пресс», 2017. — С. 569–576.
9. Юрова Н. Интервью со Ст. Мишневым. Человек — существо думающее // Газета «Кокшеньга». — 11 июля 2000. — С. 4.

Воронежский государственный университет

*Кочкина А. В., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: a.w.kochkina@ya.ru*

Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, про-

*фессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, тео-
рии литературы и гуманитарных наук.
E-mail: ternova@phil.vsu.ru*

Voronezh State University

*Kochkina A. V., Post-graduate student of the Department
of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of
Literature and the Humanities.*

E-mail: a.w.kochkina@ya.ru

*Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Literature of the XX and
XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities.*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

«СОЦИАЛЬНЫЙ СТРАХ»: ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА-КАУЗАТОРА СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ «КТО БОИТСЯ КОГО / ЧЕГО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»)

И. В. Нелюбова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию отрицательного психоэмоционального состояния в русской языковой картине мира. Структурная схема «кто боится кого / чего» в национальном сознании маркирует отрицательное психоэмоциональное состояние опасения, страха, паники, ужаса. В исследуемом материале было выявлено 5 объектов-каузаторов отрицательного психоэмоционального состояния страха, входящего в группу «социальный страх».

Ключевые слова: структурная схема, языковая картина мира, объект-каузатор, состояние, боязнь.

Abstract: the article is devoted to the study of the negative psycho-emotional state in the Russian language picture of the world. The block diagram “who is afraid of whom / what” in the national consciousness marks a negative psycho-emotional state of fear, fear, panic, horror. In the studied material, 5 objects were identified-causers of a negative psychoemotional state of fear, which is part of the “social fear” group.

Keywords: block diagram, linguistic picture of the world, causative object, state, fear.

Антропоцентризм — ключевой признак современной лингвистики. Изучение фрагментов языковой действительности с ориентацией на роль человека дает возможность более детально проанализировать тенденции психоэмоциональных состояний, особенности возникновения триггеров, провоцирующих состояние страха. Языковая картина мира представлена в формате «языковых знаков, образующих семантическое пространство языка» [1, 89].

Рассмотрение психоэмоциональных процессов через исследование структурных схем простых предложений позволяет выявить совокупность признаков психоэмоциональных состояний в рамках единства структурного строения. Под структурной схемой мы понимаем «знак мыслительного акта предсказания, то есть акта приписывания предмету речи предикативного признака, и тем самым формирования суждения» [2, 85; 3, 255].

Структурная схема «кто боится кого / чего» представлена тремя компонентами: «субъект» — «предикат (отрицательное эмоциональное состояние)» — «объект-каузатор».

Цель работы заключается в выявлении причин отрицательного психоэмоционального состояния страха. Языковым материалом данного исследования послужил роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Общий анализ позволил выявить 62 высказывания

с семантикой «страх», из которых 35 относятся к семантике «социальный страх».

Социальный страх является разновидностью психоэмоционального концепта страха в лингвокультурном пространстве. Социальный страх — это боязнь участия в различных межличностных взаимоотношениях. В основе данной разновидности тревожно-фобического состояния лежит страх перед отрицательными оценками в обществе.

Для выявления и дифференцирования причин страха нами были использованы исследования по психолингвистике [см.: 4; 5].

С лингвокультурологической точки зрения анализ высказываний позволил выделить 5 причин психоэмоционального состояния страха:

1. «Страх чужих людей»: «Ведь вот вы боитесь чужого человека, а едете» [6, 119]. Страх незнакомых людей является одной из самых распространенных социальных фобий в мире. Человеку свойственно испытывать боязнь перед малознакомыми людьми по причине нарушения личного комфорта, так как в большинстве случаев различный спектр страха возникает именно в присутствии малознакомых людей. Необходимо отметить, что носитель состояния (антропофоб) не считает себя частью общества, а осознает себя как бесполезного или ненужного члена общества. Поэтому социофоб «вырабатывает» определенный круг близких людей для нормализации душевного состояния, а любое,

даже кратковременное общение с людьми, не входящими в зону комфорта, может вызвать у него отрицательное психоэмоциональное состояние страха, переходящего в панику, ужас. В научной литературе данное тревожно-фобическое состояние получило наименование «антропофобия». Например, в приведенном высказывании герой-повествователь Макар Алексеевич акцентирует внимание на эмоциональном состоянии Варвары Алексеевны. По его мнению, субъект состояния (Варвара Алексеевна), находясь в стрессовой ситуации, боится вступить во взаимоотношения с малознакомыми людьми.

2. «Страх ошибиться»: *«Я все боюсь, чтобы вы как-нибудь не ошиблись»* [6, 121]. Наиболее распространенной в мире фобией является страх совершения ошибок. Можно выделить несколько первопричин данного тревожно-фобического состояния: 1) завышенные требования, которые были заложены родителями (детская психологическая травма); 2) неадекватное понимание собственных возможностей, вызванное отсутствием жизненного опыта (заниженная/завышенная самооценка); 3) ошибочное, неверное понимание сложности поставленной задачи; 4) самозапугивание, основанное на вымышленных причинах невозможности достижения поставленных целей. В психолингвистике данное тревожно-фобическое состояние получило наименование «атихифобия». Например, в данном высказывании Варвара Алексеевна (носитель состояния) испытывает боязнь за действия Макара Алексеевича. В письме Варвара Алексеевна акцентирует внимание на страхе ошибок со стороны Макара Алексеевича. Страх совершения ошибок в данном случае выражен сильным переживанием за дорогого человека.

3. «Страх заплакать»: *«Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобы не рассердить батюшку; сделалась больная такая; все худела, худела и стала дурно кашлять»* [6, 39]. В обществе не принято открыто проявлять эмоции. Повышенный эмоциональный фон человека может способствовать появлению неординарных ситуаций в межличностных отношениях. Поэтому чрезмерная чувствительность человека, его склонность к проявлению плаксивости может доставить ему множество проблем. Страх расплакаться при людях первоначально связан с психологической травмой, основанной на социальных установках, что слезы — это стыдно, неловко, некрасиво, в целом является проявлением слабости. Субъект состояния при малейшем поводе расплакаться начинает испытывать тревожно-фобическое состояние, так как боится реакции окружающих на проявление его слабости. Например, в приведенном высказывании герой-повествователь Варвара Алексеевна акцентирует внимание на событии прошлого, на психоэмоциональном состоянии матери. Субъект состояния (матушка) испытывает состояние страха расплакаться перед родным человеком. В дан-

ном случае субъект состояния боится показать себя слабой, неспособной выполнять свои обязанности, тем самым рассердить близкого человека.

4. «Страх огорчить кого-либо»: *«Вы были такой бледный, перепуганный, отчаянный: на вас лица не было, — и все оттого, что вы боялись мне рассказать о своей неудаче, боялись меня огорчить, меня испугать, а как увидели, что я чуть не засмеялась, то у вас почти все отлегло»* [6, 90–91]. Огорчить — это привести кого-то в плохое, отрицательное душевное состояние. Первопричинами данного тревожно-фобического состояния являются неуверенность в себе, эмоциональная лабильность, психологические травмы в прошлом. Носитель состояния в моменты коммуникативного взаимоотношения с другими людьми испытывает состояние страха, вызванное опасением расстроить близкого человека. За страхом расстроить кого-либо скрываются потаенные ожидания, которые носитель состояния должен воплотить в жизнь ради удовлетворения потребностей близких людей. Соответственно, носитель психоэмоционального состояния в условиях «груза» ответственности, под воздействием стресса начинает в каждом своем поступке искать ошибки. Поэтому в некоторых случаях страх расстроить кого-либо ирреален и не имеет никаких оснований. Например, в приведенном высказывании герой-повествователь Варвара Алексеевна акцентирует внимание на психоэмоциональном состоянии Макара Алексеевича. Субъект состояния (Макар Алексеевич) боялся откровенно рассказать о своей неудаче, опасаясь огорчить Варвару Алексеевну.

5. «Страх испугать кого-либо»: *«Вы были такой бледный, перепуганный, отчаянный: на вас лица не было, — и все оттого, что вы боялись мне рассказать о своей неудаче, боялись меня огорчить, меня испугать, а как увидели, что я чуть не засмеялась, то у вас почти все отлегло»* [6, 90–91]. В психолингвистике данная причина отрицательного психоэмоционального состояния страха была терминирована как «фобифобия». Каждый человек, основываясь на своем жизненном опыте, испытывает разнообразный спектр эмоциональных состояний. Основной первопричиной данного тревожно-фобического состояния является психоэмоциональная травма в прошлом. Носитель состояния, находящийся под воздействием сильного стресса в совокупности с негативным жизненным опытом, опасается своими словесными выражениями, эмоциями, жестами и мимикой вызвать у адресата речевого воздействия состояние страха. Необходимо отметить, что носитель состояния испытывает страх, в высшей степени близкий к панике. Отличительной особенностью данной фобии является то, что «фобифобия» замкнута на себе, на внутреннем психоэмоциональном состоянии субъекта и не требует никаких внешних, побочных ситуаций действительности. Например, в приведенном высказывании герой-повество-

ватель Варвара Алексеевна акцентирует внимание на психоэмоциональном состоянии Макара Алексеевича. Субъект состояния (Макар Алексеевич) боялся рассказать Варваре Алексеевне о своей неудаче, так как опасался испугать ее своим откровением.

Таким образом, структурная схема «кто боится кого / чего» в русской языковой картине мира выражает обширный пласт отрицательных психоэмоциональных состояний с семейной «страх». Социальный страх, являясь отражением межличностных отношений, влияет на адекватную адаптацию человека к различным жизненным ситуациям. Выявленные разновидности социальных страхов позволяют говорить о боязни осуждения за неверные действия («страх ошибиться»), сложности межличностных взаимоотношений («страх чужих людей»), стремлении скрыть свои чувства («страх заплакать»), опасении причинить кому-либо душевный дискомфорт («страх огорчить кого-либо», «страх испугать кого-либо»).

Ф. М. Достоевский, рукой которого «в известном смысле водил сам русский язык в его общих свойствах и скрытых в нем бесконечных возможностях» [7, 300], был внимательным читателем родного языка и запечатлел в своих произведениях особенности национального мировидения.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Нелубова И. В., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: nelubowa@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин Изд. 3-е, стереотипное. — Воронеж: ВГУ, 2003. — 191 с.
2. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): монография В. И. Казарина / Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. — 225 с.
3. Попова З. Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа / З. Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст: Сборник научных статей. — М.: Наука, 1996. — С. 255–268.
4. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций / П. В. Симонов. — М.: Наука, 1981. — 213 с.
5. Фрумкина Р. М. Психолингвистика / Фрумкина Р. М. — М.: Академия, 2001. — 320 с.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова; Романы; Дядюшкин сон: повесть / Ф. М. Достоевский / Вступ. ст. А. Кирпичникова. — М.: Мир книги, Литература, 2007. — 448 с.
7. Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 257–300.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan

Nelyubova I. V., Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature

E-mail: nelubowa@mail.ru

«СМЕНА СИСТЕМ» ИЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ? О «СТРАНЕ МУРАВЬИ» А. ТВАРДОВСКОГО

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается поэма А. Твардовского «Страна Муравья» в контексте теории «переходности», разрабатываемой современной наукой. Замысел поэмы, ее поэтика свидетельствуют о том, что поэма А. Твардовского, созданная в годы коллективизации, восстанавливала традицию русской народной культуры, что позволяет говорить о нем как о русском поэте советского периода.

Ключевые слова: А. Твардовский, поэма, традиции, коллективизация, народная культура.

Abstract: the article examines A. Tvardovsky's poem "The Land of the Ant" in the context of the theory of "transitivity" developed by modern science. Russian poet A. Tvardovsky's poem, created during the years of collectivization, restored the tradition of Russian folk culture, which allows us to talk about him as a Russian poet of the Soviet period.

Keywords: A. Tvardovsky, poem, tradition, collectivization, folk culture.

В последние десятилетия XX века академическая наука пополнилась целым рядом новых теорий, научных школ и направлений, иногда ярких, нередко спорных, но свидетельствующих о том, что все еще не закончился период пересмотра прежних концепций, описывающих процесс развития науки. Как известно, еще в 1960-е годы американский физик Томас Кун (1922–1996) опубликовал монографию «Структура научных революций», в которой описал развитие науки как процесс смены устоявшихся парадигм, который он назвал научной революцией, меняющей взгляд на мир.

Работа Т. Куна получила самое широкое признание, особенно теория взрыва, в основании которой — коренной пересмотр устоявшихся мнений. Однако не все согласились с выводами Т. Куна. В частности, Нобелевский лауреат, советский физик В. Л. Гинзбург (1916–2009) не увидел в рассуждениях Т. Куна принципиальной новизны, не согласился с абсолютизацией теории скачка, разрыва как главного способа развития научного знания. Любые теории, в том числе и самые революционные, с его точки зрения, опираются на достигнутый опыт, осваивают и развивают его. С его точки зрения, речь должна идти не о «смене систем», а о развитии традиций, творческое освоение которых и обеспечивает необходимую новизну.

Идеи, выдвинутые физиком Т. Куном, вызвали более благожелательный отклик в гуманитарной среде. Как о частном варианте можно говорить о последней книге Ю. М. Лотмана (1922–1993) «Культу-

ра и взрыв» (1992). В последующие десятилетия системное рассмотрение теории взрыва, скачка было продолжено в междисциплинарных исследованиях культуры переходных эпох исследователями, объединившимися вокруг Государственного института искусствознания (ГИИ) [1].

Несмотря на это, «понятие "перехода" ("переходности") так и не обрело в науке достаточной терминологической четкости и системности» [2, с. 9]. Возможно, причина в нечетком понимании предмета исследований, возможно, в смешении разных идей и практик, в первую очередь социально заданных, существенно влияющих на конечный результат. Именно об этом говорят современные культурологи: «Художественная критика, которая родилась в XVIII столетии, активно ввязалась в борьбу мнений, в борьбу текстов. С тех пор уже видно, насколько ангажированной стала теория искусства, история искусства и критика. Заметно, что самым "хитрым", замаскированным являлся выбор примеров из истории искусства, которые подтверждали правоту нынешних определенных исканий» [3, 169] (Курсив наш. — Т. Н.).

Литературу первой трети XX века всегда воспринимали как литературу переходного периода, пересматривающую и поэтику, и идеи в духе революционных перемен. К сожалению, отмеченная выше «борьба текстов» нередко отождествлялась с выполнением идеологических задач. Так, А. А. Жданов, курировавший процесс создания Союза советских писателей и выступавший от имени ЦК ВКП(б) на его первом съезде, ставил в прямую зависимость успехи советской литературы с «победой политики

индустриализации, строительства совхозов и колхозов» [4, 2].

Разумеется, индустриализация и коллективизация как этапы государственного строительства меняли жизнь в стране, меняли и человека. В этом плане они, разумеется, влияли и на литературу, но, разумеется, не вдруг и не столь прямолинейно. Поэтому идеологическое давление затрудняло нелегкий процесс художественного развития, ставило писателя в первую очередь перед решением политических задач, художественные отодвигая на второй план.

«Отношение к революции — вот что должно определять отношение к писателю, в том числе к Достоевскому» [4, 155], — решительно сформулировал эту задачу В. Шкловский, распространив оценку современных писателей и на творчество Ф. М. Достоевского, которого М. Горький, открывая съезд, назвал одной «из наиболее мрачных фигур русской жизни XIX века».

Пафос речи В. Шкловского, разумеется, объясним идеологическим давлением, в поздних работах, уже в иные времена, он снял свои почти шаржированные упреки в адрес Достоевского [5]. Мы обратились к его выступлению не для того, чтобы упрекнуть известного писателя и критика в давних ошибках. Небольшая доблесть почти через столетие после «года великого перелома» обвинять живших тогда в непонимании происходящего, в соглашательстве с властями. Позже они сами, и не раз, должным образом оценили те нелегкие годы. В частности, А. Твардовский, перечислив многое из пережитого, написал в поэме «За далью — даль»: «Тут ни убавить, / Ни прибавить, — / Так это было на земле...» [6, т. III, с. 203]. Обращение к реальному историческому фону, к принятой в те годы стилистике писательских заявлений помогают понять, в какой обстановке в 1934 году молодой поэт начал работать над поэмой «Страна Муравия».

Годами позже А. Твардовский расскажет о жизненных истоках прославленной поэмы: «Я много ездил в качестве газетного работника, писал корреспонденции, очерки, статьи, стихи и рассказы. Во всех тогдашних делах деревни я разбирался порядочно, — не только потому, что сам происходил из деревни, но особенно потому, что все происходившее там в годы “великого перелома” составляло для меня самый острый интерес и задачу жизни. Эта революция в сельском хозяйстве, во всем жизненном укладе миллионов явилась для меня в юности примерно тем, чем для старшего поколения наших людей были Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война» [6, т. II, с. 349–350].

Разумеется, поэма выросла не только из журналистского опыта. «Острый интерес» ей придавала семейная драма поэта. Его отец был раскулачен, и семья была сослана в Кировскую область. В 1936 году автор поэмы «Страна Муравия», получившей широкую известность, введенной в программу вузовского обучения, вернул родных из ссылки. Но реабили-

рованы эти труженики были лишь в 1996 году, уже в другой стране и в другой истории.

Сердечную боль и незаживающую рану автора лучшей крестьянской поэмы XX века следует иметь в виду, анализируя ее содержание и оценивая авторскую позицию. Спокойный тон поздних воспоминаний не должен обманывать, как и нельзя принять на веру авторские указания на источник сюжета «Страны Муравии». Так, А. Твардовский указал, что сюжет поэмы был подсказан выступлением А. Фадеева, в котором тот критически отозвался о романе «Бруски» Федора Панферова, популярного в 1930-е годы, а нынче прочно забытого писателя. В огромном тексте, созданном по нормативам «колхозного романа», А. Фадеев отметил лишь удачный сюжетный мотив о середняке, который «запряг клячонку и поехал на телеге по всей стране искать, где нет индустриализации и коллективизации», сюжет, особенно, по его мнению, заметный «на фоне другого незначительного материала», погубившего интересный замысел [6, т. II, с. 350–351].

Пересказав этот нереализованный Ф. Панферовым мотив, А. Твардовский в «Стране Муравии» останавливается на своем, истинном сюжете. Его поэт обозначил названием поэмы. Выбором названия А. Твардовский указал культурные истоки поэмы, исчерпывающе объяснил свой замысел: «...слово Муравия, вообще говоря, не выдуманно. Оно взято из крестьянской мифологии и означает, скорее всего, некую конкретизацию вековечной мужицкой мечты, мечтаний и легендарных слухов о «вольных землях», о благодатных далеких краях, где текут молочные реки в кисельных берегах и т.п.» [6, т. II, с. 352–353. Курсив наш. — Т. Н.]

Точно, ясно изложенная главная мысль поэмы предлагает концепцию крестьянской жизни, с которой молодой поэт пришел в литературу. А это было не самое благоприятное для народной культуры время. Сегодня может показаться невероятным, но отношение к крестьянской культуре с начала 1920-х годов было очень настороженным. «Культурное строительство» в деревне всеми советскими идеологами понималось как борьба со старым бытом, частью которого, разумеется, была крестьянская культура с ее легендами, религией, обрядами. Для доказательства можно привести судьбы поэтов-новокрестьян 1920–1930-х годов. Широко развернувшееся «культурническое движение» в провинции к году «великого перелома» было обвинено в сепаратизме, в иных политических ошибках и завершилось судебным процессом в Центрально-Черноземной области (ЦЧО), оставшимся в исторической памяти как «дело краеведов» (1930–1931). Грозные решения надолго определили отношение к народной культуре как к архаике и пережитку. Изучение фольклора ограничивалось песенно-частушечными жанрами, свелось к кружковой работе.

На таком фоне обращение А. Твардовского к сюжету из «крестьянской мифологии» выглядит как минимум рискованным, даже если не иметь в виду истории его семьи. И апелляция к замечанию «писательского министра» А. Фадеева, указавшего на нереализованный удачный мотив из романа Ф. Панферова, получает иной смысл. Она выглядит не столько остроумной защитой крамольного сюжета, сколько свидетельствует о сформированном замысле, о продуманной авторской позиции.

А. Твардовский был прав, когда говорил, что был одним из самых критикуемых советских поэтов. Его главные поэмы, каждая из которых была новым этапом в развитии не только советской, но русской литературы, не без оговорок принимались критикой и литературоведением даже в «оттепельные», относительно либеральные годы. Такой же была и судьба «Страны Муравии».

На рубеже 1920–1930-х годов процесс «великого переустройства деревни на основе коллективизации» (А. Твардовский) входил в решающую стадию. Замысел поэмы свидетельствовал, что А. Твардовский задавал более масштабные подходы к оценке того, что переживала Россия, русская деревня в XX веке. Его замысел шире и значительнее сюжетов о коллективизации, на которых настаивала современность. Поэт уклонился от изображения современности в категориях классовой борьбы, избежал прямых публицистических оценок. Такая позиция автора (вспомним формулу В. Шкловского на Первом съезде) не могла не вызвать опасений чиновников от литературы, она же обеспечила сдержанные оценки критиков, которые в открытом финале поэмы увидели свидетельство того, что автор не справился с трудным жизненным материалом.

Но это было мнение современников, вовлеченных в политический процесс времени. Сегодня «Страна Муравия» должна быть рассмотрена, соответственно замыслу поэта, в контексте крестьянской утопии, мужицкой мечты о «вольных землях». Народное же (крестьянское) сознание хранит множество утопических преданий о «небывалой, блаженной стране» (В. Даль), в которых реализована русская мечта о всеобщем счастье. Она имеет фольклорные корни, удивительно живуча и не связана с конкретными историческими периодами. Время действия мифа — вечность.

Глубокую укорененность крестьянской утопии в народном сознании доказывает и то обстоятельство, что дожила она до начала XX века. В качестве доказательства назовем не только фантастическую повесть А. В. Чаюнова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», но и многочисленные темы и образы литературы 1920-х годов — «избяной рай» Н. Клюева, «деревенский космос» С. Есенина, футурологические концепции В. Маяковского, роман А. Платонова «Чевенгур» и мн. др.

Доказательством бытования утопических сюжетов в крестьянском сознании послужит реальная история трех уральских казаков, отправившихся в 1898 году в Беловодское царство. «На общей сходке в Кирсановском поселке собрали им станичники две с половиной тысячи рублей — деньги немалые — и наказали объехать сколько нужно стран, но Беловодье найти» [7, 5].

Один из трех казаков вел во время путешествия дневник, который в 1903 году и был опубликован с предисловием В. Г. Короленко: «Все путешествие казаков, при незнании языков и без всяких пособий в виде карт или географических сочинений, представляет психологически настоящий подвиг с целью критической проверки невежественных сказаний» [7, 6] (курсив наш. — Т. Н.).

Свидетельствует ли вера в Беловодье, Муравию, Чевенгур о крестьянском (народном) невежестве? Свидетельствует, если оценивать их в категориях «нормальной науки» (Т. Кун), «книжного» миропредставления. Однако вера в существование блаженной земли, иной жизни актуализируется переходным временем, определяет смену цивилизационных циклов. Предреволюционная русская жизнь разбудила их в дремлющем крестьянском сознании начала XX века, связала с вековым поиском правды, неведомой земли. В. И. Даль приводит многочисленные определения правды в народном понимании: «Правда — истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость. *Творите суд и правду. Стоять за правду. Нет правды на свете, суда по правде. Небеса возвещают правду Его, Псал.. Истина от земли возсія, и правда съ небесе приче, Псал., т. е. правосудие свыше*» [8, 379] (курсив В. Даля. — Т. Н.).

Характерен выбор источников, с помощью которых В. Даль разъясняет значение слова «правда». Это живая крестьянская речь и «Псалтырь», сборник псалмов, входящих в Ветхий завет. Правоту составителя словаря неожиданно подтверждает наивная, но выразительная деталь пересказанной выше истории: казаки, отправившиеся искать Беловодское царство, собирались обнаружить его по колокольному звону [7, 6].

В панораме деревенской жизни, которую воспроизводит А. Твардовский, нет ожидаемых картин изматывающего труда на земле, нет и пейзажных декораций. Никита Моргунок, которому автор «подарил» прозвище с детства знакомого человека, отправляется искать страну «мужицкой мечты», а не бежит ни от нищеты, как крестьяне у Некрасова, ни от «коллективного социалистического труда», как герой панферовского романа.

*Умытый в бане, наряжен
В пиджак и сапоги,
Как будто в гости едет он,
К родне на пироги [6, т. II, с. 9].*

Обратившись к поэме в контексте авторского замысла, заметим немало важных, казалось бы, точечных несовпадений с поэтикой оформлявшегося «колхозного сюжета». По его логике, крестьянин, отыскивающий доказательства того, что колхоз несет достаток, дружную работу на земле, завершал «колхозный сюжет», обнаружив их в жизни, в колхозе. В поэме А. Твардовского практически в каждой главе герой сталкивается с доказательствами разительных и убедительных перемен в деревенской жизни. Никита Моргунок в логике «колхозного сюжета» мог бы вернуться в родные места уже после посещения на кулацкой свадьбе (гл. 2) или встречи с Ильей Бугровым (гл. 8), с веселым трактористом (гл. 13), побывав на колхозном сенокосе (гл. 15). Но его не останавливает даже вполне ожидаемый ответ товарища Сталина на просьбу остаться в стороне от всей этой «суетории» (гл. 7). Глава заканчивается выразительным текстом «от автора», но путешествие Никиты продолжается.

Страна родная велика.

Весна! Великий год!..

И надо всей страной — рука,

Зовущая вперед [6, т. II, с. 41].

И лишь встреча со стариком-богомольцем останавливает поиск Моргунок. Последняя, 19-я глава поэмы рассказывает о старике, который «на лавру путь держал, / Однако не дошел». Появление этого героя подтверждает наблюдение воронежского исследователя О. А. Разводовой, отмечавшей в своих работах, что не уходила русская литература в XX веке от христианской точки зрения на мир и человека [9]. Была она актуальна для сознания и героев А. Твардовского. Потому свои главные вопросы Моргунок задает старику-богомольцу, который изображен не в соответствии с традицией, но «упрям, дебел и стар», чем и вызывает его доверие.

На вопрос Никиты, почему старик возвращается, «остатний богомол» отвечает, «помыслом смущен»:

— Что ж бог! Его не то чтоб нет,

Да не у власти он» [6, т. II, с. 116].

Именно он сообщает Моргунку «научную» правду об отсутствии «места, которого нет» (Utopia):

Была Муравская страна,

и нету таковой.

пропала, заросла она

Травую-муравой.

В один конец,

В другой конец

Открытый путь пролег...

— Так, говоришь, в колхоз, отец? —

Вдруг молвил Моргунок [6, т. II, с. 117]

Внешне спонтанно возникший вопрос логичен и закономерен не в «колхозном сюжете», а в том, какой ведет Никита со своим временем. Вспомним, что

он отправился не на поиски дарового благополучия, а *земли и правды* в тех значениях, что зафиксированы В. Далем как истинный смысл народных представлений о мире. Русская «книжная» традиция привычно связывает крестьянина с землей, с собственностью, с трудом на земле. А. Твардовский апеллирует к иной, более глубокой, хранящейся в недрах народного сознания. Потому и не останавливался в своем поиске Никита, пока не встречает «остатнего богомола», поиск которого одной природы с его поиском.

Нет страны Муравии, и Бог «не у власти» — вот причины, по которым герои возвращаются домой. Последние строки поэмы — это не только открытый финал, свойственный произведениям XX века, но и прощание с прежним, крестьянским миропредставлением. Открывшееся «на тыщи верст кругом» пространство требует нового осмысления. Ситуативные, житейские проблемы («Все сроки вышли. Конь подбит») не печалят Никиту: «Ну, посмеются надо мной, / А смех — он людям впрок». Не об этом его думы, когда он «долго, долго смотрит вслед» ушедшему богомолу, заканчивая поэму незавершенной дорогой к своему дому.

Вернемся к уже высказанной мысли, что А. Твардовский сознательно выстраивал сюжет своего героя не по советским лекалам, добавив к ней еще одно наблюдение. «Страна Муравия», как показывает ее анализ, не разрывала русской традиции. А. Твардовский в первой крупной поэме разрабатывает сюжет, который существенно меняет понимание традиции, принятое в советском литературоведении. Для А. Твардовского русская традиция не прерывалась в XX веке, она менялась под давлением обстоятельств, но никогда не уходила из народного сознания. Поэтому он никогда и не отказывался от советского прошлого, никогда не «поправлял» своих прежних позиций в более поздние годы.

Один из самых глубоких исследователей А. Твардовского, В. М. Акаткин писал о самом сложном для поэта периоде его творчества так: «Всю жизнь Твардовский размышлял о том, что произошло в жизни народа на рубеже 20–30-х гг. и не раз убеждался, что тогда, будучи молодым, правильно оценивал сложнейшие процессы “великого перелома”, по своему значению равного революции» [10, 8]. Воронежский исследователь еще в 1980-е годы отметил, что смена старого и нового в лирике и поэмах А. Твардовского не носила декларативного «соцреалистического» характера. Твардовский писал жизнь, а не воспроизводил заданные схемы. Даже в ранних его произведениях, замечает В. М. Акаткин, «старое и новое получают всестороннее обоснование, закреплены приметамы из разных сфер бытия — от видимых внешних проявлений деревенской жизни до сокровенных психологических состояний человека» [10, 101].

Потому жестче, чем многие его современники, оценил А. Твардовский глубинные противоречия в жизни русского человека в XX веке. В 1962 году он

записал в дневнике: «Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием...» [11, 100]. Реализации ожидаемой утопии не случилось.

Вернемся к мысли А. Твардовского о том, что он едва ли не самый критикуемый советский поэт. Она справедлива, если говорить о позиции критиков-современников, нередко оценивавших поэтические открытия с позиций противостояния авангарда и традиционности, к тому же понимаемых по-разному. Как известно, «лицом к лицу лица не увидать». Современники нередко принимают за новизну собственные ожидания.

Критики более поздних времен, по-иному, но тоже, как и современники, не свободны от своих пристрастий и предпочтений. Так, А. Макаров, ведущий критик «оттепельных» лет, увидел в «Стране Муравии» следование традициям Н. А. Некрасова, надолго определив присутствие некрасовских аллюзий в разговоре об этой поэме. Размашисто оценил этот тонкий исследователь и лирику А. Твардовского 1930-х годов как бездумное воспроизведение соцреалистических штампов.

Обобщающие оценки «оттепельного» отношения к традиции и новаторству из критики перешли в литературоведение, получили теоретическое обоснование: «Конструктивный принцип, найденный Твардовским в «Стране Муравии» (контаминация литературного жанра со сказкой или иным фольклорно-эпосным жанром), стал «типовой моделью», а точнее — метажанром направления соцреализма, дав начало целому потоку романов, повестей, сценариев, преобразовавших жестокую реальность в «сказочную быль»» [12, 13].

Логика такого заключения очевидна: «фольклорно-эпосный жанр» на фоне литературной сказки — архаика, отработанный искусством материал. Подобные утверждения опираются и на почтенную научную традицию, в которой движение от фольклора к авторскому искусству оценивается как приоритетное и естественное, и на «оттепельную» оценку советской литературы 1930-х годов.

Рубеж XX–XIX веков, понимаемый как переходный период, позволяет увидеть в поэме А. Твардовского «Страна Муравия» не «драму советского классика» (Н. Лейдерман), не «торжество социалистического уклада» (А. Макаров) в лирике 1930-х годов, а новый, решительный поворот в художественном поис-

ке, предпринятый поэтом в 1930-е годы. Обращение к народной культуре, минуя свою современность, даже русскую классику XIX века, обеспечило содержательную глубину поэмы «Страна Муравия», ее истинную новизну, что позволяет нам сегодня говорить о поэтике русской литературы советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. — М.: Наука, 2002. — 467 с.; Переходные процессы в русской художественной культуре: новое и новейшее время. — М.: Наука, 2003. — 495 с. и др.
2. Степанова А. А. Феномен перехода: культурно-эстетические аспекты и литературоведческий смысл / А. А. Степанова // Уральский филологический вестник, 2017. — № 3.
3. Турчин В. С. Историк искусства на рубеже XIX–XX веков / В. С. Турчин // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. — М.: Наука, 2002.
4. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. — Москва, 1934. 720 с. Репринтное воспроизведение издания 1934 года.
5. См., например, об этом: Саватеев В. «Нам не по пути с Прустом и Джойсом...» // Новая газета, 2004, 05,08.
6. Твардовский А. Собр. соч. в 5 т. — М.: Художественная литература, 1966–1971. Произведения А. Твардовского цитируются по этому изданию с указанием тома и стр. в тексте работы.
7. Калмыков С. В поисках «зеленой палочки» (Предисловие) / С. Калмыков // Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX–начала XX века. — М.: Молодая гвардия, 1979. — 446 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — Т. III. — М.: Русский язык, 1980.
9. См., напр.: Разводова О. А. Наследие А. Т. Твардовского и современная концепция «нового реализма» // А. Т. Твардовский и русская литература. Сб. научных работ, посвященных 90-летию со дня рождения А. Т. Твардовского. — Воронеж: Полиграф, 2000. С. 70–77.
10. Акаткин В. М. Ранний Твардовский / В. М. Акаткин. — Воронеж, 1986. — 210 с.
11. Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. / А. Т. Твардовский. — Т. 1. — 1961–1966. — М.: ПРОЗАИК, 2009. — 656 с.
12. Лейдерман Н. Л. Творческая драма советского классика. А. Твардовский в 50–60-е годы / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 2001.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета.

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities

E-mail tam-nikonova@yandex.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

О. Н. Олейникова

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Поступила в редакцию 22 февраля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена функционированию в автобиографических текстах М. И. Цветаевой иноязычных вкраплений разных типов и разрядов. Определены языки-источники этого речевого явления. Сделан анализ обнаруженных иноязычных вкраплений по соотношению с системами контактирующих языков и связанности с национально-культурной спецификой текстов.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, национально-культурная специфика текста, классификация иноязычных вкраплений, особенности функционирования иноязычных вкраплений в текстах М. И. Цветаевой.

Abstract: the article is devoted to the functioning of foreign language inclusions of different types and categories in M. I. Tsvetaeva's autobiographical texts. The source languages of this speech phenomenon have been identified. The analysis of the detected foreign-language inclusions in relation to the systems of contacting languages and their connection with the national-cultural specifics of texts is made.

Keywords: foreign-language inclusions, national-cultural specificity of the text, classification of foreign-language inclusions, features of the functioning of foreign-language inclusions in the texts of M. I. Tsvetaeva.

Рассмотрение иноязычных вкраплений (далее ИВ) в автобиографической прозе великого русского поэта М. И. Цветаевой вызвано несколькими причинами. Во-первых, проза этого автора уникальна. Литературоведы отмечают, что ее невозможно разделить на жанры, так как ощущение внутренней свободы и своеобразный взгляд поэта на действительность, несомненно, привели к жанровому смешению [1]. Цветаева в 20-е годы утратила свои дневники, заметки, воспоминания и поставила перед собой задачу восстановить эти тексты, настолько ей были дороги люди, встреченные ею на жизненном пути [1]. Цель этого М. И. Цветаева определила так: «Я хочу воскресить тот мой мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!» [2, 323]. Многие восстанавливались в эмиграции, то есть в иноязычной среде, пребывание в которой влияет на ввод ИВ в тексты всех стилей. Возможно, автобиографические произведения по сравнению с утраченными вариантами добавлялись какими-то деталями. Во-вторых, вся проза Цветаевой автобиографична. Складывается впечатление, что о чем бы она ни писала, она пишет о себе. И М. И. Цветаева писала только о том, что лично видела и слышала. В прозе нет вымышленных персонажей. Реальные люди со страниц ее текстов по большей части известны читающей публике страны. И творила она прежде всего для людей своего круга (поэтов, писателей и т.п.), для них и о них. А триединство «автор — персонаж — читатель» влияет на наличие/отсутствие ИВ в текст [3, 4].

Кроме того, не все аспекты функционирования ИВ в прозе М. И. Цветаевой исследованы. Немецкие вкрапления исследовал и описал Е. А. Чигирин [5]. Но кроме них в автобиографических текстах есть вкрапления из других языков, которые тоже требуют изучения. В структуре русских предложений определенных типов синтаксическое функционирование ИВ прозы Цветаевой описано О. П. Пучиной [6]. ИВ, введенные М. И. Цветаевой в тексты художественного стиля, приведены в словаре языка русской поэзии XX в. как факт речи русскоязычных людей Серебряного века. [7, 8] Но все же проза М. И. Цветаевой, в том числе автобиографическая, обойдена вниманием ученых в плане исследования имеющихся в ней ИВ.

Теоретическую основу изучения такого речевого явления, как ИВ, создала воронежский профессор-филолог Ю. Т. Листрова-Правда, определившая, что иноязычными вкраплениями нужно считать слова, словосочетания, фразы, отрывки текста, тексты на иностранном языке, включенные в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [9, 10]. Этому ученому принадлежат и две классификации ИВ (по их соотношению с системами контактирующих языков и по их связанности с национально-культурной спецификой текста, в который введены ИВ). Их анализ с помощью этих двух классификаций дает оптимальные результаты исследований, позволяя рассмотреть вкрапления с разных сторон. Обнаруженные в исследованном материале ИВ тоже «пропущены» через эти две классифи-

кации. Первая из двух указанных классификаций дала возможность систематизировать ИВ, выявить степень их ассимилированности и способы их ввода в тексты. Вторая классификация дала возможность рассмотреть текст прежде всего как произведение речи, в данном случае полилингва, а также обратить внимание на особенности ИВ с точки зрения национально-культурной специфики содержания текста.

Материал для анализа собран методом сплошной выборки. Частотность ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой очень высока (одно-два вкрапления на страницу текста обычного формата). Так же высока частотность ИВ в текстах разговорно-бытового стиля И. А. Бунина, значительный период творчества и жизни которого, как и Цветаевой, пришелся на эмиграцию. Пребывание в иноязычной среде увеличивает число вкраплений в текст, особенно разговорно-бытового стиля [3].

Такая высокая частотность, без сомнения, связана и с полилингвизмом поэта. Сама Цветаева, отвечая на вопросы анкеты, пишет, что училась в католических пансионах в Швейцарии, в шестнадцать лет прослушала курс старинной французской литературы в Сорбонне, поменяла несколько московских гимназий (везде изучались иностранные языки). В 11 лет написала первое сочинение на французском языке. Стихи писала не только по-русски, но и по-немецки и по-французски [12, 6–9]. С матерью иногда разговаривала по-немецки, причем та переходила на немецкий, когда была недовольна дочерью, о чем пишет М. И. Цветаева, например, в воспоминаниях «Мать и музыка».

ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой невелики по объему, если сравнивать с текстами XIX века [9, 10]. Чаще всего в текстах Цветаевой обнаруживаются вкрапления из французского и немецкого языков. На порядок меньше вкраплений из английского, итальянского. Небольшое число вкраплений из испанского, латинского языков. Единичны вкрапления из греческого, чешского, татарского языков.

Анализ ИВ, введенных автором в тексты автобиографических произведений, показал следующее. Цветаева включила в эти тексты полные вкрапления. «Полное иноязычное вкрапление — это слово или словосочетание в иноязычном оформлении, с иноязычной семантикой, полное вытеснение основной модели, т.е. прямая вставка в русский текст отрезка текста на иностранном языке» [10, 13]. Полные ИВ не включены в синтаксические связи с другими членами русского предложения. Например: «...по ночам ходит сторож с доской и поет: «Gué, bon gué! a frappé dix heures!» — и все тушат огни...» [2, 42]. Полные вкрапления из разных языков в исследованных текстах представляют собой в том числе библионимы. Например: «Начинается как глава настольного романа всех наших бабушек и матерей — «Jane Eyre» — Тайна красной комнаты» [2, 3]. Одну из своих работ

Цветаева называет французским вкраплением — «Intoxiqués». [12, т. 2, с. 400] Особенностью прозаических текстов Цветаевой является то, что в отличие от авторов своего круга, например О. Э. Мандельштама и высоко ценимой ею А. А. Ахматовой, Цветаева вводит в тексты большие по объему вкрапления [4, 13]. Значительно и их количество. Например, в произведении «Чёрт», которое принято называть автобиографическим очерком, неоднократно приводятся относительно крупные ИВ. Это стихотворные и прозаические отрывки из литературных произведений в речи самого автора очерка и тех его персонажей, о ком вспоминала М. И. Цветаева. Цитаты тоже являются полными ИВ. В некоторых текстах, например в «Земных приметах», очень много отрывков из стихов французских поэтов. Цитаты в стихах и прозе Цветаева, как правило, не переводит. Это позже сделала ее дочь в процессе подготовки автобиографических произведений к изданию, то есть уже в пятидесятые годы прошлого века. К полным вкраплениям относятся и эпиграфы на иностранных языках, например к «Повести о Сонечке» дан эпиграф — французское вкрапление. Но эпиграфов немного.

В автобиографических произведениях этого автора есть и частичные вкрапления, «представляющие собой слово, словосочетание, предложение или более крупный отрезок иностранного текста, в той или мере (фонетически или морфологически) ассимилированные в языке или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения» [9, 24] разных типов. Обнаруживаются частичные вкрапления, сохранившие в принимающем тексте исконную семантику, морфологический облик, не имеющие морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Одно слово на всё, да и то не русское, не только не русское, а никаковское, ведь по-французски intelligent — умный» [2, 272]. Частичных ИВ этого типа немного. Гораздо больше частичных вкраплений, приобретших морфологический облик, свойственный русским словам, например входящих в словоизменительную парадигму или в систему согласования. Вот примеры частичных вкраплений, вошедших в словоизменительную парадигму. «Вы бы, если бы жили тогда, убили бы Hudson Low' а» [2, 209]; «...еще выше возносит свою тщательно прибранную, надменную, молодую еще головку маркизы с двумя природными asscoche-coeur' ами» [2, 232]. В данных примерах к иностранным словам добавлено русское падежное окончание. Иногда падежная парадигма окончаниями не выражена, использованы предлоги. Например: «И эта аттестация — в ответ на «petits soins», которыми он окружил отца...» [2, 211]; «Но когда я перехожу к «Invitation à la valse», сердце не выдерживает» [2, 190].

М. И. Цветаева согласовывала члены предложения, выраженные ИВ, с определениями, выраженными

ми русскими словами. Например: «Глубокий *plongeon* дам, живое и плавное опускание волны» [2, 233]; «Подымают глаза: у входа в грот, заслоняя солнце и выход, огромный фавн, то есть тот самый *Monsieur de Gréot*» [2, 248]; «Этого никогда бы не допустила моя *humilité*» [12, т. 2, с. 241].

В исследованных текстах обнаружены частичные вкрапления в русской графике. Они передают акцент нерусских, говорящих по-русски. Среди них есть русские слова в нерусском звуковом оформлении, что оформляется отклонением от русской графической формы. Например, так передан акцент татарина: «Твоя правда, баришня...» [12, т. 2, с. 296]. Есть также русские слова, выступающие в нерусском звуковом оформлении, передающем иностранный акцент, и одновременно переданные с явлением интерференции другого языка, с нарушением законов русской грамматики. Например: «Но монет софсем нофенький!» [2, 153]; «Эту пиштоль мне в России пришлось оставить...» [12, т. 2, с. 186]. Акцент китайца передан нарушением русской орфографии и грамматики: «Харош! — зашивает щели глаз и выкатывает китайские яблочки ноздрей» [12, т. 2, с. 27]. Интересным является ввод в текст частичного вкрапления в русской графике, объясняемого с помощью частичного вкрапления в исконной графике: «Голлидэй есть английское *Holiday* — воскресенье, праздник» [12, т. 2, с. 136]. Совершенно нетипичным для русской культурной традиции и полилингва с образованием, полученным в русской классической гимназии начала прошлого века, является ввод латинского вкрапления в русской графике, к тому же «слепленного» из двух слов: «Нотабене! Вспомнила! Тиц.» [2, с. 269]. Но причин появления такого исключения мы уже не узнаем. При этом читателю дневников М. И. Цветаевой очевидно, что некоторые частичные вкрапления в русской графике подчеркивают абсурдность ситуации, описанной ею, а также возмущение автора по этому поводу: «И все-таки Изольда, любящая еще кого-нибудь кроме Тристана, немислима, и крик Сарры (Маргариты Готье) — «О, л' Амур! Л' Амур!», относящийся еще к кому-нибудь, кроме ее молодого супруга, — смешон» [12, т. 2, с. 276]. Редки случаи ввода в тексты так называемой макаронической речи, но далеко не у всех авторов они есть вообще [3, 4, 11]. М. И. Цветаева макаронической речью передает слова своего сына, который с первых лет жизни находился в языковой ситуации, требовавшей коммуникации попеременно на разных языках, что и отразила автор. Например, в «Повести о Сонечке» Мур использует лексические единицы сразу трех языков: «— *A American Sanday* это ведь ихнее *Dimanche Illustré!*» [12, т. 2, с. 246].

Анализ ИВ в соответствии с классификацией по связанности вкрапления с национально-культурной спецификой текста показал, что в автобиографических текстах М. И. Цветаевой есть вкрапления всех

типов: непосредственно и косвенно связанные с этой спецификой (ИВ 1 разряда) и связанные с ней ассоциативно или не связанные совсем (ИВ 2 разряда).

Большое число вкраплений первого разряда представляют собой онимы всех разновидностей, в основном французские. По-французски Цветаева обозначает топонимы, например название швейцарской деревни: «На тот берег Оки, куда я никак не могу попасть, потому что между нами Ока, еще в *La a Chau de Fonds*, в тётину детство...» [2, 42]. Есть вкрапления-топонимы из других языков: «...синяя открытка от Нади Иловайской из того самого *Nervi*, куда ехали — мы» [2, 45–46]. Оним-вкрапление представляет собой название деревни в Италии, где располагалась колония русских мигрантов. Названия улиц, площадей, гостиниц и т.п., находящихся в зарубежье, М. И. Цветаева передает по традиции ИВ, что наблюдается и у других авторов [4, 11, 13]. Например: «Пятнадцать лет назад, идя в Париже по *Rue du Vas*, где-то у угловой, нишей, витрине антикара — я их увидела» [12, т. 2, с. 214]. Еще пример: «Ввалились в нервийский «*Pension Russe*» — была ночь и страшным глазом горел и мигал никогда не виданный газ...» [2, 47]. Название пансионата обозначено вкраплением. Сразу два вкрапления-онимы в следующем примере: «Я гуляю со своим двухлетним сыном по беллеву'скому парку — *Observatoir' e*» [12, т. 2, с. 246].

Иностранцев Цветаева часто называет на их родных языках, как и персонажей произведений иностранных авторов. Например: «Вы *Malibran* знаете?» [12, т. 2, с. 207]. Речь идет о французской певице. Еще пример: «*Marie-Antoinette!* Вы написали музыку к стихам Флориана, а вас посадили в крепость и отрубили Вам голову» [12, т. 2, с. 318]. Уже доказано, что обычно хорошо знакомые русскому читателю имена современники Цветаевой писали по-русски, относительно новые — в исконной графике. [3, 4, 11, 13] Так сложилась культурная традиция. В текстах М. И. Цветаевой такая закономерность прослеживается слабо. Цветаева пишет так, как считает нужным, по только ей известным причинам вводя в тексты с национально-культурной семантикой онимы в той или иной графике.

Непосредственно с национально-культурной спецификой текста связан ввод французских вкраплений в тексты, где автор описывает свое почти четырнадцатилетнее пребывание во Франции в качестве эмигрантки и передает речь местных жителей французскими вкраплениями. Вот пример из «Китайца»: «...моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет «*p' tite soeur*», а пожилых «*p' tite mère*», и даже самую нарядную даму не зовет «*Madame*», в Париже явно хорошо» [12, т. 2, с. 22]. Речь швейцарской родственницы М. И. Цветаевой в «Чёрте» передается французскими вкраплениями, как и их диалоги. Подобные употребления характерны для исследованных текстов.

Косвенно связанные с национально-культурной спецификой текста ИВ также обнаружены в текстах М. И. Цветаевой. В воспоминаниях о матери «Мать и музыка» автор объясняет свое детское восприятие черных пуговиц на материнских башмаках. Они похожи на зрачки французской породы собак — мопса. Отсюда французское вкрапление, косвенно связанное с национально-культурной спецификой текста. «Поэтому они и прюнелевые (prunelle des yeux — мопса)» [2, 76]. Также косвенно связано с национально-культурной спецификой текста французское вкрапление в тексте с ярко выраженной немецкой спецификой («Башня в плюще»). В тексте множество немецких вкраплений, но лифт назван по-французски, на другом официальном языке Швейцарии. «Потом, чтобы у меня был «ascenseur», только не в доме, без дома, в саду...» [2, 145].

Одной из особенностей автобиографических текстов М. И. Цветаевой является относительно большое число вкраплений, ассоциативно связанных с национально-культурной спецификой. Например, в произведении «Мать и музыка» в одной фразе сразу три вкрапления разных типов, ассоциативно связанных с французской спецификой: «Одушевленное туше звучало как бархат, и было коричневое, а так как toucher — трогать, выходило, что я рояль трогаю, как бархат: бархатом: коричневым бархатом: кошкой: patte de velours» [2, с. 54]. Сложная ассоциация подчеркивается необычной пунктуацией автора. В этом же тексте ассоциативно связано с национально-культурной французской спецификой текста вкрапление, которое можно было бы перевести на русский язык без потери смысла фразы, но с потерей обращенности к французской культуре: «А потом, с переводом вещей на человеческое — пожилой мужской фигурой тридцатых годов: тучный, но bien pris dans la taille, несмотря на громоздкость...» [2, 79]. К вкраплениям, ассоциативно связанным с национально-культурной спецификой текста, относятся и немногочисленные эпитафии, введенные в тексты М. И. Цветаевой.

Не связаны с национально-культурной спецификой текста так называемые узуальные вкрапления, активно используемые многими авторами XIX–XX вв. Они были понятны без перевода всем получившим традиционное гимназическое образование той эпохи и употреблялись в исконной графике. Узуальные вкрапления собраны в уникальном словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендецова [14]. В автобиографических текстах М. И. Цветаевой их очень много, например есть общеизвестные латинские вкрапления NB, N, P. S. Некоторые узуальные вкрапления, вошедшие на момент их использования М. И. Цветаевой, уже вошли в словарный состав русского языка. Но Цветаева вводит их в текст в исконной графике: «Нет, она шла va banque, ставила на неизвестное...» [2, 58]. К подобным употреблением относятся и многочис-

ленные музыкальные термины, давно заимствованные русским языком, но данные М. И. Цветаевой в виде ИВ, как полных, так и частичных всех разновидностей. Например: «La-betol же было для меня пределом лиловизны» [2, 61]; «И уверяю, удар был вовсе не staccat' ный» [2, 73].

Использование французских узуальных вкраплений иногда подкреплялось пребыванием в странах этого языка, то есть узуальные вкрапления иногда оказывались связанными с национально-культурной спецификой текста. Например, непосредственно связано вкрапление в датированном 1934 годом, написанном в Париже и о Париже, произведении «Китаец»: «Что вы продали Madame?» [2, 7]. В других текстах, написанных о суровой жизни в России в 20-е годы, узуальные вкрапления воспринимаются читателем как нечто инородное, например: «Изредка посылки нуждающейся дочери: когда несколько английских фунтов от удачной продажи на Смоленском, когда шелковое платье gris-perle, из только одного шлейфа которого та в Сербии шьет себе целое платье» [2, 201].

Таким образом, функционирование ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой связано как с ее полилингвизмом, так и с культурными традициями XIX в. и пребыванием в эмиграции. Несомненно, есть индивидуальные особенности ввода в тексты ИВ, требующие дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саакянц А. А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой / Анна Саакянц. — Москва: Терра: Книжный клуб Книговек, сор. 2016. 348 с.
2. Цветаева М. И. Автобиографическая проза. — Коммент. А. А. Саакянц / М. И. Цветаева. — М.: Сов. Россия, 1991. — 352 с.
3. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в произведениях М. А. Булгакова в лингвострановедческом аспекте / О. Н. Олейникова // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Под ред. Ю. Т. Листровой-Правды. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. — 164 с. — С. 50–57.
4. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах художественного стиля А. А. Ахматовой / О. Н. Олейникова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2022. — № 1 (294). — С. 195–199. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_1_195.
5. Чигирин Е. А. Немецкие вкрапления в текстах М. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Чигирин. — Воронеж, 2022. — 20 с.
6. Пучинина О. П. Иноязычные вкрапления в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М. И. Цветаевой / О. П. Пучинина // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Электронный сборник научных трудов / Под ред. В. М. Панфиловой. Елабуга: Изд. ЕИ КФУ. — 2017. — 236 с. — С. 154–156.

7. Словарь языка русской поэзии XX века: в 8 т. / Под ред. В. П. Григорьева, Л. Л. Шестаковой. — М.: Языки славянской культуры, 2001–2020 гг.
8. Шестакова Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) / Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. — Т. 74. — № 1. — С. 68–76.
9. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. — 144 с.
10. Листрова-Правда Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века. / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. — 156 с.
11. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах И. А. Бунина разных функционально-речевых стилей / О. Н. Олейникова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2007. Вып. 28. — 408 с. — С. 177–183.
12. Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. / М. И. Цветаева. — М.: Худож. лит., 1988. — 719 с.
13. Олейникова О. Н. Об одном речевом явлении в текстах О. Э. Мандельштама разных стилей / О. Н. Олейникова. // Воронежское лингвкраеведение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. — 292 с. — С. 47–62.
14. Бабкин А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 т. / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. — 2-е изд., СПб.: КВОТАМ, 1994.

*Воронежский институт МВД Российской Федерации
Олейникова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
E-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Oleynikova O. N., Candidate of Philology, Docent of the
Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: oon_2004@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА «МОНАХИНЯ» Е. П. РОСТОПЧИНОЙ И ДРАМА А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Н. Н. Пуряева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне*

Поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается малоизвестный драматургический отрывок Е. П. Ростопчиной «Монахиня». Высказывается гипотеза, что основным приемом построения текста является «диалог» с драмой А. С. Пушкина «Борис Годунов». Рассматривается новаторство Ростопчиной в создании образа царицы Софьи.

Ключевые слова: Е. П. Ростопчина, «Монахиня», царица Софья, А. С. Пушкин, «Борис Годунов».

Abstract: the article deals with little-known dramatic passage by E. P. Rostopchina "The Nun". It is hypothesized that the main method of constructing the text is "dialogue" with Pushkin's drama "Boris Godunov". Rostopchina's innovation in creating the image of Princess Sophia is also considered.

Keywords: Eudoxia Rostopchina, "The Nun", princess Sophia, Alexander Pushkin, "Boris Godunov".

Обращаться в художественных произведениях к сюжетам из отечественной истории первым предложил Н. М. Карамзин в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» («Вестник Европы», 1802). Однако эта тенденция наметилась лишь в конце 1820–1830-е гг., в период журнальных дискуссий по поводу национального романа и возможности создания на материале русской истории романа «вальтер-скоттовского типа». Особую значимость тема истории имела для московского кружка Любоумров и будущих славянофилов, для которых она была, прежде всего, способом выражения идеи национальной самобытности. С другой стороны, обращение писателей к историческим темам в 1820–30-е гг. было, по выражению И. З. Сермана, «одной из самых распространенных форм замещения собственно публицистических и политических выступлений русской мысли, невозможных по цензурным причинам в другом виде» [1, 118]. Исследователь говорит, прежде всего, о воплощении темы в драматургии начала 1830-х гг., на которую особое влияние оказала драма А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «художественное впечатление от "Бориса Годунова" было столь велико и в критике и в литературе, что ни один русский драматург первой половины 1830-х годов не мог в разработке исторической темы так или иначе не выразить своего отношения к пушкинской драме» [1, 118].

Воплощение исторической темы в литературе 1820–30-х гг. в целом привлекало значительное внимание исследователей, однако сосредоточено оно было, прежде всего, на произведениях писателей.

В отношении писательниц, чье творчество также является неотъемлемой частью литературного процесса, данная тема рассматривалась меньше.

Одной из первых среди женщин-авторов к историческому сюжету обратилась З. А. Волконская в повести «Славянская картина V века» (1824). Произведение было написано и впервые опубликовано в Париже; в переводе на русский язык П. И. Шаликова оно вышло в «Дамском журнале», а затем отдельным изданием в 1825 г. Исторический фон в повести весьма условен, а восторженный прием, который она получила, был обусловлен скорее социальными причинами, нежели литературными достоинствами текста. Да и само обращение к теме было вызвано, скорее, обстоятельствами личного характера: в этот период Волконская занялась восполнением своего образования в области русского языка и истории. Историческая тематика, пусть и условная, сохранилась и в последующем творчестве Волконской (стихотворение «Надгробная песнь славянского гусяра» (1832), повесть «Сказание об Ольге»), однако едва ли в этом следует видеть отражение актуальных литературных тенденций.

К условному историческому сюжету обращается другая заметная поэтесса 1830–50-х гг. — Е. П. Ростопчина. В конце 1842 она пишет драматический отрывок, озаглавленный «Монахиня. Историческая сцена» (Москвитянин 1843, ч. 1, № 9, с 1–16).

Как и ряд стихотворений поэтессы, являющихся «диалогом» с признанными классиками, прежде всего, с Пушкиным [2], «Монахиня» — своего рода диалог с исторической драмой «Борис Годунов». Ростопчина использует тот же стихотворный размер — нерифмованный пятистопный ямб; выбирает такое же место

действия — келью монастыря (это отсылает к одной из ключевых сцен пушкинской драмы — «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»); использует аналогичную пару антагонистичных персонажей (у Пушкина: старый монах Пимен VS молодой монах Григорий; у Ростопчиной: «старшая монахиня» (царевна Софья) VS «молодая монахиня»).

В завязке сцены Ростопчиной содержится аллюзия на начальные строки упомянутой сцены из «Бориса Годунова»:

«Борис Годунов»

Пимен (пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье —

И летопись окончена моя,

Исполнен долг, завещанный от Бога

Мне грешному... [3, 199]

«Монахиня»

Молодая монахиня

Ну, слава Богу, мать! я скоро кончу...

И воздуха блестящие мои

Назавтра, в день Успения Пречистой,

На алтаре святом увижу я! [4, 130]

Как у героя Пушкина есть миссия — фиксировать для будущих поколений историю, — так и Ростопчина, пусть в травестирированном виде, наделяет свою героиню миссией — вышивая церковные покровы, она славит Бога, фиксирует его присутствие в мире.

Все эти сходства (место действия, пара героев, текстовая аллюзия) задают траекторию развития действия и его восприятия читателем, поэтому довольно ожидаемо в тексте обнаруживаются дальнейшие смысловые сближения со сценой из «Бориса Годунова». Таким, например, является образ беспристрастной истории, которая судит правых и виноватых. Вот как об этом говорит Отрепьев в финале сцены в Чудовом монастыре:

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,

Никто тебе не смеет и напомнить

О жребии несчастного младенца;

А между тем отшельник в темной келье

Здесь на тебя донос ужасный пишет:

И не уйдешь ты от суда мирского,

Как не уйдешь от Божьего суда. [3, 204]

Героиня Ростопчиной, царевна Софья, лишенная всего, даже своего имени, тоже говорит о власти слова и истории, которых боятся ее гонители:

<...> Писать? Но ты ведь знаешь,

Что мне запрещено хранить пергамент,

Что перья и чернила для меня

Заговоренный клад <...>

То воля тех родных, о ком узнать

Ты хочешь!... то устав, меня гнетущий!...

Боятся истины! ... В своем блаженстве

Боятся сильные, что слезы слабой,

Дойдя к друзьям рассеянным, немногим,

Усердие пробудят в их сердцах...

Что свет о мне узнает и вспомнит,...

Что может быть и пожалеет кто

Об участи моей... [4, 135]

Софью лишили возможности оставить свое слово в истории, поэтому царевна находит иной способ это сделать — она берет с молодой монахини клятву, что та станет ее свидетельницей перед будущими поколениями и оправдает ее оклеветанное имя. В этом смысле «задачи» Пимена и его «визави» — молодой монахини — похожи: Пимен бесстрастно записывает для грядущих поколений то, чему стал свидетелем; молодая монахиня должна изустно сообщить потомкам правду о царевне.

Этот сюжетный ход дает Ростопчиной возможность ввести развернутый монолог главной героини, ради чего сцена, видимо, и задумывалась. Образ царевны очерчен в нем очень схематично. О своей драматичной судьбе героиня лаконично сообщает:

<...> ...она давно зарыта

В чужом гробу... И кровию чужою

Устам моим навек наложена

Молчания печать... <...> [4, 145–146]

Таким образом, неоднозначную судьбу царевны, которая обычно составляла основной интерес для писателей и историков, Ростопчина выбирает обойти молчанием.

Отметим, что в культурном сознании людей первой половины XIX в. личность старшей сестры Петра I получила исключительно негативную трактовку. В 1830-е гг., в период становления национального мифа о Петре I, она воспринималась как узурпатор и ретроград, пытавшийся тянуть Россию в прошлое. В отрицательном ключе решены образы царевны в двух романах, предшествующих произведению Ростопчиной: «Последний Новик» И. И. Лажечникова (1831–1833) и «Стрельцы» К. Масальского (1832).

Ростопчина, в сущности, пытается переломить эту тенденцию и делает это не через изображение личной судьбы царевны, а через описание побудительного мотива, толкнувшего ее захватить власть:

<...> не для себя,

Для родины торжествовать хотелось! <...> [4, 143]

То есть двигала ею отнюдь не жажда власти, а стремление спасти страну от ошибочного пути, на который ее пытались увлечь:

Я видела всю слабость, все ошибки

Соперницы, сообщников ея;

Я видела, каким стремленьем ложным

Они должны Россию повести... [4, 143]

Ключевая часть в монологе Софьи — о ее неосуществившихся планах: вести Россию ее собственным путем «на славу, на могущество, на счастье»:

О, если б я была теперь всевластна,

Наш православный край не был бы брошен

В объятия неверных чужестранцев!

Как с скатов гор бегущие снега

В слепом и необузданном стремленьи
Мы б не текли во след другим народам, —
Мы, юные, за дряхлыми стараясь
Их старческий недуг себе привить!...
Мы, гордые своею свежей силой,
Неопытным, пол-диким удальством, —
Мы б не были опутаны и сжаты
Законами, нам тесными! У нас
Пеленки отняли до время, дали
На место лат и шапки богатырской
Кафтан, который нам не по плечу!
И с бородой пропал наш дух народный,
Немечиной проникнулася Русь! [4, 143–144]

Это гневная инвектива не петровскому времени, а последствиям избранного исторического пути, то есть современности, и она недвусмысленно отсылает к взглядам самой Ростопчиной, не одобрявшей прозападный путь развития России. Ростопчина использует форму «исторической сцены» именно как возможность высказаться о нынешней судьбе России, видимо, не предполагая расширять этот художественный замысел до текста полноценной драмы.

Выбрав фоном период истории, в который развитие страны могло пойти по альтернативному сценарию, и героиней — аутсайдера официальной истории, Ростопчина в известном смысле также следует за Пушкиным. Царевна Софья — своего рода «женская» версия Григория Отрепьева. Впрочем, если Отрепьев — привлекательный герой для Пушкина [1; 125, 149], едва ли можно сказать такое в отношении Ростопчиной и ее героини.

Учитывая принятое негативное отношение к образу царевны Софьи, обращение к ней Ростопчиной демонстрирует фрондерство писательницы. С присущей ей дерзостью она бросает вызов сложившейся системе ценностей, воплощенной в идеологизированном образе Петра I.

Замысел «исторической сцены» сложился, видимо, достаточно быстро: местом и временем написания указаны «село Анна. Октябрь, 1842» [4, 146]. К тому же нет свидетельств предшествующего интереса Ростопчиной к истории или предпринятых ею подготовительных исторических изысканий.

Сюжет о царевне Софье впервые указал в ряду прочих сюжетов отечественной истории М. П. Погодин в статье «Письмо о русских романах» («Северная лира на 1827 г.»): «характеры Иоанна Великого, Грозного, Годунова; Лжедмитрия, Шуйского, Софии, Петра можно вывести на сцену едва ли не с таким же успехом, с каким Вальтер Скотт вывел Елизавету (в “Кеннильворте”), Марию Стюарт (в “Аббате”), Кромвеля (в “Вудстоке”), Иакова (в “Ниджеле”), Каролину (в “Эдинбургской темнице”)» [5, 136–137]. К 1840-м гг. царевна Софья уже дважды выступала героиней опубликованных художественных произведений, а замыслов, видимо, было значительно больше.

Так, в 1831 г. Погодин работал над драмой «Царевна Софья» (о судьбе рукописи нет сведений); Пушкин в середине 1830-х гг. также задумывал обратиться к этому периоду. Насколько Ростопчина была знакома с этими источниками, судить затруднительно.

Примечательно, что публиковать «Монахиню» она решилась в «Москвитяине», видимо, ободренная предисловием Погодина к первому номеру журнала за 1843 г.: «Благоговение пред Русской Историей до Петра I, при всем удивлении к его лицу, воздание должной чести Москве, осуждение безусловного поклонения Западу, при должном уважении к его историческому значению, сознание национального достоинства, уверенность в великом предназначении Русского народа, не только в политическом смысле, но и в человеческом, уверенность в величайших дарах духовных, коими наделен Русский человек для подвигов на поприще наук и литературы <...> — вот в каких кратких словах программа “Москвитянина”» [6, 73–74].

Личное знакомство Ростопчиной с Погодиным состоялось в сентябре 1843 г., а общение и переписка продолжились до конца жизни Ростопчиной, хотя, судя по дневниковым записям Погодина, общение это было не всегда ровным.

Высказав в «Монахине» взгляды, близкие славянофилам, Ростопчина явно рассчитывала на их сочувствие, однако обманулась в ожиданиях. К 1850-м гг. Хомяков стал одним из ее непримиримых противников. Вот как оценивала эту незадавшуюся попытку сближения сама Ростопчина в письме Погодину в 1857 г.: «Вы знаете, вы помните, что когда я приехала сюда, я не имела никакого понятия о *кружках, партиях, приходах*, — я просто открывала душу и объятия всем деятелям и двигателям на поприще родного слова, готовая всех уважить, все полюбить, не подозревая никаких козней, никаких интриг. Что же сделали из моей прямодушной благонамеренности?.. Меня возненавидели и оклеветали, еще не видав; Хомяков вооружил против меня Аксаковых и всю братию; они провозгласили меня *западницею* и начали преследовать бог весть за что, забывая мою *Царевну Софию* и мое с ними по многому единомыслие». [7, 350].

Несмотря на то, что произведение не имело резонанса, на который, видимо, рассчитывала Ростопчина, оно оставалось для нее значимым. Писательница обращается к этому замыслу повторно, готова второе издание своих сочинений. В июне 1857 г. она пишет вводную часть к сцене, состоящую из нескольких строф, используя тот же размер и ту же стилистику, какими написана «Песнь о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова. И начинается с аллюзии:

«Песня про купца Калашникова»
Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,

По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается... [8, 111]

«Монахиня»

Под святой Москвой, белокаменной,
Над Москвой-рекой, тихоструйчатой,
Монастырь стоит.— Среди поля он,
Среди поля он, зеленых лугов... [4, 125]

Обращение именно к Лермонтову не случайно: с одной стороны их связывала личная дружба и творческое взаимодействие, с другой — Ростопчина обращается к тексту, ставшему своего рода литературным воплощением образа допетровской Руси.

Добавив это стилизованное предисловие, Ростопчина подчеркивает свою обращенность к идеалам «золотого века» русской литературы и антагонизм к современной ей литературной ситуации. Тут уместно вспомнить любопытную гипотезу, высказанную А. М. Ранчиным о том, что Ростопчина в 1840–50-е гг. выстраивает миф о себе как наследнице и преемнице поэтов «золотого века», прежде всего Пушкина и Лермонтова [2]. Видимо, она небезосновательна.

Таким образом, используя сюжет о царевне Софье, Ростопчина, прежде всего, высказывает свое отношение в современному положению России. В то же время, она впервые представляет период ее правления как возможный альтернативный сценарий развития истории. Это направление трактовки образа царевны получит свое продолжение в произведениях начала XXI в. Важно отметить, что Ростопчина по сути впервые изображает Софью в положительном свете, пусть не как личность (о схематичности образа царевны уже было сказано выше), но как лично ей больше импонирующий, пусть и не состоявшийся, вектор развития страны.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Пуряева Н. Н., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: nadia_np@mail.ru

Прием «диалога» с классическими текстами — характерная черта художественной манеры Ростопчиной, любопытным образом совпавшая с ведущим художественным методом конца XX — начала XXI вв. — постмодернизмом. Развиваясь от реплик на стихотворения (1830-е гг.), к концу ее творческого пути (1850-е гг.) он привел писательницу к созданию сиквелов прецедентных культурных текстов — «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова. Характер этого диалога меняется от обмена репликами с собратьями по цеху (черта салонной литературной игры) до ностальгирования по эпохе, идеалам которой Ростопчина остается верна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х гг. / И. З. Серман // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л., 1969. Т. 6. С. 118–149.
2. Ранчин А. М. Стихотворения графини Евдокии Ростопчиной о поэтах и поэзии в контексте русской поэтической традиции А. М. Ранчин // *Slavia Orientalis*. — 2018. — Т. 67, — № 3, — С. 411–432.
3. Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т.—Т. 5.— Евгений Онегин. Драматические произведения.— Л., 1978.— С. 187–285.
4. Ростопчина Е. П. Стихотворения графини Ростопчиной / Е. П. Ростопчина.— Т. 4.— СПб, 1860.— 310 с.
5. Погодин М. П. Письмо о русских романах // Северная лира на 1827. М., 1984.— С. 247–267.
6. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков.— Т. 7.— СПб., 1893.— 604 с.
7. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина.— М., 1986.— 448 с.
8. Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т.— М.; Л. Т. 4.— 1955.— С. 101–117.

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Shenzhen MSU-BIT University (SMBU)
Puriaeva N. N., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: nadia_np@mail.ru

МОДАЛЬНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СЕМАНТИКИ

Т. В. Сатина

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 23 ноября 2022 г.

Аннотация: в работе, имеющей целью критический обзор научных источников по категории модальности, а также современных классификаций модальности, производится анализ понятия модальности как ключевой и универсальной семантической категории, имеющей непосредственное отношение к языку. Раскрывается подход исследователей к модальности вообще, к сущности языковой модальности, а также языковым средствам реализации модальных смыслов.

Ключевые слова: модальность, модальный анализ, модальность в языке, классификация модальности, семантическая категория.

Abstract: the paper aims at a critical review of scientific sources on the category of modality, as well as modern classifications of modality, analyzes the concept of modality as a key and universal semantic category that is directly related to language. The approach of researchers to modality in general, to the essence of linguistic modality, as well as linguistic means of implementing modal meanings is revealed.

Keywords: modality, modal analysis, modality in language, modality classification, semantic category.

Категория модальности – одна из глобальных научных категорий. Это предопределено тем, что «модальность принадлежит к важнейшим семантическим категориям, устанавливающим непосредственную связь высказывания с внеязыковой действительностью и формирующим его коммуникативный потенциал» [1, 6]. В современной науке о языке содержание понятия модальности достаточно часто связывают с категориями «реальность-нереальность», которые в свою очередь соотносятся с логическим представлением истинности-ложности. «Лингвистическая модальность не только не исключает логическую модальность, но и базируется на ней» [2, 6].

Один из авторитетных исследователей модальности А. В. Бондарко утверждал, что модальность много лет находится в центре внимания ученых, но, «несмотря на это, устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [3, 59]. Категория модальности в речевой коммуникации основательно рассматривается в работах С. С. Ваулиной, посвятившей свою исследовательскую деятельность языковой модальности и основавшей в 90-х годах прошлого века научную школу модальности, в рамках которой осуществлен проект «Модальность как универсальная категория: соотношение традиционных и новейших исследовательских подходов». Н. А. Пробст, базируясь на основных положениях научной школы С. С. Ваулиной, определяет модальность как стержневую лингвистическую категорию [4, 3]. Модальность может иметь различные модифицированные значения и оттенки в зависимости от контекстуальных условий. В современной лингвистической науке

модальность еще недостаточно изучена: ученые по-разному понимают содержание и объем категории модальности, нет единства мнений и в отношении средств выражения модальности.

Актуальность изучения категории модальности мотивирована 1) необходимостью дальнейшего углубленного изучения и уточнения содержания, объема, средств выражения категории модальности, представляющей интерес в теоретическом и практическом аспектах; 2) отсутствием единой позиции относительно категории модальности в работах, посвященных содержанию, объему разноуровневых средств выражения этой категории; 3) потребностью в знаниях о сущности средств выражения категории модальности, с помощью которых говорящий организует и оптимизирует речевое общение.

Целью статьи является критический обзор работ о категории модальности как универсальной семантической категории, а также основных классификаций модальности, содержащихся в научной литературе.

Научной новизной работы следует считать попытку критически проанализировать традиции изучения языковой модальности: ее структуру и объем, разные подходы к классификации.

Общепризнано, что модальность характеризует способ действия человека или его отношение к действию. Не раскрывая содержания действия, она указывает на его реальность и целеустановку, оценивает достоверность высказывания. Исследователи проблемы говорят о существовании модальной картины мира [5, 186]. Один из создателей оригинальной концепции модального типа М. Н. Эпштейн, воспринимая модальность через призму философии, приходит к выводу, что все измерения разворачиваются в

таких модальностях, как «возможность» и «действительность»; внутренние модальности реализуются через «потенциальное» и «вероятное». Все многообразие модальностей (28 модальных категорий) М. Н. Эпштейн представляет как реализацию четырех модальных позиций – мочь, быть, знать и не [6, 103]. Будучи уникальной ментальной категорией, модальность обобщает некие модальные признаки и связи, указывает на смену состояний, измерений или форм реализации чего-либо, что требует философского осмысления (см., напр., статью А. А. Веретенникова «Философия модальности» [7], работу А.А. Мёдовой «Онтология модальности» [5]). **Модальность** как своеобразный умозрительный феномен не имеет четких формальных показателей. Она «является глубинным концептом миропонимания и имеет иррациональную природу» [5, 160]. По этой причине «модальные отношения сложно уловимы для рационального мышления» [5, 104].

Парадокс ситуации заключается в том, что модальность присутствует везде, во всем, но формализовать и структурировать ее сложно. Данное понятие с трудом поддается однозначной дефиниции, квалификации и классификации. Кроме того, модальность сопровождается такими смежными явлениями, как: отрицание, оценка, эвиденциальность [8]. Модальность является междисциплинарной категорией, и модальный анализ как метод применяется в разных науках (филология, переводоведение, философия, логика, психология, правоведение, искусствоведение, физика, биология, медицина, программирование, теория и практика музыки, богословие и др.).

В силу полиаспектности данного феномена в эту сферу попадает также лингвистическая модальность. Модальность как научный феномен не может быть раскрыта и осмыслена без обращения к языку. Универсальность данной категории проявляется не только в том, что ею пронизаны все сферы жизни и деятельности человека, но и в том, что она относится к языковым универсалиям, которые позволяют «отчетливо увидеть родовое, общечеловеческое сходство тысяч языков на бесконечно разнообразной лингвистической карте нашей планеты – единый на всех широтах и под всеми флагами Язык людей» [9, 9]. К такого рода универсалиям относится и категория модальности, о которой В. В. Виноградов писал, что она «принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [10, 56]. Используя разные средства выражения, модальность охватывает все языки. «Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка» [11, 303]. Относительно модальности в языке актуально замечание С. С. Ваулиной: «Пожалуй, нет ни одной языковой категории, исследовательский интерес к которой был бы так активен и устойчив» [12, 8].

Основоположником отечественной традиции изучения модальности является академик В. В. Виноградов. После выхода в 1950 году одной из его наиболее содержательных работ по теории русской грамматики «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [10] у отечественных лингвистов появился интерес к изучению языковой категории модальности. С. С. Ваулина сформулировала главные тезисы этой работы: «ученый суммарно изложил концепцию модальности, выделив в ней три ключевых аспекта, принципиально важных для понимания природы данной категории и определения основных направлений ее дальнейшего исследования: 1) категория модальности принадлежит к числу основных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем; 2) содержание категории модальности и формы ее обнаружения исторически изменчивы; 3) в языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» [1, 6].

Со времени указанной работы В. В. Виноградова тема модальности постоянно разрабатывалась в отечественной лингвистике. Исследование глобальной категории модальности в аспекте философских интерпретаций тесно переплетается с аспектом лингвистическим, трактующим данную категорию преимущественно в семантическом ключе. Модальность имеет непосредственную связь и с другими сферами представлений говорящего о действительности и его отношения к ней. Полному осознанию и анализу модальности препятствует двойственный характер явления: с одной стороны, это понятийная категория, с другой – категория функционально-семантическая (см.: [13]). В свете сказанного понятийные категории сливаются с лингвистическими, так как языковые структуры имеют непосредственную мыслительную основу. На этих связях базируется языковая модальность, позволяющая реализовать коммуникативную функцию языка. В языке модальность выступает как одна из ключевых категорий: именно в ее рамках устанавливается связь сообщаемого с внеязыковой действительностью. Т. В. Романова указывает, что в современной лингвистике объем понятия «модальность» существенно расширился, охватывая любой коммуникативный акт или процесс: говорение, знание, мнение, оценка (см.: [2, 6]). «Русская грамматика» констатирует многозначность термина «модальность»: «им называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [14, 214].

В исследованиях по-разному представлены структура и объем языковой модальности, они сосредоточены на определении общих и частных значений семантической сферы модальности. «Мир, образуемый лингвистическими модальностями, многомерен, главные его измерения – это реалис / ирреалис

и объективная / субъективная модальности» [5, 211]. Парадигма языковой модальности иерархична в соответствии со средствами ее выражения, находящимися на разных уровнях языка. Она имеет как ядро, так и периферийные области. По этой причине, определяя лингвистический статус описываемой категории, необходимо обратиться не только к ее семантической сущности (выражаемой лексическими средствами), но и систематизировать лексико-грамматические, грамматические, контекстуальные средства выражения модальных значений.

Исходя из проанализированных работ можно говорить о следующих грамматических средствах выражения модальности: 1) наклонение глагола; 2) суффиксальные средства; 3) модальные и служебные слова; 4) синтаксические средства (см., напр.: [15]). Репрезентируется модальность через формы наклонения глагола, которые в этой системе являются морфологическим центром поля модальности. На периферии морфологических средств выражения находятся неличные формы глагола – формы императива и инфинитива. Б. В. Хрычиков подробно описывает второстепенные морфологические средства выражения модальности: модальные слова, частицы, союзы, междометия. В центре внимания автора находятся синтаксические репрезентанты модальности – интонация, односоставные предложения, словопорядок, вводные слова, приложение, обращение (см.: [15]).

Кроме того, модальность изучается вместе с темпоральностью и персональностью как важнейшая категория, оформляющая предикативность – ключевой признак предложения [16, 25]. Предложение имеет собственную парадигму репрезентации поля модальности: индикативная модальность, императив, оценка, утверждение, отрицание – и представляет ее в разных функциональных типах. В пределах предложения складывается специфическое соотношение модальности и предикативности; в устной речи средством репрезентации модальности и предикативности выступает интонация.

Категория модальности включает в свое содержание не только отношения, связанные с пониманием реальности или нереальности передаваемого факта (процесса), которые выражаются в пределах предложения (высказывания). Модальный синтаксис активно пополняется как исследованиями единиц языка, так и единиц речи. В монографии Г. Я. Солганика рассматриваются важные аспекты модального синтаксиса речи: 1) словосочетания как фактор формирования субъективно-модального значения; 2) субъективно-модальное значение предложения (высказывания); 3) текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория [17].

Существование большого количества подходов к типологии модальности затрудняет создание единой

и стройной классификации. Упорядочиванию знаний об объекте препятствует не только отношение ученых, но и характер самого объекта: модальность одновременно охватывает признаки, соответствующие не сообщаемой информации, а отношениям между адресантом, адресатом и высказыванием, то есть ситуации речи. В то же время отношение к модальности как к универсальной семантической категории позволило ученым выделить в ее сфере разнообразные группы. **Модальность объединяет** широкий круг разнородных явлений, объединенных однако одноплановым семантическим статусом. Определяя модальность как функционально-семантическую категорию, М. В. Ляпон утверждает, что с помощью модальности человек может проявлять «разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [11, 303]. «Русская грамматика» в структуре модального значения выделяет 4 уровня явлений: 1-й уровень – объективно-модальные; 2-й уровень – субъективно-модальные; 3-й уровень – это слова-глаголы, краткие прилагательные и предикативы, которые своими лексическими значениями выражают возможность, желание, долженствование, необходимость или вынужденность, предстояние, готовность; 4-й уровень модальных значений включает значения утверждения и отрицания, а также вопроса [14, 214–215]. «Национальный корпус русского языка», отталкиваясь от понятийной сущности категории модальности, уделяет внимание трем аспектам: а) отношению говорящего к содержанию высказывания; б) статусу обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру; в) иллокутивной силе, то есть коммуникативной цели говорящего. Т. В. Романова, занимаясь модальностью как текстообразующей категорией, описывает модальность интеллектуальной квалификации (утверждение / отрицание, неясность / уяснение, кажимость, возможность / невозможность); модальность этической оценки; анализируются модальности определенности / неопределенности, уверенности / убежденности; возражения / согласия (модальность диалогической реакции); оценочная модальность (эстетическая, эмоциональная, логическая оценки); модальности волеизъявления и воздействия [2].

Современные исследователи модальности раскрывают ее прежде всего в функционально-семантическом аспекте – как функционально-семантическую категорию, имеющую полевую структуру. Не вызывает сомнения наличие в рамках модальности двух ключевых оппозиций: первая ось – реальная / **ирреальная модальность**, вторая – **объективная / субъективная**.

Многоаспектность и многогранность объекта анализа обусловили трудности изучения и описания модальности языка. Выход лежит в изучении языковых явлений в их взаимосвязи и взаимообуслов-

ленности, когда при функциональном подходе охватываются все средства репрезентации модальности как базовые компоненты. Современная лингвистика осуществляет функционально-семантический подход к основным грамматическим категориям, проникая также в модальность. Модальность, раскрывая образ действий, выражая соответствие или несоответствие сообщаемого реальной действительности, выступает как типичная функционально-семантическая категория со специфическим ядром – грамматическим. В связи с тем, что языковая модальность воплощается в синтаксисе, плодотворной стала классификация теории модальных значений, предложенная Г. А. Золотовой (описанные выше классификации в значительной степени базируются на ней). Исследуя синтаксис в парадигме функционального метода, Г.А. Золотова говорит о существовании: 1) объективной модальности; 2) субъективной модальности; 3) внутрисинтаксической модальности [18, 141–147].

По мнению С. С. Ваулиной, объем содержания понятия «модальность», функциональность значений и их иерархичность зависят от семантической двуспектности предложения: от номинативного (пропозиционального) и коммуникативного (прагматического) аспектов [19, 16]. Исследователь полагает, что пропозициональная модальность, или модальность диктума, находит реализацию в рамках номинативного аспекта, а модальность коммуникативная (прагматическая), или модальность модуса, выражается в рамках коммуникативного аспекта, раскрывающего коммуникативные цели говорящего [20, 14]. Автор, акцентируя внимание именно на факте непосредственной связи высказывания с внеязыковой действительностью и формировании его коммуникативного потенциала в рамках модальности, считает, что важно противопоставление диктума (т.е. сообщения о событии – объективная семантическая константа) и модуса (т.е. субъективно-авторской рефлексии на событие – переменная семантическая константа), что послужило в дальнейшем предпосылкой для объединения в рамках общей категории модальности двух функционально разнородных пластов: модальности пропозициональной (объективной) и модальности прагматической (субъективной) [12, 6–10].

В рамках классификации типов модальности актуально всеобъемлющее противопоставление 1) пропозициональной и 2) коммуникативной модальности. Пропозициональная модальность включает оппозицию объективность (реальная и ирреальная составляющие) / ситуативность (аспекты действительности, возможности, необходимости, желательности); 2) коммуникативная модальность представлена субъективной модальностью, вопросом и побуждением [21]. Предпринятая классификация дала ответ на запрос в теории модальности, давно возникший в науке, и в то же время наметила параметры последующих исследований (см.: [22; 23; 4; 24]).

Исследователи модальности не могли не воспользоваться наработками лингвистики относительно принципа поля. Ввиду того, что полевая структура сама по себе существует в виде системы, она амбивалентна категории модальности, которая содержательно так же многоступенчата, иерархична, семантически вариативна. Достоинства полевого подхода заключаются в возможности выявить взаимозависимость структурных элементов, ранжировать их по функциональной роли, проследить исторические изменения в единицах языка, участвующих в выражении семантики модальности, прогнозировать тенденции развития их потенциала. Как отмечает С. С. Ваулина, «особое внимание уделяется специфике функционирования единиц, конституирующих поле в конкретных высказываниях, особенностям взаимодействия его ядерных и периферических элементов, соотношению их значений и функций» [20, 17]. Так, например, плодотворным может стать анализ особенностей реализации коммуникативного потенциала в русском языке: ситуативной модальности, представленной функционально-семантической полевой структурой [24]; средств выражения побудительной модальности в древнерусском языке [22]; средств выражения модального значения возможности [25]; вопросительно-побудительных конструкций как структурно-содержательного компонента макрополя категории модальности [4]; модальных значений уверенности – неуверенности в том или ином тексте (напр., в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души») [13]; авторской модальности в художественном тексте (напр., в произведениях А. Т. Твардовского [26]). Полевой подход открывает путь для исследования модальности как в синхронном плане, так и в диахронном [22]; также в сопоставительном ключе [24; 13]; в разных функциональных стилях (напр., на материале художественного текста [13; 26; 25], публицистики [22; 4]; в языке русского фольклора [27]). В рамках современных исследований семантики и функционирования модальности производится плодотворное многоаспектное изучение текста – как речевой единицы [17; 2].

Несмотря на то, что описанные выше методики существенно обогатили и регламентировали научное понимание модальности, остается немало дискуссионных вопросов. По причине многомерности, многослойности категории модальности, характеризующейся богатством средств репрезентации, в языке не удастся создать исчерпывающую классификацию. К дискуссионным относят вопросы о статусе объективной и субъективной модальности; соотношении категорий модальности и наклонения (с позиций функционального подхода); связи категории модальности и оценочности (участвующих в установлении отношений языка с внеязыковой действительностью). К сожалению, не является упорядоченным научный аппарат и терминология. Структура и объ-

ем языковой модальности, базовые компоненты ее семантики часто понимаются и трактуются излишне широко; дефиниции изобилуют синонимами; иногда отсутствует смысловая связь и функциональное взаимодействие понятий.

Модальные способы интерпретации объектов реальной действительности с давних пор укоренились в науке. Модальность как научный феномен разрабатывается на всех понятийных уровнях, что привело к междисциплинарному статусу данной категории. Модальность много лет находится в центре внимания ученых, но в наше время содержательная и методологическая конкретизация модальности становятся остроактуальными и воспринимаются как неотложные задачи. Перспективность модального анализа привела к тому, что категория оказалась в фокусе нескольких лингвистических направлений, при том что языковая модальность не вступает в противоречие с логической модальностью. Базируясь на логической модальности, модальность языковая существует как одна из универсальных семантических категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина С. С. Модальность как научный феномен: вместо предисловия / С. С. Ваулина // Категория модальности в речевой коммуникации. Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 6–9.
2. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография / Т. В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
4. Пробст Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Пробст. – Калининград, 2014. – 212 с.
5. Мёдова А. А. Онтология модальности: дис. ... доктора филол. наук / А. А. Мёдова. – Омск, 2016. – 200 с.
6. Эпштейн М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.
7. Веретенников А. А. Философия модальности: аналитическая философия и логика / А. А. Веретенников // История философии. – 2008. – № 13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-modalnosti-analiticheskaya-filosofiya-i-logika> (дата обращения: 14.09.2022 г.)
8. Урманчиева А. Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса / А. Ю. Урманчиева // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. – М.: Гнозис, 2004. – С. 28–75.
9. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2020. – 312 с.
10. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Института русского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – С. 38–79.
11. Ляпон М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 303.
12. Ваулина С. С. Исследование модальности в РГУ им. И. Канта: некоторые результаты и перспективы / С. С. Ваулина // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 8–16.
13. Коковина Л. В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводах на английский язык (функционально-семантический анализ): дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Коковина. – Калининград, 2013. – 208 с.
14. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Под ред Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
15. Хрычиков Б. В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке / Б. В. Хрычиков. – Киев: КГПИ, 1992. – 212 с.
16. Синтаксис современного русского языка. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347 с.
17. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса / Г. Я. Солганик. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 136 с.
18. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
19. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С. С. Ваулина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 143 с.
20. Ваулина С. С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст и др. / Под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
21. Ваулина С. С. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса // Модальность как семантическая универсалия. Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2010. – С. 17–25.
22. Кукса И. Ю. Средства выражения побудительной модальности в древнерусском языке XI–XIV веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Кукса. – Тверь, 1997. – 24 с.
23. Кукса И. Ю. Функциональная специфика модальных конструкций «лексический модификатор + зависимый инфинитив» в текстах первых российских газет / И. Ю. Кукса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Вып. 8. Сер. Филологические науки. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 14–20.
24. Магдалинская Е. Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Магдалинская. – Калининград, 2015. – 243 с.
25. Островецкая И. В. Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (функционально-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук / И. В. Островецкая. – Калининград, 2004. – 201 с.

26. Девина О. В. Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Девина. – Калининград, 2013. – 211 с.

27. Подручная Л. Ю. Средства выражения модаль-

ного значения возможности в языке русского фольклора (функционально-семантический анализ): дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Подручная. – Калининград, 2010. – 207 с.

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Сатина Т. В., доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
E-mail: sattv.75@mail.ru*

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Satina T. V., Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
E-mail: sattv.75@mail.ru*

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ: «ЦАРЬ-РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА И «БЛЕСТЯЩИЕ ОЗЁРА И ЖИВОПИСНЫЕ ГОРЫ» ЧЖОУ ДАСИНЯ

В. К. Сигов, Ван Цзяоцзяо

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 14 ноября 2022 г.

Аннотация: рассматривается нравственно-философская тема в «Царь-рыбе» В. П. Астафьева и романе «Блестящие озёра и живописные горы» китайского писателя Чжоу Дасиня. Деревенская проза в русской советской литературе 1960-х — 1980-х годов и китайская романистика о преобразованиях в деревне периода реформ и открытости в 1980-е — 1990-е годы обнаруживают много близких черт в проблематике и конфликтах. В статье анализируются эколого-природные и социальные локусы русского и китайского авторов как нравственный идеал — прибрежный посёлок Боганида и деревня Чуван, проблемы защиты героями традиционных устоев жизни в этих двух произведениях. Исследуется типологическое сходство и национально обусловленное своеобразие китайских и русских писателей в подходе к теме. Углубляется понимание нравственно-философской тематики в русской и китайской прозе.

Ключевые слова: В. П. Астафьев, Чжоу Дасинь, «Царь-рыба», «Блестящие озёра и живописные горы», нравственно-философские проблемы, защита традиционной нравственности.

Abstract: the moral and philosophical theme in V. P. Astafyev's novel "The Kingfish" and the novel "The Scenery of the Lake and the Mountain" by the Chinese writer Zhou Daxin are considered. The prose in Russian Soviet literature of the 1960s-1980s and Chinese novelism about the transformations in the village of the period of reforms and opening up in the 1980s-1990s reveal many similarities in the problems and conflicts. The article analyzes the eco-natural and social loci of Russian and Chinese authors as a moral ideal — the coastal village of Boganida and the village of Chuvan, the problems of protecting the traditional foundations of life in these two works. The typological similarity and nationally conditioned uniqueness of Chinese and Russian writers in their approach to the subject is investigated. The understanding of moral and philosophical themes in Russian and Chinese prose deepens.

Keywords: V. P. Astafyev, Zhou Daxin, "The Kingfish", "The Scenery of the Lake and the Mountain", moral and philosophical problems, defense of traditional morality.

ВВЕДЕНИЕ

Советский Союз в 1960-е годы, а Китай в 1980-х столкнулись с насущной проблемой социальной трансформации. В 1965 году проводится экономическая реформа в СССР, корректируется сельскохозяйственная политика, стимулируется промышленное развитие и ускоряется научно-техническая революция, что привело к существенному экономическому развитию. Но происходило это во многом за счет оттока людей и ресурсов из деревни в города. После реформ и начала политики открытости Китая в 1978 году, с установлением рыночной экономики и ускорением темпов урбанизации экономика, социальная структура и образ жизни деревни, а также идеология, система ценностей и духовные стремления крестьян совершенно изменились. Общие социально-экономические и нравственно-этические явления обусловили близость вопросов и тем, привлечших внимание русских писателей-деревенщиков и китайских авторов, работавших в этом направлении.

Опираясь на традиционные представления и этику крестьянства, китайские и советские писатели заново интерпретировали традиционные добродетели и дух нации, правдиво отразили различные нравственные проблемы, возникающие в ходе социальных преобразований, разоблачали и критиковали различные пороки, вызванные модернизацией.

В. П. Астафьев — выдающийся русский писатель, и его произведения оказали огромное влияние на русскую и мировую литературу. Китайский писатель Лю Синлун отметил, что В. П. Астафьев «повлиял на эстетические тенденции большой группы современных китайских писателей» [1, 212] (Здесь и далее переведено Ван Цзяоцзяо, если не указано иное). В своем повествовании «Царь-рыба» он выражает глубокую озабоченность дисбалансом в отношениях между природой и человеком, материальной и духовной сферами бытия людей, вызванных столкновением современной и традиционной цивилизаций.

Чжоу Дасинь — известный китайский писатель, рассказывающий в основном о жизни деревни, выходцев из села. Критика отмечала, что на его творчество

оказали большое влияние русские писатели: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. А. Есенин. «Под влиянием Толстого размышления о социальных проблемах стали центром внимания Чжоу Дасиня в его писательской деятельности, а призыв к любви и стремление к духовному очищению стали важнейшей темой его произведений» [2, 99].

Роман «Блестящие озёра и живописные горы» Чжоу Дасиня не только воплощает уникальное размышление писателя о сложных отношениях между крестьянами и землей, между деревней и городом, но и с гуманистических позиций показывает острые политические коллизии и душераздирающие человеческие трагедии, которые происходят в ходе трансформации деревни.

УТОПИЯ КАК НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ — ПОСЕЛОК БОГАНИДА И ДЕРЕВНЯ ЧУВАН

Уникальное, почти идеальное с точки зрения проявления лучших человеческих качеств место изображается В. П. Астафьевым, в главе «Уха на Боганиде». Рыболовецкая артель является идеальной моделью коммунального существования. Поселок Боганида становится утопией солидарности и взаимопомощи. Писатель видит социум Боганиды как совершенное воплощение нравственного идеала, представляя читателю картину мира, в котором индивидуальность и народность идеально объединены. В книге «Посох памяти», говоря об истории создания произведения, В. П. Астафьев назвал главу «Уха на Боганиде» «главой о доброте» и подчеркнул, что эта глава является смысловым центром книги [3, 197].

Ученый А. Н. Мешалкин пишет: «в одной из центральных глав повествования «Царь-рыба» («Уха на Боганиде») Астафьев рисует семью-артель, где жители Боганиды «раздаривают» друг другу душу, посильным трудом зарабатывают себе еду и “даром греются большим артельным огнем”» [4, 191].

В поселке Боганида простые и гармоничные общественные нравы. Природа сурова и требует немалых сил для жизни, тяжёлый труд. Но люди заботятся друг о друге и воспринимают других как семью. Как отмечает В. П. Астафьев в романе «Царь-рыба»: «Даже самые лютые, озлобленные в другом месте, в другое время, нелюдские мужики на боганидинском миру проникались благодушием, милостивым настроением, возвышающим их в собственных глазах» [5, 134]. Все члены в рыболовецкой артели заботятся друг о друге и работают вместе, и в этой большой семье и взрослые, и дети Боганиды обеспечивают себя своим трудом. Каждый из них выполняет свою работу и самостоятельно решает свои трудовые задачи в группе.

Интересно, что рыбацкая Боганида, изображаемая Астафьевым, возникла как случайное, «внеплановое» поселение, в общем, без корней, на пустом месте. И люди здесь собирались сначала очень раз-

ные, ничем не объединяемые, кроме необходимости работать, выживать, как-то существовать в этом суровом и неласковом уголке России. Умирали, бежали, отсеивались. Но постепенно условия замкнутого мирка выводят на передний план, делают определяющими традиционные национальные устои жизни и нравственности, которые как бы «вспоминают» крестьянские по своим родовым корням, нравственной генетической памяти люди. Именно эти начала оказываются наиболее эффективными, когда нужно: сначала — выжить, позже — вопреки всему, устроить свою жизнь более или менее по-человечески. Крестьянский мир напоминает о себе в совершенно новом антураже сезонного рыбацкого поселения.

Люди поселка Боганида относятся ко всем детям как к своим собственным и всегда проявляют к ним любовь: «В Боганиде еще с войны сохранился обычай: кормить всех ребят без разбору бригадной ухой. Выжили и выросли на той ухе многие дети, в мужиков обратились, по свету разъехались, но никогда им не забыть артельного стола» [5, 129]. Рыбаки никогда не сердятся на детей, независимо от того, с какими неприятностями они сталкиваются. Дети счастливы, и они тоже счастливы.

В Боганиде нравственно чистые отношения существуют не только между людьми, но и между людьми и животными: «И так уж повелось в Боганиде: добросердечность, объединившая людей, переметывалась и на животных» [5, 138]. Люди счастливо работают с дарами природы, помогают и любят друг друга и живут в гармонии с животными, создавая одухотворенную картину гармоничного сосуществования человека и природы.

Китайский писатель Чжоу Дасинь описал деревню Чуван, где живет героиня Нуаньнуань, как идиллическую утопию, которая не была полностью разрушена урбанизацией. Как сказал в романе бизнесмен Сюэ Чуаньсин: «Здесь чистое озеро, зеленые деревья и травы по горам, коровы, ослы и овцы, пасущиеся на краю деревни, ваша тихая деревня, старинные методы земледелия, культурное наследие государства Чу, древние инструменты для обработки пищи: каменные мельницы, каменные кофемолки и глиняные печи и т.д., все это очень интересно, поэтично, сюда хочется приезжать» [6, 207].

Вдохновленная этим интересом к старине и экзотике, Нуаньнуань начала развивать индустрию туризма в деревне Чуван, где строились высококлассные отели со стандартным сервисом, а преобразованное туристическое пейзажное место привлекло постоянный поток китайских и иностранных туристов. Однако по мере развития деревни возникли проблемы: бизнесмен Сюэ Чуаньсин тайно поддерживал проституцию и распутство в туристическом регионе. Это вредное поветрие захватывает и деревню Чуван. Нуаньнуань вопреки всему разоблачила неприглядную правду и привлекла к ответственности

Сюэ Чуаньсиня и Куан Кайтяня. Роман заканчивается победой борьбы Нуаньнуань.

Деревня Чуван идет все дальше и дальше по пути модернизации, развивая проект “Проспект государства Чу”, привлекая туристов из Европы и Америки. Чуван сохранила оригинальную экологическую среду и сельскую этику и в то же время встала на путь модернизации, достигнув беспримысленной гармонии в сочетании традиций и современности.

В описании Боганиды В. П. Астафьев в целом отмечает преимущества патриархально-традиционного образа жизни и критически относится к современности. Боганида изображена как идеальный мир, прекрасное воплощение нравственного идеала деревни в душах людей. По словам китайского исследователя Хэ Шаоцзюня, «Чжоу Дасинь утверждает, что городская современность как создает трудности для деревни, так и помогает ей выйти из трудностей» [7, 49]. Поэтому его деревня также должна полагаться на силу города. Деревня Чуван также сталкивается с противоречиями между городом и деревней, между материальным и духовным. И именно через разрешение всех этих противоречий ее жители продолжают двигаться вперед.

Социологический вектор является определяющим при разрешении конфликта и выражении авторской позиции в творчестве китайского писателя. Так было и на первоначальных стадиях освоения деревенской темы в русской литературе 50–60-х годов, например у русских писателей Б. Можяева — «Из жизни Федора Кузькина (Живой)», Ф. Абрамова в первых книгах тетралогии «Пряслины». Астафьев работает немного позже и в иной эстетической манере. У него авторское начало выражено более открыто, образно-лирические формы воплощают нравственно полноценные явления жизни. Характеры, враждебные традициям нравственности, имеющим крестьянские корни, изображаются более жестко, через поступки, прямые действия. Внутренний мир этих людей автор не воссоздает столь полно и лирично, как в случае с нравственно приемлемыми для него персонажами. Об этом идет, в частности речь ниже.

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В «ЦАРЬ-РЫБЕ» В. П. АСТАФЬЕВА И РОМАНЕ «БЛЕСТЯЩИЕ ОЗЁРА И ЖИВОПИСНЫЕ ГОРЫ» ЧЖОУ ДАСИНЯ

Русский ученый С. В. Бурдина отметила: «Современная цивилизация приносит материальное благополучие, существенно облегчает жизнь, но в то же время она создает дисбаланс в духовной экологии человека» [8, 169].

В повествовании в рассказах «Царь-рыба» показано, как с ускорением социального и экономического развития в Сибири городская цивилизация в не самых лучших ее проявлениях оказывает все большее влияние на поселок Чуш. Здесь преобладает индивидуализм, потребительство и рациона-

лизм одерживают верх над духовностью: «Законы и всякие новые веяния чушанцами воспринимаются с древней мужицкой хитрецей — если закон обороняет от невзгод, помогает укрепиться материально, урвать на пропой, его охотно приемлют, если же закон суров и ущемляет в чем-то жителей поселка Чуш, они прикидываются отсталыми, сырыми...» [5, 138].

Чрезмерное проникновение массовой культуры, увлечение и поклонение культуре западной заставило молодых людей проявить презрение к традиционной национальной культуре.

«На глазах выкупаются кавалеры нового поместья, жадно тянутся к «передовому опчеству», на ходу с кожей сдирая с себя древние, заржавелые вериги прародителей. «Тяты» еще блюдут устои, но жила-то и в них ослабла, колебнулась старая вера, матершинничать, пить на людях, табак курить сплошь и рядом взялись. Молодому поколению и Бог велел оскорбиться, пристать ко всеобщему движению. Хватит, попятитесь, поупорствовали и сколько же всякого удовольствия упустили» [5, 71].

Вторжение урбанизации все больше поглощает границы деревни, а современная культура агрессивно изменяет и даже отчуждает традиционную этику земледельцев. Под гнетом современности сельское население постепенно превращается в «низший класс». Некоторые люди не могут устоять перед соблазнами города, теряют себя, утрачивают традиционные нравственные начала, становятся хуже.

В романе «Блестящие озёра и живописные горы» современная городская жизнь породила большой соблазн для молодежи в деревне. Они покинули деревню, чтобы зарабатывать деньги в городе. Это привело к запустению земли и постепенному упадку деревни. Более того, поскольку традиционная деревенская цивилизация постепенно распадалась, а новая система ценностей еще не была создана, в деревне появился культурный разрыв, и крестьяне выглядят неуверенными и подавленными в такой ситуации.

После того как деревня Чуван стала туристическим местом, ее жители вели материально благополучную жизнь. Но некоторые потеряли себя перед лицом множества искушений и нарушили свои традиционные моральные устои. Они использовали деньги на азартные игры и проституцию, и нарушали закон. Таким образом, изначально чистая и гармоничная деревня стала “грязной”.

Кроме того, нельзя игнорировать влияние городских чужаков на деревню: в романе «Царь-рыба» прибытие «захватчиков», которые были склонны к индивидуализму, сильно повлияло на образ мысли и поведение жителей Чуши. Гога Герцев — типичный представитель «чужака». Поступок, прямое и активное действие — это его кредо. И автор «не спорит» со своим персонажем, в основном информируя о его действиях. Он эгоцентричен, стремится быть «сверхчеловеком», считает себя всемогущим, а природу —

лишь объектом для его притязаний. Гога — крайний индивидуалист, равнодушный к своей семье, никогда не пишет родителям и не имеет чувства ответственности за жену и детей. Его принципы жизни основаны на самоудовлетворении и корысти, он живет по принципу «я хочу». Он обманывает библиотекаршу Людочку, а затем безжалостно бросает ее. Использует Элю, проделавшую долгий путь из Москвы в поисках отца. Все действия Гоги имеют только одну цель — удовлетворение его собственных желаний, страстей.

Идеи сверхчеловека Гоги и его стремление к неограниченной свободе были соблазном для молодежи поселка Чуш, некоторым он кажется лидером новых идей. Приезд чужаков вроде Гоги серьезно повлиял на моральные устои молодежи, сильно отразился на образе жизни местных жителей, нарушив гармоничные отношения между людьми и пагубно влияя на традиционное нравственное начало деревенского мира.

В отличие от «Царь-рыбы», в романе «Блестящие озёра и живописные горы» чужаки делятся на две основные категории: туристы в лице старика Тана, которые приносят в деревню Чуван городскую цивилизацию и современную информацию, и бизнесмены в лице Сюэ Чуаньсиня, которые делают все ради личных интересов.

Старик Тан приехал в деревню Чуван из-за ценного местного культурного наследия — Великой стены государства Чу. До его приезда Великая стена государства Чу в глазах местных жителей была не более чем каменными развалинами. По мере открытия исторической ценности Великой стены все больше ученых и туристов приезжали посетить деревню Чуван. Эти посетители приезжают сюда, с одной стороны, исследовать секреты древней Великой стены, а с другой — познакомиться с новой и незнакомой деревенской жизнью.

Хотя эти посетители лишь ненадолго останавливаются в деревне Чуван, их влияние на деревню нельзя недооценивать. С одной стороны, новые люди приносят в деревню информацию о современной городской цивилизации, давая крестьянам возможность узнать о внешнем мире; с другой стороны, их приезд улучшает общение и взаимопонимание между жителями города и деревни.

Если ученые и туристы города открыли для себя историческую и культурную ценность деревни Чуван, то бизнесмен Сюэ Чуаньсинь превратил историческую и культурную ценность Великой стены Государства Чу в реальную экономическую ценность. Он очень проницательный бизнесмен, который надеется извлечь выгоду из деревни Чуван. Стремление городских жителей к деревенской жизни заставило его увидеть возможности для бизнеса. При этом он возомнил себя «спасителем», полагая, что сможет сделать жителей деревни Чуван богатыми и оживить упадочную деревню. Для развития он привез

сюда современное оборудование и бизнес-идеи города, что значительно изменило внешний облик деревни Чуван.

Инвестор Сюэ Чуаньсинь позволил жителям деревни Чуваньюжун пользоваться некоторыми материальными благами города, но масштабное коммерческое развитие также уничтожило первоначальную экологическую среду деревни Чуван. Для развития курорта было насильственно разрушено большое количество домов жителей деревни и захвачены их пахотные земли. Чтобы привлечь больше клиентов, Сюэ Чуаньсинь нанял девушек для работы в секс-индустрии, и многие девушки потеряли себя из-за соблазна денег. Сельские устои начинают разрушаться под влиянием негативных сторон городской цивилизации.

В творчестве В. П. Астафьева писатель сосредоточен на исследовании различных негативных последствий социальных преобразований для деревни, чтобы вызвать воспоминания о традиционных добродетелях, выразить привязанность к традиционной национальной культуре и любовь к родине. А в романе «Блестящие озёра и живописные горы» китайский писатель Чжоу Дасинь пытается увидеть разные стороны процесса. Хотя его симпатии связаны с деревней, но он не сопротивляется улучшению и повышению материальной культуры людей за счет модернизации, выражая стремление к гармоничным отношениям между городской и деревенской цивилизацией.

Хотя писатели обеспокоены проблемами, возникшими в деревне перед лицом модернизации, в глубине души они не теряют надежды на будущее деревни. И Астафьев, и Чжоу Дасинь вкладывают в своих героев чувства привязанности к родному для них миру.

Аким вырос на ухе в Боганиде, жил в первобытном лесу и в Арктике, чтобы заработать. Трудности, которые он пережил, его человеческие слабости (главной он сам считает злоупотребление алкоголем) не заставили его отказаться от своей доброй и честной натуры, сильного чувства ответственности и этического кодекса поведения. В главе «Сон о белых горах» Аким жертвует своими личными материальными интересами, чтобы следовать законам совести и спасти умирающую девушку Элю. Интересно, что именно в этой главе писатель рассказывает и об откровенном антипode Акима Гоге Герцеве. В острой жизненной ситуации различие нравственных оснований персонажей становится наиболее очевидным. Герцев в погоне за удовлетворением собственных прихотей и желаний поставил человека, который ему доверился, на грань жизни и смерти. Аким самоотверженно помогает совершенно незнакомому человеку, спасает девушку, отказываясь от очень многого важного для него.

Какой бы ни была его работа, он делает ее с самоотдачей и в тесной солидарности с другими. Где бы

он ни был, он заводил близких друзей и всегда был готов щедро и бескорыстно помочь им и всем окружающим его людям. Он в одиночку сражался с медведем, который убил его товарища. При этом Аким, в принципе, всегда с пониманием и симпатией относится ко всему живому. Особенно важны в книге Астафьева образы живущих рядом с людьми собак (Бойе в одноименной главе, Розка в главе «Сон о белых горах»).

Все это показывает нам, что Аким — добрый и открытый людям человек, а не холодный, эгоистичный, который не зависит от общества и людей. Независимо от обстоятельств, он всегда сохранял приверженность традиционной морали.

В романе Чжоу Дасиня Чу Нуаньнуань является воплощением лучших традиционных качеств личности. Героиня не по своей воле живет в сельской местности. Изначально она работала в городе, но была вынуждена вернуться в деревню, чтобы ухаживать за больной матерью. Писатель изображает как принятие Нуань городской цивилизации, так и ее приверженность добру деревенской цивилизации. Хотя после возвращения в родные места она чувствует себя неуютно и разочарована нищетой и отсталостью деревни, она не бежит от нее, а пытается менять ее своими силами. В то время, как она взяла на себя тяжелую ответственность за преобразование деревни, она также начала процесс поиска себя и понимания себя. Нуаньнуань осмеливается встать против традиционной брачной этики деревни и стремится к одухотворенной любви; она доброжелательна и спасает девушку, находящуюся на грани деградации, даже если она дочь врага. Хотя судьба преподносит ей множество испытаний и невзгод, Нуаньнуань упорно ищет счастье для себя и других. Когда деревню накрывает волна реформ и крестьяне теряют себя, поддавшись соблазну денег, она делает все возможное, чтобы спасти деревню, сохранить лучшее из традиционного арсенала нравственных ценностей сельских жителей. Чу Нуаньнуань ценит доброту, трудолюбие, взаимопомощь — прекрасные качества крестьян, которые не должны быть утрачены, даже если деревня сильно изменится. Чу Нуаньнуань — последняя надежда, которую Чжоу Дасинь оставляет деревне Чуван.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И Астафьев, и Чжоу Дасинь исследуют в своих произведениях нравственные проблемы современного мира, обнажая духовный кризис, возникающий под влиянием современности. Их глубоко волнует отсутствие чувств человечности, развращение человеческого сердца деньгами и наживой, упадок традиционной, сельской по происхождению этики и морали.

Однако между двумя писателями есть явные различия в принципах изображения нравственно-социальных проблем. В качестве объекта изображения

Астафьев обычно берет повседневную жизнь, уделяя больше внимания интерпретации морали с точки зрения человеческой природы, заглядывая в психологический мир людей, чтобы увидеть распад традиционных концептуальных нравственных структур. Герои, живущие по достойным сохранения этическим нормам, изображаются автором изнутри, в связях с другими людьми, природным миром. Большую роль в их раскрытии играет лирическое авторское начало, голос повествователя, помогающего понять сложные, противоречивые, но прекрасные в своих основах души людей. Негативно окрашенные персонажи у него предстают в основном в их поступках, без привлечения средств углубленного психологического анализа или многоаспектной характеристики повествователя. Впрочем, в моменты нравственного прозрения и к таким героям возвращается способность искренне переживать и каяться. Это мы видим, например, в сцене смертельной схватки браконьера Игнатича с осетром. Чжоу Дасинь, в свою очередь, в основном фокусируется на изменениях в социальной структуре и межличностных отношениях в сельском мире, чтобы посмотреть на трансформацию страны в целом, отражая макроэкономическую перспективу развития общественной морали и индивидуальной нравственности.

В любом случае, они отражают озабоченность писателей изменениями в деревне в разгар социальных, экономических и культурных перемен, их объединяет беспокойство за судьбу крестьянства в период социальных преобразований и стремление построить гармоничную личность вне зависимости от того, в каких социальных условиях она формируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Синьлун. Насколько глубока капля воды / Лю Синьлун. — Пекин: Издательство «Писатели», 2009. — 261 с. (на кит. языке).
2. Хэ Хун. Теория Чжоу Дасиня / Хэ Хун // Обзор художественной прозы. — 2017. — № 2. — С. 98–107 (на кит. языке).
3. Астафьев В. П. Посох памяти: [Сборник] / В. П. Астафьев. — М.: Современник, 1980. — 367 с.
4. Мешалкин А. Н. «Мысль семейная» в романе В. Астафьева «Печальный детектив» / А. Н. Мешалкин // Вестник Костромского государственного университета. — 2008. — № 4. — С. 191–195.
5. Астафьев В. П. Царь-рыба / В. П. Астафьев. — М.: АСТ, 1976. — 246 с.
6. Чжоу Дасинь. Блестящие озёра и живописные горы / Чжоу Дасинь. — Пекин: Издательство «Писатели», 2006 (3). — 261 с. (на кит. языке).
7. Хэ Шаоцзюнь. Продолжение духа утопии деревенской литературы: обзор «Блестящие озёра и живописные горы» Чжоу Дасиня / Хэ Шаоцзюнь // Литературный форум на юге. — 2006. — № 3. — С. 47–51 (на кит. языке).

8. Бурдина С. В. Проблема экологии души в творчестве В. Астафьева и Чжан Вэя / С. В. Бурдина, Инь Цзецзе,

Сун Тяньяо // Научный диалог, 2019. — № 3. — С. 164–173.

Московский педагогический государственный университет

*Сигов В. К., доктор филологических наук, профессор
E-mail: vladimirsigov@mail.ru*

Ван Цзяоцзяо (Китай), аспирант третьего курса, Институт филологии,

E-mail: wjj1398342053@163.com

*Moscow Pedagogical State University \
Sigov V. K., Doctor of Philology, Professor, Russian literature
of XX–XXI centuries Department, Institute of Philology
E-mail: vladimirsigov@mail.ru*

*Wang Jiaojiao(China), Postgraduate Student, Institute of
Philology*

E-mail: wjj1398342053@163.com

СОБЫТИЙНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ЦИКЛАХ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» И «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 21 января 2022 г.

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей сюжетной организации двух циклов рассказов В. А. Никифорова-Волгина о детстве. Цикл «Детство» открывает первую книгу прозаика. В нем идет речь о жизни верующей семьи до революции. Центральным событием каждого из рассказов цикла является либо участие героя в церковных таинствах, либо встреча православного праздника или значимого события церковного календаря. Смысловой доминантой данного цикла становится празднование Пасхи Христовой. Второй цикл — «Из воспоминаний детства» — отчасти восполняет первый, поскольку повествует о тех памятных днях церковного календаря, которые не были представлены в первом цикле, однако здесь есть и совершенно особенные события: смерть брата мальчика-повествователя, встреча с юродивым, история жизни «московского миллионщика». В семантическом плане через повторяющиеся в разных рассказах цикла образы зерна и кутьи здесь представлен в свернутом виде сюжет грядущего воскресения, путь к которому лежит через серьезные испытания и смерть. Оба цикла включены в книги, где рассказывается о жизни в России до и после революции. Циклы о детстве смягчают трагическую тональность текстов о послереволюционных событиях и дают надежду на грядущее духовное преображение страны.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, сюжет, событие, семантика, цикл рассказов «Детство», цикл рассказов «Из воспоминаний детства», православие.

Abstract: the article analyzes the particular plot structure of two V. A. Nikiforov-Volgin's short story cycles dedicated to childhood. The Childhood cycle opens the first book of the writer, and tells about a religious family's life before the Revolution. Each story of the cycle puts on centre stage either a character's participation in the Sacraments of the Church, or celebration of an Orthodox Christian holy day or an important event in the Christian calendar. Celebration of the Orthodox Easter (Passover) becomes the dominant idea of this cycle. The second cycle, The Memories of Childhood complements the first one in part, as it tells about those memorable days of the Christian calendar that were not included in the first cycle. At that, the second cycle also features completely different events, such as death of the boy narrator's brother, an encounter with a Fool-for-Christ, or a life story of a 'Moscow millionaire'. At the semantic level, the writer presents images of grain and koliva, which reoccur throughout the cycle. They are used to shortly describe the scenario of the future Resurrection, the path to which lies through hardships and death. Both cycles are included in books that tell about life in Russia before and after the Revolution. The cycles about childhood mitigate the tragic tone of texts about events after the Revolution, and bring hope for a future spiritual transformation of the country.

Keywords: Nikiforov-Volgin, plot, event, semantics, cycle of short stories «Childhood», cycle of short stories «Memories of Childhood», Orthodoxy.

По определению В. Е. Хализева, «сюжет — цепь событий, изображенных в литературном произведении <...>» [1, 381]. Н. Д. Тмарченко говорит о том, что сюжетное событие представляет собой «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее, <...> через границу, разделяющую части или сферы изображаемого пространства и моменты художественности, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом от нее, а также преодоление препятствий» [2, 239]. Как указывают Т. И. Печерская и Е. К. Никанорова, «значимость сюжетного события определя-

ют существенные изменения в жизни или сознании героя» [3, 13]. При этом «выявить сюжетную иерархичность событий возможно только с помощью картины мира в целом, представленной в произведении. Именно картина мира позволяет определить масштабы того, что является событием, а что его вариантом, не сообщая нам ничего нового» [3, 14]. В произведениях, представляющих собой цикл, события возникают не только отдельно в каждом тексте, входящем в целое цикла, но и на стыке разных текстов, где, как пишет Л. Г. Акопян, реализуются «разноуровневые межтекстовые связи, благодаря которым порождаются новые смысловые комплексы,

не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [4, 5]. Семантический аспект сюжета опирается на рассмотрение смысловых комплексов такого рода, а также на мотивы и образы, формирующие глубинную смысловую мифопоэтическую сюжетную основу¹. Хотя приведенное здесь утверждение касается именно лирического цикла, тем не менее, на наш взгляд, и в отношении цикла прозаических текстов оно также может быть употреблено. К примеру, М. Н. Дарвин и В. И. Тюпа в книге «Циклизация в творчестве А. С. Пушкина» наряду с такими лирическими циклами, как «Подражание Корану», «Песни западных славян» и некоторыми другими рассматривают также и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». Исследователи отмечают: «Циклообразующим фактором первостепенной значимости в «Повестях Белкина» следует признать именно эффект *двуголосого* слова, преодолевающий кризис моносубъектного повествования <...>» [6, 158]. Ключевым событием в пушкинских «Повестях...» является, по мнению ученых, само рассказывание: «<...> изображающее слово подставного «автора» <...> оказывается словом изображенным, требуя эстетического отношения не только к обозначаемым им фактам, но и к себе самому» [6, 159]. Ю. П. Феоктистова подчеркивает, что «в XX в. циклизация становится одним из ведущих эстетических принципов» [7, 13] не только в литературе, но и в других видах искусства. Исследователь связывает это явление с кризисной ситуацией эпохи: «<...> во времена исторических потрясений и расколов художественное сознание неизбежно обращается к архаическим формам, позволяющим <...> удерживать в восприятии читателя от распада окружающую действительность <...>» [7, 14]. Книги В. А. Никифорова-Волгина, в том числе циклы о детстве, в них входящие, написаны как раз в тот исторический период, когда верующие подвергались преследованиям и репрессиям со стороны советских властей. Увидеть свет книги прозаика смогли потому, что вышли за рубежом в 1940 г., до установления советской власти в Эстонии, где жил В. А. Никифоров-Волгин, оказавшийся там вместе с семьей после революции. Цикл «Детство» открывает его первую книгу «Земля-именинница» (1937), а цикл «Из воспоминаний детства» входит в его вторую книгу «Дорожный посох» (1938). С. Исаков отмечает, что готовилась к выходу в свет и третья книга прозаика — «Древний город» («Жизнь и нравы русской провинции после революции») — в 1939 г., однако она так и не была

напечатана [8, 334]. Рассматриваемые нами тексты входят в книги, которые писатель успел опубликовать до того, как сам пострадал от репрессий. По 58-й статье прозаик был расстрелян 14 декабря 1941 г., а реабилитировали его лишь в 1991 г.

Циклы «Детство» и «Из воспоминаний детства» смягчают трагическую тональность текстов о послевоенных событиях в книгах писателя и дают надежду на грядущее духовное преображение страны. А. Перфильев отмечает такую тональность «детских» рассказов В. А. Никифорова-Волгина: здесь, по мнению критика, в отличие от текстов о связанных с революцией событиях, все «<...> радостно, чисто и не омрачено» [9, 477]. С. Нарышкин же пишет о ценностно важной для писателя дореволюционной эпохе, отразившейся в его текстах: «С былым, ушедшим, далеким Никифоров-Волгин связан крепкой, неразрывной пуповиной» [10, 474].

Циклы В. А. Никифорова-Волгина о детстве скрепляет прежде всего фигура рассказчика, с чьей точки зрения показаны события (С. Исаков так обозначает магистральную тему циклов — «мир церкви глазами ребенка» [8, 335]), время и место действия, повторяющиеся персонажи второстепенного ряда².

Рассказчиком в обоих циклах является мальчик Вася. В нем легко угадываются автобиографические черты самого В. А. Никифорова-Волгина. Вася приобщается к православной вере, живо и радостно воспринимает церковную службу и церковные Таинства. Е. Ю. Афонина говорит о том, что в циклах, где повествователь выступает еще и как персонаж, на уровне сюжета неоднократно реализуется и проверяется его кредо, «которое может подтвердиться еще раз в заключении» [12, 60]. Иными словами, «общий сюжет цикла — это путь героя-повествователя, его самоопределение, выбор и утверждение этической и идеологической позиции в мире» [12, 59]. Но если организуя роль в этом процессе самоопределения исследователь отводит хронотопу дороги, то в отношении циклов о детстве В. А. Никифорова-Волгина следует сказать, что структурообразующим началом в этих циклах выступает церковный календарь, т.е. здесь важен не столько пространственный, сколько временной принцип. Это связано с тем, что позиция героя-повествователя опирается на православное мировоззрение, с которым тесно сопряжено литургическое время богослужения, а именно годовой его круг. Это отражено и в названиях отдельных рассказов циклов («Кануны Великого Поста», «Великая Суббота», «Светлая Заутреня», «Отдание Пасхи» и т.п.).

¹ Ср. с определением семантического сюжета, данным Каталин Кроо: «Под семантическим сюжетом — подразумеваются отдельные линии и совокупность определенных смыслопорождающих процессов в литературном тексте, включая, в качестве их органичной части, событийный сюжет произведения» [5, 7].

² Н. Н. Костянин пишет о Васе: «Ассоциации мальчика говорят о том, что он, несмотря на малый возраст, уже понимает, что он православный христианин, и должен жить по-христиански» [11, 11]. И еще: «Перед нами чувствительный мальчик, который близко к сердцу воспринимает церковную службу» [11, 34].

Событием в каждом рассказе становится переживание героем церковного праздника, участие в Таинстве или церковной службе. Так, в рассказе «Причащение» Вася волнуется: «Войдет ли в меня Христос? Достоин ли я?» [13, 25]. Само же событие участия в Таинстве Евхаристии сопряжено в тексте с мотивом радости: «По отходе от Чаши долго не отнимал от груди крестообразно сложенных рук — прижимал вселившуюся в меня радость Христову...» [13, 26]. Весь мир преобразается для героя в результате этого события: «В этот день я ходил словно по мягким пуховым тканям — самого себя не слышал. Весь мир был небесно тихим, переполненным голубым светом, и отовсюду слышалась песня: «Вечери Твоея тайныя... причастника мя прими»» [13, 26]. Единение с Богом, переживаемое чистой душой ребенка, — главное событие этого рассказа.

В цикле «Из воспоминаний детства» появляются также значимое для рассказчика событие встречи и скорбное событие смерти.

Если цикл «Детство», изображающий Россию до революции с ее духовными идеалами, открывает первую книгу писателя, то цикл «Из воспоминаний детства» следует во второй книге В. А. Никифорова-Волгина за повестью «Дорожный посох», давшей название книге. В этой повести представлена смена эпох: Россия до, во время и после революции. Цикл о детстве возвращает читателя в дореволюционную пору, однако, в отличие от цикла «Детство» в первой книге, здесь уже звучит тема ожидания грядущих потрясений и поругания святынь (рассказы «Тайнодействие», «Юродивый Глебушка»).

Тема русскости ярко освещена в цикле «Из воспоминаний детства». Так, в рассказе «Радуница» Вася размышляет о русском слове: «И до чего это чудесны наши русские слова! Если долго вслушиваться в них и повторять раздельно и со смыслом одно только слово, и уже все видишь и слышишь, что заключено в нем. Как будто бы и короткое оно, но попробуй, вслушайся... Вот, например, слово «ручеек». Если повторять его часто-часто и вслух, то сразу и услышишь: ручеек журчит между камешками! <...> В день Радуницы много перебрал всяких слов и подумал с восторженным, впервые охватившим меня чувством: «Хорошо быть русским!»» [14, 83]. Осмысление этого — уже значимое событие в контексте не только данного рассказа и цикла, но и всей книги: для автора дорога Русь с ее духовными идеалами и культурой — то, что после революции многими перестанет осознаваться как нечто ценное.

Второй «детский» цикл отчасти восполняет первый, так как включает в себя рассказы, посвященные церковным праздникам и особо значимым дням церковного года, отсутствующие в первом цикле. Особенно ярко это проявляется в рассказе «Великая суббота» в цикле «Из воспоминаний детства», в котором упоминается происшествие из рассказа «Плащаница»

цикла «Детство». Там Вася называет друга Гришку «зеброй» за то, что тот перемазался, когда красил яйца к Пасхе. В рассказе «Великая суббота» Гришка напоминает Васе об этом. Однако уже в следующем рассказе за текстом «Великая суббота» — «Иванушка» — нарушается принцип «восполнения». Время действия здесь — Светлая Заутреня, наступление Пасхи. Но в первом цикле Вася встречал праздник вместе с родителями в храме, а тут он находится с матерью дома, возле больного братика Иванушки, а отец один отправился на пасхальное богослужение. Вспоминает Вася Иванушку и в рассказе «Отдание Пасхи», что свидетельствует о переживании им в своих воспоминаниях событий не одного и того же года, но разных лет³.

Если первый цикл открывается мотивом материнского благословения перед тем, как Вася пойдет на службу в церковь, то второй более драматичен по содержанию, поскольку начинается с сообщения Васи о его драке с другом Гришкой. В рассказе первого цикла «Исповедь» Вася преодолел духовное искушение, встретив по дороге в храм друзей и не поссорившись с ними, а во втором цикле ситуация разлада между друзьями будет повторяться. Тем не менее, во вражду это не перерастает. Есть во втором цикле и ситуация несогласия между родителями Васи. Возникает она в рассказе «Святое Святых». Мать наставляет Васю: «Будь к людям приглядчив. Душу его береги. Сострадай человеку и умеи находить в нем пшеницу среди сорной травы» [14, 106]. В этих словах, основанных на образах пшеницы и сорной травы и связанных с евангельской притчей о пшенице и плевелах, ощутима любовь к человеку как творению Божию. Отец Васи отвечает на эти слова своей супруги так: «Держи карман шире! — проворчал отец, засучивая щетину в драгву. — Как я там к людям ни приглядывался, ни сострадал им, ни уступал, а они все же ко мне по-волчьи относились. Ты, смиренница, оглянулась бы хоть раз на людей. Кто больше всего страдает? Простые сердцем, тихие, уступчивые, заповеди Господни соблюдающие. Не портила бы ты лучше мальчика! Из него умного волчонка воспитать надо, а не Христова крестника!» [14, 106]. Из этих рассуждений видно, что отец духовно слабее в этой семье, чем мать. По сути, отец отступает здесь от православной веры. Но последнее слово остается в этом разговоре за матерью. Она вначале объясняет ему духовную подоплеку таких суждений, а затем наставляет и сына, чтобы уберечь его от соблазна: «Мать так и вскинулась на отца.

— Ты бы лучше оглянулся и узнал: кто стоит за твоей спиной?

Отец вздрогнул.

— Кто?

³ В этом мы не согласны с точкой зрения Е. А. Осминой, утверждающей: «<...> в обоих циклах описан один и тот же год из жизни ребенка <...>» [15, 218].

Да тот, кто искушал Христа в пустыне! Не говори непутевые слова. Они не твои. Не огорчай ангела своего. Сам же, когда выпьешь, горькими слезами перед иконами заливаешься. Не вводи ты нас в искушение. А ты, — обратилась она ко мне, — не всякому слуху верь. У отца это бывает. Жизнь у него тяжелая была, ну и возропщет порою. А сам-то он по-другому думает! Последнее с себя сметет и неимущему отдаст. В словах человека разбираться надо; что от души идет, и что от крови!» [14, 106]. Мать и отца приводит в должное духовное состояние (мы видим, что он живо реагирует на ее слова), при этом не осуждая его, и сына учит духовному рассуждению, указывая на расхождение слов отца с его делами. Из других рассказов нам известно, что родители Васи вместе посещают богослужения и дорожат своей верой. В данном же эпизоде ситуация искушения оказывается преодоленной благодаря матери героя. Таким образом, во втором цикле о детстве важное значение получает мотив искушения героя и событие его преодоления.

Центральное событие в двух циклах прозаика о детстве — Пасха. Восемь из десяти рассказов цикла «Детство» посвящены подготовке к Пасхе и непосредственно самому празднику. В кульминационном для первого цикла о детстве рассказе «Светлая Заутреня» доминирующее значение получает мотив соборности, единения людей в радости и любви к Богу и ближним. «Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратились в ликующие пасхальные свечи!»⁴ [13, 49]. Во втором цикле центральный из тринадцати рассказов — «Отдание Пасхи». Здесь тоже есть духовный путь к празднику, следующий вслед за церковным календарем: от недели, предваряющей Великий Пост (рассказ «Кануны Великого Поста»), до завершения пасхального богослужебного цикла. Заметим, что в других рассказах, не связанных непосредственно с пасхальным временем, есть отсылки к мотиву воскресения. К примеру, в рассказе «Яблочки» (цикл «Из воспоминаний детства»), посвященном празднику Преображения Господня, узелки яблок сравниваются с пасхальными куличами. Юродивый Глебушка в одноименном рассказе говорит, что одеяние ангелов похоже на «батюшкины пасхальные ризы» [14, 117]. В последнем же рассказе цикла «Из воспоминаний детства» «Московский миллионщик» дядя Гуляй называет Васю «пасхальным каноном». Таким образом, пасхальная тема оказывается доминирующей в этих «детских» циклах. В свете этой темы скорбные события смягчаются

⁴ Церковная свеча, как отмечается в «Иллюстрированной православной энциклопедии», — «символ нашего духовного союза с Церковью. Мягкий воск изображает наше послушание, а огонек свечи означает желание измениться в лучшую сторону» [16, 272].

надеждой на грядущую радость. К примеру, братик Васи, Иванушка, переходит в иной мир в день Христова Воскресения, после возвращения отца со Светлой заутрени. Хоронят его на третий день Пасхи: «Отпевали Иванушку по-особенному, по пасхальному чину, радостно, в белых ризах, с пасхальной серебряной свечой. Отправляли братца в дорогу с сердцем легким и мирным, без нахмуренной скорби» [14, 79]. В рассказе «Радуница» звучат утешительные слова священника: «Жизнь бесконечная... Все мы воскреснем... Все встретимся...» [14, 83].

Примечательно, что во втором цикле о детстве, в ткани повествования, не единожды встречается образ зерна или кутьи. Так, в рассказе «Крещение» упоминается «сладкая, медом заправленная каша» [14, 59], в следующем за ним рассказе «Кануны Великого Поста» — «кутья из зерен — в знак веры в воскресение из мертвых» [14, 63]. В рассказе «Иванушка» есть такое рассуждение Васи: «как зерно с виду мертвое, но, брошенное в землю, восстает к жизни, так и мертвое тело воскреснет при трубе архангела» [14, 79]. В рассказе, посвященном Радунице, прихожане на поминальный стол приносят «пасхальные яйца, куличи и кутью» [14, 82]. В рассказе «Святое Святых» в текст вводятся пшеница, хлеб, семена, а в рассказе «Тайнодействие» — ржаное поле и хлеб. Все это, на наш взгляд, сопряжено с центральной пасхальной темой двух анализируемых здесь циклов и на семантическом уровне связано с сюжетом грядущего воскресения, путь к которому лежит через серьезные испытания и смерть.

В цикле «Из воспоминаний детства» круг персонажей, по сравнению с циклом «Детство», расширяется: к примеру, читатель знакомится со священником, диаконом, церковным сторожем и регентом храма, в который ходят Вася и его родители. О Васиной семье мы узнаем больше: дедушка Васи был старообрядцем, имя брата мальчика — Иванушка, ярче представлены отношения между родителями ребенка. Среди действующих лиц второго цикла прозаика о детстве — блаженный Глебушка, бывший богач Денис Петрович Овсянников и его верный слуга дядя Гуляй. Встречи Васи с этими персонажами становятся событиями или для центрального персонажа циклов, или для тех, с кем он встречается. Так, юродивый Глебушка открывается Васе как человек святой жизни: «<...> по-святому улыбаясь, тонким, тонким шепотом, сине вспыхивая засветившимися вдруг глазами, не похожими на его всегдашние юродивые, забормотал, словно в тихом призрачном полусне <...>» [14, 116]. Для бывшего «миллионщика», а теперь обитателя «драного заплатанного дома, около которого никогда не высыхала грязь <...>» [14, 123] Дениса Петровича Овсянникова встреча с Васей — благое знамение от Бога: «<...> Это хорошо, что отрок к нам подсел... Хороший знак, добрый! Это значит, что души наши не затемнились еще... А вот ежели дитя али животная

бежит от человека, тогда — каюк... Беззвездная, значит, душа у того несчастного!» [14. 122]. Приход же Васи к Денису Петровичу незадолго до его перехода в иной мир становится для бывшего «миллионщика» ответом на его молитвы: «Сколь велико милосердие Божие, — говорил он [Денис Петрович], — молился я ночью и спрашивал Господа: прощены ли беззакония мои? Знать, прощены, если Он отрока ко мне послал!» [14, 124]. Завершается цикл «Из воспоминаний детства» у могилы Дениса Петровича. Однако в контексте цикла значимым является не столько событие смерти, сколько следующая за ним встреча с Богом. Это событие лежит в основе каждого рассказа рассматриваемых нами циклов о детстве.

Заметим также, что в цикле «Из воспоминаний детства» событие воспоминания, маркированное в заглавии, напрямую в тексте, как, к примеру, в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», не проявляется. Значимую роль этот заголовок имеет в структуре всей книги «Дорожный посох», куда этот цикл входит. Цикл о детстве, рисуя жизнь верующей семьи в России до революции, указывает на духовные нормы отношений человека с Богом, семьей, ближними, в соответствии с которыми должна строиться жизнь человека и которые заданы православной верой. В результате революции эти духовные нормы были попорчены, но вера, пронесенная через испытания, послужила в произведениях В. А. Никифорова-Волгина залогом грядущего духовного возрождения народа и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев В. Е. Сюжет / Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебн. пособие / В. Е. Хализев (под ред. Л. В. Чернец). — М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. — С. 381–393.
2. Тамарченко Н. Д. Событие сюжетное / Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 239–240.
3. Печерская Т. И. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: учебное пособие / Т. И. Печерская,

*Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru*

- Е. К. Никанорова. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010–162 с.
4. Акопян Л. Г. Лирический цикл как тип текста / Л. Г. Акопян // Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование). — Ереван, 1990 — С. 5–6.
  5. Кроо К. Творческое слово Достоевского — герой, текст, интертекст / К. Кроо. — СПб.: Академический прехт, 2005. — 286 с.
  6. Дарвин М. Н. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа. — Новосибирск: Наука, 2001. — 293 с.
  7. Феоктистова Ю. П. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века. Монография / Ю. П. Феоктистова. — Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2019. — 124 с.
  8. Исаков С. Забытый писатель / В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох / С. Исаков. — М.: Советская Россия, 1992. — 366с. — С. 330–339.
  9. Перфильев А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. Заутреня святителей. М.: Паломник, Глаголы жизни, 1998, 528с. С. 475–480.
  10. Нарышкин С. Певец Бога и земли / В. А. Никифоров-Волгин. Заутреня святителей / С. Нарышкин. — М.: Паломник; Глаголы жизни, 1998. — 528 с. — С. 469–474.
  11. Костанян Н. Н. От Рождества Христова до Святой Троицы (по рассказам В. А. Никифорова-Волгина) / Н. Н. Костанян. — М.: ООО «Буки Веди», 2021. — 64 с.
  12. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: монография / Е. Ю. Афонина. — СПб.: ИНТАН, 2006. — 128 с.
  13. Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставрос, 2004. — 224 с.
  14. Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох и другие рассказы / В. А. Никифоров-Волгин. — М., 2018. — 174 с.
  15. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. М., 2015. № 5 (716). С. 216–226.
  16. Свеча / Иллюстрированная православная энциклопедия. М.: Дарь, 2011. — 320 с.

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru*

РОМАН «ТИХИЙ ДОН» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА (АЛГОРИТМЫ «ЖИЗНИ В ВЕКАХ»)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2022 г.

Аннотация: в исследовании, осуществленном с позиций синергетического подхода, роман «Тихий Дон» рассмотрен как феномен культуры и художественная система — в процессах структурно-смысловой самоорганизации и социально-эстетического функционирования отечественной литературной классики.

Ключевые слова: русская литературная классика, синергетический подход, художественная система, феномены самоорганизации, социально-эстетическое функционирование.

Abstract: in the article the novel “The Quiet Don” is analyzed as a phenomenon of culture and an artistic system from the synergetic point of view. The novel is examined through the process of structural and sense self organization and socio-aesthetic function.

Keywords: Russian literary classics, synergetic method, artistic system, phenomena of self organization, socio-aesthetic function.

Актуализация на современном этапе междисциплинарного вектора научного познания в стремлении к обобщенно-системному осмыслению предметной конкретики исследовательского поиска — диктует необходимость определения соответствующих методологических оснований. К наиболее значительным достижениям в философии науки рубежа XX–XXI столетий, открывающим новые перспективы познавательной деятельности, причисляются исследования общих методологических оснований различных областей познания; анализ возможностей преодоления «методологической пропасти» между естественнонаучным и гуманитарным знанием в логике неклассической рациональности, осознающей ценность разнообразия познавательных форм. С такой методологической позиции одним из показательных и продуктивных представляется *синергетический* подход [1].

Осмысление литературного процесса XX века в синергетическом аспекте — в качестве многослойной и многоуровневой, принципиально открытой, нелинейной, самоорганизующейся системы, — представляется результатом изучения сложной динамики взаимодействия разнонаправленных многофакторных процессов [2].

Обращение в русле указанного подхода к роману «Тихий Дон» как литературному явлению, феноменологически очерченному конкретным художественным текстом, безусловно, предполагает и контекстовый анализ. Рассмотрение романа «Тихий Дон» как художественной системы в различных видах эстетической реальности предполагает нахождение неких

общих системообразующих доминант текстового и контекстового плана. Как представляется, в роли определенной универсально-смысловой дефиниции, по-своему маркирующей такое системное начало, может предстать известное авторское высказывание на страницах самого романа: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход» [3, 291] (Здесь и далее подчеркнуто нами. — А. У.).

Здесь (казалось бы, достаточно неожиданно, но, на наш взгляд, по-своему оправданно) напрашиваются определенные аналогии с основными положениями теории самоорганизации сложных систем: о кризисных моментах «неравновесности» и неустойчивости в процессах системного развития, образующих бифуркационные «развилки дорог эволюции» [1].

Такого рода моменты в содержательно-смысловом плане по отношению к «Тихому Дону» представлены прежде всего исторической эпохой, художественно воплощенной в эстетической реальности текста романа. Судьбы российского социума на крутом повороте истории, разрушавшем «обычный, нерушимый порядок» жизни [3, 192] и открывавшем в деструктивном «беспорядке» самые различные (от губельно-тупиковых до обновляюще-созидательных) перспективы, — предстают в координатах *космоса/хаоса* — как взаимообусловленных состояний самоорганизации мироздания.

Известная локализация предмета художественного изображения, сфокусированного в романе на судьбах казачества, по-своему адекватна задачам создания эпоса *общенационального* масштаба. Здесь феномен

казачества, отнюдь не тождественный российскому «суперэтносу» в целом на пути «от Руси до России», тем не менее, предстает по-своему изоморфным общероссийской модели («пограничность» территориального, этнического, социального и ментального плана, пребывание в эпицентре диалога культур). Более того: выступая своеобразным маркером магистральных социокультурных процессов и ментальных параметров, казачество часто воплощает их в предельно обнаженном и порой гипертрофированном виде, превышающем некую общеусредненную норму.

По-своему явственно это проявляется в национально-историческом дискурсе традиционных культурно-идентификационных кодов и революционных преобразований, где последние инициируют радикальную замену системы ценностных ориентиров — патриотизма, генетического родства людей и родства «по человечеству» — на интернациональное «родство по классу», «революционный гуманизм», «революционную целесообразность» и т.п. Тем самым в текстовой реальности романа можно увидеть отрефлексированное исторической наукой общее проявление «синергетики исторического прогресса» [4], где развитие человечества предстает как постоянные повторяющиеся кризисные вызовы истории, и на которые именно культура призвана давать спасительный адекватный ответ. Поиск таких ответов чрезвычайно актуализировался для всего XX столетия, и российская версия их в «Тихом Доне» закономерно обращает к специфике отечественной литературы как «художественной антропологии» [5].

Здесь «самостоянье человека» (А. С. Пушкин) в апелляции к «родовому» началу (индивидуально-личностному на основе общечеловеческого в специфике национального) по-своему проверяется на прочность воздействием «видовых» факторов (социально-ролевых, сословно-классовых, конкретно-исторических). Центральный герой в своем правдоискательстве проходит испытание-искус различными «правдами» социально и духовно расколотого мира — в системной фокусировке для персонифицирующих такие правды «двойников», которые, в свою очередь, воплощают на индивидуально-личностном уровне бифуркационные «развилки дорог» на жизненном пути. Вместе с тем система образов-персонажей в формах художественно-структурной самоорганизации по-своему полифонична и акцентирует объективные параметры всеобщего *родства* представителей человечества, разъединенных по видовым признакам.

«Русская картина мира» в романе, являя видимые проявления хаотичной деструкции, сохраняет в своих онтологических и аксиологических основаниях константную модель *очной ставки* земного человека с Мiром и Вечностью (в исторических, теологических и космогонических ипостасях), продолжает нести черты отечественной художествен-

ной традиции и идентификационные признаки национальной культуры. По-своему показателен здесь и мотив «правдоискательства» как национального типа личностной самореализации, выступающего «на подвиг братолюбивого общения» в поисках не столько личного, сколько «всемирного счастья» (Ф. М. Достоевский), — а в «Тихом Доне» — той «правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий» [6, 158]. Все это создает в романе почву для провидения грядущего «порядка из хаоса» — не только для исторически осуществившегося феномена советской эпохи, но и для широкого спектра перспектив особого российского пути в судьбах мировой культуры и цивилизации.

Открытость финала, определенная «недосказанность» повествования демонстрирует тяготение художественно-структурного романного целого к *диалогу* с тем окружающим миром, для которого явлено авторское слово. И такой диалог, несомненно, состоялся и продолжается — с читателями, интерпретаторами, исследователями и — шире — с культурно-исторической эпохой XX–XXI столетий. При этом идентификация авторского начала является неотъемлемой частью общественно-исторического дискурса, где личностно-творческий феномен писателя предстает порой в парадоксальной неоднозначности. Дискурсионная атмосфера «вокруг Шолохова», периодически обостряясь, чередует в синхронном и диахронном плане моменты неустойчивого равновесия/устойчивого неравновесия с выходами на все новые уровни системной самоорганизации, — по мере ослабления остроты одних и актуализации других «шолоховских вопросов».

Вместе с тем в динамике общественного восприятия роман с течением времени начинает в известной мере дистанцироваться от биографической личности автора-творца (при том, что пресловутая «проблема авторства» играет достаточно второстепенную роль) и начинает жить собственной жизнью, векторы развития которой имеют свою особую направленность. Здесь в первую очередь следует констатировать тенденцию к неуклонному *расширению* поля социально-эстетического функционирования произведения. В этом плане, помимо собственно оценочной рефлексии, следует отметить и процессы *сотворчества*, особым видом которого предстает интенсивная интерпретация литературно-текстовой основы романа иными видами искусства (театр, кинематограф, хореография, музыка, живопись). Тем самым во множественности (и порой неожиданности) творческих решений формируется особый пласт эстетической реальности, где роман интегрирован в универсально-многоаспектное поле *художественной культуры* — как национально, так и мирового масштаба.

Совокупная «энергетика» всех этих составляющих оказывается отнюдь не равна их простой сумме, но в сложном системном единстве как раз и об-

разует особый синергетический эффект, выводящий литературное произведение как феномен культуры на качественно особый — гиперпродуктивный уровень социально-эстетического функционирования. Здесь для всех рассмотренных видов эстетической реальности прослеживается дискретно-нелинейный, но по-своему общий процесс неуклонного наращивания смыслов в феноменах самоорганизации — как один из алгоритмов «жизни в веках» литературной классики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князева Е. Единая наука о единой природе / Е. Князева, А. Туробов // Новый мир. — 2000. — С. 161–173.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

2. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / под ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 2002. — 139 с.

3. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Том. I. Книга первая. Книга вторая / М. А. Шолохов. — М.: Современник, 1975. — 639 с.

4. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса) / А. П. Назаретян. — М.: Наследие, 1996. — 184 с.

5. Удодов Б. Т. Пушкин: Художественная антропология / Б. Т. Удодов. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. — 304 с.

6. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Том. II. Книга третья. Книга четвертая / М. А. Шолохов. — М.: Современник, 1975. — 734 с.

Voronesh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ «МЕРТВАЯ ВОДА» ВЭНЬ ИДО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ТРЕХ КРАСОТ»¹

Чжан Хуаньюй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 октября 2022 г.

Аннотация: *Вэнь Идо (1899–1946) — один из значительнейших и своеобразнейших китайских поэтов, прокладывавший новые пути развития китайской поэзии на разговорном языке, обогативший ее новыми темами и новыми ритмами. Хотя, начиная с 1950-х гг. многие ученые обращали внимание на русские переводы поэзии Вэнь Идо, исследований этих переводов все еще недостаточно. Теоретические, литературно-критические труды Вэнь Идо обогатили национальную текстологию и поэтику, оставаясь актуальными до сих пор. В стихотворении «Мертвая вода» (1925), занимающем особенное место в наследии поэта, колоритно воплотились просодические идеи, которые он развил в своей теории «Трех красот». Данная статья посвящена конкретному анализу счастливых находок и неизбежных потерь русского перевода «Мертвой воды», осуществленного известным китаеведом Г. Б. Ярославцевым (1930–2004). В результате автор приходит к выводу, что называть русский перевод вполне адекватным оригиналу нельзя, однако переводчик прекрасно показывал образный мир Вэнь Идо русским читателям.*

Ключевые слова: *Вэнь Идо, китайская поэзия, перевод, теория «Трех красот», Г. Б. Ярославцев.*

Abstract: *Wen Yido (1899–1946) was one of the most significant and distinctive Chinese poets, who paved new ways for the development of Chinese poetry in the spoken language, enriching it with new themes and new rhythms. Although, since the 1950s, many scholars have paid attention to Russian translations of Wen Yido's poetry, studies of these translations are still insufficient. Wen Yido's theoretical, literary-critical works have enriched national textology and poetics and remain relevant today. The poem «Dead Water» (1925), which occupies a special place in the poet's legacy, is a colourful representation of the prosodic ideas he developed in his theory of the «Three Beauties». This article is devoted to a concrete analysis of the happy finds and inevitable losses of the Russian translation of «Dead Water», made by a well-known Chinesophile, G. B. Yaroslavtsev (1930–2004). As a result, the author concludes that the Russian translation cannot be called quite adequate to the original, but the translator perfectly showed the figurative world of Wen Yido to Russian readers.*

Keywords: *Wen Yiduo, Chinese poetry, translation, theory of the «three beauties», G. B. Yaroslavtsev.*

В истории китайской литературы XX века Вэнь Идо (1899–1946) занимает выдающееся место. Его лирика, отличающаяся яркой романтической образностью и изяществом формы, сыграла большую роль в становлении новой китайской поэзии. Теоретические, литературно-критические труды Вэнь Идо обогатили национальную текстологию и поэтику, оставаясь актуальными до сих пор. Особенно это относится к теории «Трех красот», выдвинутой в его работе «Формы стиха» («Ши-ды гэлэй», 1926 г.). Рассматривая перспективы развития метрического стихосложения, он подчеркнул важность сочетания слухового и зрительного восприятия стихотворного текста и описал принципы, на которых оно может

базироваться. Высшей целью такого сочетания является одновременное достижение музыкальной, архитектурной и живописной красоты поэтического образа — гармонии «трех красот».

Отныне и в своем литературном творчестве Вэнь Идо стремился к достижению этой гармонии, наследуя при этом традиции национального эстетического миросозерцания, китайской мифологии и учитывая опыт западной поэзии, с которой он имел возможность близко познакомиться за годы учебы в США.

В Советском Союзе тонким исследователем художественного и теоретического наследия Вэнь Идо еще с 1950-х годов стал синолог Валерий Тимофеевич Сухоруков. В 1965 году он опубликовал содержательную статью «Вэнь Идо и новый регулярный стих», в 1968 году в Институте народов Азии АН СССР защитил диссертацию о жизненной и литературной судьбе Вэнь Идо и на ее основе выпустил монографию «Вэнь Идо: Жизнь и поэтическое творчество» — первый на русском языке научный труд, посвящен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

ный замечательному китайскому поэту. В нем весьма полно освещена высокая и трагическая судьба Вэнь Идо, павшего жертвой наемных убийц, прослежены этапы его творческого пути, показаны эстетические поиски этого «яркого романтика, горячего поклонника Китса» [1, 2].

Позже В. Т. Сухоруков составил и со своим предисловием опубликовал репрезентативный сборник лирики Вэнь Идо «Думы о хризантеме». Все произведения — в переводах известного востоковеда, знатока китайского, вьетнамского, монгольского и тайского языков Геннадия Борисовича Ярославцева (1930–2004).

Стихотворение «Мертвая вода» (1925), помещенное в сборнике, является на языке оригинала одним из самых выразительных воплощений поэтических

идей самого автора. Поэтому представляет особый интерес взглянуть в то, как это получилось в русском переводе, которому Г. Ярославцев, вне всяких сомнений, отдал немало сил [2, 151].

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ

Поэзия — литературная форма, наиболее тесно связанная с музыкой. В китайском письме слово «поэзия» (詩歌) состоит из двух иероглифов: стихотворение (詩) и песня (歌). Древние китайские стихи были музыкальными, их пели. Как отмечалось выше, Вэнь Идо разделял средства поэтического выражения на зрительные и слуховые. К последним относятся ритм, рифма и пауза, и «Мертвую воду» поэт считал в этом отношении своим наиболее удавшимся произведением.

Вэнь Идо 这是 一沟 绝望的 死水 · Чжэ ши и гоу цзюе ван дэ сы шуй, 清风 吹不起 半点 漪沦 · цин фэн чуй бу ци бань дянь и лунь. 不如 多扔些 破铜 烂铁 · Бу жу до жэнь се по тун лань те, 爽性 泼你的 剩菜 残羹 · шуан син по ни дэ шэн цай цань гэн.	Перевод Геннадия Ярославцева Вот стоячее болото с жижей липкой. Не взволнует ветер воду рябью зыбкой. Тошнотворный запах гнили не разгонит — Все живое под собою топь хоронит!
也许 铜的 要绿成 翡翠 · Е суй тун дэ яо люй чэнь фэй цуй 铁罐上 锈出 几瓣 桃花 ; Те гуань шан сю чу цзи бань тао хуа 再让 油腻 织一层 罗绮 · Цзай жань ю ни чжи и цэн ло ци 霉菌 给他 蒸出些 云霞 · мэй цзюнь гэи та чжэн чу се юн ся	Если бросить в эту жижу ржавой жести, Хлама медного, чтоб прел с трясинной вместе; Если станет малахитом рухлядь эта, Ржа на банках — нежным персиковым цветом;
让死水 酵成 一沟 绿酒 · Жань сы шуй цзюа чэн и гоу люй цзю 漂满了 珍珠 似的 白沫 ; Пяо мань лэ чжэнь чжу ши дэ бай мо 小珠们 笑声 变成 大珠 · Сяо чжу мэнь сяо шэн бянь чэн да чжу 又被 偷酒的 花蚊 咬破 · Ю бэй тоу цзю дэ хуа вэнь яо по	Желтый жир, расплывшись пестрыми кругами, Станет радужной, узорчатою тканью, А микробы, что кишат здесь и ликуют, Облака, зарю из ткани образуют;
那么 一沟 绝望的 死水 · На мэ и гоу цзюе ван дэ сы шуй 也就 夸得上 几分 鲜明 · Е цзю куа дэ шан цзи фэнь сянь мин 如果 青蛙 耐不住 寂寞 · Жу гоу цзин ва най бу чжу цзи мо 又算 死水 叫出了 歌声 · Ю суань сы шуй цзюа чу лэ гэ шэн	Если мертвая вода вином забродит И жемчужины сольются в хороводе, Вот тогда-то это смрадное болото, Может быть, за красоту похвалит кто-то!
这是 一沟 绝望的 死水 · Чжэ ши и гоу цзюе ван дэ сы шуй 这里 断不是 美的 所在 · чжэ ли дуань бу ши мэи дэ со цзай 不如 让给 丑恶 来开垦 · бу жу жан гэи чоу э лай кай кэнь 看它 造出个 什么 世界 · кань та цзао чу гэ шэнь мо ши цзе(гай)	Но болото есть болото. Это ясно. Что гниет — увя! — не может быть прекрасным. Здесь лишь мерзость — от поверхности до дна. Что ж, посмотрим, что за мир создаст она!

Ритм оригинала создается с помощью рифм и тактов, выделяемых паузами с одним силовым ударением в каждом такте (音尺). Стихотворение разделено на пять строф, каждая из которых, кроме первой, имеет рифмовку АБВВ. Во второй строфе рифмуются

слова «хуа» и «ся», а в третьей — «мо» и «по». В четвертой строфе «мин (ming)» и «шэн (sheng)» имеют одинаковую рифму (ng). Стоящие в пятой строфе «在» и «界», которые произносятся на современном китайском языке «цзай» и «цзе», не рифмуются. Од-

нако помогает влияние древней фонетики, благодаря которой «界» в большинстве китайских диалектов произносится «гай», поэтому «在» и «界» все же рифмуются.

В оригинале каждая строка состоит из девяти слогов-иероглифов и разделена на четыре такта — три двусложных и один трехсложный: «这是 | 一沟 | 绝望的 | 死水». Четыре паузы в каждой строке подчеркивают ритм стихотворения, оттеняя его музыкальность. Такой ритмический рисунок сохранить в переводе едва ли возможно, но Г. Ярославцев сумел придать музыкальную красоту и своей версии. Он в основном использовал смежную рифму ААББ, рифму «липкой — зыбкой», «разгонит — хоронит», «ликуют — образуют», «болото — кто-то», «дна — она».

АРХИТЕКТУРНОСТЬ

«Архитектурная красота» относится к зрительным средствам поэтического выражения. Вэнь Идо учитывал «квадратный» характер китайской письменности. Его «архитектурная красота» — это эманация красоты китайских пиктограмм. Количество иероглифов в каждой строке «Мертвой вода» одина-

ково, и каждые четыре строки образуют одну строфу. В каждой строке четыре паузы — три «два иероглифа» и одна «три иероглифа». В переводе также сохранены пять четырехстрочных строф, но длина русских строк не может быть одинаковой. Причем первая и последняя строфы оригинала начинаются с одной и той же строки 这是一沟绝望的死水 и перекликаются от начала до конца. В переводе им соответствуют строки, лишь частично напоминающие друг друга: «Вот стоячее болото с жижей липкой» и «Но болото есть болото. Это ясно». Видно, что Г. Ярославцев пожертвовал буквализмом формы ради адекватного воплощения содержания и порождаемых им эмоций.

ЖИВОПИСНОСТЬ

Вэнь Идо, в течение ряда лет профессионально занимавшийся живописью, в своей поэзии уделял большое внимание цветовым образам и цвету вообще. Пейзажно-медитативная элегия «Мертвая вода» в символической форме передает горькие впечатления поэта от той затхлой общественной атмосферы, которую он ощутил, вернувшись на любимую родину после учебы за границей.

Дословный перевод	Перевод Геннадия Ярославцева
Это канава с безнадежной, стоячей водой, Свежий ветерок не дует, ни малейшей ряби. Лучше бросайте больше бесполезных медных и ржавых сосудов, Вылейте остатки и помои.	Вот стоячее болото с жижей липкой. Не взволнует ветер воду рябью зыбкой. Тошнотворный запах гнили не разгонит — Все живое под собою топь хоронит!
Медь может покрыться изумрудной патиной, Жестяные банки могут заржаветь в узоре из лепестков персика; Пусть жир соткет шелк и тюль, А бактерии создают облака и зарю.	Если бросить в эту жижу ржавой жести, Хлама медного, чтоб прел с трясинной вместе; Если станет малахитом рухлядь эта, Ржа на банках — нежным персиковым цветом;
Пусть стоячая вода забродит, станет зеленым вином, Испещренным белой пеной, похожей на жемчуг; Маленькие жемчужины превратились в большие жемчужины, И их укүсил комар, укравший вино.	Желтый жир, расплывшись пестрыми кругами, Станет радужной, узорчатой тканью, А микробы, что кишат здесь и ликуют, Облака, зарю из ткани образуют;
Таким образом, такая канава безнадежной, стоячей воды, Может похвастаться определенной яркостью. И если одинокие лягушки нарушат тишину, Во всех смыслах стоячая вода поет.	Если мертвая вода вином забродит И жемчужины сольются в хороводе, Вот тогда-то это смрадное болото, Может быть, за красоту похвалит кто-то!
Это канава с безнадежной, стоячей водой, Это, без сомнения, не обитель Красоты. Лучше пусть Демон Уродства вспашет его, И посмотрим, какой мир он сможет создать!	Но болото есть болото. Это ясно. Что гниет — увь! — не может быть прекрасным. Здесь лишь мерзость — от поверхности до дна. Что ж, посмотрим, что за мир создаст она!

Проявляя удивительное воображение и творческую смелость, поэт самыми изысканными красками изобразил накапливающиеся в канаве со стоячей водой неприглядные отходы человеческой жизнедеятельности: ржавые банки, помои, жирные разводы и прочее. Символическое значение этого описания очевидно. И переводчик нашел адекватные или чрезвычайно близкие к оригиналу образы: «изумруд» предстал как «малахит»,

«шелк и тюль» — «радужной, узорчатой тканью», «лепестки персика» окрасили картину «персиковым цветом». «Стоячая вода», которая забродит «зеленым вином», стала «мертвой водой», которая «вином забродит». «Облака и заря», созданные игрой «бактерий», — «облаками и зарей», вытканными «микробами».

Некоторые привходящие детали («комаров» в третьей строфе, «лягушек» — в четвертой) Ярос-

лавцев опустил, явно стремясь сосредоточить внимание читателя на обманной прелести самой воды. И с этой целью даже добавил обонятельный эффект, отсутствующий в оригинале: «Тошнотворный запах гнили не разгонит — / Все живое под собою топь хоронит».

Русская версия не вполне соответствует оригиналу — рифмовка не сохранена, порядок строк изменен, однако талантливая переводческая интерпретация Геннадия Ярославцева передает основные идеи первоисточника и позволяет русскому читателю получить достоверное представление о поэтическом методе Вэнь Идо, о его образном мире.

*Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Чжан Хуаньюй, аспирант
E-mail: zhydwyx@outlook.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухоруков В. Т. Вэнь И-до: жизнь и творчество / В. Т. Сухоруков. — М.: Наука, 1968. — 147 с.
2. Вэнь И-до. Думы о хризантеме / пер. с кит. Г. Ярославцева; вступ. статья и примеч. В. Т. Сухорукова. — М.: Наука, 1973. — 183 с.
3. Вэнь И-до. Избранное / пер. с кит. В. Ульянова и Г. Ярославцева. — М.: Гослитиздат, 1960. — 223 с.
4. Голыгина К. И. Изучение китайской литературы в России / К. И. Голыгина, В. Ф. Сорокин. — М.: Вост. лит., 2004. — 55 с.
5. Дождливая аллея: Китайская лирика 20–30-х годов / предисл. и переводы Л. Черкасского. — М.: Наука, 1969. — 199 с.

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Zhang Huanyu, Postgraduate student
E-mail: zhydwyx@outlook.com*

О ТРОПИКЕ РАССКАЗА А. И. КУПРИНА «ГАМБРИНУС»

Г. А. Шпилева, У. Ю. Борисова, В. А. Бондаренко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 8 января 2023 г.

Аннотация: в настоящей работе анализируются художественные средства, использованные А. И. Куприным в рассказе «Гамбринус»: их типы, структура, сюжетная роль. Созданная авторами статьи классификация сравнений позволяет уточнить ряд купринских концепций: относительно значения искусства, взаимодействия природы и цивилизации. Взаимопереходность, интерферирование различных видов тропов позволяет сделать ряд замечаний об идиостиле писателя.

Ключевые слова: Куприн, сравнения, метаморфные метафоры, тропика, сюжетно-композиционная система.

Abstract: this article analyzes the artistic means used by A. I. Kuprin in the story "Gambrinus": their types, structure, plot role. The classification of comparisons created by the authors of the article makes it possible to clarify a number of Kuprin's concepts: regarding the meaning of art, the interaction of nature and civilization. The inter-transitivity, interference of various types of the artistic means allows us to make a number of observations about the writer's idiosyncrasy.

Keywords: Kuprin, comparisons, metamorphic metaphors, the artistic means, plot and composition system.

Свой знаменитый рассказ «Гамбринус» А. И. Куприн создавал в очень тревожное время, в декабре 1906 года, поэтому в нем нашли отражение многие современные писателю реалии и значительные исторические вехи: Добровольный флот (торговые корабли, купленные на деньги населения), Англо-бурская, Русско-японская войны, «франко-русские торжества», трагические события 1905 года и пр. Существует мнение о том, что у скрипача Сашки был музыкант-прототип, дочь писателя отмечала большую любовь отца к изображенному, но не названному в рассказе городу (Одесса также часто фигурирует в письмах Куприна), что объясняет «особое внимание писателя к художественным деталям» [10, 35], очень ярким и реалистически точным. Читатель узнает, какие суда заходили в порт («итальянские шкуны», «анатолийские кочермы и трапезондские фелюги»), какие песни пели рыбаки и моряки разных национальностей («В Одессу морем я плыла», «Разлука», «Rule, Britannia»), какие танцы предпочитали (английская джига, лезгинка).

Динамичность сюжета «Гамбринуса», «трагическое напряжение» некоторых фрагментов (кровавые погромы, убийство собаки Белочки, избиение музыканта Сашки) «позволило добавить рассказу черты драматического рода» [1, 12]. Как всякий рассказ, анализируемое нами произведение имеет свой «статичный центр», к которому устремлено все повествование, в данном случае — это еврейский музыкант, гениальный скрипач Сашка; связанные с ним «ситу-

ация, факт, случай» обобщаются и отражают «весь мир» [14, 51] (и, благодаря упоминаниям о героях мифа, архетипах, не только современный мир). При этом отмечаемая исследователями «праздничность купринской прозы» действительно «сродни праздничности театральной», так как «что бы ни происходило на сцене (веселое или грустное), люди, находящиеся в зрительном зале и на сцене, чувствуют приподнятость атмосферы и счастливы от того, что они принимают участие в разворачивающемся действии» [15, 29].

Анализируемый рассказ, как и многие другие произведения Куприна, также отмечен «сочностью и цветистостью стиля» [15, 29]. Л. Н. Толстой, например, очень высоко оценил художественный уровень «Гамбринуса», «читал его вслух своей семье», указывал на уникальность «языка» [7, 755]. Начинается рассказ с экфразистических описаний «простенков» и стен «пивной в бойком портовом городе» [7, 156], выполненных в виде нечеткой *градации*, то расширяющей, то сужающей временные рамки и смыслы предыдущих и последующих образов. Первым является «горельефное раскрашенное изображение славного покровителя пивного дела, короля Гамбринуса» [7, 156], упоминаемого еще в трудах немецких историков первой половины XVI века. «Великий патрон пивоварения» ярок и огромен, «курируемый» им кабачок станет главным топом рассказов, и само название заведения будет употребляться без кавычек, становясь полноправным, живым персонажем произведения.

Далее «стенная живопись» пополняется описанием пирующих «немецких молодчиков», охотни-

ков с ружьями, а затем будет представлена переосмысленная искусством XVIII века идиллия: пикник на лужайке с участием грациозных дам и кавалеров, кормящих лебедей. Картина, изображающая пляшущих «малороссиян», существует вне времени, а вот «толстые амуры», хотя и грубо изображенные, все же отправляют к античности. «Картины из лягушачьей жизни» известны в лубочной немецкой живописи, но не будем забывать, что лягушка является и древним символом женского начала Вселенной (о чем свидетельствует узор на одежде и полотенцах, изображающий распластанную фигурку животного). Одно из поверий вошло в пушкинские «Песни западных славян» (1834), в фрагменте «Федор и Елена» образ лягушки связан с магическим действием: «Они жабу всю потом искололи, / И ее — ее же кровью напоили; / Напоивши, заставили жабу / Облизать поспелую сливу» [11, 295]. Если обратиться к этнолингвистическому словарю «Славянские древности», то можно ознакомиться с многочисленными легендами, например с той, что связывает происхождение лягушек с «войском фараона», преследовавшим евреев и утонувшим в Черном море. Утонувшие «превратились в лягушек» [13, 162], которых порой называют *фараонами*.

Отличительной особенностью поэтики анализируемого рассказа является его насыщенность сложными сравнениями, включающими в свою структуру и эпитеты, и метафоры, и метонимии. Сравнение имеет репутацию «самого» социального тропа (по учению А. А. Потебни — это «первичная форма» мышления человека), так как всегда сравнивается нечто неизвестное (А) с хорошо известным (Б) и знакомым читателю (А, как Б). Вот как представлены суровые рыбаки, постоянные посетители «Гамбринуса»: «Они туда вламывались огромные, осипшие, с красными лицами, обожженными свирепым зимним нордостом, в непромокаемых куртках, в кожаных штанах и в воловьих сапогах по бедра, — в тех самых сапогах, в которых их друзья среди бурной ночи шли ко дну, как камни» [7, 167]. Как видно, все существительные в приведенном отрывке сопровождаются логически определенными, характеризующими рыбацкую одежду; сравнение сапог с камнями также нельзя назвать «красочным», так как оно указывает на нелегкий труд, достаточно рискованный и опасный. Упоминание о частых трагедиях располагается в конце предложения, и читатель получает возможность «пережить» их достаточно спокойно, до этого ознакомившись с атрибутами обычной рыбацкой жизни и проникшись уважением к их ремеслу — тяжкому, но не лишенному романтики. Напомним, что в литературоведении неоднократно рассматривались черты поэтики гомеровских «эпических сравнений» (их, по А. Ф. Лосеву, «свободный эпический стиль»). Кроме изображения *полноты жизни*, в длинных фрагментах создается *задержка*, позволяющее читателю

«успокоиться» и вследствие сложности периодов. Примером этому может послужить сравнение (отнесенное О. М. Фрейденберг к «бытовым») в «Илиаде»: «Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида. / Так, как слоновою костью, обогрелая в пурпуре женою, / Карскою или меонскою, для пышных нащечникам коням, / В доме лежит у владелицы: многие конники страстно / Жаждают обрести; но лежит драгоценная царская утварь, / Должная быть и коню украшением и коннику славой, — / Так у тебя, Менелай, обогрились пурпурной кровью / Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны...»

Сравнений («обогащенных эпитетами эпических формул» [8, 298]) в купринском рассказе так много (на 27 страницах их более 30), что можно составить их классификацию, разделив на 3 группы: связанные с природными явлениями (лес, море, дождь, животные), с цивилизацией (социальные «язвы» порта, притоны) и с искусством. Первую группу мы назовем «нейтральной», так как сопоставление ремесел, человеческих страстей осуществляется с «равнодушной природой»: «...буфетчица мадам Иванова, — полная, бескровная, старая женщина, которая от непрерывного пребывания в сыром пивном подземелье походила на бледных ленивых рыб, населяющих глубину морских гротов» [7, 158]. Отметим, что лишь однажды сопровождаемое каскадом логических определений «природное» сравнение отрицательного персонажа с помидором приобрело негативную коннотацию: «В Гамбринус однажды влетел помощник пристава, толстый, маленький, задыхающийся, с выпученными глазами, темно-красный, как очень спелый томат». В большинстве случаев «природные» сравнения характеризуются спокойным, добродушным пафосом, иногда шутливым настроением (Сашка «заставлял свою скрипку в лад мотиву скулить щенком, хрюкать свиньей...»), порой они романтизированы: «...эти стройные корабли представлялись — особенно в ясные весенние утра — чудесными белыми видениями, плывущими не по воде, а по воздуху». Последнее из приведенных сравнение (такой тип (один из компонентов — существительное в творительном падеже) является переходным и иногда определяется как метафора) демонстрирует то, как реальные корабли (А) в сопоставлении с «чудесным» (Б) сами попадают в сферу художественного образа.

Вторая группа сравнений, один из компонентов которых (Б) связан с порочной и жестокой цивилизацией, имеет отрицательный характер, так как «естественный человек» (рыбак, портовый грузчик, матрос) «отравлен» отвратительными *нечистотами* (в прямом и переносном значении слова) притонов, игорных, ночлежных, публичных домов: «По вечерам огни большого города, взбегавшие высоко наверх, манили их, как волшебные светящиеся глаза, всегда обещая что-то новое, радостное, еще не испытанное, и всегда обманывающая» [7, 160]. Иногда указывается

на разрушительные изобретения разума и деяния человеческих рук: «Помощник приставы, как бомба, вылетел из пивной» [7, 178]. Порой сравнения этой группы отмечены «эстетикой безобразного» (дань модному модернизму, с уклоном к грядущей «прозрачной» есенинской «имажинистике»: («Имба-старуха челюстью порога / Жует пахучий мякиш тишины»), но не к сложно инверсированной В. Шершеневича («На небосклон белков зрачок луною / Стосвечной лампочкой ввернуть»)), усиленной соответствующими одорическими образами («зловонные» улицы, «кислый запах вчерашнего пива»): «Эти крутые узкие улицы, черные от угольной пыли, к ночи всегда становились липкими и зловонными, точно они потели в кошмарном сне. И они походили на сточные канавы или на грязные кишки, по которым большой международный город извергал в море все свои отбросы, всю свою гниль, мерзость и порок, заражая им крепкие тела и простые души» [7, 178]. «Гамбринус», как видно, это некое сакральное место, находящееся «в самом центре города», не враждебное, а дружественное *просто*му человеку, хотя и там, по словам автора, пили «серьезно», дрались жестоко (что позднее, в 1940 году, заменив «Гамбринус» на «таверну “Кэт”», увековечит стихами к песне «В Кейптаунском порту...» ленинградский школьник, будущий военный врач и защитник Ленинграда П. М. Гандельман (1924–2012)).

Кабачок «Гамбринус» уникален тем, что в других многочисленных питейных заведениях («враждебных» *простым* людям) не было такого доброго, талантливое, «умиротворяющего» музыканта, как Сашка, с которым связан образ искусства в целом и третья группа сравнений. Самым ярким из них, сюжетно значимым, центральным, является сопоставление гениального еврейского скрипача с легендарным героем мифа. Этот «кроткий, веселый, пьяный, плешивый человек с наружностью обезьяны» сравнивается с Орфеем, «усмирявшим волны» [7, 168].

Как известно, «песни» Орфея очаровывали Персефону, Тантал забывал о жажде, а Сизиф прекращал свою тяжелую работу; «грустное пение» Орфея, потерявшего Эвридику, заставляло плакать «всю природу»; брошенный в музыканта камень, «побежденный чарующим пением», не поразил его, а «упал к ногам Орфея, словно моля о прощении» [6; 201, 203]. Только «киконские женщины», поклонницы «шумящего Вакха», не пожалели его, подобно тем персонажам, кто навсегда искалечил руку скрипачу Сашке.

Этот троп (Сашка-Орфей) можно принять «в качестве исходного» [3, 21], так как он «возглавляет» третью группу сравнений, связанных с искусством, является «эхом», исходящим от античного мифа, собирающим все сюжетные нити воедино. Образ Сашки (Орфея), неразрывно связанного с неизменным «Гамбринусом», обеспечивает необходимое для жан-

ра рассказа «одномотивное движение фабулы» [14, 53], является тем упомянутым выше *статичным* (несмотря на изображенный бурно меняющийся социум и злоключения мужественного, верного искусству скрипача) центром, благодаря которому сохраняется художественное единство столь «многонаселенного», насыщенного массой деталей (различные национальные приметы («границы взаимопроникновения духовного опыта различных культур» [5, 119]), топонимы (Сидней, Плимут, Нью-Йорк, Владивосток, Константинополь...), элементы «гастрономического текста» (креветки, улитки, миди, каракатицы...) и пр.) произведения.

В тексте рассказа присутствуют не только многочисленные сравнения, «развивающиеся в выразительный сценарий» [9, 87], сопровождаемые логическими определениями и «бурными» эпитетами; также необходимо рассмотреть и гораздо реже встречающиеся метафоры, метонимии, метафорические эпитеты («почтительная грусть», «деревянным голосом»), случаи синтеза тропов.

Метафоры в «Гамбринусе» служат либо приложением к сравнению, оставаясь в его тени («Помощник приставы, как бомба, вылетел из пивной, и <...> всех придавило уныние» [7, 178]), либо предстают как незаметные, бытовые образы («процвелет «Бурский марш», «дым резал глаза»), даже «поговорочные» («ходил петухом»). Встречаются метонимии, например: «Город в первый раз с ужасом подумал о той клоаке, которая глухо ворочалась под его ногами, там, внизу, у моря, и в которую он так много лет выбрасывал свои ядовитые испражнения». В данном случае речь идет о «благополучной», уважаемой части портового города (о людях), испугавшейся революционного взрыва «низов». Следующая метонимия уже обозначит городскую власть, принимающую для своей безопасности соответствующие меры: «Город забивал щитами зеркальные окна своих великолепных магазинов, охранял патрулями гордые памятники и расставлял на всякий случай по дворам прекрасных домов артиллерию» [7, 178].

Интересными представляются случаи «трансформации» тропов (вследствие очень близкого соседства метафор и метонимий, сравнений и метаморфоз). Несмотря на то, что теория тропов, казалось бы, достаточно полно разработана и их различие бесспорно (это позволило Л. Я. Гинзбург утверждать: вся художественная литература — либо метафора, либо метонимия), в литературоведческих работах встречаются «жалобы теоретиков» на то, что оперировать приходится недостаточно точными и полными терминами (если остановиться на выражении метафорой аналогии по сходству, а метонимией — аналогии по смежности). Тропы — настолько древнее явление, они так «полно выражают человеческий опыт», что «находятся в отношении дополненности» [9, 83]. Поэтому появляются кеннинги (троп, харак-

терный для скандинавской поэзии), соединяющие метафору и метонимию: «меч — дракон шлемов» («меч-дракон» — метафора, шлемы — воины, и это метонимия). В этом же ряду и *метаморфные метафоры* — «ассоциации по смежности» [9, 84]. Метонимизированные метафоры встречаются в мифах и ритуалах, например, связанном с кровью (вино) и телом (хлеб, просфора) Христа (см. об этом цитируемую работу П. Маранды).

На наш взгляд, в купринском рассказе присутствуют примеры сложных преобразований, например, логические определения «подсвечиваются» и «заражаются» эпитетами, к тому же эффект часто усиливается сравнением («грязное, таинственное судно делалось, как мертвое». В следующем каскаде тропов можно различить и метафору, и сравнение, и ряд эпитетов, в том числе метафорических: «Со струн Сашкиной скрипки плакала древняя, как земля, еврейская скорбь, вся затканная и обитая печальными цветами национальных мелодий» [7, 162]. Плачущая «еврейская скорбь», на наш взгляд, напоминает «метаморфную метафору», так как она, по ассоциации, указывает на превратности *всей* истории этого народа, являясь при этом *частью* этой истории. Сравнение Сашки с Орфеем, минуя метафору, восходит до метаморфозы, так как веселый и кривляющийся скрипач иногда становился очень серьезным, даже суровым («с напряженным подбородком и низко опущенным лбом...»), когда играл свои национальные мелодии. Усмирявший злых людей, прошедший войну, искалеченный сыщиками-черносотенцами Сашка и был современным Орфеем, воплотившим в себе скорбь времени, что поддерживается значимостью актуализированного образа для всей сюжетно-композиционной системы столь динамичного рассказа.

Эпитет, метонимия, сравнение, метафора несут в себе «смысловой взрыв» (по учению Ю. М. Лотмана). Иногда троп (особенно в лирике, где конструкция подвергается *инверсии*, которая «придает стиху большую выразительность» [4, 121], «драматическую интонацию» [4, 122]) представляет собой «сильное, даже экстремальное средство, затемняющее текст» [12, 127], играющее важную роль в сказках, былинах, даже в *ворожбе*. Так о чем же «ворожит» Куприн, создающий иногда «синтаксическую инверсию», уничтожающую «слишком обыденный вид» [4, 121] (например, в следующем фрагменте, где тропы инверсируют синтаксическую конструкцию: «Все думали, что Сашке столько же лет, сколько стенам пивной, маркизам, хохлам, лягушкам и самому раскрашенному королю Гамбринусу, сторожившему вход»)? Видимо, Куприн «заклинает», чтобы найти «своего» («слово «свой» встречается в рассказе 28 раз, в то время как слово «чужой» — всего 5 раз» [5, 114]) читателя, любящего, как и автор, Одессу, море,

искусство. Дабы это подчеркнуть, усилить, Куприн помещает в финале рассказа, по мнению некоторых исследователей, «неудачную» публицистическую фразу (*пуанту*): «Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит».

Обилие сложных тропов и «затемняет текст» («сакрализируя» его в поисках настоящего *своего*), и делает его «мускулистым», «сильным», «рельефным», реалистичным, ибо, как отметил Э. По, «материальный мир <...> изобилует полнейшими аналогиями миру духовному; вот почему риторическая догма, что сравнение или метафора могут не только украсить описание, но и усилить доказательство, приобретает вид достоверности» [2, 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова У. Ю. Об особенностях сюжетно-композиционной системы рассказа А. И. Куприна «Последний дебют» / У. Ю. Борисова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. № 1. — С. 11–13.
2. Дюпен, Холмс и другие: Зарубежный детектив XIX века; Эмиль и сыщики / Э. Кестнер. — М.: Книга, 1990. — 320 с.
3. Иванов Вяч. Вс. К истории птичьего мифологического эпоса / Вяч. Вс. Иванов // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. — М.: Изд-во «Российский университет», 1993. — С. 11–20.
4. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 375 с.
5. Косихина С. В. «Свой» и «чужие» в рассказе А. И. Куприна «Гамбринус» / С. В. Косихина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 1 (830). — 2020. — С. 113–121.
6. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957. Изд. 4. — 464 с.
7. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4 / А. И. Куприн. — М.: ГИХЛ, 1958. — 790 с.
8. Мальчукова Т. Г. Гомеровские сравнения в истолковании А. Ф. Лосева / Т. Г. Мальчукова // Лосевские чтения. Образ мира — структура и целое: материалы международного науч. конф., проходившей под эгидой ЮНЕСКО 19–23 окт. 1998 г. на филол. фак. МГУ им. Ломоносова. — М., 1999. № 3. — С. 298–314.
9. Маранда П. Метаморфные метафоры / П. Маранда // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. — М.: Российский университет, 1993. — С. 81–90.
10. Нещерет Н. В. Художественная деталь в рассказе А. И. Куприна «Гамбринус»: VIII класс / Н. В. Нещерет // Литература в школе. № 8. 2011. — С. 35–41.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — Т. 3 / А. С. Пушкин. — М.— Л.: Изд. Академии наук СССР, 1949. — 552 с.
12. Свиридов С. В. «Бессмысленная» метафора Есенина на фоне текстов и метатекстов имагинистов / С. В. Свири-

дов // Балтийский филологический курьер. — № 4. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 125–136.

13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. — Т. 3. — М.: Международные отношения, 2004. — 689 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы.

E-mail: 19alex04@mail.ru

Борисова Ю. Ю., кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

14. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 156 с.

15. Шпилева Г. А. Анализ художественного текста. Учебное пособие / Г. А. Шпилева. — Ярославль: Нюанс, 1999. — 48 с.

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

E-mail: 19alex04@mail.ru

Borisova U. Y., Candidate of Philology, Assistant of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т. С. Агасиева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 ноября 2022 г.

Аннотация: сетевое издание *Wonderzine* и гляцевый журнал *Glamour* сформировали образ современной независимой молодой женщины в контексте актуальных гендерных концепций — такова заявленная редакционная политика. Однако анализ показывает, что реальные медиаобразы создали не соответствующий заявлениям облик женщины. Обращение к его компонентам раскрывает аксиологическую платформу, противоречащую традиционным гуманитарным ценностям российского общества.

Ключевые слова: аксиологический дискурс, гендер, журналы для женщин, женские медиаобразы, критика содержательных моделей.

Abstract: the online publication «Wonderzine» and the glossy magazine «Glamour» have shaped the image of a modern independent young woman in the context of current gender concepts — this is the stated editorial policy. However, the analysis shows that real media images have created a woman's appearance that does not correspond to the statements. An appeal to its components reveals an axiological platform that contradicts the traditional humanitarian values of Russian society.

Keywords: axiological discourse, gender, magazines for women, women's media images, criticism of meaningful models.

Цель нашего исследования состояла в выявлении и оценке компонентов женских медиаобразов, представленных в современных популярных гендерно ориентированных СМИ. Задачам нашего исследования близки исследования А. Каримовой, А. Маевской, В. Смеюхи, Ж. Черновой, а также материалы ежегодника «Гендер и СМИ», в которых описаны основные гендерно-нормативные образы женственности, представленные в СМИ. В них отражены основные компоненты личности женщины, доминирующие в том или ином образе. Опорный для нас материал представлен в таблице 1.

Едва ли эти характеристики в реальности присутствуют в чистом виде, скорее, это образы-символы, в которых акцентируются те или иные компоненты. Однако в исследовательских целях такие построения вполне оправданы, они позволяют анализировать медиаконтент конкретных СМИ и на этой основе делать выводы о продвижении ими определенных гендерных стратегий, об опоре на различные ценности.

Методология исследования. В качестве объекта нашего исследования отобраны популярные журналы: сетевой *Wonderzine* и гляцевый *Glamour*, которые, как представлялось, отражали устремления современных, активных во всех отношениях женщин. Их концепции определяются как близкие, взаимодополняющие друг друга. Аудитория этих журналов состояла из молодых женщин в возрасте от 16 до 45 лет с уровнем дохода выше среднего, преимущественно

городских жительниц. Издания также объединяла популярность в своем сегменте. Тираж печатной версии журнала *Glamour* составлял 700 тысяч экземпляров, а на сайте *Wonderzine* авторизовано около 55 тысяч постоянных пользователей. Этот заметный аудиторный кластер во многом «задавал тон» современным женщинам, влиял на их жизненные стратегии.

Контент профеминистского сетевого журнала *Wonderzine* строился по большей части вокруг проблемы гендерного неравенства [7, 69], а темы базировались на свободном от стереотипов выборе женщины. Сайт был запущен 3 июня 2013 г. и, по словам издателей, адресован «девушкам, которые не читают гляцевых журналов». Он предполагал тематические форумы и обсуждения.

«У *Glamour* в ДНК заложена определенная феминистическая составляющая. Журнал начал издаваться в США в 1939 г. под названием *Glamour of Hollywood*, то есть стиль и красота голливудских звезд. Но уже в 1941 г. концепция изменилась. Мужчины пошли на войну, а женщины — работать, и *Glamour* стал выходить под слоганом «Журнал для работающей девушки». Эта концепция выдержала проверку и временем, и изданиями в разных странах» [8]. Исследование, помимо прочего, показало, сохранилась ли эта концепция сегодня.

Период исследования — 2020 г.; на интернет-платформах журналов за 12 месяцев опубликован 6671 материал: 4339 публикаций — на сайте *Glamour* и 2332 — на сайте *Wonderzine*. Непосредственно для

изучения было отобрано примерно 60% текстовых и визуальных материалов от всего объема, в которых необходимые для исследования характеристики выражены наиболее ярко; остальной контент такого определенного представления не давал и не был включен в выборку. Таким образом, мы подвергли анализу 3173 публикации в Glamour и 794 публикации в Wonderzine. Для выявления и измерения

стратегий конструирования нормативной гендерной идентичности женщин мы использовали метод контент-анализа и последующее сопоставление данных, а также сравнение двух изданий в контексте гендерных стратегий. Качественный анализ позволил выявить приоритетные тематические направления и определить, какие образцы гендерно-нормативного поведения отражены в данных журналах.

Таблица 1

Гендерно-нормативные образы женщин в СМИ

Маркировка образа	Характеристика
1. Красивая женщина, модель	Модель конструируется представлением материалов, включающих в себя рекомендации по правильной организации питания, омоложению организма, выбору косметической продукции и занятиям физкультурой, направленных на укрепление здоровья и релаксацию. В эту категорию также входят «экспертные» статьи, рекламные фотографии и снимки медийных людей
2. Деловая женщина, профессионал	Образ характеризует одну из популярных идей современного женского гендера, указывающую на важность и возможность карьеры и общественного признания. Он тиражируется косвенно посредством публикации интервью с успешными людьми и биографических статей
3. Счастливая женщина	Образ женщины, погруженной в сферу любовных отношений, где счастье представляет собой налаженную личную жизнь. Его формирование достигается через публикацию историй гармоничной любви и семейных отношений
4. Сексуально привлекательная и здоровая женщина	Акцентируется внимание на визуальной составляющей — сексуальности женского тела. В данном сегменте представлены медицинские сведения о сексуальности, репродуктивном здоровье, современных способах контрацепции, профилактике и лечении женских болезней
5. Жена, мать, хозяйка дома	Биологически детерминированный образ женщины. Гендерные репрезентации связаны с семьей, воспитанием ребенка, домашним хозяйством, что представлено текстами о дизайне и украшении дома, работа по дому представляется творческой самореализацией, а кулинарные рецепты отличаются оригинальностью и экзотичностью

Категории анализа сформированы в процессе «разведывательного» знакомства с содержанием журнала и его рубриками с опорой на представленные выше гендерно-нормативные образы. Для удобства мы дали им условные названия, выделив ключевые слова в обозначении образов: «красота», «дело», «любовь», «здоровье», «семья». Отнесение текста к той или иной категории анализа построено на целостном восприятии публикации, на доминировании признака в этой категории.

Основные результаты. Для наглядности и сравнения мы представляем результаты анализа обоих изданий (см. табл. 2). Эти показатели, в свою очередь, позволяют определить, какую часть содержания издатели готовы выделить для репрезентации того или иного образа.

Количество публикаций, вошедших в кодификатор, и их доля от всего контента издания за 2020 г.: Glamour — 1394, или 32,12%; Wonderzine — 586, или 25,12% (категория «Красота»).

Таблица 2

Категория «Красота»

Журнал/Тема	Glamour		Wonderzine	
	Число	Процент	Число	Процент
1. Процедуры по омоложению организма	10	0,72%	—	—
2. Рекомендации по коррекции фигуры	8	0,57%	5	0,85%
3. Рекомендации по здоровому питанию (диеты)	25	1,79%	2	0,34%
4. Медитация (релакс)	3	0,22%	1	0,17%
5. «Экспертное» мнение (макияж)	188	13,49%	107	18,26%
6. «Экспертное» мнение (уход за телом)	151	10,83%	56	9,56%
7. «Экспертное» мнение (уход за волосами)	61	4,37%	19	3,24%
8. Тенденции моды, выбор одежды	421	30,2%	277	47,27%
9. Визуальный контент (лукбуки, фотографии с модных показов)	10	0,72%	65	11,09%
10. Визуальный контент (фотографии со съемок, образы звезд)	505	36,23%	—	—
11. Другое	12	0,86%	54	9,22%
Итого	1394	100%	586	100%

Стандарты женской красоты, эстетика внешнего вида всегда сопровождают женское жизнеописание. Чтобы их систематизировать, необходимо понимать, к каким практикам чаще всего прибегают и что покупают современные женщины для достижения идеальной, с их точки зрения, внешности. Значительная часть контента в глянцево-м журнале уделена визуальной составляющей. Делается акцент на внешних проявлениях красоты — выбор одежды, уход за телом, макияж — в ущерб правильному питанию или занятиям физической культурой и спортом. Подобная тенденция прослеживается и в сетевом журнале Wonderzine. Главное отличие здесь — минимум фотографий звезд. Категория «Красота» как по количественным, так и по качественным показателям в глянцево-м журнале Glamour презентировалась активнее. В издании имеются статьи, соответствующие всем приведенным нами кодам формирования данного образа у читательниц. В Wonderzine иной угол зрения на внешнюю привлекательность женщины.

Он заключается в инклюзивности, неповторимости, отсутствии понятий «недостаток» и «несовершенство». Издатели указывают на необходимость нравиться в первую очередь себе, при этом осторожно внедряя модные тенденции. Отметим, что, поскольку глянцево-ые журналы существуют традиционно за счет рекламы, издателям необходимо делиться не только своими представлениями о прекрасном, но и представлениями рекламодателей. Отсутствие подобных строгих ограничений в сетевом издании отражается на контенте: среди статей преимущественно личные истории без рекламных интеграций. Нравиться себе, быть привлекательной, использовать природную красоту — основной ресурс женщины, судя по объему контента в обоих журналах.

Количество публикаций, вошедших в кодификатор, и их доля от всего контента издания за 2020 г.: Glamour — 36, или 0,8%; Wonderzine — 32, или 1,36% (категория «Дело», см. табл. 3).

Таблица 3

Категория «Дело»

Журнал/Тема	Glamour		Wonderzine	
1. Спецпроекты	5	13,9%	4	12,5%
2. Поиск работы	2	5,5%	1	3,125%
3. Открытие бизнеса	3	8,3%	7	21,88%
4. Выстраивание отношений с руководством	2	5,5%	—	—
5. «Стеклянный потолок» (проблемы карьерного роста)	—	—	1	3,125%
6. Интервью с успешными женщинами	7	19,4%	—	—
7. Разумное потребление	—	—	8	25%
8. Контроль доходов	2	5,5%	10	31,25%
9. Лайфхаки	9	25%	—	—
10. Новости (экономика и финансы)	1	2,7%	—	—
11. Другое	5	13,9%	1	3,12%
Итого	36	100%	32	100%

Категория «Дело», или образ деловой женщины, является самой эмансипированной и указывает на современную характеристику женского гендера — возможность и важность карьеры. Кодификатор состоит из историй успешных проектов, материалов о контроле доходов и расходов и стереотипах, связанных с трудоустройством женщин.

Согласно данным таблицы 3, материалы этой тематики составляют несравнимо меньшую часть контента обоих изданий, из чего следует, что такая модель поведения в журналах пока наименее представлена. Учитывая, что на одну статью о работе на сайте Wonderzine приходится более 18 текстов о красоте, а на сайте глянцево-го журнала Glamour — около 40, напрашивается вывод, что даже в современных гендерно ориентированных изданиях для женщин внешний вид остается важнее карьеры, самореализации и экономической независимости. В целом в публикациях обоих изданий работа для читательниц рассматривается как способ творче-

ской реализации и социального развития, нежели жизненная необходимость. По количественным показателям сайт Wonderzine превосходит глянцево-ый журнал незначительно — меньше чем на 1%. Различия здесь наблюдались в представлении материалов о доходах и расходах. В то время как в сетевом журнале у читательниц стараются сформировать финансовые привычки, помогающие избежать лишних трат, в глянцево-м журнале наблюдается установка на приобретение товаров, а тема карьеры представлена в основном в интервью с успешными людьми. Такой подход вызывает ряд вопросов, в числе которых основной: действительно ли осмысленный, творческий труд составляет важную часть жизни современной женщины? И конечно, глянцево-ый журнал сегодня — это не издание «для работающей девушки».

Количество публикаций, вошедших в кодификатор, и их доля от всего контента издания за 2020 г.: Glamour — 1480, или 34,1%, Wonderzine — 35, или 1,5% (категория «Любовь», см. табл. 4).

Категория «Любовь»

Журнал/Тема	Glamour		Wonderzine	
	Число	Процент	Число	Процент
1. Личная жизнь знаменитостей	1064	71,9%	–	–
2. Советы психолога	28	1,89%	7	20%
3. История любви	1	0,07%	3	8,57%
4. Поиск партнера	–	–	1	2,86%
5. Отношения	4	0,27%	4	11,43%
6. Секс	40	2,7%	10	28,57%
7. Тесты	11	0,74%	–	–
8. Гороскопы	332	22,43%	–	–
9. Другое	–	–	10	28,57%
Итого	1480	100%	35	100%

Категория «Любовь» во многом складывается из общепринятого понимания женского счастья, другими словами — стабильности в личной жизни. Данный образ особенно часто презентуется в СМИ через интервью, личные истории, светскую хронику. Так, в печатной версии журнала Glamour присутствует раздел «Для полного счастья», куда достаточно долгое время входили рубрики Sex&Love и «Отношения». Статьи о романтических отношениях занимают больше трети от всего контента глянцевого журнала — это самая популярная категория из всех представленных в Glamour. В сетевом издании лишь 1,5% публикаций посвящены теме отношений. Однако и эта проблема остается более обсуждаемой, чем карьера. Таким образом, издания соответствуют традиционной ценностной парадигме, где женщинам важно работать над отношениями, уделяя им больше силы и времени, чем собственному развитию. По версии обоих изданий, красота для этого наиболее действенный инструмент. Анализ тематических материалов показал, что в изданиях представлены полярные мнения о женском счастье. В глянце понимание счастливых взаимоотношений располагается в традиционной плоскости, где женщина романтична и загадочна. Она заботится о благополучии в отношениях, отвечает за психологическую поддержку, ищет выход из конфликтной ситуации и прислушивается к советам и прогнозам, в данном

журнале — астрологическим. Счастливые отношения в издании также транслируются через личную жизнь звезд и статьи экспертов. Любовь в журнале рассматривается не только как часть жизни современной женщины: она проходит через все сферы ее деятельности, являясь источником вдохновения и жизненных сил. В Wonderzine лишь 1,5% статей посвящены проблеме взаимоотношений. В журнале нет табуированных тем и стигм, показано, что отношения могут быть разными и не всегда счастливыми. В категориях «Секс» и «Другое» по десять материалов; светская хроника, гороскопы и тесты отсутствуют. Статей о психологии здесь меньше в четыре раза. Однако есть категории, в которых информации больше, чем в Glamour: к ним относятся «История любви» и «Поиск партнера». Анализ показывает, что именно в области отношений происходит наиболее заметное изменение мира современной женщины в сторону концентрации внимания на себе, а не на партнере, движение к независимости, отказ от привязанностей. Другой вариант, напротив, концентрирует внимание на «привязке» партнера при помощи эксплуатации инстинктов. Такие наблюдения в равной степени тревожны.

Количество публикаций, вошедших в кодификатор, и их доля от всего контента издания за 2020 г.: Glamour — 31, или 0,71%; Wonderzine — 18, или 0,77% (категория «Здоровье», см. табл. 5).

Таблица 5

Категория «Здоровье»

Журнал/Тема	Glamour		Wonderzine	
	Число	Процент	Число	Процент
1. Репродуктивное здоровье	4	12,9%	3	16,7%
2. Половая жизнь	11	35,48%	11	61,2%
3. Советы по контрацепции	2	6,45%	1	5,5%
4. Эстетическая медицина	4	12,9%	–	–
5. Профилактика женских болезней	10	32,26%	2	11,1%
6. Другое	–	–	1	5,5%
Итого	31	100%	18	100%

В исследованных нами стратегиях женской гендерной идентичности категория «Здоровье» рассматривается как своеобразное ответвление от категорий «Красота» в контексте особенностей женского

организма, а также от категории «Любовь» в контексте половой жизни. В целом обе идеи состоят в усилении женской сексуальности, обеспечении размеренной половой жизни. Журналы предлагают

образ женщины, время от времени поддерживающей не только свою природную красоту, но и прибегающей к эстетической медицине, чтобы быть более привлекательной для себя и окружающих. Данный образ вытекает из репродуктивной функции женщины, которая главным образом повлияла на формирование полоролевых отношений в обществе. Категорию женского здоровья издатели обоих журналов рассматривают и презентуют практически одинаково. Но наименее раскрыта эта категория в глянцево-м журнале (менее 1% от всего контента за год) и вторая по непопулярности категория на сайте Wonderzine (всего 1,5% публикаций). Данные таблицы 5 показывают, что статьи о здоровье встречаются довольно редко. В количественном соотношении мы определили разницу лишь в сотые доли процента, в содержательном плане авто-

ры говорят об идентичных проблемах. Оба журнала ведут борьбу со стигматизацией женского тела и репродуктивного права, в чем прослеживаются феминистские корни изданий. Различия состоят в том, что в Glamour чаще говорится о профилактике женских болезней, а в Wonderzine делается упор на здоровой половой жизни женщины. Полнота здоровья, здоровая во всех отношениях женщина — физиологически, психологически и нравственно (опираемся на современное определение здоровья по версии ВОЗ) — такой образ не представлен и не является ориентиром в редакционных концепциях обоих журналов.

Количество публикаций, вошедших в кодификатор, и их доля от всего контента издания за 2020 г.: Glamour — 232, или 5,33%; Wonderzine — 123, или 5,27% (категория «Семья», см. табл. 6).

Таблица 6

Категория «Семья»

Журнал/Тема	Glamour		Wonderzine	
	Количество	Доля (%)	Количество	Доля (%)
1. Свадьба	16	6,9%	4	3,25%
2. Советы по сохранению брака	10	4,3%	—	—
3. Проблема домашнего насилия	7	3%	52	42,28%
4. Материнство	4	1,72%	11	8,94%
5. Советы по воспитанию детей	28	12,07%	14	11,38%
6. Товары для дома	38	16,37%	14	11,38%
7. Декор	73	31,5%	8	6,5%
8. Кулинария	56	24,14%	18	14,63%
9. Другое	—	—	2	1,64%
Итого	232	100%	123	100%

Категория «Семья» является самой гендерно мотивированной в парадигме полоролевого подхода. Согласно данной гендерной стратегии круг интересов женщины должен состоять из домоводства, воспитания детей и сохранения позитивных отношений в браке. Другими словами, приоритетное значение здесь отводится созданию уюта в доме, заботе о членах семьи и их бытовому обслуживанию. Около 6% от всех материалов в каждом журнале соответствовали данной тематике. Образ жены и матери является вторым по популярности в Wonderzine и третьим в Glamour. Однако в количественном плане он сильно уступает образу красивой и ухоженной женщины. Это говорит о том, что издания поддерживают полоролевой подход, акцентируя внимание на внешности. В то же время в репрезентации этой категории немало противоречий и прежде всего — в доминировании материальной стороны семейно-бытовой жизни над смысловой. В данном контексте журналы схожи в выборе проблем для освещения. В их числе — домашнее насилие, сложности материнства, нездоровые отношения в браке. Создание уюта транслируется в обоих изданиях через дизайн, окружение себя стильными, но не обязательно дорогими вещами. Ключевое различие заключается

в следующем: в глянцево-м журнале статьи о дизайне интерьера по количеству превосходят все остальные материалы о семье и быте, в то время как в сетевом издании наиболее значимой в категории остается тема домашнего насилия, то есть социальная. Как и в других категориях, наблюдается «движение» к независимости современной женщины, борьбе за самостоятельность. Однако цели и способы этого движения противоречивы.

Выводы. По итогам нашего исследования мы составили сравнительную таблицу (см. табл. 7), включающую в себя долю каждой категории от всех анализируемых публикаций, что само по себе характеризует редакционные концепции одобряемых ими женских образов. Далее мы вычислили средний показатель по обоим журналам для выявления приоритетных тем.

Как следует из таблицы 7, самым популярным гендерно ориентированным образом остается образ привлекательной женщины, погруженной в любовные отношения. Семья в данном контексте находится выше карьеры, а проблемы здоровья затрагиваются весьма редко. Исходя из количественных и качественных показателей, мы выяснили, что оба современных гендерно ориентированных издания полностью

соответствуют стереотипам представлений о роли женщины и ее интересов, и в таблице 7 отражено

это ключевое сходство журналов. Есть и различия, но они незначительны.

Таблица 7

Основные темы в журнале *Glamour* и сетевом издании *Wonderzine* в 2020 г.

Журнал/Категория	<i>Glamour</i>		<i>Wonderzine</i>		Средний показатель
1. Красота	1394	43,9%	596	73,8%	58,85%
2. Любовь	1480	46,64%	35	1,5%	24,07%
3. Семья	232	7,31%	123	15,5%	11,41%
4. Дело	36	1,13%	32	4%	2,57%
5. Здоровье	31	0,98%	18	2,27%	1,63%
Итого	3173	100%	794	100%	100%

Результаты нашего исследования показывают, что рассмотренные издания лишь создают иллюзию профеминистских журналов, показывающих жизнь женщин вне гендерных стереотипов. Данная подача формируется на базе запросов читателей, желающих причислить себя к новому поколению людей, развивающихся вне норм полоролевого подхода. Предполагаем, что в будущем журналы сохраняют прежнюю тенденцию, изменив лишь форму подачи материалов — теперь уже обращаясь к другим национальным аудиториям. Они сохраняют количественное соотношение поднимаемых тем, отдавая предпочтения эстетизации всех сфер деятельности в ущерб укреплению внутренних нравственных основ. Добавим также, что гендерная реальность североатлантических пространств весьма тревожна в нашем национальном понимании гуманитарных ценностей.

Мы не склонны приветствовать аксиологическую платформу этих изданий. Обобщенный образ женщины, транслируемый ими, — это лишь на первый взгляд формально независимая, здоровая, реализовавшая себя в разных жизненных сферах и поэтому счастливая женщина. В действительности же это красивая женщина, которая любит прежде всего себя и свой комфорт, умеет привлечь внимание к себе и удержать его. Уход этих СМИ с российского медиарынка (по разным причинам) объективно отражает конфликт ценностных основ между цивилизационным выбором разных сообществ. Однако нельзя не признать и такой факт: эти журналы были популярны у наших молодых женщин и оказывали на них влияние.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Агасиева Т. С., аспирант кафедры цифровой журналистики

E-mail: agasievataibat@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Иващенко Е. Г. К вопросу об освещении проблемы гендерного неравенства в женских журналах / Е. Г. Иващенко, С. А. Мубаранникова // Вестник АмГУ. — 2020. — Вып. 90. — С. 68–72.
2. Каримова А. «Женщина без кремов — не человек»: какими предстают девушки в русском глянце / А. Каримова // Афиша Daily. — 2015. — 5 авг. — Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/zhenshchina-bez-kremov-ne-chelovek-kakimi-predstayut-devushki-v-russkom-glyance/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. Коннелл Р. Современные подходы / Р. Коннелл // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. — СПб., 2000. — С. 251–280.
4. Кузнецов А. М. О понятии «гендер» и гендерной лингвистике / А. М. Кузнецов // Социоллингвистика вчера и сегодня. — М., 2008. — С. 175–194.
5. Маевская А. Ю. Гендерная проблематика в контенте глянцевого журнала / А. Ю. Маевская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. — 2012. — Вып. 2. — С. 261–267.
6. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования и исторические науки / Н. Л. Пушкарева // Гендерные исследования. — 1999. — № 3. — С. 166–187.
7. Розенберг К. А. Восприятие семейных ценностей будущими журналистами / К. А. Розенберг // PR и реклама: традиции и инновации. — 2014. — № 14–2. — С. 368–374.
8. Чернова Ж. В. Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин / Ж. В. Чернова. — Режим доступа: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1116> (дата обращения: 20.06.2022).

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Agasieva T. S., Postgraduate Student of the Digital Media
Department

E-mail: agasievataibat@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА «СПУТНИК» НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В «ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКИЙ» ПЕРИОД

Ван Фанфан

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2022 г.

Аннотация: современное общество вступает в «постэпидемический» период, который характеризуется не только борьбой с COVID-19, но и дипломатической, информационной войной и войной общественного мнения. Россия обращает особое внимание на важность СМИ в формировании общественного мнения во время COVID-19. Информационное агентство «Спутник» как доминирующее иновещание филиала «Россия сегодня» продемонстрировало возможности для создания положительного имиджа Китая во внешней коммуникации в ковидный период. В данной статье в качестве субъекта исследования взято информационное агентство «Спутник» на китайском языке, в качестве объекта исследования используются сообщения, опубликованные в период с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2022 г. Цель статьи — изучить стратегии агентства в отражении деятельности Китая по борьбе с эпидемией COVID-19.

Ключевые слова: информационное агентство «Спутник», внешняя коммуникация, война общественного мнения, Китай.

Abstract: modern society is entering the “post-epidemic” era, COVID-19 is not only a pandemic war, but also a diplomatic, information war and a war of public opinion. It is necessary to pay attention to many aspects to better do external communication in the post-epidemic era. Russia pays special attention to the importance of the era’s media in shaping public opinion during COVID-19. The Sputnik news Agency, as the dominant foreign broadcasting in the branch of «Russia Today», has shown an advantage in creating China’s image in external communication. In this article, the Sputnik news agency in Chinese is taken as the subject of the study, the corresponding messages from September 1, 2021 to August 31, 2022 are selected as the object of the study. The purpose of the article is to clarify the current situation of external communication of the Sputnik news agency in Chinese, to study its concept of external communication for international media.

Keywords: Sputnik news agency, external communication, the war of public opinion, China.

Введение. Важными задачами современных международных отношений являются установление продуктивных коммуникаций между государствами на мировой арене и продвижение национальных имиджей. Пандемия COVID-19, ставшая глобальным событием, вызвала ускоренные изменения, невиданные в мире, в том числе в международных отношениях. Страны сталкиваются не только с проблемой борьбы против эпидемии внутри страны, но и с внешней информационной угрозой. Так, многие западные СМИ, используя негативную повестку дня в отношении Китая, формируют крайне отрицательное общественное мнение о стране, обвиняя ее во многих мировых проблемах, в том числе в области здравоохранения.

Исследование. Данная работа направлена на изучение российского информационного агентства «Спутник», работающего на китайском языке. Задача — выявить роль агентства в развитии китайско-российских отношений в постпандемийный период.

Российское информационное агентство «Спут-

ник» — это независимый бренд, основанный *Russia Today* с целью внешней коммуникации и позиционирования новых СМИ. 1 декабря 2014 г. иновещание RT официально запустило китайскую версию «Спутник». Медиакоманда агентства состоит из журналистов из более чем 50 стран с богатым опытом работы в международных СМИ. Эксклюзивные сообщения идут со всего мира и распространяются среди целевой аудитории.

Данный информационный ресурс является носителем «мягкой силы», позволяющим формировать внешний национальный имидж Китая, в котором воплощается общая оценка самой страны, ее поведение, деятельность и достижения как за пределами, так и внутри страны, а также отражается общая сила страны [1]. Имидж страны формируется с учетом растущей взаимозависимости стран по всему миру и напрямую связан с пространством для выживания и развития [2].

Во время эпидемии западные, преимущественно британские и американские СМИ, взяли на себя инициативу по созданию «информационной эпидемии», которая не только помешала правильному по-

ниманию эпидемии обществом, но и развязала войну общественного мнения против Китая. Корреспондент Би-би-си John Sudworth не только представил Ухань как «нулевую точку» вспышки коронавируса, но и попытался изобразить «сокрытие правильной информации о коронавирусе» в Китае со «злой» точки зрения некоторых западных СМИ [3]. Американское агентство «Блумберг» сообщило, что Китай скрыл реальные данные об эпидемии [4], а газета *The Wall Street Journal* сообщила, что ее «шокирует, что Китай в стремлении предотвратить эпидемию, жестоко расправился с заболевшей собакой, убив ее» [5]. Такая преувеличенная и ложная информация появлялась одна за другой, в результате подрывался авторитет национальных основных СМИ, которые теряли кредит доверия, что ставило под угрозу формирование ценности здоровья среди правительства, СМИ и аудитории в постэпидемический период. Крах и дезинтеграция медиасистемы приводят к нарушению информационного потока между основной массой страны, СМИ и аудиторией, официальными и гражданскими структурами. В условиях ограниченного потока материальных ресурсов глобальная борьба с эпидемией сталкивается с большими трудностями.

В постпандемическую эпоху так называемый «авторитарный» подход Китая к борьбе с эпидемией оказался эффективным, что вызывало все большую озабоченность и повышало бдительность со стороны западных стран. Пандемия COVID-19 пошатнула глубоко укоренившуюся «теорию превосходства Запада» и заставила последний признать достижения Китая в борьбе с эпидемией. После вспышки атипичной пневмонии в 2003 г. «скрытые опасности в области общественного здравоохранения» постепенно в западном обществе стали приписываться Китаю. Вспышка COVID-19 в декабре 2019 г. побудила западные страны обвинить Китай в эпидемии. Считается, что Китай должен нести главную ответственность за международное общественное здравоохранение, поскольку якобы скрывает тяжесть эпидемии и утаивает данные. Стереотипные представления о виновности в сокрытии Китаем реальных данных о пандемии формируются под контролем западных правительств, которые не устают вводить в заблуждение мировую общественность.

Как государственное информационное агентство России «Спутник» выполняет миссию объективного освещения событий в СМИ, создает положительный имидж Китая и играет важную роль в управлении международным общественным мнением в постэпидемическую эпоху, опираясь на национальную стратегическую систему, чтобы использовать свои преимущества в международном коммуникационном потенциале.

Методы и методология исследования. В данной статье автор отобрал связанные с Китаем сообщения

информационного агентства «Спутник» с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2022 г.; классифицировал коммуникационные стратегии агентства в освещении событий в Китае.

Материал собирался по хэштегам «Спутника». В частности, по тегу «Как иностранные СМИ видят Китай» было отобрано 169 статей о Китае. Автор фокусировался в основном на западных СМИ. В этой колонке агентство «Спутник» уделяет внимание диверсификации источников информации зарубежных СМИ и собирает данные и компилирует связанные с Китаем новостные сообщения из многих стран, включая западные СМИ во главе с США и Великобританией и другие региональные СМИ, такие как малазийские, индийские, японские средства массовой информации и т.д.

Большинство материалов в этой колонке представлены в виде краткого описания медиа, которые в основном касаются обсуждения китайско-американских отношений и экономического и технологического развития Китая в постэпидемическую эпоху. Эта колонка предоставляет уникальное содержание для китайской аудитории. В то же время автор обнаружил, что информационное агентство «Спутник» перепечатало или скопировало 52,7% сообщений из СМИ США и 27,8% сообщений из СМИ Великобритании, что составляет 80,5% от общего количества публикаций. Эта сумма намного больше, чем общее количество перепечатанных или скопированных сообщений из СМИ других стран Европы, Юго-Восточной Азии, Северной Африки и арабского региона. Очевидно, что британские и американские основные СМИ по-прежнему доминируют в международном общественном мнении. Однако сообщения из других стран также хорошо уравнивают стереотипное впечатление западных СМИ о международном имидже Китая. Это полезная информация открывает дополнительную перспективу для новых коммуникативных стратегии в освещении деятельности Китая по борьбе с пандемией, и агентство «Спутник» может завоевать более разнообразную аудиторию с помощью такой разнообразной концепции коммуникации (Рис. 1).

Материалы информационного агентства «Спутник» отличаются локализованными и дифференцированными сообщениями. Помимо раздела «Как иностранные СМИ видят Китай», информационное агентство «Спутник» также имеет подкаст-канал «Как российские СМИ видят Китай». Тематика его сообщений о Китае направлена на создание ответственного, достоверного и всеохватывающего имиджа Китая как великой державы. Профессиональная команда предоставляет новостные темы с разных точек зрения для создания дифференцированных продуктов и локализованного контента. Информационное агентство «Спутник» следует режиму ра-

боты основных СМИ, а тенденция распространения международных новостей демонстрирует форму «дерусификации» и концепцию незападничества,

чтобы сократить дистанцию между аудиторией и содержанием программы и усилить коммуникационный эффект.

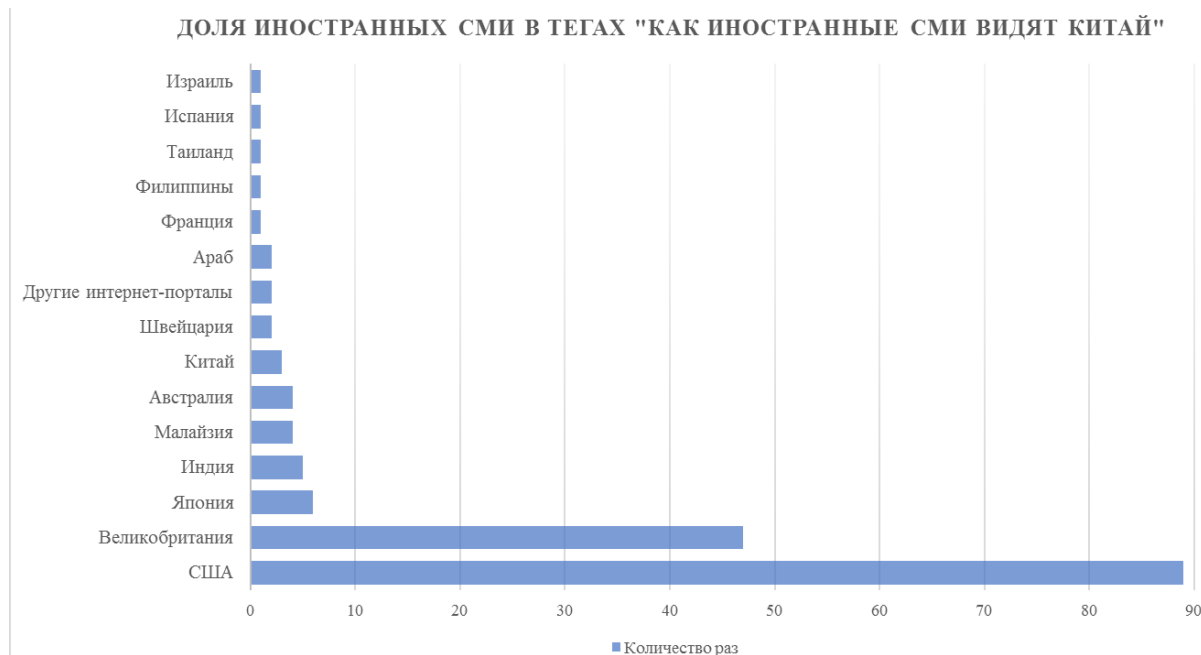

Рисунок 1

Доля иностранных СМИ в тегах «Как иностранные СМИ видят Китай»

Основная характеристика бренда «Спутник» — это «локализация контента». Местные сотрудники будут производить новостные продукты в соответствии с привычками восприятия местной аудитории и условиями производства и вещания. Агентство создало индивидуальную китайскую платформу новых медиа, предлагая аудитории оригинальную форму контента, а также компиляции из других средств массовой информации для специальных разделов. На китайском сайте информационного агентства «Спутник» видеопрограмма «Российское представительство в Китае работает в режиме онлайн», знакомя с последними событиями китайско-российского внешнеторгового сотрудничества через официального представителя Алексея Ефимова, и тем самым создавая позитивный имидж Китая. Кроме того, двое ведущих радиопередачи «Здравствуй, Россия» имеют китайские лица, и стандартное произношение по китайскому языку, и рассказывают о повседневной жизни в России. Радиопрограмма «Неполитические новости» представляет китайской аудитории образ России через интересные истории из культурной жизни. Эти мультимедийные программы, а также другие радиопрограммы, такие как «Москва-Пекин: голос двоих городов», «Как Российские СМИ видят Китай» и «Лицом к лицу», достигли целевой «локализации содержания» посредством локализации персонала. Благодаря локализации учреждений, персонала, контента и платформы, российское информационное агентство «Спутник» более точно определяет

местонахождение коммуникационных продуктов и объектов коммуникации, предоставляет продукты и услуги, более соответствующие потребностям зарубежной аудитории, и формирует локализованное выражение китайского голоса.

Сетевой режим коммуникации и матрица мультимедиа используются для достижения многоканального интегрированного маркетинга. Российское информационное агентство «Спутник» представляет аудитории многоканальный и диверсифицированный контент с помощью различных форм коммуникации, таких как статьи с комментариями, трансляция видео, картинки и диаграммы. В то же время агентство посредством многоканального интегрированного маркетинга усиливает влияние культурной коммуникации. Агентство укрепляет сотрудничество с основными СМИ Китая и местными СМИ. Например, агентство «Спутник» подписало меморандум о взаимопонимании по международному стратегическому сотрудничеству с китайскими компаниями «Китайский северо-восточный сайт» и *Alibaba Cultural Media Limited* и запустило в Китае приложение «Россия-Китай: главное». Российское информационное агентство «Спутник» и китайские СМИ в полной мере использовали мощную способность СМИ соединять и интегрировать ресурсы, ярко представили новое видение китайско-российского субнационального сотрудничества и описали новую модель всестороннего, глубокого и многопрофильного взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией.

В постэпидемический период российское информационное агентство «Спутник» создало всемедийную маркетинговую платформу с диверсифицированными коммуникационными концепциями, многоканальными маркетинговыми методами и инновационными коммуникационными стратегиями, что не только позволило платформе завоевать более разнообразную аудиторию, но и расширить эффект визуальной коммуникации бренда и улучшить среду общественного мнения. В современном мире люди живут в сообществе с единой судьбой, где «я нахожусь между вами, а ты между нами» [6]. В сложную и изменчивую постэпидемическую эпоху Китай и Россия также предъявляют повышенные требования к внешней коммуникации. Китай и Россия должны постепенно наращивать свой голос во внешней коммуникации, уверенно демонстрируя преимущества медиасистемы и культуры, а также сильную способность к созданию повестки дня и самостоятельному формированию национального имиджа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуань Вэньху. Теория государственного образа / Вэньху Гуань. — Чэнду, 1999.
2. Лю Ли. Формирование национального имиджа в немецкой внешней коммуникации — на примере иностранного журнала «Германия» / Ли Лю // Германские

Санкт-Петербургский государственный университет
Ван Фанфан
E-mail: st080695@student.spbu.ru

исследования. — 2011(1). — С. 48–53. — Режим доступа: <https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=14452eeada8afd942e0846105a90d60b> (дата обращения: 7.10.22).

3. Сюн Чаожань. SOHU: BBC на фальшивые новости об эпидемии в Китае, которые они отрицает, снова вызвала нарекания со стороны пользователей сети / Чаожань Сюн. — Режим доступа: https://www.sohu.com/a/448975698_115479 (дата обращения: 7.10.22).

4. Сяо Цян. США обвиняют Китай в сокрытии данных об эпидемии. Хуа Чуньин осуждает: политическое манипулирование жизнью и безопасностью людей крайне аморально / Цян Сяо, И Ван // Портал Хуанью. — Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1662898099392947480&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 7.10.22).

5. Tencent: Конечно, вся эта антикитайская пропаганда сошла с ума! — Режим доступа: <https://new.qq.com/omn/20211122/20211122A0316200.html> (дата обращения: 7.10.22).

6. Ян Цзэндун. Поощрение дискурса и укрепление доверия в профилактике и контроле крупных вспышек эпидемий / Цзэдун Ян // Школьное партийное строительство и идейное воспитание, 2020(2). — С. 8–11. — Режим доступа: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=122d08a0c56d02w0qs5y0c909v285832&site=xueshu_se (дата обращения: 7.10.22).

Saint Petersburg State University
Wang Fangfang
E-mail: st080695@student.spbu.ru

КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ В ОБЛАСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Данг Тхи Тхан

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 6 ноября 2022 г.

Аннотация: в этой статье представлены результаты исследования качества подготовки студентов в области журналистики и коммуникации на уровне бакалавриата во Вьетнаме. Это может быть информационным каналом, помогающим руководителям учебных журналистских заведений проводить исследования и обзоры для исследования и корректировки содержания своих учебных программ, чтобы выпускники могли обладать профессиональными знаниями и навыками, соответствующими стандартам общества.

Ключевые слова: качество подготовки, бакалавриат, журналистика; Вьетнамская Академия журналистики и массовых коммуникации.

Abstract: this article presents the results of a study of the quality of student training in journalism and communication at the undergraduate level in Vietnam. It can be an information channel to help leaders of journalism schools conduct research and reviews to research and adjust the content of their curricula so that graduates can have professional knowledge and skills that meet society's standards.

Keywords: quality of training, bachelor's degree, journalism; Vietnam Academy of Journalism and Mass Communication.

На сегодняшний день во Вьетнаме насчитывается 786 агентств печати, 194 бумажных газет, 592 журнала, 61 онлайн-газета, 67 радиотелевизионных станций и сотни новостных сайтов, с коллективом более 17 тысяч человек, получивших карточки журналиста [1]. В настоящее время во Вьетнаме немало учебных центров журналистики и коммуникации, ведущими являются Вьетнамская академия журналистики и массовых коммуникаций, факультеты журналистики Ханойского государственного университета, Государственного университета имени Хошимина. Потребность в подготовке журналистов по-прежнему велика, хотя условия для обеспечения качества обучения (количество и квалификация преподавателей, количество аудиторий и учебное оборудование и др.) желают быть лучше, поскольку страдает качество обучения [2, 59]. Претензии работодателей к квалификации выпускников вузов и достаточно высокий уровень безработицы среди выпускников вузов вызвали дискуссию о качестве подготовки студентов журналистских факультетов. В данной статье анализируются и оцениваются результаты обучения на основе отзывов работодателей агентств печати, студентов и преподавателей Вьетнамской Академии журналистики и массовых коммуникаций.

Проект «Оценка результатов обучения в вузах», Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) был начат в 2018 г. и завершен

в 2020 г. Его цель — найти эффективный инструмент для измерения и сравнения результатов обучения в разных странах по трем аспектам: общим и профессиональным навыкам и дополнительным ценностям, создаваемым благодаря высшему образованию [3].

Страны, участвовавшие в проекте, представляли разные континенты, включая Азию (Япония, Корея, Абу-Даби), Африку (Египет), Америку (США, Колумбия), Европу (Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Чехия, Бельгия) и Австралию (Океания).

Был применен 15-минутный контекстный опрос, цель которого состоит в том, чтобы выявить факторы, влияющие на различия в компетенциях студентов [4, 79]. Результаты обучения в вузе измерялись как на основе самооценки студентов, так и на основе отзывов преподавателей о способностях учащихся и мнений работодателей [5, 6]. Инструментом оценки стал также 90-минутный тест, проверяющий межпрограммные навыки.

Опрашивались, обучавшиеся во Вьетнамской академии журналистики и массовых коммуникаций в 2018–2022 гг. Данный вуз является ведущим государственным учебным заведением, реализующим в том числе направление «Журналистика», куда приходят абитуриенты с высокими баллами: от 20,75 до 25,50 (при максимальных 30 баллах по 3 предметам). Общее количество опрошенных выпускников составило 3340 человек (больше всего — 832 — было в 2018 г., меньше всего — 411 — в 2020 г.). Методом сбора данных стал онлайн-опрос. Формы опроса (про-

граммное обеспечение *SurveyMonkey*) отправлялись по электронной почте.

Так, в опросе 2022 г. приняли участие 358 студентов, 31 преподаватель и 62 работодателя. Процентное соотношение ответивших на анкету студентов таково: 2018 г. — 16,5%; 2019 г. — 22,7%; 2020 г. — 19,3%; 2021 г. — 20,4%; 2022 г. — 21,0%. Низкий процент ответивших — от 10% до 30% — характерен для первого года обучения [7]. В этом исследовании опрошенными студентами являются выпускники за 5 лет, поэтому процент ответивших будет ниже, чем опрос выпускников в течение 12 месяцев. Большинство студентов ответили на открытые вопросы с практическими мнениями, поэтому их ответы показали серьезность и достоверность. Большинство преподавателей, ответивших на опрос, имеют 5-летний опыт работы и более, что составляет 67%. Количество преподавателей с опытом работы менее 5 лет составляет 33%. Работодатели, принявшие участие в опросе, — это те, кто принял на работу выпускников-журналистов.

При ответах были выделены 5 уровней согласия:

- Очень низкий / очень неудовлетворенный / очень неважный (значения от 1 до 1,8).
- Низкий / неудовлетворенный / неважный (от 1,81 до 2,6).
- Средний (от 2,61 до 3,4).
- Высокий / удовлетворенный / важный (от 3,41 до 4,2).
- Очень высокий / очень удовлетворенный / очень важный (от 4,21 до 5).

Результаты исследования и обсуждение.

А. Статус занятости выпускников.

Среди 358 выпускников, принявших участие в опросе, работают 335 человек, что составляет 93,6%; временно не работают 17 человек (4,7%);

6 человек (1,7%), являются безработными. Среди 17 человек, временно прекращающих работу, 9 человек продолжают обучение в магистратуре, 8 человек не видят необходимости в продолжении работать. После выпуска 70,7% студентов нашли работу менее чем за 3 месяца; 16,8% для этого потребовалось от 3 до менее 6 месяцев; 8,8% — от 6 до 12 месяцев; 3,7% — более 12 месяцев. При этом, согласно данным Центра прогнозирования потребности в человеческих ресурсах и информации о рынке труда в Хошимине, в последние годы спрос на человеческие ресурсы в журналистской отрасли всегда высокий [8].

Большинство выпускников принимаются на работу в качестве репортеров, что составляет почти 70%. Работа программного производства и организации составляет почти 15%, далее идет должность редактора с более чем 11%. Другие вакансии (телеведущий, секретарь редакции и др.) составляет 1,6%.

Репортер, газетный или редактор РВ и ТВ считаются привлекательными профессиями, и, по мнению заместителя генерального директора Ханойской радиотелестанции Ву Нгок Мина, выпускники, принятые в штат, не намерены переходить на другую работу в течение 5 лет.

Б. Уровень удовлетворенности работой выпускника

На вопрос, в котором студентам предлагалось самостоятельно оценить уровень своей удовлетворенности требованиями к работе после выпуска, 60% респондентов ответили, что он средний, 30% ответили, что он высокий и почти 4% считают, что он очень высокий (см. табл. 1). Средний балл ответа на этот вопрос составляет 3,3, что находится на среднем уровне и близко к высокому уровню. 23/349 респондентов (6,5%), говорят, что они не приобрели необходимых знаний и навыков для работы.

Таблица 1

Самооценка уровня удовлетворенности работой выпускников

Уровень	Не соответствует	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий	Средний балл	Итого
Процент	1,1	5,4	59,9	29,8	3,7	3,3	349

Работодатели указывают более низкий, чем выпускники, балл при оценке уровня удовлетворенности требованиями к работе. Из таблицы 2 видно, что средний уровень удовлетворенности работой студентов по оценке работодателей составляет 2,86.

В частности, 64,7% работодателей считают, что выпускники на среднем уровне соответствуют требованиям работы; 25,5% считают, что выпускники соответствуют требованиям работы только на низком.

Таблица 2

Оценка уровня удовлетворенности работой работодателями

Уровень	Не соответствует	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий	Средний балл	Итого
Процент	0,0	25,5	54,7	7,8	2,0	2,86	51

Таким образом, уровень удовлетворенности работой выпускников в целом невысокий. Основная претензия — недостаток навыков, а значит, необходимо изменить программы и методы обучения.

В. Оценка достигнутого уровня компетентности выпускников

Необходимые компетенции распределены по 12 критериям (см. табл. 3): первые два измеряют знания, третий измеряет профессиональные навыки, следующие восемь — общие навыки, последний критерий измеряет этику.

Таблица 3

Самооценка уровня компетентности, достигнутого на момент выпуска, и уровня компетентности, необходимого на текущей работе выпускников

Компетенции	Средний балл уровня компетентности, достигнутого на момент выпуска	Количество респондентов	Средний балл уровня компетентности, необходимого на текущей работе	Количество респондентов
Общие знания	2,82	350	2,42	358
Профессиональные знания	3,27	350	3,09	357
Профессиональные навыки	3,39	350	3,50	356
Способность решать проблемы	3,36	350	4,11	356
Адаптивность	3,54	349	4,09	357
Творчество	3,22	349	3,66	357
Навыки работы в команде	3,44	350	3,81	356
Коммуникативные навыки	3,32	349	4,15	356
Критическое мышление	3,17	350	3,77	356
Лидерские качества	2,90	350	3,38	356
Понимание рабочей среды	3,12	349	3,97	352
Профессиональная этика	3,89	349	4,29	356

На момент выпуска студенты оценивали свои компетенции в основном на среднем уровне (9 из 12). Три критерия — адаптивность, навыки работы в команде и профессиональная этика — оцениваются на высоком уровне. Считается, что среда в вузе может помочь студентам отработать навыки работы в команде и выработать положительное отношение к работе. Адаптивность — это индивидуальное качество, поэтому время обучения в вузе часто мало влияет на эту способность.

Выпускники считают, что текущая работа требует высокого уровня компетентности. 10/12 критериев имеют средний балл высокого уровня требований

к компетентности (выше 3,4). На момент выпуска большинство студентов соответствуют требованиям к работе только на среднем уровне, но они сохраняют работу, а значит, студенты самосовершенствуются. 51,9% респондентов посещали обучающие курсы для повышения квалификации, организованные работодателями.

Оценка преподавателей по уровню компетенций сходна с самооценкой студентов (табл. 4). Преподаватели считают данные критерии компетентности очень важными для учащихся (выше 4,21). Однако их уровень удовлетворенности способностями студентов средний.

Таблица 4

Оценка важности компетенций и уровень удовлетворенности способностями студентов преподавателями

Компетенции	Средний балл уровня компетентности, достигнутого на момент выпуска	Количество респондентов	Средний балл уровня компетентности, необходимого на текущей работе	Количество респондентов
Общие знания	3,32	31	2,79	29
Профессиональные знания	4,13	31	3,03	29
Профессиональные навыки	4,39	31	3,28	29
Способность решать проблемы	4,52	31	3,03	29
Адаптивность	4,35	31	2,90	29
Творчество	4,42	31	2,79	29
Навыки работы в команде	4,48	31	3,10	29
Коммуникативные навыки	4,52	31	3,07	29
Критическое мышление	4,68	31	2,79	29
Лидерские качества	3,65	31	2,69	29
Понимание рабочей среды	4,29	31	3,07	29
Профессиональная этика	4,67	31	3,21	29

По оценке работодателей, средний балл «общих знаний» составляет 3,13, средний балл «лидерских качеств» — 3,4, т.е. важность этих двух критериев средняя. Критериями с высокой важностью являются «профессиональные знания», «профессиональные навыки», «творчество», «критическое мышление» и «понимание рабочей среды»; 6 критериев, которые

работодатели считают очень важными, это «способность решать проблемы», «адаптивность», «навыки работы в команде», «коммуникативные навыки», «навыки создания конечного продукта» и «профессиональная этика». «Навыки создания конечного продукта» является особым критерием, используемым для опроса только работодателей.

Таблица 5

Оценка важности компетенций и уровень удовлетворенности способностями студентами работодателями

Компетенции	Средний балл уровня компетентности, достигнутого на момент выпуска	Количество респондентов	Средний балл уровня компетентности, необходимого на текущей работе	Количество респондентов
Общие знания	3,13	52	3,10	51
Профессиональные знания	3,69	52	3,22	51
Профессиональные навыки	4,09	52	3,16	51
Способность решать проблемы	4,51	52	3,20	51
Адаптивность	4,32	52	3,33	51
Творчество	4,09	52	3,22	51
Навыки работы в команде	4,30	52	3,27	51
Коммуникативные навыки	4,47	52	3,35	51
Критическое мышление	4,11	52	3,12	51
Лидерские качества	3,40	52	2,94	51
Понимание рабочей среды	3,92	52	3,27	51
Профессиональная этика	4,55	52	3,62	51
Навыки создания конечного продукта	4,21	52	3,10	51

Уровень удовлетворенности работодателей способностями студентов довольно средний, при этом большинству критериев присваивается балл выше 3. В частности, критерий «профессиональная этика» оценивается в 3,62 балла. Интересно, что уровень удовлетворенности у работодателей по способностям учащихся выше, чем у преподавателей. Работодатели не отказываются от выпускников еще и потому, что в медиаподразделениях часто организуют переподготовку для новых сотрудников (67,9%), после которой сотрудники могут достаточно хорошо выполнять работу.

Мнения студентов, преподавателей и работодателей, представленные в таблицах 3, 4 и 5, показывают, что «общие знания» и «лидерские качества» считаются средними по важности. «Профессиональные знания» оцениваются учащимися и работодателями на среднем уровне, в то время как преподаватели считают его важным. «Способность решать проблемы», «адаптивность», «навыки работы в команде» и «коммуникативные навыки» считаются очень важными для преподавателей и работодателей, в то время как студенты считают их важными (см. 4-й столбец в табл. 3). В частности, все три субъекта считают очень важным критерий «профессиональная этика».

По мнению преподавателей, времени на общеобразовательные предметы отдается слишком

много. При этом все три субъекта считают важность этих знаний средним. Поэтому желательно сократить время обучения общим знаниям или значительно улучшить содержание этих дисциплин, сделав их более практикоориентированными. Общие компетенции, такие как «способность решать проблемы», «адаптивность», «навыки работы в команде» и «коммуникативные навыки», считаются важными и очень важными, поэтому нужно создавать возможности для развития этих навыков у учащихся. Подходящим методом обучения для развития этих навыков является обучение на основе проектов [9, 20].

Выводы и рекомендации. Таким образом, ответы студентов, работодателей и преподавателей показали, что результаты обучения компетентности студентов находятся на среднем уровне. По мнению выпускников и работодателей, большинство молодых выпускников соответствуют требованиям к работе на среднем уровне. Однако работодатели будут способствовать дальнейшему развитию компетенций молодых сотрудников, которые будут совершенствоваться в профессиональном плане в том числе на курсах повышения квалификации.

Чтобы улучшить качество подготовки журналистов во Вьетнаме, мы хотели бы дать следующие рекомендации:

— В программу обучения должны быть включены предметы, способствующие формированию и развитию логического мышления учащихся.

— Оценка компетентности студентов должна осуществляться на основе выпускных стандартов, соответствующих реальным общественным потребностям, и конкретных журналистских работ.

— Вузы и редакции СМИ должны иметь тесную связь друг с другом при разработке учебных программ, направлении учащихся на практику и трудоустройстве выпускников.

Дополнительные учебные курсы для повышения знаний, профессиональных навыков, технологических навыков, иностранных языков и soft skills должны стать обязательными и постоянными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trần Thanh Lâm. Báo cáo công tác báo chí năm 2021 và phương hướng mục tiêu, nhiệm vụ, giải pháp năm 2022 [nguồn báo điện tử], 2021. — Режим доступа: <https://vietnamnet.vn/bao-cao-cong-tac-bao-chi-nam-2021-va-phuong-huong-muc-tieu-nhiem-vu-giai-phap-nam-2022-803901.html> (дата обращения: 12.10.22)

2. Vũ Ngọc Minh. Phối hợp giữa Học viện Báo chí và Tuyên truyền và các cơ quan báo chí trong hoạt động đào tạo. Kí yếu hội thảo khoa học quốc gia, Hà Nội. 2020, tr.59–61.

3. Tremblay, K., Lalancette, D. & Roseveare, D. (2012). Assessment of Higher Education Learning Outcomes — Feasibility

Study Report: Volume 1 — Design and Implementation.

4. Teichler, U. (2009). Higher Education and the World of Work: Conceptual Frameworks, Comparative Perspectives, Empirical Findings. Rotterdam, the Netherlands: Sense Publishers.

5. Ung Thị Nhã Ca. Thực trạng chất lượng đào tạo nhân lực du lịch trình độ đại học tại Trường Đại học Tây Đô và khả năng đáp ứng thị trường du lịch ở thành phố Cần Thơ. Tạp chí Khoa học Đại học Sư phạm Thành phố Hồ Chí Minh, số 1(66), năm 2015, tr.38–49.

6. Sái Công Hồng. Chất lượng sinh viên tốt nghiệp của Đại học quốc gia Hà Nội dưới góc nhìn của người sử dụng lao động. Tạp chí Khoa học Đại học Quốc gia Hà Nội: Nghiên cứu Giáo dục, tập 32, số 1, 2016, tr.20–26.

7. D. Ngân. Công bố nhóm ngành có tỷ lệ sinh viên có việc làm sau tốt nghiệp cao nhất [nguồn báo điện tử], 08/2022. — Режим доступа: <https://baodautu.vn/cong-bo-nhom-nganh-co-ty-le-sinh-vien-co-viec-lam-sau-tot-nghiep-cao-nhat-d171483.html> (дата обращения: 10.10.22).

8. Hoàng Ngân. TP Hồ Chí Minh: Ổn định và phát triển thị trường lao động [nguồn báo điện tử], 03/2022. Nguồn. — Режим доступа: <http://www.qdnd.vn/kinh-te/cac-van-de/tp-ho-chi-minh-on-dinh-va-phat-trien-thi-truong-lao-dong-688650> (дата обращения: 11.10.22).

9. Soparat, S., Arnold, S.R., & Klaysom, S. (2015). The development of Thai learners' key competencies by project-based learning using ICT. International Journal of Research in Education and Science (IJRES), 1(1), 11–22.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Данг Тхи Тхан, аспирант кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: spbu@spbu.ru*

*St. Petersburg State University
Dang Thi Than, Postgraduate Student of the Department of
Theory of Journalism and Mass Communication
E-mail: spbu@spbu.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ НЕПРАВИЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ МАССМЕДИА: ЗА И ПРОТИВ

М. В. Калинина, М. А. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме языковых неправильностей, встречающихся в современных изданиях массмедиа. Систематизируются параметры нарушения языковой нормы, предпринимается попытка их стилистической интерпретации.

Ключевые слова: речевые неправильности, язык массмедиа, дискурс, интернет-издания, нормативность, ненормативность, инвектива.

Abstract: the article is devoted to the problem of linguistic irregularities found in modern mass media publications. The parameters of the violation of the linguistic norm are systematized, an attempt is made to carry out their stylistic interpretation.

Keywords: speech irregularities, mass media language, discourse, online publications, normativity, unnormativity, invective.

В современных текстах массмедиа ярче всего отражаются процессы, характерные для русского языка и речи в целом: разрушение границ между книжной и разговорной речью, усиление игрового начала в коммуникации, арготизация языка, экспансия иноязычных слов и их элементов. Жанровая строгость, стилистическое соответствие, отсутствие жаргона и просторечия в СМИ как нормы соответствия литературному русскому языку постепенно утрачиваются. Причины расшатывания нормы не до конца изучены, не выявлены окончательно условия изменений языка СМИ, однако совершенно ясно, что «норма не должна быть тормозом в поиске новых средств выразительности и образности языка, особенно это касается языка средств массовой коммуникации» [1, 14]. В настоящее время одним из необходимых параметров оценки того или иного языкового факта становится уместность, целесообразность его употребления, тем более что характеристики нормативное/ненормативное часто оказываются недостаточно точными по отношению к языковым явлениям.

В данной статье осуществляется попытка выявить, проанализировать и дать оценку фактам нарушения языковой нормы.

Источниками материала стали 7 интернет-изданий: «Известия», «Аргументы и факты» (далее АИФ. RU), «Комсомольская правда» (КП), «Московский комсомолец» (МК), «Российская газета» (РГ), Gazeta.ru, Lenta.ru, из которых и были отобраны примеры языковых нарушений. Многие ресурсы из этого списка занимают ведущие позиции в рейтингах самых цитируемых современных массмедиа (по данным за январь 2022 г.), поэтому их публикации оказывают определенное влияние на культурно-речевую

ситуацию в стране, формируя представление читателей о правильности речи. Стоит обратить внимание и на специфику избранного нами материала: интернет-портал — это ресурс, рассчитанный на быстрое донесение информации до широкого круга читателей, пользователей интернета, сведений о последних событиях в стране и мире. Большинство статей не имеет аналитического содержания и предназначено для быстрого ознакомления, а это значит, что материалы для публикации не проходят тщательной проверки, в них встречается значительное количество ошибок, и не только содержательного характера.

В общей сложности нами было обнаружено и проанализировано свыше 86 языковых неправильностей. Нормативность/ненормативность рассматриваемых словоформ оценивалась при помощи новейших лингвистических словарей, в том числе и орфографических, отражающих сегодняшнюю письменную речь.

В процессе исследования использовался метод случайной выборки (мониторинг публикаций проводился с января 2020 г. по май 2022 г.), традиционный описательный метод, предполагающий лингвистическое наблюдение, интерпретацию речевых фактов, их обобщение и классификацию, применялся также стилистический анализ.

Сегодня многих лингвистов волнует проблема того, насколько уместно и обдуманно употребление языковых неправильностей в средствах массовой информации, какие опасности таит в себе это явление и как должна строиться в связи с этим речевая политика (работы В. В. Колесова, Л. И. Скворцова, В. Г. Костомарова и др.).

Мы можем отметить такое свойство современной публицистики, как преобладание речевой моды над правильностью речи, ориентация интернет-изданий на речевую манеру своих читателей, стремление го-

ворить с аудиторией на «ее языке», несмотря на то, что этот «язык» зачастую не соответствует нормам русского литературного языка [2, 20]. В. Г. Костомаров, рассуждая о языке массмедиа, говорил: «Нынешняя свобода применения языка, как и поведения, всего нашего существования шокирует, но ведь снятие табу, отмена цензуры, разрушение старых порядков ведет к новым формам культуры» [3, 255]. Только какой будет эта культура, зависит во многом от современного поколения журналистов. Не стоит забывать о том, что «язык медиакоммуникации — это язык воздействия на социум, а значит, одновременно и язык его воспитания, мощный инструмент, с помощью которого общество не только узнает о событиях, но впитывает речевую манеру повествования, переносит эту манеру в стилистику повседневного общения» [4, 379]. О. Б. Сиротина еще много лет назад говорила о том, что намеренные речевые нарушения в речи журналистов из тенденции превратились в норму, а системные языковые изменения в результате этого стали фактом нашей жизни [5]. В исследовании Н. В. Васильцовой указывается, что расшатывание норм языка приводит к ошибкам разного рода (орфографическим, грамматическим, синтаксическим, орфоэпическим и др.) [6]. Все начинается с непреднамеренных ошибок журналистов (в стилистике это называется *спунеризм*) [7, 8], а поскольку эти ошибки не замечаются и тем самым как бы получают поощрение, журналисты начинают совершать и преднамеренные нарушения за счет разнообразных способов и средств языковой игры [8].

Языковые отклонения, используемые в электронных СМИ, способны придать языку эмоциональность, живость, поэтому могут употребляться в качестве экспрессивного стилистического средства. В этом случае они являются осознанными, специально запланированными, рассчитанными на достижение определенного стилистического или прагматического эффекта. В современном газетном тексте наблюдается широкое использование разговорной, жаргонной и просторечной лексики при описании каких-либо событий. Например, заголовок: *На сколько подорожает «коммуналка»* (разг.)? (АИФ.RU, 01.11.2020), *«Решалы», «беспределы»* (жаргон.) и *условный срок: стратегия и тактика адвоката Эльмана Пашаева* (АИФ.RU, 14.07.2020), *Бабки* (жаргон.) *по-родственному. Как государство поддержит семейный бизнес* (АИФ.RU, 16.10.2020), *Раскрыты подробности крышевания* (жаргон.) *проституткой оперативником из Басманного района* (МК, 29.12.2020), *Северяне подняли на смех зайца-алкаша* (простор.) (КП, 18.12.2020), *Соловьев назвал Кокорина с Мамаевым «быдлярком»* (простор.) и *потребовал посадить их* (КП, 05.08.2020), *Эти изредка искрометные и остроумные, но чаще просто полные исступленной злобы и упорного отказа понимать написанное в исходном тексте срачи в комментариях* (вульг. сленг.) (Gazeta.ru, 29.01.2021). Использование

разговорных (*коммуналка* — в значении ‘жилищно-коммунальные услуги’), жаргонных (*решалы, беспредел, бабки, срач, комменты*) и просторечных (*алкаш, быдляр*) слов позволяет не только выразить эмоциональное отношение адресанта к описываемым явлениям, но и помогает удерживать внимание читателей на сообщении, в котором содержатся неожиданные для адресата языковые единицы.

Вместе с тем нельзя быть и просто наблюдателем процессов тотальной арготизации и варваризации языка, которые мы наблюдаем в текстах массмедиа. Разговорные, просторечные и жаргонные слова и выражения, как правило, являются «народными» средствами выражения экспрессии, однако, на наш взгляд, экспрессивность не следует приравнивать к образности. Согласимся с мнением Ю. В. Фоменко, говорящего о том, что «экспрессивность — это выразительность, изобразительность, воздействующая сила речи <...> Образная речь экспрессивна, но экспрессивная — совсем не обязательно образна» [9, 19]. В связи с этим речь, в которой используются жаргоны, просторечия и прочая сниженная лексика, лишена образности, как бы этого не хотели журналисты в погоне за «красным словом». Опасность использования ненормированных слов и выражений в интернет-изданиях кроется в том, что издания теряют свою аудиторию, поскольку люди читающие не приемлют языковые нарушения, а люди нечитающие не оценят подобных речевых решений. К сожалению, под давлением свободы слова «формируются привычка говорить неправильно (ненормативно), стремление черпать экспрессию из запасов просторечной, жаргонной, вплоть до инвективной лексики и фразеологии» [4, 383].

Как нарушение языковой нормы (принципа понятности речи) рассматривается использование плохо освоенной иностранной лексики в СМИ. В этом случае читатели не могут полноценно воспринимать текст, так как многие заимствования требуют дополнительного разъяснения, которое в самой журналистской статье отсутствует: *Геи, трансперсоны, квиры, полиаморы: звезды и их разнообразные каминг-ауты* (Gazeta.ru., 29.04.2021), *По его словам, фиолетовая фигурка, которая является исключением, — это «явный намек на восхитительных дрезквин»* (Gazeta.ru., 21.05.2021), *В коливинге была опция парного съема комнаты, то есть на двоих* (Gazeta.ru., 21.10.2021). Несмотря на то, что иностранные слова могут вызвать вопросы у читателей медийных текстов, особенно у представителей старшего поколения, тем не менее подобные единицы заставляют задуматься над смыслом непонятных слов, попытаться вникнуть в суть передаваемой информации.

Среди других лексических ошибок были обнаружены такие, которые вызваны смешением паронимов: *19-летнему Станиславу Кокису с коронавирусом не повезло: в 2020 году парень закончил* (норма: *окончил*)

техникум по профессии «Мастер по ремонту и обслуживанию инженерных систем жилищно-коммунального хозяйства»» (РГ, 31.10.2020). Напомним, что глагол *окончить* имеет значение 'завершить обучение'.

Большой приток заимствований породил множественность вариантов их написаний. Орфографические колебания в заимствованиях являются естественными для процесса их адаптации к системе языка-реципиента. Например, в одном предложении могут встретиться несколько вариантов написания: *Со второго этажа отеля можно по крытому переходу перейти в отдельно стоящее здание спа-центра* (норма, строчные буквы, далее дефис) *RESIDENCE SPA* и *посетить салон красоты, фито-бар* (ошибка: норма диктует только слитное написание), *кабинеты с процедурами по расширенному SPA-меню»* (РГ, 28.10.2020). Несмотря на то, что норма написания слова *спа-меню* еще не сложилась (в словарях слово отсутствует), но по аналогии с другими словами, в состав которых входит эта лексема, оно должно писаться через дефис строчными буквами.

В сегодняшних СМИ можно отметить многочисленные ошибки, связанные с неправильным построением сложных предложений: *Власти Сургута наказали выгонявших детей без масок водителей автобусов* (АИФ.RU, 22.10.2020), *В Волгограде пьяный мужчина выстрелил в подростков с балкона из ружья* (АИФ.RU, 21.10.2020), а также с нарушением глагольного управления: *«Единственное, что могу сказать — я буду за ним»* (просторечное словоупотребление, норма: *по нему*) *скупать»* (Gazeta.ru, 18.09.2020). К сожалению, все эти примеры не дают повода для оптимизма.

Встречается и множество пунктуационных ошибок: *Когда тот отказался, артист начал боксировать, и ударил парня* (МК, 05.01.2021) — запятая во втором случае не ставится, так как союз *и* соединяет однородные сказуемые. *Кожевникова также созналась — она мечтала уехать в отпуск, но планы пришлось перенести из-за злосчастного заболевания* (КП, 5.11.2020) — вместо тире нужно поставить двоеточие, так как после первой части следует пояснение того, о чем идет речь в первой части. *Тем временем, простые американцы в ожидании оглашения окончательных итогов выборов тоже выходят на улицы* (АИФ.RU, 06.11.2020). Слово сочетание *тем временем* вводным не является. Запятая не нужна.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Калинина М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Калинина М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina.44arg@yandex.ru

Считаем, что современная языковая ситуация, представленная в электронных СМИ, требует усиления не только цензуры, но и мер по популяризации русского литературного языка. Надеемся, что проведенный в статье анализ языковых неправильностей и небрежностей поможет осознать как необходимость тщательной лингвистической подготовки к публикации электронных текстов, так и исключительную важность защиты русской речи от бессознательного отступления от норм русского языка. При этом не стоит забывать, что не всегда нарушение нормы можно считать речевой ошибкой, ведь обоснованное отступление от нормы позволяет журналисту привлечь внимание читателя к предмету речи за счет расширения реестра модальных средств, передающих эмоциональное состояние субъекта речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках / Е. Н. Ширяев // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000.
2. Перцева Л. В. Речевые неправильности как ошибка и как речевой прием (на материале современной газетной публицистики) / Л. В. Перцева // Вестник ВятГУ. — 2008. — № 4. — С. 19–25.
3. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — М., 2005.
4. Данилевская Н. В. Критико-аналитический взгляд на современную телевизионную речь / Н. В. Данилевская, Я. А. Чиговская-Назарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 2. — С. 379–386.
5. Сиротинина О. Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. — М., 2006. — Вып. 4. — С. 490–499.
6. Васильцова Н. В. Непреднамеренные и преднамеренные аномалии в языке медиальных средств: автореф. ... канд. филол. наук / Н. В. Васильцова. — Ростов н/Д., 2004.
7. Шаховский В. И. Современные СМИ: ответственность журналиста / В. И. Шаховский // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 1. — С. 1–12.
8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — М., 2002.
9. Фоменко Ю. В. Типы речевых ошибок: учебное пособие / Ю. В. Фоменко. — Новосибирск, 1994.

Volgograd State Institute of Arts and Culture
Kalinina M. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Kalinina M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina.44arg@yandex.ru

ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ К ОПИСАНИЮ СТРЕССОГЕННЫХ СОБЫТИЙ

М. Н. Королева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 8 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье на основе публикаций трех популярных российских онлайн-СМИ (Lenta.ru, IZ.ru, KP.ru) анализируются особенности освещения чрезвычайных ситуаций и катастроф, произошедших на территории Российской Федерации в период с 2018 по 2020 гг. Изучается соотношение двух подходов к описанию стрессогенных событий: властеецентричного и обществоцентричного.

Ключевые слова: онлайн-СМИ, российские онлайн-СМИ, контент-стратегии, стрессогенные события, новости.

Abstract: in the article based on the publications of three popular Russian online media (Lenta.ru, IZ.ru, KP.ru) the features of the coverage of emergencies and disasters that occurred on the territory of the Russian Federation in 2018–2020 are analyzed. The correlation of two approaches to the stress-producing events description is studied: power-centric and socio-centric.

Keywords: online media, Russian online media, content strategies, stress-producing events, news.

ВВЕДЕНИЕ

К определению понятий «контент» и «контент-стратегия»

Понятие «контент-стратегия» является дискуссионным в современном научном и профессиональном дискурсах. Исследователь Дэйв Кларк из Университета Висконсина в Милуоки (США) провел очень подробный теоретический анализ существующих научных и прикладных работ, раскрывающих суть понятий «контент» и «контент-стратегия» [1]. Сам по себе термин «контент», по мнению Д. Кларка, можно трактовать довольно широко, в связи с чем понимание и интерпретация данного концепта у разных читателей могут быть отличными друг от друга, поэтому, заключает Кларк, использование контента в определениях контент-стратегии только вносит путаницу в этот термин [1].

Подобный подход разделяет и практик Скотт Абель — основатель и президент международного консалтингового агентства *The Content Wrangler*. Он утверждает, что несмотря на то, что сегодня технические специалисты в области коммуникации и другие профессионалы в области контента уделяют огромное внимание концепту «контент-стратегии», как практикам, так и теоретикам не хватает общего понимания этого термина [1].

Таким образом, данные феномены носят многоаспектный характер и могут рассматриваться как с прикладной, так и с теоретической точек зрения.

Зарубежные практики понимают под «контентом» «буквально все» [2]: а) и дизайн, и структура, и метаданные, — все есть контент [2]; б) «любой текст, изображе-

ние, видео или потребляемые пользователем элементы, способствующие пониманию» [3]; в) все, что передает значимую информацию людям [1]; г) то, что пользователь пришел почитать, изучить, увидеть, пережить [1].

Однако в рамках данного исследования нам ближе отечественный подход, в частности определение, предложенное профессором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Т. И. Фроловой, по мнению которой «контент» — это «наполнение каналов медиатекстами: журналистскими, рекламными, информационными, художественными; это продукт и товар, направленные на получение прибыли и, следовательно, достижение пользы для отдельных групп и лиц» [4].

Что касается определения понятия «контент-стратегия», то зарубежное и отечественное понимание данного явления во многом схожи (см. табл. 1).

Освещение стрессогенных событий в СМИ

Как известно, некорректная, небезопасная подача сведений (через педалирование чувств страха и растерянности, показ людей в момент острого горя и отчаяния, сенсационность), содержащих потенциально **стрессогенную** или **травмогенную** информацию о чрезвычайных ситуациях, авариях и катастрофах, способна вызвать **психическую травму** у аудитории СМИ [8, 9]. В этой связи можно выделить два подхода к описанию стрессогенных событий в СМИ: **деструктивный** и **конструктивный**.

В рамках **деструктивного** подхода, противоречащего принципам *Медиаэтического стандарта Общественной коллегии по жалобам на прессу 2.0*, контент-стратегия СМИ выстраивается хаотично и стихийно, что зачастую не приводит к «завершению медиакаре-

ры» освещаемых проблем [10]. В частности, речь идет о ситуациях, когда [8]: а) журналисты не заботятся о психологическом благополучии своих респондентов (например, показывают пострадавших в момент переживания очень ярких деструктивных чувств и эмоций, таких как горе и отчаяние); б) перед репортером стоит цель — найти самые жестокие и пугающие факты, ужасающие подробности — все то, что привлечет внимание и «пощекочет нервы» читателям (показ

картин разрушений, панических интонаций в словах очевидцев, описание страданий людей, демонстрация пугающих деталей и подробностей); в) в освещении травмогенных событий акцент делается на бессмысленности и абсурдности случившегося, отсутствии помощи извне, равнодушии окружающих (например, журналист фиксируется преимущественно на поиске ответов на вопросы «почему это произошло?» и «кто виноват в случившемся?») и т.д.

Таблица 1

Ключевые определения понятия «контент-стратегия»

Определение	Источник
«Контент-стратегия планирует создание, публикацию и управление полезным, пригодным для использования контентом».	Halvorson, K. (2008) The Discipline of Content Strategy [5]
«Главная цель контент-стратегии — использовать слова и данные для создания недвусмысленного контента, поддерживающего значимый интерактивный опыт».	Lovinger, R. (2007) Content Strategy: The Philosophy of Data [2]
«<...> контент-стратегия ведет к более качественному контенту, что предопределяет влияние: если всё сделано правильно, контент может перерасти в отношения, которые могут убедить людей слушать, доверять и использовать продукт или услугу».	Jones, C. (2010) Clout: The art and science of influential web content. Цит. по [3]
«<...> главные компоненты контент-стратегии СМИ: направленность на целевую аудиторию, средства и способы воздействия на нее и информационно-смысловое наполнение публикаций».	Жаровский Е.Р. (2018) Стратегии новостных онлайн-СМИ Крыма в период «Русской весны» [6]
«Различие профессиональных установок (трансляция товара, трансляция идей, трансляция действия) ведет к различию основных контент-стратегий — журналистики медиабизнеса, журналистики влияния и журналистики участия».	Фролова Т.И. (2017) Контент-стратегии СМИ: к определению понятия [4]
«<...> это комплекс мероприятий, связанный с созданием, распространением и сопровождением контента. Это практика планирования создания контента, его подачи и управления».	Корочкова С.А. (2020) Контент-стратегия повседневного присутствия как инструмент формирования лояльности клиентов [7]

Конструктивный подход предполагает [8]: а) адекватную подачу информации и представление проблемы как решаемой; б) показ примеров стойкости и мужества людей, попавших в экстремальную ситуацию, а также случаев активного сопротивления трудностям, положительная оценка достойного поведения участников события; в) информирование о ходе решения проблемы от начала и до ее полного разрешения; г) конструирование четкой картины мира с позитивным осмыслением неопределенности и верой в светлое будущее; д) следование принципу «Не навреди» в общении с жертвами экстремальных ситуаций и т.д.

Таким образом, в рамках конструктивного подхода содержательный акцент смещается на личность [11].

В ходе данного исследования была поставлена задача — выяснить, какие конструктивные стратегии (осознанно или нет) используются журналистами при описании стрессогенных ситуаций, кто оказывается в фокусе внимания медиапрофессионалов: простые люди, участники и свидетели событий — их

мнения, переживания и поступки, или официальные структуры — решения и действия власти по разрешению ситуации. Отметим, что оба варианта важны при описании катастроф: в первом случае акцент делается на активности людей и самоорганизации, во втором — на информировании об официальной позиции и деятельности институтов управления. Однако, несмотря на значимость для аудитории информации о централизованных действиях власти по ликвидации последствий от ЧС, этого не всегда бывает достаточно для психологического восстановления и мобилизации общества в период потрясений.

Преобладание той или иной стратегии может рассматриваться как одна из важных характеристик работы СМИ. Стратегию, ориентированную на информирование о распоряжениях и деятельности власти в экстремальной ситуации, мы условно обозначили как «властеецентричную», а стратегию, представляющую мнения и поступки простых людей, демонстрирующую примеры стойкости и мужества со стороны обычных

граждан, — как «*обществоцентричную*». Таким образом, под «центричностью» имеется в виду устойчивое доминирование одной стратегии над другой.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа были выбраны публикации, размещенные на трех онлайн-платформах: KP.ru («Комсомольская правда»), Lenta.ru («Лента») и IZ.ru («Известия»). Выбор данных платформ был обусловлен не только сходством их аудиторных показателей, популярностью, высокими индексами цитируемости у всех трех онлайн-СМИ, но и очевидными различиями в подходах к освещению событий, что позволило в дальнейшем сравнить их.

Основным методом исследования стал контент-анализ. Изучались медиатексты, посвященные *стрессогенным событиям*, среди которых можно выделить *катастрофы природного* происхождения (землетрясение, наводнение и т.п.), *техногенного* (транспортные аварии и катастрофы, пожары, взрывы и т.п.) и *антропогенного* или *социального* характера (теракты, нападения, эпидемии инфекционных болезней и т.д.).

В ходе предварительного анализа были выбраны три темы (соответствующие трем типам травмогенных событий), которые широко освещались в СМИ в период проводимого исследования (2018–2020 гг.): 1) **пожар в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово** (изучались публикации в период с 25 марта по 31 декабря 2018 года); 2) **наводнение и серия последующих паводков в Иркутской области** (публикации в период с 27 июня по 31 декабря 2019 года); 3) **пандемия коронавируса** (публикации в период с 10 января по 31 декабря 2020 года).

Отбор медиатекстов для формирования *генеральной совокупности* осуществлялся путем ввода ключевых слов (*Зимняя вишня, *наводнение Иркутская область, *коронавирус) в окошко поиска на каждом сайте. При помощи сайта *Research Randomizer* (<https://www.randomizer.org/>), планировалось отобрать по 100 текстов для каждой темы и каждой платформы (100х3х3=900). Однако на платформе KP.ru¹ за исследованный период было найдено только 95 текстов о наводнении в Иркутске и 60 — о пандемии коронавируса, которые все вошли в подборку материалов для контент-анализа. В итоге, *выборочную совокупность* для настоящего исследования составили суммарно 725 медиатекстов.

В анализе не участвовали тексты журналистов, включающие материалы пользователей социальных сетей (UGC), поскольку в данном случае нас интересовали особенности освещения экстремальных событий в традиционной журналистике и обычных текстах. *Гибридные тексты* (с UGC), как оказалось, демон-

стрируют иные свойства (их анализу была посвящена статья, опубликованная в журнале «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» [9]).

Кодификатор контент-анализа состоял из 13 категорий (всего — 69 признаков): категории 0–3 предназначались для фиксации технических параметров, таких как название платформы, тип травмогенного события и пр. (общетематический блок), категории 4–12 — для анализа различных структурных и содержательных элементов текста (коммуникативный блок), характеризующих источники информации, присутствие тех или иных субъектов мнения и т.д.

Результаты анализа были сведены в единую матрицу (базу данных), которая затем подвергалась математической обработке с использованием специализированного программного пакета *SPSS IBM Statistics*. Проводилась процедура *сравнения средних* с помощью *одновыборочного t-критерия Стьюдента*.

Для того, чтобы выявить две описанные выше стратегии в анализируемых онлайн-СМИ, было решено использовать категории, которые позволяют определить, кто именно выступает «*субъектом мнения*» и «*источником данных*», кто — «*деятелем*», предпринимающим усилия по преодолению трудностей в изучаемых медиатекстах.

Показатель «*Участие власти*» суммирует следующие признаки *властецентричной стратегии*: 1) власть как субъект мнения; 2) власть как источник данных; 3) власть как структура, решающая проблему, например:

«*Председатель правительства Иркутской области Руслан Болотов потребовал разобраться в ситуации с завышением цен на продукты и питьевую воду в пострадавших от паводков районах. Ранее сообщалось, что цена на хлеб в подтопленном городе Тулун выросла до 100 рублей за батон*»².

Аналогичные признаки использовались для оценки показателя «*Участие людей*», отражающего признаки *обществоцентричной стратегии*: 1) очевидцы, участники и наблюдатели как субъекты мнения; 2) рядовые граждане как источник информации; 3) простые люди, предпринимающие усилия по преодолению ситуации как сила, содействующая решению проблемы, например:

«*Пострадавшие рассказали, что из-за высокого уровня воды им пришлось забраться на крыши домов вместе с детьми и необходимыми вещами*»³.

² В зоне наводнения в Иркутской области выявили завышение цен // IZ.ru. 2019. Июнь, 29. — Режим доступа: <https://iz.ru/894211/2019-06-29/v-zone-navodneniia-v-irkutskoi-oblasti-vyavili-zavyshenie-tcen> (дата обращения: 13.05.2022)

³ Пострадавшим в результате наводнения россиянам помогут деньгами // Lenta.ru. 2019. Июнь, 29. — режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/06/29/podtopleno/> (дата обращения: 13.05.2022)

¹ На платформе KP.ru все тексты отбирались по региональным разделам сайта: www.kem.kp.ru, www.irk.kp.ru и www.msk.kp.ru.

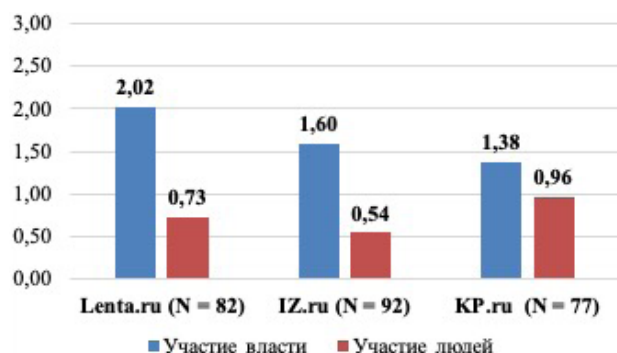
Данные признаки оценивались по бинарной системе: наличие — 1 балл, отсутствие — 0 баллов. Внутри каждой категории признаки суммировались. Таким образом, выраженность каждого из показателей в отдельно взятом медиатексте могла варьироваться от 0 до 3 баллов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пожар в ТЦ «Зимняя вишня», г. Кемерово (2018 г.)

В ходе математической обработки данных было установлено, что при описании пожара в кемеровском ТЦ журналисты всех изучаемых платформ придерживались **властецентричной** стратегии, то есть в текстах всех анализируемых онлайн-СМИ преобладала информация по показателю «Участие власти» (см. Рис. 1). При этом на сайте Lenta.ru (N=82) в среднем участие власти в решении трудностей, вызванных техногенным ЧС, встречалось чаще в среднем на текст (по совокупности всех признаков **властецентричной** стратегии), чем на платформе IZ.ru (N=92; см. Рис. 1).

Рисунок 1
Средние показатели «Участие власти» и «Участие людей» в исследуемых онлайн-СМИ при описании пожара в ТЦ «Зимняя вишня»

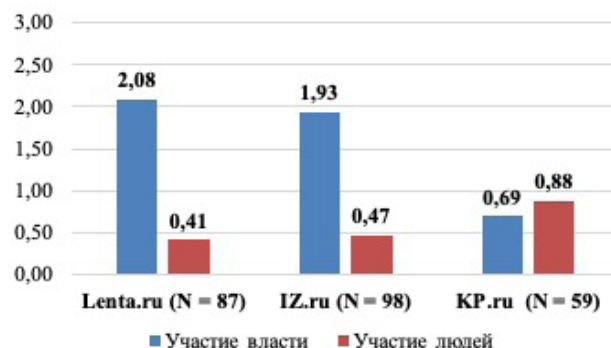
* Различия между Lenta.ru и KP.ru, а также между IZ.ru и KP.ru значимы попарно на уровне $p < 0,001$ (двухсторонняя); различия между Lenta.ru и IZ.ru не значимы.

Несмотря на то, что **информация о деятельности власти** превалирует над **информацией о простых людях** в текстах всех изданий о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня», KP.ru все же дает относительно больше информации о рядовых гражданах по сравнению с другими платформами (см. Рис. 1).

Наводнение и серия последующих паводков в Иркутской обл. (2019 г.)

Освещая наводнение и серию последующих паводков в Иркутской области, журналисты Lenta.ru и IZ.ru преимущественно придерживались **властецентричной** стратегии (см. Рис. 2). Оказалось, что по сумме всех признаков «лидирует» в данном случае снова «Лента» (N=87; см. Рис. 2).

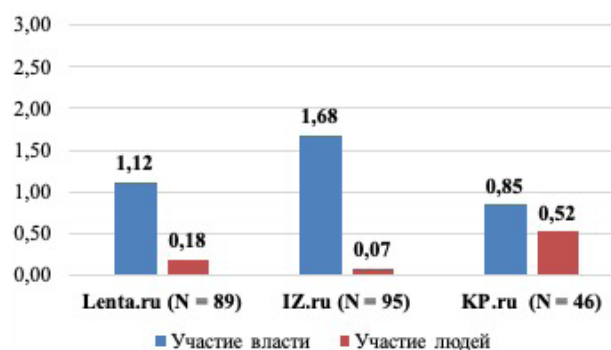
Рисунок 2
Средние показателей «Участие власти» и «Участие людей» в исследуемых онлайн-СМИ при описании наводнения в Иркутской обл.

* Различия между Lenta.ru и KP.ru, а также между IZ.ru и KP.ru значимы попарно на уровне $p < 0,001$ (двухсторонняя); различия между Lenta.ru и IZ.ru не значимы.

Что касается **обществоцентричной** стратегии изучаемых онлайн-СМИ, то в текстах KP.ru она встречалась чаще, нежели **властецентричная**, при том, что количество журналистских материалов о наводнении в Иркутской области здесь представлено значимо меньше, чем на других анализируемых платформах (N=59; см. Рис. 2). Любопытно, что, если сложить значения показателей «Участие людей» у Lenta.ru (0,41) и IZ.ru (0,47), то их сумма будет равна значению показателя «Участие людей» KP.ru (0,88), что означает, что журналисты «Комсомолки» в два раза чаще, чем журналисты других изучаемых онлайн-СМИ, используют данную стратегию при описании наводнения и серии последующих паводков в Иркутской обл. (см. Рис. 2).

Рисунок 3
Средние показатели «Участие власти» и «Участие людей» в исследуемых онлайн-СМИ при описании пандемии коронавируса

* Различия между Lenta.ru и KP.ru, а также между IZ.ru и KP.ru значимы попарно на уровне $p < 0,001$ (двухсторонняя); различия между Lenta.ru и IZ.ru не значимы.

Пандемия коронавируса (2020 г.)

В текстах о пандемии коронавируса информация о **деятельности власти**, как и в случае с материалами журналистов о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня», снова преобладает, при этом наиболее отчетливо она прослеживается в текстах IZ.ru (N=95) и в меньшей степени, как и при описании всех трех изучаемых тем (см. Рис. 1–3), она представлена в материалах KP.ru (N=46; см. Рис. 3).

Распределение средних значений по показателю «Участие людей» в текстах о пандемии коронавируса такое же, как и в случае с текстами о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня»: в медиатекстах KP.ru, по сравнению с двумя другими платформами, значение показателя «Участие людей» снова оказалось выше (см. Рис. 1 и 3); реже всего слово предоставлялось простым гражданам в материалах IZ.ru о пандемии COVID-19 (см. Рис. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе данного исследования было установлено, что информация, отражающая позицию представителей органов управления, практически всегда преобладает над «человеческими историями». Величина разрыва в разных изданиях отличается и может рассматриваться как устойчивая характеристика конкретного СМИ. Самые высокие показатели «Участия власти», отражающие признаки **властецентричной** стратегии (власть как субъект мнения и источник данных, власть как структура, принимающая ответственные решения по ликвидации проблемы и ее последствий), были обнаружены в медиатекстах «Ленты» и «Известий», что обуславливает вертикальную, а не горизонтальную парадигму отношений с аудиторией.

Самые низкие показатели «Участия власти» и самые высокие «Участия людей», по сравнению с двумя другими платформами, мы нашли в материалах KP.ru. Показатель «Участие людей» здесь даже превысил показатель «Участие власти» при освещении наводнения и серии последующих паводков в Иркутской области (2019 г.). И это фактически единственный обнаруженный нами случай, когда в издании возобладала **обществоцентричная** стратегия. Высокие, сравнительно с другими платформами, показатели «Участия людей» в публикациях KP.ru характеризуют стиль и направленность данного издания, которое, используя реальные истории простых граждан, привлекая обычных людей в качестве источников информации и субъектов мнения, стремится выступать от имени аудитории и выстраивать неиерархические отношения с читателями.

Несомненно, это приводит к большей сбалансированности в отражении стрессогенных событий,

сочетанию признаков **властецентричного** и **обществоцентричного** подходов, когда освещается не только деятельность власти по преодолению ЧС, но также мнения и действия обычных граждан, попавших в экстремальную ситуацию.

Необходимы, конечно, дальнейшие исследования, чтобы прояснить все особенности данных стратегий СМИ и их роль при освещении чрезвычайных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clark D. Content strategy: An integrative literature review // IEEE Transactions on Professional Communication. 2016. Vol. 59. Iss. 1. Pp. 7–23. DOI: 10.1109/TPC.2016.2537080.
2. Lovinger R. Content Strategy: The Philosophy of Data / R. Lovinger. — Режим доступа: <https://boxesandarrows.com/content-strategy-the-philosophy-of-data/> (дата обращения: 17.01.2023).
3. Зыонг Тхи Фьюнг Чи. Расширение присутствия библиотеки в социальных медиа с помощью контент-стратегии: инструменты и предложения / Зыонг Тхи Фьюнг Чи // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 67–76.
4. Фролова Т. И. Контент-стратегии СМИ: к определению понятия / Т. И. Фролова // Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. — М., 2017. — С. 123–124.
5. Halvorson K. The Discipline of Content Strategy / K. Halvorson // Content Strategy, Writing. 2008. Iss. 274. — Режим доступа: <http://alistapart.com/article/thedisciplineofcontentstrategy/> (дата обращения: 17.01.2023)
6. Жаровский Е. Р. Стратегии новостных онлайн-СМИ Крыма в период «Русской весны» / Е. Р. Жаровский // МедиаАльманах. 2018. № 2 (85). С. 91–100. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2018.91100.
7. Корочкова С. А. Контент-стратегия повседневного присутствия как инструмент формирования лояльности клиентов / С. А. Корочкова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). — С. 82–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10208.
8. Пронина Е. Е. Психологические особенности творческой работы репортера / Е. Е. Пронина. — М., 2001.
9. Королева М. Н. Пользовательский контент в текстах российских онлайн-СМИ о травмогенных событиях / М. Н. Королева, Е. Е. Пронина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2022. — № 4. — С. 21–46.
10. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка СМИ и стратегии ее реализации / Т. И. Фролова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2013. — № 6. — С. 107–126.
11. Фролова Т. И. Динамика стратегий в социальном медиадискурсе / Т. И. Фролова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2009. — № 5. — С. 94–116.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Королева М. Н., преподаватель кафедры цифровой журналистики

E-mail: maria.nkoroleva@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Koroleva M. N., Lecturer of the Digital Journalism Department

E-mail: maria.nkoroleva@yandex.ru

СИНТЕЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

К. А. Кулько

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 18 ноября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются общественно-политические взгляды и религиозно-нравственные искания в публицистике Солженицына 70–80-х гг. XX в.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, публицистика, коммунизм, общественно-политическая борьба, христианство, раскаяние, противоречивость.

Abstract: the article analyzes the socio-political views, religious and moral issues in publicism of A. I. Solzhenitsyn of the 70–80s of the XX century.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, publicism, communism, socio-political struggle, Christianity, repentance, contradiction.

Фигура А. И. Солженицына всегда была неоднозначной для его современников и остается такой для потомков. Столь же противоречивым и сложным является его художественное и публицистическое творчество. Исследователи до сих пор не могут прийти к однозначному выводу о его политических и философских взглядах. Его называют и либералом, и монархистом, и русским националистом. А. Янов считает, что многие мысли Солженицына совпадают с идеями славянофилов [1]. По мнению Даниела Дж. Махони, Солженицын является либерально настроенным мыслителем, который умеряет «однобокую озабоченность проблемами личной свободы полезным напоминанием о нравственных целях, призванных одушевить ответственный выбор человека» [2, 44]. Е. С. Холмогоров называет взгляды Солженицына последовательной консервативной философией [3].

Солженицын сам дал повод к возникновению противоречивых оценок его идей и творчества. В его художественных и публицистических текстах существует парадоксальный синтез, на первый взгляд, несовместимых начал. На это обратил внимание Ж. Нива, отметив сосуществование словно двух разных Солженицыных [4]. А. О. Большеv сравнил Солженицына с двуликим богом Янусом [5]. К. В. Шевцов доказывает, что автор совмещает «православную веру с любовью к революции, будучи истинным христианином и одновременно пламенным революционером» [6, 116]. К. В. Шевцов отмечает эту противоречивость, опираясь в качестве эмпирического материала на «Архипелаг ГУЛАГ». Публицистические работы, в которых также можно обнаружить необычный синтез противоречивых идей Солженицына, долгое время

оставались вне внимания исследователей.

Цель данной статьи — выявить синтез парадоксальных начал в публицистике Солженицына 70–80-х гг. XX в. Гипотеза данного исследования связана с тем, что в публицистике автора есть конфликт общественно-политических устремлений с призывом к борьбе и религиозно-нравственного начала с требованиями смирения и покаяния. Такую противоречивость можно связать с жизненным опытом автора и трансформацией его общественно-политических и религиозных взглядов.

В детстве и юношестве уже стала заметна мучительная двойственность взглядов Солженицына. В автобиографической поэме «Дороженька» можно найти такие строки: «Жарко-костровый, бледно-лампадный, / Рос я запутанный, трудный, двуправдный» [7, 39]. Душа будущего писателя с детских лет пыталась вместить «две правды»: православную «бледно-лампадность», воспитанную семьей и религией, и революционную «жарко-костровость», которая внедрялась в сознание молодых людей в школе и университете.

Сам Солженицын отмечал, что религиозное начало было более значимым: примерно до пятнадцати лет мальчик рос христианином и врагом коммунизма и атеизма [8, 107]. Но постепенно религиозное чувство ослабевает, и новой верой Солженицына становится марксизм-ленинизм. Л. Сараскина доказывает, что в эти годы Солженицын идеализирует революцию и воспринимает идеальную сторону социализма. Юноше мерещились «кристальной чистоты ленинская социальная постройка, сияющий красный материк, светлое будущее человечества» [9, 563].

Идеализация мировой революции не помешала Солженицыну осуждать советскую государственность и И. Сталина. Поводом для ареста будущего писателя

стала его опасная переписка с Н. Виткевичем. Пребывание в заключении, общение с другими арестованными приводит к разочарованию в идеологии. Это отречение от идеалов молодости в сочетании с возвращением ранее утраченной православной веры позволит писателю резко негативно оценить советский режим и призывать к тому, чтобы «мировая зараза» коммунизма была остановлена в своем распространении.

К. В. Шевцов, анализируя «Архипелаг ГУЛАГ», доказывает, что с детства и на протяжении всей жизни Солженицын совмещал православные идеалы и любовь к революции и борьбе. В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» действительно можно найти призывы к смирению, раскаянию, религиозному самоочищению, осуждение революционного пути как ложного и опасного. В то же время в некоторых главах, среди которых «Сорок дней Кенгира», присутствует призыв к мести, борьбе против режима. Рассказчик готов участвовать в бунте против начальства лагеря. Исчезает требование смирения и гуманного отношения к другим людям.

Подобные противоречивые начала можно обнаружить и в публицистике автора. В ней также присутствует, с одной стороны, зов к раскаянию, смирению и самоосуждению. Солженицын предлагает сосредоточиться на духовных проблемах нашего народа, а не вершить судьбы мира. С другой стороны, в его публицистике можно заметить ненависть к идеологии и режиму, призыв других к борьбе против «коммунистической заразы». Тогда автор не руководствуется терпимостью и гуманностью, и требования смирения кажутся ему угрожающими миру.

В статье «Коммунизм: у всех на виду — и не понят» Солженицын упрекает Запад в том, что он позволил коммунизму захватить десятки стран. По мысли автора, коммунизм нельзя считать именно «наследственной русской болезнью» [10, 332]. Значит, опасна сама идеология, а не Россия, которая ею «заражена». Поэтому Солженицын призывал бороться не с Россией как таковой, а с идеологией, которая подчинила себе умы многих.

Солженицын убежден, что с коммунизмом невозможен никакой компромисс, что Западу не получится его «ни задобрить, ни подкупить, ни умиротворить» [10, 399]. Тяготеющий к прогнозам и советам, Солженицын считает необходимым для Запада признать, что конфликта с коммунизмом не избежать, и перейти «к открыто-принципиальной и гордой защите свободы во всем мире» [10, 403]. Для этого нужно «стать на сторону всех поработанных народов» [10, 404] и открыть мощное пропагандистское наступление против коммунизма.

В статье «Иметь мужество видеть» призыв к открытой борьбе с коммунизмом Солженицын пытается объяснить его агрессивной природой: во всех странах, по мнению автора, коммунизм «тоталитарный, везде с подавлением личности, совести

и даже уничтожением жизни» [10, 397]. Конечная цель мирового коммунизма видится Солженицыну так: «захватить всю планету, в том числе Америку» [10, 397]. Однако больше мирового господства коммунизма Солженицына беспокоит унижение населения России коммунистической властью. Автор использует исторические аналогии и сравнивает нацизм и коммунизм. По мнению Солженицына, их сближают цели, связанные с превращением народов СССР в рабов. Однако нацизм это открыто заявлял, в отличие от коммунизма, который обещал всеобщее равенство и братство, а на деле тоже уничтожал собственный народ. Сравнивая преступления Гитлера с политикой Ленина, Солженицын приходит к заключению: при советском лидере невинных людей было уничтожено так же много.

Солженицын осуждает не только Запад, допустивший распространение коммунизма в мире, но и строителей этой идеологии в России. Именно на них он возлагает вину за «внутреннюю ложь и внешнюю экспансию, и оправдание войн и убийств, оправдание завтрашних войн» [10, 218]. В статье «Письмо вождям Советского Союза» автор советует руководству СССР «отказаться от мертвой буквы» идеологии «ради живого народа» [10, 161].

Нельзя не отметить образность языка публициста, который, призывая к борьбе, использует развернутые метафоры и называет коммунизм «заразой», «раковой опухолью», «инфекцией в мировом организме» [10, 332]. Такие метафоры невольно отсылают к идеям Ф. М. Достоевского как предшественника Солженицына [9], который во сне Раскольникова на каторге описал, что весь мир осужден в жертву страшной моровой язве, идущей на Европу. Трихины лишали людей разума, заставляли верить в исключительную важность их идей. Заражались и гибли целые селения и города. Страшная моровая язва, приснившаяся Раскольникову, может быть уподоблена опасным теориям, которые подчиняют себе умы миллионов. В публицистике Солженицына такой «моровой язвой» является коммунизм, поразивший умы людей из разных стран.

Во сне Раскольникова все же есть надежда: спастись от трихин смогли несколько чистых и избранных людей. Им будет под силу обновить и очистить землю. В публицистике Солженицына тоже звучит надежда на нравственное возрождение и воскрешение русского народа, подавшегося коммунизму. Автор предлагает идею, связанную со «сбережением нации». Солженицын доказывает необходимость «политики обособленного спасения» [10, 165]: нации необходимо «излечить свои раны, спасти свое национальное тело и свой национальный дух» [10, 166].

В «Письме вождям...» и в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» Солженицын предлагает «уйти в свой дом», отодвинуть глобальные мировые задачи, осваивать новые

земельные пространства Северо-Востока, которые могут стать ключом к спасению. В работе «Раскаяние и самоограничение...» этот вопрос рассматривается с моральной и религиозной точки зрения. Публицист считает, что отход от мирового соперничества нужен для «лечения наших душ» [10, 84]. Важнейшими условиями для решения внутренних духовных проблем и возрождения страны Солженицын считает раскаяние и самоограничение.

Христианская идея о необходимости покаяния для самоочищения — важная тема творчества Солженицына. Автор доказывает, что на раскаяние способна не только личность, но и целая нация, у которой тоже божественная, нерукотворная природа. Избавиться от страшного груза коммунистического прошлого можно только общим покаянием, «ибо виновны все и замараны все» [10, 62].

Однако раскаяние является лишь подготовкой основы для будущей нравственной жизни народа. Для полноценного исправления души необходимо самоограничение. Это понятие рассматривалось автором с точки зрения экономики и геополитики в «Письме вождям Советского Союза», где звучал призыв оградить экономику и политику России от решения чуждых общемировых проблем. Сделать это необходимо лишь на период «выздоровления» и «устройства своего дома» после трагедий, связанных с разрушительной коммунистической идеологией.

Однако важнее в понятии «самоограничение» именно религиозно-нравственный аспект. Выступая перед выпускниками Гарварда, Солженицын отметил: «Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира» [10, 327]. Такое понимание самоограничения близко по духу к православию. Выбор нации в пользу самоограничения, по мысли Солженицына, «направит к расцвету внутреннему, а не внешнему» [10, 86].

Противоречия, с детства появившиеся в душе будущего писателя, его внутренний конфликт между идеалами православия и любовью к революции действительно находят специфическое отражение не только в произведении «Архипелаг ГУЛАГ», но и в статьях и речах автора. В публицистике Солженицына можно найти, с одной стороны, требования открытой и яростной борьбы, ненависть к комму-

низму, отсутствие терпимости к идеологии. С другой стороны, вновь пришедший к православию, Солженицын зовет личность и общество к покаянию и к добровольному самоограничению.

Конфликт общественно-политических устремлений и религиозно-нравственного начала оказывается не конфликтом, а парадоксальным синтезом этих начал. Это можно объяснить не только сложностью и многогранностью личности самого автора, пересмотревшего идеалы молодости, но и его невероятно обостренным национальным чувством. В центре внимания Солженицына всегда был русский народ, а не абстрактное человечество. Народ нашей страны Солженицын призывает к раскаянию и смирению. И одновременно его же критикует за то, что он поддался коммунизму и стал «главной массой рабов этого государства» [10, 334]. Солженицын, призывая к борьбе, выступает не против России, а против «мертвой буквы» идеологии, которая унижает и уничтожает народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янов А. Л. Русская идея и 2000 год / А. Л. Янов. — New York, 1988.
2. Махони Д. Дж. Солженицын-мыслитель / Д. Дж. Махони // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008. — М., 2010. — С. 30–47.
3. Холмогоров Е. С. Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына / Е. С. Холмогоров // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 4. — С. 45–64.
4. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива. — М., 1992.
5. Большев А. О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического / А. О. Большев. — СПб., 2011.
6. Шевцов К. В. Солженицын-идеолог: к постановке проблемы / К. В. Шевцов // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2019. — Вып. 4 (247). — С. 116–122.
7. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 18. Раннее / А. И. Солженицын. — М., 2016.
8. Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1997.
9. Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и противоречиях / Л. И. Сараскина. — М., 2006.
10. Солженицын А. И. Публицистика. Т. 1. Статьи и речи / А. И. Солженицын. — Ярославль, 1995.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кулько К. А., аспирант кафедры истории журналистики
E-mail: shapovalova1994@yandex.ru*

*St.-Petersburg State University
Kulko K. A., Postgraduate Student of the History of Journalism
Department
E-mail: shapovalova1994@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ВИДЕОСЪЕМКИ И ВИДЕОМОНТАЖА

А. Э. Литвинцев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 6 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье выявляются основные проблемы обучения студентов направлений «Журналистика» и «Медиакоммуникации» практическим навыкам видеосъемки и видеомонтажа, а также предлагаются пути их решения. Автор базируется на собственном опыте разработки вводного курса «Съемка и монтаж видео» для студентов второго курса факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: медиаобразование, видео, видеосъемка, видеомонтаж.

Abstract: the article identifies the main problems of teaching students the practical skills of video filming and video editing, and suggests ways to solve these problems. The author is based on his own experience in developing an introductory course «Shooting and editing video» for second-year students of The MSU Faculty of Journalism (M. V. Lomonosov Moscow State University).

Keywords: media education, video, video filming, video editing.

ВВЕДЕНИЕ

Популярность видеоконтента во всем мире в последние годы стремительно растет. Согласно подсчетам компании Ericsson, 70% всего мобильного интернет-трафика в мире в 2022 г. занимал видеоконтент, аналитики ожидают, что к 2028 г. этот показатель достигнет 80% [1]. Растет и разнообразие инструментария для создания видео. Многие интернет-пользователи из потребителей видеоконтента превращаются в его создателей, выкладывая свои ролики в соцсети.

В связи с этим все более актуальными в обучении будущих журналистов и специалистов по медиакоммуникациям становятся учебные дисциплины, связанные с практическими навыками видеосъемки и видеомонтажа. Вместе с тем при разработке таких дисциплин преподаватель сталкивается с рядом проблем.

Одной из таких проблем является разрыв в уровне подготовки учащихся: кто-то из студентов уже имеет значительный опыт видеосъемки и видеомонтажа (например, у них был опыт создания собственного видеоблога или они участвовали в выпуске программ учебного телевидения), а кто-то, напротив, знакомится с видеотехнологиями впервые.

Другой трудностью становится широкое разнообразие программ для видеомонтажа. Все чаще это решения не для стационарных компьютеров, а для мобильных устройств — смартфонов и планшетов, а также встроенные решения онлайн-платформ (например, TikTok). Поскольку у ряда студентов доступ к персональному компьютеру (ноутбуку или десктопу) отсутствует, трудно найти вариант программного

обеспечения, одинаково подходящий для всех учащихся. Кроме того, активное внедрение дистанционных технологий нередко создает ситуацию, при которой одни занятия курса проходят очно в аудиториях, оборудованных компьютерами с установленными программами для видеомонтажа, другие — удаленно. В ходе дистанционных занятий студенты вынуждены пользоваться устройствами разных типов с разным программным обеспечением.

Описание классических правил видеосъемки и видеомонтажа часто противоречит ежедневному зрительскому опыту молодых людей, погруженных в современную визуальную среду. Рекламные ролики, трейлеры фильмов, музыкальные клипы, составляющие эту среду, насыщены большим количеством визуальных приемов, в которых классические правила намеренно нарушаются. Это также нередко становится барьером, мешающим восприятию материала учащимися.

С другой стороны, в обучении современных студентов практике видеосъемки и видеомонтажа есть и ряд преимуществ. Современные студенты, с раннего детства имеющие доступ к цифровым устройствам, достаточно быстро осваивают технологию. Они хорошо ориентируются в многообразии новых программ и приложений и выбирают те из них, которые удобны для них самих и доступны для их гаджетов. Они глубоко погружены в мультимедийную среду, ежедневно сталкиваются в ней с видеороликами разных жанров, и эта «насмотренность» позволяет молодежи лучше представлять, какого результата они хотят добиться при создании собственных видеоработ. Кроме того, в кармане каждого из студентов сегодня находится устройство, которое позволяет снимать и монтировать видео, притом снимать практиче-

ски в любых обстоятельствах, при этом не обращая на себя дополнительного внимания окружающих. Это открывает огромные творческие возможности для тех студентов, которые увлекутся процессом видеопроизводства.

Все эти плюсы и минусы были учтены при создании вводного курса «Съемка и монтаж видео», разработанного для студентов второго курса направления «Медиакоммуникации» факультета журналистики МГУ.

На начальном этапе обучения предлагается **анализ чужих видеоработ**.

Многие люди, незнакомые с видеопроизводством, полагают, что уметь монтировать — значит иметь навыки работы с монтажной программой. В ходе курса делается акцент на том, что работа в монтажной программе — это только этап реализации замысла: «Монтаж — не “свойство” кадра, не “свойство” кино, не “свойство” телевидения! Монтаж — метод человеческого мышления, которым пользуются киношники и телевизионщики для создания своих произведений» [2, 23]. В качестве примера рассматривается серия статичных изображений, в которых дается раскадровка фильма еще до съемок. *Аниматик* дает возможность режиссеру, работающему в игровых жанрах, по сути, снять и смонтировать фильм заранее — сначала в своем воображении, а затем на листе бумаги. У аниматиков есть свой «язык» — система условных обозначений, которые передают использование в фильме тех или иных выразительных средств.

В ходе курса разбираются примеры профессионально сделанных аниматиков, которые сравниваются с произведениями, получившимися в результате. При этом внимание слушателей акцентируется и на реализованных замыслах, а также на тех, от которых создатели фильма по тем или иным причинам отказались: «Кинорежиссура начинается не в момент обсуждения сценария с драматургом, не в работе с актером и не в общении с композитором, но в тот момент, когда перед внутренним взором человека, делающего фильм и называемого режиссером, возник образ этого фильма...» [3, 27].

На следующем этапе «монтажом на листе бумаги» занимаются уже студенты. Преподаватель предлагает им прослушать аудиозапись студийного интервью, где в кадре находится трое действующих лиц, двое из которых — журналисты, задающие вопросы, а третий — гость. Прослушав короткий аудиофрагмент, студенты создают его раскадровку.

Раскадровка требует базовых знаний о том, что такое выразительные средства экрана: *кадр, план, ракурс*. Как разместить героев в кадре? Как та или иная расстановка влияет на воплощение авторского замысла? Сколько в студии должно быть камер? Какие из них снимают журналистов, какие — гостя? Какая крупность плана при этом используется? Каким должно быть студийное освещение? Как особенности света и цвета влияют на характер взаимоотно-

шений авторов и героя в студии? Какую роль играет оформление студии?

Следующие раскадровки рисуются уже по более сложным для визуализации студийным жанрам: *ток-шоу, беседа, дискуссия*. Здесь в кадре больше людей, а значит, существует больше вариантов постановки камер, света, способов монтажа.

И наконец, завершающее задание на данном этапе — раскадровка аудиофрагмента документального фильма, включающего в себя *интервью* с несколькими документальными героями, а также *закадровый текст*, описывающий события прошлого¹. Как именно эти события воссоздать в кадре? Будет ли это реконструкция с участием актеров? Слайд-шоу из архивных фото? Анимация? Документальные кадры, снятые сегодня в локациях, где происходили события в прошлом? На эти вопросы в своих раскадровках и текстовых примечаниях к ним отвечают студенты.

Второй этап курса — **практические занятия по съемке и монтажу**.

На этом этапе учащимся предлагается самим снимать и монтировать видео, при этом преподаватель не накладывает ограничения на то, какие устройства и программы будут ими использованы.

Задание № 1. Съемка неигрового (репортажного) видео одним кадром. Видео должно содержать в себе зерно истории, то есть в кадре мы стремимся увидеть *событие*. По определению режиссера А. Митты, «событие — это такая часть истории, в которой происходит реально осязаемое изменение жизненной ситуации» [5, 157]. Благодаря событию, любое действие приобретает трехчастную структуру: начало (до изменения), середина (собственно событие) и конец (результат изменения). На практике именно это «немонтажное» задание, с которого обычно начинается обучение, часто оказывается для студентов наиболее сложным.

Задание № 2. Монтаж истории, «спрятанной» в произведении живописи. Для этого задания подойдет цифровая копия живописного произведения, отсканированного в большом разрешении. Студентам предлагается выбрать несколько фрагментов картины и смонтировать из них короткое видео так, чтобы получилась законченная история, при этом свободно используя музыку и интершум².

В ходе выполнения задания обучающиеся, даже не владея пока необходимой теоретической базой, на личном опыте открывают для себя разнообразие монтажных приемов. Кто-то интуитивно собирает кадры по хронологии воображаемого действия,

¹ В качестве примера можно привести документальный фильм Джеймса Марша «Человек на проволоке», получивший в 2009 г. «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм» [4].

² Примером такого сюжетного живописного полотна может стать картина Константина Маковского «Боярский свадебный пир» [6].

«изобретая» последовательный монтаж — т.е. «такой способ изложения содержания сцены, при котором действие фильма или передачи продолжается без видимых для зрителя разрывов во времени» [2, 157]. Кто-то выбирает прием ассоциативного монтажа, при помощи монтажных склеек сравнивая между собой нескольких героев: «Образы по воле автора монтажа, если он хочет дать сравнение, ставятся рядом один за другим, а зритель должен догадаться, что это значит, проассоциировать их, установить между ними логическую и образную связь» [2, 167].

Задание № 3. Репортажная съемка и монтаж сюжета в формате *no comment*. Студентам предлагается выбрать то событие, которое кажется им интересным и значимым, и снять, а затем смонтировать о нем короткое видео без закадрового комментария. Отсутствие поясняющего текста побуждает учащихся в наибольшей степени использовать визуальные средства для того, чтобы достаточно полно рассказать о событии, показать его с разных сторон. Самым простым критерием успешного выполнения задания является возможность ответа при просмотре видео на три простых вопроса: «Что? Где? Кто?» «Оператор должен показать, что происходит. Показать, где это происходит. И показать, кто участвует в происходящем действии. Если снятый материал дает ответы на эти три вопроса, то киномодель жизненного факта может быть составлена» [7, 223].

Задание № 4. Портретная зарисовка. Студентам предлагается с помощью видео «нарисовать» портрет интересного человека без слов (т.е. не прибегая к прямому интервью). В ходе обсуждения получившихся видеоработ преподаватель отмечает те из них, авторам которых удалось передать максимум информации о герое с помощью визуальных выразительных средств: рассказать об образе жизни героя, его работе, увлечениях, характере. «Разгадать каждого человека, который попал в орбиту внимания передающих камер, в каждом увидеть личность, увидеть событие — нет, так еще не понимают операторы и режиссеры телевидения свою задачу», — эти слова В. С. Саппака по-прежнему актуальны сегодня, через 60 лет после выхода его книги «Телевидение и мы» [8].

Параллельно с подготовкой практических заданий и обсуждением получившихся результатов в ходе курса рассматриваются базовые правила съемки и монтажа, благодаря которым у зрителя создается иллюзия непрерывного действия, происходящего в кадре: правило «восьмерки», соответствие по направлению движения, соответствие по фазе движения, соответствие

по темпу движения, соответствие по фону, удержание центра внимания, единый характер освещения, смена оптической оси³. При этом правила не подаются как догма: студентам предлагается обсудить примеры видеоработ, в которых эти правила нарушаются, а также придумать творческие задачи, которые бы в буквальном смысле требовали их нарушить. Так, нарушение правила монтажного соответствия по фону создает в кино иллюзию «волшебного» перемещения героя в пространстве, нарушение правила «восьмерки» создает у зрителя ощущение, что действующие лица во время диалога не слышат и не понимают друг друга, а монтажное несоответствие по темпу движения персонажа создает атмосферу потерянности героя, который совершает множество хаотичных движений и при этом не может найти себе места.

Применение описанных методических рекомендаций позволяет в ходе короткого (32 академических часа) курса максимально вовлечь студентов в процесс видеопроизводства, дать им базовые теоретические знания и практические навыки, помочь им собрать собственное портфолио учебных видеоработ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ericsson Mobility Report: официальный сайт. — Режим доступа: <https://www.ericsson.com/en/mobility-report> (дата обращения: 05.12.2022).
2. Соколов А. Г. Монтаж: телевидение, кино, видео. Часть первая / А. Г. Соколов. — М., 2005.
3. Тарковский А. А. Уроки режиссуры: учебное пособие / А. А. Тарковский. — М.: ВИППК, 1993. — 90 с.
4. Человек на проволоке // Кинопоиск. — Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/416324/> (дата обращения: 05.12.2022).
5. Митта А. Н. Кино между адом и раем / А. Н. Митта. — М.: Издательский дом «Подкова», 1999.
6. A Boyar Wedding Feast. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B8%D1%80#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB: A_Boyar_Wedding_Feast_\(Konstantin_Makovsky,_1883\)_Google_Cultural_Institute.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B8%D1%80#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB: A_Boyar_Wedding_Feast_(Konstantin_Makovsky,_1883)_Google_Cultural_Institute.jpg) (дата обращения: 05.12.2022).
7. Мединский С. Е. Компонуем кинокадр / С. Е. Мединский. — М.: Искусство, 1992. — 238 с.
8. Саппак В. С. Телевидение и мы: четыре беседы / В. С. Саппак. — М.: Искусство, 1988. — 166 с.

³ Подробнее см.: [7, 102–106].

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Литвинцев А. Э., кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания

E-mail: avtorsky@list.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Litvintsev A. E., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Television and Radio Broadcasting Department

E-mail: avtorsky@list.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ. ДИСКУРС НОВЫХ МЕДИА

С. И. Мокшин

Новосибирский государственный технический университет

Поступила в редакцию 6 ноября 2022 г.

Аннотация: в статье сообщается о современном состоянии спортивной журналистики в России. За последние годы закрываются и все реже пользуются популярностью традиционные спортивные медиа: газеты, телеканалы, радиотрансляции. Автор сообщает о современном состоянии спортивной журналистики, где стирается граница между новыми и традиционными медиа. Журналисты работают на нескольких площадках, в социальных сетях, мессенджерах, вовлекая реципиентов в спортивную коммуникацию. Дискурс новых медиа, посвященных спортивной тематике, формирует дискурс журналистики будущего.

Ключевые слова: дискурс, медиа, коммуникация, журналистика, новые медиа.

Abstract: the article reports on the current state of sports journalism in Russia. In recent years, traditional sports media have been closing down and becoming less popular: newspapers, TV channels, radio broadcasts. The author reports on the current state of sports journalism, where the boundary between new and traditional media is blurred. Journalists work on several platforms, social networks, messengers involving recipients in sports communication. The discourse of new media devoted to sports topics forms the discourse of journalism of the future.

Keywords: discourse, media, communication, journalism, new media.

Трансформация отечественной спортивной журналистики проявляется, с одной стороны, в увеличении объема контента в новых медиа, с другой — в закрытии изданий с многолетней историей.

С 2015 г. прекратили свое существование следующие печатные издания: «Pro Спорт», Total Football, Euro football, «Футбол», сохранились лишь «Советский спорт» и «Спорт-экспресс».

Нечто подобное наблюдается и на телевидении. В 2003 г. ВГТРК создает телеканал «Спорт», в 2010 г. в процессе ребрендинга телеканал переименовывается в «Россия 2». В 2015 г. «Газпром-медиа холдинг», выкупив частоту спортивного канала у ВГТРК, собирает под одно крыло лучших спортивных журналистов страны. Здоровую конкуренцию составляет дирекция спортивного вещания «НТВ+», создающая цепочку спортивных каналов кабельного и спутникового вещания. Параллельно развиваются новые медиа [1, 8]: тематические сайты, онлайн-платформы, хостинги, мессенджеры, в которых каждый имеет возможность создавать собственный контент и представлять аналитику.

Медийные интернет-площадки позволяют не только мгновенно реагировать на те или иные события, но и в онлайн-формате вступать в коммуникацию со своими потенциальными реципиентами, которые могут не только высказывать свое мнение, но и формировать контент медиаплощадок. И если

еще несколько лет назад телеканал «Матч ТВ» показывал спортивные соревнования на безальтернативной основе, то в настоящее время развернулась настоящая конкуренция за получение прав на трансляцию спортивного контента. Так, в 2021 г. между «Матч ТВ», принадлежащим «Газпром-медиа» и платформой Okko, принадлежащей «Сберу», развернулась нешуточная борьба за права на показ английского чемпионата по футболу. В итоге телеканал «Матч ТВ» перебил предложение Okko, которое сезоном ранее завладела правами на футбольный чемпионат Англии. Аналогичная ситуация возникла в 2022 г. после отстранения российских футбольных клубов от международных соревнований, проводившихся под эгидой УЕФА. Паузы, возникшие в футбольном календаре, было решено заполнить новым турниром «Кубок Российской премьер-лиги», в котором соревновались бы только клубы элитного футбольного дивизиона страны. Права на трансляцию турнира хотели выкупить представители платформы Okko, на что руководство телеканала «Матч ТВ» пригрозило разрывом контракта на трансляцию российского футбола в целом, сославшись на пункт в контракте об эксклюзивном показе со своей стороны. Отечественным футбольным руководителям пришлось искать компромисс, создавая в розыгрыше Кубка России две схемы: путь регионов — в котором играют представители низших лиг отечественного футбола, и путь РПЛ, в котором играют 16 лучших команд.

Задача коммуникаторов, действующих в рамках дискурса спортивной журналистики в новых медиа, усложняется: важно выделиться на фоне коммуникативного шума, возникающего в информационном потоке, «который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ, чтобы создать виртуальную реальность, отличную от действительности с целью манипулирования» [2, 11]. На массовую аудиторию воздействует самая разнообразная информация, картины мира, формируемая в сознании людей, зависит от того, какой контент они потребляют» [3]. Блогеры же, а порой и традиционные СМИ, зачастую представляют прямо противоположную информацию. А как только человек занимает «очевидную для других позицию, у него возникает стремление придерживаться ее, чтобы выглядеть последовательным. Чем более открытую позицию мы занимаем, тем неохотнее мы будем ее менять» [4, 131]. Последовательными пытаются выглядеть и спортивные блогеры, владеющие инсайдерской информацией и стремящиеся обнародовать информацию задолго до публикации официального источника: переходы спортсменов из одного клуба в другой в игровых видах спорта; зарплаты спортсменов и главных тренеров клубов; увольнение и назначение тренеров в связи с неудовлетворительными результатами команды по мнению руководства клубов и др. (хотя при этом коммуникатор рискует попасть в «информационный капкан»).

Одним из первых в спортивной журналистике специализироваться на инсайдерской информации начал Нобель Арустамян. В прошлом журналист телеканала «Матч ТВ», ведущий авторской программы «Инсайдеры», которая проходила в формате интервью с футбольными и околофутбольными людьми, где телеведущий при помощи особых приемов пытался вывести собеседника на предоставление телеаудитории эксклюзивной информации: «Ценности и глубинные критерии являются классическими примерами “субъективного опыта” в противоположность “фактам” и наблюдаемым действиям, которые представляют “объективную реальность”. Два человека могут полагать, что обладают теми же ценностями, и тем не менее в сходных ситуациях вести себя по-разному» [5, 70]. Не все хотят сообщать новости заранее, а для журналиста, специализирующегося на инсайдерской информации, необходимо представить информацию для своей аудитории первым, ведь это увеличивает просмотры, репосты и комментарии. Но информация не всегда подтверждается, и тогда субъект коммуникации подвергается справедливой критике, что произошло с «главным инсайдером отечественного информационного спорт-поля» в случае с объявленным, но не состоявшимся (в третий раз!) возвращением футболиста Вагнера в команду ЦСКА.

Журналистов, специализирующихся на трансляции инсайдерской информации, становится все

больше. Это и представитель сайта «Чемпионат.com» Андрей Панков, по совместительству автор телеграм-канала Punk inside и ютуб-канала «PRO Футбол». Это и Иван Карпов — в прошлом журналист издания «Чемпионат.com», а ныне автор телеграм-канала «Инсайды от карпа» (он также является частым гостем ток-шоу «Есть тема» на канале «Матч ТВ»). Карпов открыто позиционирует себя как болельщика футбольного клуба «Локомотив», что становится характерным для сегодняшней ситуации, когда блогеры, специализирующиеся на теме спорта, не скрывают своих клубных пристрастий. В этом отличие данных коммуникаторов от журналистов, работающих в традиционных медиа, которые — согласно профессиональным и этическим стандартам — не озвучивают своих пристрастий (исключением долгие годы был Геннадий Орлов, телекомментатор и бывший игрок «Зенита», в бытность комментирования поддерживающий свой клуб; создав свой ютуб-канал, он выступает на нем с аналитикой и берет интервью у известных людей из мира футбола).

Опираясь на классификацию моделей спортивной коммуникации Е. А. Войтик [6, 65], можно сделать вывод, что в новых медиа превалирует субъектно-объектно-субъектная модель коммуникации, так как во время стримов и посредством комментирования реципиент может выразить свое мнение или поучаствовать в создании контента. Многие журналисты во время проведения прямого эфира (стрима) на ютуб-площадке за определенную сумму денег готовы отправить подарок в виде фирменной брендированной одежды, передать привет друзьям и знакомым, ответить на вопросы и т.д. Объектно-субъектная модель можно наблюдать в интервью. Собеседниками Сергея Егорова, автора печатного издания «Советский спорт» и также создателя ютуб- и телеграм-каналов «Футбольный бигги», становятся действующие футболисты, дающие послематчевое флеш-интервью, бывшие футболисты, тренеры, действующие агенты.

Современную спортивную журналистику представляют журналисты традиционных СМИ, журналисты, ведущие свой блог или социальную сеть, блогеры-любители. Налицо пример конвергентности в самом широком смысле этого слова: Василий Уткин создал свой ютуб-канал, где возродил свою передачу «Футбольный клуб»; Александр Елагин создал свой ютуб-канал, где рассказывает об английском футболе, параллельно комментирует футбольные матчи на платформе Okko; на этой же платформе работает Владимир Стогниенко; Александр Шмурнов и Алексей Андронов ведут свой ютуб-проект; Алексей Андронов, будучи обозревателем «Советского спорта», параллельно выступает и как комментатор на кабельном канале Viasat sport и на интернет-канале «Сила ТВ».

Развитию спортивной журналистики на альтернативных платформах способствует участие реклам-

ных компаний букмекеров, которые готовы создавать на ютуб-каналах события, куда приглашают известных спортивных журналистов и действующих игроков, тренеров и людей, так или иначе связанных со спортом.

Таким проектом является ютуб-канал «Коммент. Шоу», в котором журналисты Нобель Арустамян, Роман Гуцайт, Денис Казанский и Константин Генич под вывеской букмекерской компании Winline беседуют с представителями разных видов спорта. Благодаря букмекерской компании Winkine была создана футбольная медиалига, в которой принимают участие блогеры и бывшие футболисты. Проект пользуется большой популярностью у школьников. Две команды — представители медиалиги — участвовали в розыгрыше Кубка России по футболу и собирали на стадионах внушительную по численности публику.

Итак, современная спортивная коммуникация приобретает новые формы: ведущие журналисты комментируют топовые спортивные события, транслируемые на интернет-платформах; хостинги и мес-

сенджеры выступают как площадки для обсуждений. Можно сказать, что современная спортивная журналистика в России формирует дискурс и коммуникацию журналистского сообщества в будущем, когда граница между новыми и традиционными медиа будет отсутствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кульчицкая Д. Ю. Новые медиа в глобальном мире: учеб. пособие для студентов вузов / Д. Ю. Кульчицкая. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 141 с.
2. Ильченко С. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией / С. Ильченко. — СПб.: Питер, 2019. — 319 с.
3. Теория культивации Дж. Гербнера. — Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9339596/page:8/> (дата обращения: 04.11.22).
4. Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. — М., 2021.
5. Дилтс Р. Фокусы языка / Р. Дилтс. — СПб., 2020.
6. Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: зарождение и развитие / Е. А. Войтик. — Томск, 2017.

Новосибирский государственный технический университет

*Мокшин С. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры социологии и массовых коммуникаций*

E-mail: mokshinsergey777@gmail.com

*Novosibirsk State Technical University
Mokshin S. I., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Sociology and Media Communication Department
E-mail: mokshinsergey777@gmail.com*

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНСТАНТЕ «ЛЮБОВЬ» В СМИ

Н. Ю. Моргун

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 19 января 2023 г.

Аннотация: работа рассматривает эволюцию семантической составляющей понятия «любовь» в медиадискурсе. СМИ являются не только отражением понимания чего-либо на данном этапе жизни общества, но и одним из факторов влияния на сознание общества, что доказывает теория культивирования и социально-когнитивная теория. Семантическая составляющая константы «любовь» также подвержена воздействию СМИ. Цель исследования — с помощью теории культивирования и социально-когнитивной теории проследить, каким образом медиадискурс оказывает влияние на формирование системы ценностей константы «любовь» на примере статей 2022 г. рубрики «Звезды» российского журнала «7 дней».

Ключевые слова: медиадискурс, СМИ, семантика, константа «любовь», ценности.

Abstract: the work examines the evolution of the semantic component of the concept «love» in the media discourse. The media is not only a reflection of the understanding of something at this stage of society's life, but also one of the factors influencing the consciousness of society, which is proved by the theory of cultivation and socio-cognitive theory. The semantic component of «love» is also affected by the media. The purpose of the study is to use the theory of cultivation and socio-cognitive theory to trace how the media discourse influences the formation of the value system of the constant «love» on the example of articles 2022 of the Russian magazine «7 days», the category «Stars».

Keywords: media discourse, mass media, semantics, constant «love», values.

В 1994 году Г. Гербер изучал восприятие человека и сформулировал теорию культивирования, согласно которой у аудитории СМИ, которая чаще потребляет информацию определенного рода, восприятие социальной реальности будет отличаться от восприятия тех людей, которые данную информацию потребляют меньше. В частности, ученый писал, что у людей, которые чаще смотрят телевизор, кругозор значительно уже [1]. Первоначально теория культивирования использовалась в криминалистике и подвергалась большой критике, однако данная теория может быть применима и к семантической составляющей любой константы в сознании общества.

Если говорить о константе «любовь» в контексте теории культивирования, то следует сделать вывод о том, что медиадискурс культивирует у индивидуумов, вступающих в серьезные отношения или заключающих брачный союз, нереалистичные убеждения, представление сексуальности, измен и их связи с любовью. Согласно названной теории, восприятие константы «любовь» данными индивидуумами оторвано от реальности [2].

Все последующие примеры, подтверждающие то, каким образом медиадискурс формирует систему ценностей у читателей, взяты из статей 2022 г. журнала «7 дней» (рубрика «Звезды»).

В статье «Чем обернулся для Челентано роман с Орнеллой Мути» есть фраза о том, что случайная измена — это не повод для расставания и для мужчины это прощательно [3]. У читателей статьи может сформироваться ложное представление о взаимосвязи константы «любовь» с понятием «измена», а также о том, что все мужчины изменяют, ведь это норма жизни, которую просто необходимо принять.

Еще один пример взят из статьи «Встроено генетически: почему Кейт никогда не разведется с Уильямом», где сказано, что принц действительно «похаживает» налево, но это не является веским поводом для того, чтобы развестись и лишиться уважения подданных [4].

В то же время в некоторых других статьях измена порицается и осуждается, что дает читателю «пищу для размышления» о системе ценностей современного общества. Известную модель в статье «Первая реакция: Лопырёва не стала отрицать роман с мужем Ньюши» обвиняют в том, что она уже один раз разбила семью, а сейчас хочет опять разрушить любовный союз, вызывая у ряда читателей непонимание, ведь в их системе ценностей константа «любовь» связана с верностью [5].

Дж. Шапиро и Л. Крюгер исследовали корреляцию между потреблением СМИ и любовью. Ученые обнаружили необычную связь между людьми, которые смотрят новости и их пониманием того, что

любовь — это умение понимать человека, угадывать его мысли. Можно сделать вывод о том, что семантическая составляющая любви в данном случае, согласно выводам ученых, более романтизирована [6].

В статье «Год молились! О попытках стать родителями» читатели знакомятся с чудесной историей любовной пары актеров М. Богатырева и Т. Арнтгольц, которые долгое время молились Богу и просили подарить им ребенка. Согласно данной истории, актер предугадал или «почувствовал» будущую беременность своей супруги, что, несомненно, романтизирует понимание константы и укрепляет веру аудитории в настоящую, искреннюю любовь, а также, как в Викторианскую эпоху, связывает любовь с духовным дискурсом [7].

Кроме того, в настоящее время отношения знаменитостей находятся под пристальным взглядом медиа. СМИ имеет тенденцию соединять имена двух влюбленных в одно (например, Бранджелина), тем самым демонстрируя, что любовь объединяет.

Таким образом, теория культивирования предполагает, что чем дольше аудитория потребляет медиaproduct, тем больше медиадискурс оказывает влияние на культивирование определенного мнения о чем-либо, в нашем случае — культивирование системы ценностей константы «любовь».

Социально-когнитивная теория предлагает собственное объяснение того, каким образом происходит формирование семантической составляющей посредством СМИ. В данной теории аудитория — активные участники процесса — анализирует и перерабатывает информацию, полученную в медиадискурсе, и создает собственное видение полученного сообщения [8]. Иными словами, если аудиторией являются дети, то, потребляя информацию, они формируют семантическую составляющую константы «любовь» искаженно из-за недостатка опыта, а также в силу возраста, понимание любви остается только в «их голове», без подтверждения правильности их суждений на практике. К примеру, юная аудитория может не понять смысл названия статьи «Я застал жену с футболистом» и растолковать его по-своему [9]. Еще один пример можно найти в статье «Чародейство и обряды: Роза Сябитова призвала удерживать мужей любимыми средствами» [10]. В данном материале телеведущая дает советы о том, как сохранить любовь и семью (например, с помощью обрядов или сытных ужинов). Согласно социально-когнитивной теории, аудитория, ознакомившись со статьей, анализирует информацию и примет решение о том, какой именно совет будет работать успешнее.

Данная информация, на наш взгляд, также оказывает влияние на формирование ценностной константы «любовь».

Следующий пример демонстрирует нам, что происходит, с точки зрения социально-когнитивной теории, если семантическая составляющая константы

«любовь» противопоставлена в различных медиадискурсах.

Мишель де Джон и Энтони Коллинс в своей работе указывают на то, что СМИ на современном этапе подчеркивают связь константы «любовь» с красотой и романтикой, используя в качестве примера знаменитые пары, воплощающие идеал красоты и гламура [11]. Медиадискурс, согласно авторам, сфокусирован на физической привлекательности и стремлении к красоте как на надежном способе достижения любви.

Так, в статье «Беременна или дракиков обьелась?» достаточно грубо раскритиковали одинокую Ольгу Бузову за выбор одежды, которая подчеркнула недостатки фигуры, и из-за этого «стало заметно ее пузо» [12]. Прочитав статью, аудитория может сформировать взаимосвязь понятий «одиночество (как отсутствие любви)» и «полнота».

Еще одна статья под названием «Пышногрудая красotka: Газманов вывел в свет возлюбленную» сообщает читателям о том, что «завидный жених» нашел себе невесту-красавицу и скоро создаст семью, о которой давно мечтает [13]. Читатели журнала подсознательно могут создать ассоциацию между константами «любовь» и «красота».

Однако существует и другая точка зрения: красота не всегда является преобладающим компонентом для познания любви, и некоторые статьи доказывают это. К примеру, в статье «Чем обернулся для Челентано роман с Орнеллой Мути» говорится о том, что внешность Челентано далека от стандартов красоты «и все же он был признан секс-символом» [3]. Согласно социально-когнитивной теории, аудитория, как активный участник, в данном случае проанализирует две противоположные точки зрения о связи константы «любовь» с красотой и создаст свое мнение, основываясь на собственном опыте.

Таким образом, переоценить роль медиадискурса в процессе трансформации семантической составляющей разных констант довольно сложно. Теория культивирования и социально-когнитивная теория позволяют понять, как именно медиадискурс оказывает влияние на осмысление определенных понятий, в частности системы ценностей константы «любовь».

Семантическая составляющая константы «любовь» со временем претерпела некоторые изменения, в том числе и благодаря влиянию СМИ на сознание общества. В результате можно констатировать, что медиадискурс одновременно является и источником отражения понимания чего-либо обществом, и фактором, влияющим на изменение данного понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gerbner G. Growing up with television: The cultivation perspective / G. Gerbner, L. Gross, M. Morgan and N. Signorelli // *Media effects: Advances in theory and research*, 1994. — P. 17–41.
2. Banjo O. O. The effects of media consumption on the

perception of romantic relationships / O. O. Banjo // Penn State McNair Journal. — 2002. — № 9. — P. 9–33.

3. Обельченко М. Чем обернулся для Челентано роман с Орнеллой Мути / М. Обельченко // 7days. — 2022. — 2 окт. — Режим доступа: <https://7days.ru/stars/privatelife/chem-obernulsya-dlya-chelentano-roman-s-ornelloy-muti.htm> (дата обращения: 30.10.2022).

4. Яснова К. Встроено генетически: почему Кейт никогда не разведется с Уильямом / К. Яснова // 7days. — 2022. — 1 окт. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/vstroeno-geneticheski-pochemu-keyt-nikogda-ne-razvedetsya-s-uilyamom.htm> (дата обращения: 30.10.2022).

5. Масленникова Е. Первая реакция: Лопырёва не стала отрицать роман с мужем Ньюши / Е. Масленникова // 7days. — 28 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/pervaya-reaktsiya-lopyreva-ne-stala-otritsat-roman-s-muzhem-nyushi.htm> (дата обращения: 30.09.2022).

6. Shapiro J. Is life just a romantic novel? The relationship between about intimate relations and the popular media / J. Shapiro, L. Kroeger // The American Journal of Family Therapy. — 1991. — № 19. — P. 226–236.

7. Маркова Ю. Год молились! Богатырев и Арнтгольц о попытках стать родителями / Ю. Маркова // 7days. — 2022. — 19 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/god-molilis-bogatyrev-i-arntgolts-o-popytkakh-stat-roditelyami.htm> (дата обращения: 30.10.2022).

8. Bandura A. Social Cognitive Theory in cultural context / A. Bandura // Applied Psychology: An International Review. —

2002. — № 51 (2). — P. 269–290.

9. Филимонова Е. «Я застал жену с футболистом»: Владимир Пресняков дал откровенное интервью / Е. Филимонова // 7days. — 2022. — 15 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/stars/privatelife/ya-zastal-zhenu-s-futbolistom-vladimir-presnyakov-dal-otkrovennoe-intervyu.htm> (дата обращения: 28.09.2022).

10. Киселева О. Чародейство и обряды: Роза Сябитова призвала удерживать мужей любыми средствами / О. Киселева // 7days. — 2022. — 23 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/charodeystvo-i-obryady-roza-syabitova-prizvala-uderzhivat-muzhey-lyubymi-sredstvami.htm> (дата обращения: 25.09.2022).

11. Jong M. Love and looks: A discourse of romantic love and consumer culture / M. Jong, A. de Collins // Acta Academica: Critical Views on Society, Culture and Politics. — 2017. — № 49 (1). — P. 1–19.

12. Нечаусова Е. Беременна или драников обелась? / Е. Нечаусова // 7days. — 2022. — 30 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/beremenna-ili-dranikov-obelas-buzova-poyavilas-v-shou-s-okruglivshimsya-zhivotom.htm> (дата обращения: 25.10.2022).

13. Масленникова Е. Пышногрудая красotka: Газманов вывел в свет возлюбленную / Е. Масленникова // 7days. — 2022. — 21 сент. — Режим доступа: <https://7days.ru/news/pyshnogrudaya-krasotka-gazmanov-vyvel-v-svet-vozlyublennuyu.htm> (дата обращения: 25.09.2022).

Южный федеральный университет
Моргун Н. Ю., преподаватель кафедры английского языка
E-mail: mnuheroes@mail.ru

Southern Federal University
Morgun N. Y., Lecturer of the English Department
E-mail: mnuheroes@mail.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В ФОНДАХ, ГРУППАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

М. А. Ничеговская

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 7 декабря 2022 г.

Аннотация: в данной статье приведен анализ сообществ борьбы со СПИДом в социальной сети «ВКонтакте», представленных в виде фондов, социальных групп, организаций. Анализ их контента показал, что профилактика ВИЧ-инфекции освещается разнообразно в основном только крупными общероссийскими сообществами, а на региональном уровне данные группы либо отсутствуют, либо имеют малое количество пользователей. Многим сообществам не хватает «раскрутки», идей ведения контента, актуальной информации, оформления страницы, интерактивности.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, СПИД, контент, социальная сеть, сообщество.

Annotation: this article provides an analysis of the AIDS communities on the VKontakte social network, presented in the form of foundations, social groups, organizations. An analysis of their content showed that HIV-prevention is covered in a variety of ways, mainly only by large all-Russian communities, and at the regional level these groups are either absent or have a small number of users. Many communities lack «promotion», content management ideas, relevant information, page design, interactivity.

Keywords: HIV infection, AIDS, content, social network, community.

А. А. Градюшко в своей работе «Основы творческой деятельности веб-журналиста» отметил, что в современном мире представить жизнь человека без социальных сетей практически невозможно: так, по потреблению контента сайты уступили место социальным платформам, активное освоение которых пришлось на 2008–2013 гг.

Поскольку аудитория стала реже посещать сайты традиционных медиа, СМИ пришлось идти вслед за ней и адаптироваться под новые стандарты распространения информации в социальных сетях. Посетив несколько сайтов, человек просматривает огромное количество новостей. В социальных сетях ситуация обстоит несколько иначе. Каждый из нас в них формирует свою ленту новостей, которая, впрочем, тоже наполняется алгоритмическим образом [1].

По результатам опроса ВЦИОМ за 2021 г., наиболее популярны в России социальные сети — «ВКонтакте» (48%), Instagram* (39%) (*запрещена в РФ), YouTube (34%), «Одноклассники» (32%), TikTok (17%), 16% — ответили, что «не пользуются социальными сетями» [2].

Система мониторинга и анализа социальных сетей и СМИ Brand Analytics в октябре 2022 г. представила данные ежегодного исследования, согласно которым было отмечено, что пандемийный 2020 г. стал годом бурного роста авторов (+30%): пользователи сели «на удаленку» и пошли в онлайн. 2021 г. стал паузой, а 2022 г. — годом резкого роста контента (+36%) в качестве ответной реакции соцмедиа

на общественно-политические события. Рост объема контента обеспечили Telegram и «ВКонтакте». Авторы запрещенных соцсетей с платформ окончательно не ушли, однако резко снизили там свою активность [3].

В настоящее время социальная сеть «ВКонтакте» вернула себе лидирующую позицию как по количеству авторов в ней, так и по объему контента. По данным технологичной исследовательской компании, лидера российского рынка медиаисследований и мониторинга рекламы и СМИ Mediascope, каждый месяц «ВКонтакте» посещает 84% российской интернет-аудитории, и 52% — каждый день [4].

Особой популярностью среди пользователей пользуется видео-контент во «ВКонтакте», особенно «VK-клипы». Сама социальная сеть зафиксировала 471 млн. просмотров клипов в сутки, что на 111% больше, чем в 2021 г.

Говоря о такой высокой популярности, востребованности и имеющей большой потенциал развития социальной сети «ВКонтакте», нельзя не упомянуть ее возможности в социальной сфере жизнедеятельности общества, например, в сфере здравоохранения, конкретно — профилактики ВИЧ-инфекции. Так несмотря на то, что социальные сети набирают популярность и информация по профилактике ВИЧ-инфекции становится общедоступной, рост заболевших по-прежнему актуален.

По данным представителя Роспотребнадзора В. Покровского, количество россиян с ВИЧ-инфекцией выросло на 40 тысяч человек за восемь месяцев 2022 г. А в РФ, в среднем за год, фиксируется 1100

вновь инфицированных — это один человек в 8 часов [5].

В ходе анализа фондов, общественных организаций и групп во «ВКонтакте» мы обнаружили, что несмотря на изначально кажущееся большое количество таких сообществ в поиске — свыше 1900, при введении поисковых слов «ВИЧ» «СПИД», лишь 93 из них являются социальными и общественными организациями. Это говорит о том, что не так много медицинских центров и общественных организаций, занимающихся ВИЧ-профилактикой, представлены в социальной сети «ВКонтакте».

В этой связи важным будет анализ аккаунтов таких сообществ. Например, достаточно крупное сообщество «СТОП ВИЧ/СПИД. Касается каждого. Участвуют все» (свыше 124 тыс. подписчиков) позиционирует себя как группу, где можно найти достоверную информацию о ВИЧ-инфекции, ответы на вопросы от людей, живущих с ВИЧ и от консультантов общественных организаций, опыт жизни с ВИЧ и на АРВТ-терапии, здесь можно узнать адреса, где можно сдать анализы на ВИЧ, СПИД-Центров и групп взаимопомощи. Данное сообщество активно ведет свой аккаунт: 1,5 тыс. фотоматериалов, 154 видеоматериалов, с периодичностью 1–2 поста в день, но тем не менее в нем слабый охват и активность — среднее количество «лайков»: 7–8 на публикацию, при общем просмотре постов: 2–4 тыс. Но отсутствует контент ВК-клипов, которые сейчас пользуются наибольшим спросом.

Особый интерес вызывают посты, в которых эксперты отвечают на волнующие их вопросы, а также освещаются личные истории людей. Например, пост «ВИЧ — не приговор» — история Руслана, первого ВИЧ-положительного мастера маникюра, который говорит открыто о своем ВИЧ-статусе. Безусловно, с точки зрения зараженных ВИЧ-инфекцией данное видео представляет интерес, так как оно несет положительный посыл, мотивирующий жить и заниматься любимым делом несмотря на диагноз. Но с точки зрения профилактики ВИЧ-инфекции, видео не выполняет просветительскую функцию: в нем нет истории заражения героя и его личного мнения по этому поводу, хотя данный случай мог бы стать хорошим примером предостережения для других.

Еще одно крупное сообщество — СПИД.ЦЕНТР / AIDS.CENTER (свыше 9 тыс. подписчиков), которое активно занимается профилактикой ВИЧ-инфекции, постоянно освещая в виде инфографики, экспертного мнения, информационных постов со статистикой информацию о способах заражения ВИЧ/СПИД. Кроме того, в данном аккаунте немалое внимание уделяется заболевшим — вплоть до групповых встреч с медработниками, психологами, культурными деятелями. Постоянно задействованы волонтеры. Дается информация о лекарственных препаратах и новых разработках. Данное сообщество отличается боль-

шим количеством видео-материала: 599 роликов, большинство из которых — это экспертное мнение (врачей, психологов, юристов, деятелей культуры), а так видео-конференции и фильмы про ВИЧ. Но несмотря на такое разнообразие контента, охват и активность на странице очень низкая, в среднем — 400–500 просмотров и не больше 10 «лайков». Так же не задействованы возможности «ВК-клипов».

Что касается региональных сообществ, то наиболее массовой группой оказалась ростовское сообщество «Мы против СПИДА» (свыше 5 тыс. подписчиков). В остальных региональных группах (Бурятия, Марий Эл, Иркутска, Нижневартовска, Челябинска и др.), как правило, не больше 1000–1500 подписчиков. В аккаунте «Мы против СПИДА» есть гиперссылка на видеоролики с призывом сдать тест на ВИЧ, немало социальных роликов о борьбе с ВИЧ-инфекцией, интервью с ВИЧ-положительной девушкой, реклама различных наркологических центров, ссылки на тематические телеграмм-каналы, результаты исследований, конференции со студентами на тему инфекции, причины заражения ВИЧ, мировые новости, присутствуют опросы, даже музыкальный клип ростовской хип-хоп группы. В закрепленной записи есть приглашение поучаствовать в конкурсе на лучший сценарий мероприятия по профилактике ВИЧ-инфекции, что является одним из способов вовлечения пользователей. Но даже при таком широком контенте, охват очень низкий — порядка 70–130 просмотров постов и совершенное отсутствие «лайков».

Кроме того, в ходе анализа фондов и социальных групп, была обнаружена группа ВИЧ-диссидентов «ВИЧ СПИД — ВЕЛИЧАЙШАЯ МИСТИФИКАЦИЯ XX ВЕКА» с большим количеством подписчиков — 18 637 пользователей. Несмотря на то, что администрация социальной сети «ВКонтакте» при переходе в данную группу предостерегает вкладкой «Сообщество может содержать недостоверную информацию», пользователь может нажать плашку «Продолжить просмотр» и пользоваться информацией данного сообщества в открытом доступе. Здесь были обнаружены антинаучные материалы, не подкрепленные доказанными фактами, в которых говорится о том, что «болезнь придумана с целью наживы и как таковая не существует», есть призывы бойкотировать медицинские учреждения, не принимать препараты, а искать альтернативные методы лечения, пытаться «сняться» с учета и никак не менять свою жизнь после получения статуса.

Таким образом, при анализе сообществ по борьбе со СПИД в социальной сети «ВКонтакте» было выявлено, что:

— несмотря на популярность социальной сети «ВКонтакте» фонды, группы, организации не в полной мере пользуются ее возможностями; — есть много примеров сообществ, которые прекрасно владеют и пользуются информацией, орга-

низуют просветительские, психологические встречи, привлекают экспертов, обучают волонтеров, работают с заболевшими и проводят профилактику, снимают интересный контент, но им не хватает раскрутки, а так же они не пользуются самым популярным сейчас контентом для привлечения аудитории — «ВК-клипами»;

— информации о профилактике ВИЧ-инфекции немного, даже со слов заболевших, хотя их истории могут заставить многих задуматься. Если речь идет о заболевших, то их стараются представить в позитивном ключе, якобы их «жизнь практически не изменилась», а история о приобретении заболевания умалчивается;

— многие организации освещают крайне сухо информацию о ВИЧ, что прямо воздействует на посещаемость и вовлечение со стороны пользователей;

— к сожалению, сообщества ВИЧ-диссидентов пользуются популярностью, даже несмотря на то, что администрация «ВКонтакте» предупреждает пользователей, что в таких группах информация недо-

стоверна. В одном из таких сообществ более 18 тыс. пользователей, где зачастую в агрессивной форме призывают бойкотировать медицину и не нести ответственность за свой статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста / А. А. Градюшко // Минск, 2019.
2. ВЦИОМ назвал самые популярные социальные сети в России. — Режим доступа: <https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html> (дата обращения: 11.11.2022).
3. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022. — Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения: 11.11.2022).
4. Исследовательская компания Mediascop. — Режим доступа: <https://mediascope.net> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Число ВИЧ-инфицированных в России выросло на 40 тысяч. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/18/11/2022/63750a099a79476e940a263d> (дата обращения: 11.11.2022).

*Северо-Кавказский федеральный университет
Ничеговская М.А., кандидат социологических наук, доцент
E-mail: just_maria87@mail.ru*

*North-Caucasian Federal University
Nichegovskaya M. A., Candidate of Social Sciences, docent
E-mail: just_maria87@mail.ru*

О ТОНКОЙ ГРАНИ МЕЖДУ ОПИСАТЕЛЬНОСТЬЮ И ВВЕДЕНИЕМ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ)

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

Аннотация: работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы словесных товарных знаков, а также поиску путей оптимизации этой процедуры. Обсуждаются нерешенные вопросы, возникающие в ходе такой экспертизы. Поднимается вопрос о соотношении описательного обозначения, ложного обозначения и обозначения, вводящего в заблуждение.

Ключевые слова: товарный знак, лингвистическая экспертиза, сходство до степени смешения, описательный товарный знак, введение в заблуждение.

Abstract: the paper is devoted to the problem of linguistic expertise of verbal trademarks, as well as to the search for ways to optimize this procedure. Unresolved issues arising during such an examination are discussed. The question of the relationship between descriptive designation, false designation and misleading designation is raised.

Keywords: trademark, linguistic expert examination, confusing similarity, descriptive trademark, misleading.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [1]. Одним из видов товарного знака является словесный товарный знак. К числу словесных товарных знаков, например, относятся: Yagodka, «Светаево», «Векская», «Кредо» и др.

Часть 4 Гражданского кодекса РФ содержит перечень ограничений на регистрацию товарного знака. В частности, не допускается регистрация обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с уже зарегистрированными товарными знаками, обозначений, являющихся описательными, обозначений, ложных или вводящих потребителя в заблуждение относительно товаров и услуг и т.д.

Вынести решение о наличии этих и других признаков неохраноспособности в ряде случаев бывает непросто, что становится поводом для многочисленных судебных разбирательств и последующих лингвистических экспертиз.

До сегодняшнего дня наиболее востребованной на практике была и остается экспертиза на предмет установления сходства обозначения до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком. Между тем в последние годы лингвисту-эксперту все чаще приходится сталкиваться и с другой задачей — задачей определения признаков описательности того или иного обозначения.

В соответствии с п. 2.2 «Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений»

ний», описательные элементы — это обозначения, используемые для указания вида товара, описания характеристик товара и сведений об изготовителе [2].

В этом же пункте «Рекомендаций...» четко оговаривается, что к описательным элементам относятся словесные элементы, «указывающие на вид, качество, количество, свойства, назначение, ценность товаров, а также на место и время их производства или сбыта», «простые наименования товаров; обозначения категории качества товаров; указания свойств товаров (в том числе носящих хвalebный характер); указания материала или состава сырья; указания веса, объема, цены товаров; даты производства товаров; данные по истории создания производства; видовые наименования предприятий; адреса изготовителей товаров и посреднических фирм; обозначения, состоящие частично или полностью из географических названий, которые могут быть восприняты как указания на место нахождения изготовителя товара», «общепринятые наименования, представляющие собой, как правило, простые указания товаров, заявляемые для обозначения этих товаров», а также «общепринятые сокращенные наименования организаций, предприятий, отраслей и их аббревиатуры».

Все перечисленные выше признаки можно отнести к основным признакам описательного обозначения.

Заявленным обозначениям, состоящим только из описательных элементов, не предоставляется правовая охрана, а производителям — исключительное право на их использование, т.к. у любого лица может возникнуть необходимость использовать в хозяйственном обороте обозначения, которые описы-

вают товар. Такие обозначения и называются описательными. Например, в результате проведенного нами в 2020 г. исследования на предмет наличия / отсутствия описательного характера слова *афиша* товарных знаков «Афиша», «Афиша.ги», «Мобильная афиша» и «Афиша рестораны» было установлено, что *афиша* является описательным обозначением, однако лишь в одном единственном случае — в качестве элемента товарного знака «Мобильная афиша» применительно к такой услуге 16 класса Международной классификации товаров и услуг (МКТУ) как *афиши* по следующим причинам:

- анализируемое слово *афиша*, в силу представленности соответствующих языковых маркеров (а именно: языкового тождества коммерческого названия именуемого объекта и названия предлагаемого этим объектом товара (услуги), является в данном случае прямым названием предлагаемого товара или услуги;
- потенциальному потребителю не требуются дополнительные рассуждения и домысливания для того, чтобы понять смысл анализируемого обозначения в качестве обозначения товара или услуги данного вида в том случае, если слово *афиша* является элементом товарного знака «Мобильная «афиша» применительно к такой услуге 16 класса МКТУ как афиши (см. подробнее: [3]).

Особо отметим, что юридические документы так или иначе говорят о так называемой относительности понятия описательного элемента. В частности, в п. 4.1.2 «Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельства на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» так и говорится, что «одно и то же обозначение может в отношении одних товаров быть признано описательным, в отношении других — ложным, в отношении третьих — фантазийным» [4]. Кстати, именно в силу относительности понятия описательности вся коллизия в упомянутом выше исследовании свелась к вопросу о том, в каких случаях слово *афиша* является описательным, а в каких — нет. Как уже понятно из контекста, в обозначении, например, «Афиша рестораны» слово *афиша* не может считаться описательным.

Вывод об относительности понятия описательности позволяет сформулировать сразу два вопроса:

- где пролегает грань между описательностью и фантазийностью?
- где пролегает грань между описательностью и введением в заблуждение?

Первый вопрос чрезвычайно актуален с точки зрения практики лингвистической экспертизы товарного знака. Этим вопросом систематически задаются лингвисты-эксперты в ходе исследования

обозначений на предмет описательности. Вероятно, именно поэтому он получил более-менее четкое разрешение, в том числе и на практике.

Намного сложнее обстоит дело с вопросом о грани между описательностью и введением в заблуждение. Собственно, и сама категория «введение в заблуждение» проработана недостаточно четко. Можно ли, например, считать товарный знак «Коркунов» вводящим в такое заблуждение? С одной стороны, товарный знак стилизован под дореволюционный, назван в дореволюционных традициях (использование имени собственного в названии — типичный способ именования коммерческих объектов и товаров на рубеже 19–20 вв. — см. подробнее: [5, 213–214]), содержит изображение фамильного герба, что еще больше усиливает ассоциацию с дореволюционной историей товара. С другой стороны, известно, что товарный знак «Коркунов» был зарегистрирован для кондитерских изделий ЗАО «Торговый дом «АРС», основанного в 1999 году. Иными словами, потребители конфет «Коркунов» потенциально были введены в заблуждение. Тот факт, что подобный вариант заблуждения был проигнорирован, свидетельствует об уже отмеченном выше отсутствии четких критериев признака «вводящий в заблуждение».

О неопределенности понятия «введение в заблуждение» пишет, например, С. В. Бутенко, при этом совершенно справедливо предлагает разграничить ложные товарные знаки и знаки, способные ввести в заблуждение [6, 85]. Так, с точки зрения упомянутого автора, ложные товарные знаки — это знаки, которые содержат несоответствующее действительности указания на товар, его свойства, назначение и иные характеристики, а знаки, способные ввести потребителя в заблуждение, — это знаки, которые потенциально способны вызвать ассоциации, несоответствующие действительности. Например, в свое время Роспатентом было отказано в регистрации обозначения *Helmar* на основании того, что «...словесный элемент *Helmar* представляет собой слово иностранного происхождения. При использовании заявленного обозначения в качестве товарного знака для указанных в заявке товаров у потребителя могут возникнуть ассоциации с иностранным происхождением товаров, что в отношении заявителя не соответствует действительности. Поэтому заявленное обозначение не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака, поскольку будет вводить потребителя в заблуждение относительно производителя товара». Оставляя без обсуждения излишнюю категоричность сформулированного вывода, заметим тем не менее, что в случае приведенного обозначения потенциальная опасность введения в заблуждение все же присутствует, но она требует своего доказательств (или опровержения), что может быть осуществлено психолингвистическими методами (в ходе психолингвистического эксперимента). Вы-

вод же о ложности обозначения базируется на факторах экстралингвистического порядка и требует знаний о номинируемом товаре, его свойствах и т.п.

Как справедливо замечает С. В. Бутенко, ложный знак может быть только описательным, а введение в заблуждение характерно для фантазийных обозначений. Принципиальное же отличие ложных знаков от обозначений, способных ввести в заблуждение, заключается в том, что для первой группы обозначений всегда характерно намерение заявителя дезинформировать среднестатистического потребителя товара или услуги [6, 12]. Далее, со ссылкой на Е. А. Ариевича [7, 22], автор формулирует вывод о том, что несоответствие ложного знака действительности представляет собой вопрос факта, в то время как способность знака вводить в заблуждение есть некий потенциал, который, с одной стороны, может и не быть реализован.

С нашей точки зрения, применительно к товарным знакам и обозначениям, подаваемым на регистрацию, понятие введения в заблуждение является более широким понятием, включающим в себя другое, более узкое понятие — понятие ложности обозначения.

Иными словами, намеренно упрощая и примитивизируя ситуацию, можно сказать, что если мы неким словесным элементом (например, словесным элементом *хлеб*, называем хлеб — то здесь налицо описательность, если же мы *хлебом* называем молоко — то налицо введение в заблуждение, а в данном конкретном случае — ложность).

В итоге нередки случаи, когда то или иное исследуемое обозначение в одних случаях оказывается описательным, в других фантазийным, но потенциально способным ввести в заблуждение.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- понятия ложного обозначения и обозначения, вводящего в заблуждение, не являются тождественными, они соотносятся между собой как общее и частное;
- вывод о ложности того или иного обозначения возможен лишь на основании экстралингвистической информации;
- назрела необходимость выявления четких язы-

ковых маркеров, позволяющих сформулировать вывод о товарном знаке как о знаке, вводящем в заблуждение;

- существует потребность в разработке и апробации методов, которые позволят с высокой степенью вероятности сформулировать вывод о том или ином обозначении как об обозначении, вводящем в заблуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Рекомендации по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений (утв. приказом Роспатента от 23.03. 2001, № 39).
3. Новичихина М. Е. О критериях выделения описательного элемента в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Теория языка и межкультурная коммуникация: Электронное периодическое издание. — Курск. — 2021. — № 4. — С. 153–163. — Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4276/ (дата обращения: 28.09.2022).
4. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (утв. приказом Роспатента от 24 июля 2018 г., № 128).
5. Новичихина М. Е. О нерешенных вопросах лингвистической экспертизы товарных знаков и путях объективизации ее результатов / М. Е. Новичихина // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). — М., 2019. — С. 212–220.
6. Бутенко С. В. Введение потребителя в заблуждение как абсолютное основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бутенко. — М., 2013.
7. Ариевич Е. А. Введение в заблуждение: практика и реальность / Е. А. Ариевич // Патенты и лицензии. — 2000. — № 9. — С. 21–26.

Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна,
E-mail: novichihiname@mail.ru

Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: novichihiname@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ГОСУДАРСТВ: СОБЫТИЯ И ЯВЛЕНИЯ 2019–2022 ГГ.

М. Л. Поляков

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Поступила в редакцию 10 января 2023 г.

Аннотация: в статье исследуются актуальные проблемы взаимодействия цифровых платформ и государственных органов России и нескольких стран. Автор рассматривает период 2019–2022 годов, в течение которого стали очевидны основные противоречия между цифровыми медиа-гигантами и целыми государствами. Для анализа использовались десятки публикаций в технологической прессе, профильные исследования и законодательные акты России, США и других стран.

Ключевые слова: цифровые платформы, бигтех, интернет, цензура, монополизм, деплатформинг, разукрупнение.

Abstract: the article covers the actual problems of interaction between digital platforms and state bodies of Russia and some other countries. The period 2019–2022 considered by the author contains main contradictions and tension between media tech giant companies and states. Dozens of tech-reviews, researches and law acts were used as a raw material for this article.

Keywords: digital platforms, big-tech, internet, censorship, monopoly, deplatforming, breaking up.

В результате успешных инвестиций, технологического развития и роста проникновения интернета за последнее десятилетие цифровые платформы добились неоспоримого конкурентного преимущества во многих индустриях и стали не только глобальными игроками, но и корпорациями-супергигантами с монопольными позициями на планете. *Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet, Tencent, Alibaba, Meta** последовательно инвестируют во все сферы глобальных цепочек создания ценностей на основе данных: дата-центры, системы распознавания изображений, видео, лиц, центры анализа трафика по оптоволоконным каналам, анализ данных при помощи искусственного интеллекта. Особенно отчетливо лидерство цифровых платформ заметно в области программного обеспечения, электронной коммерции и цифровых медиа. Почти 80% цифровых платформ по их капитализации расположены в США, 17 — в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2,8% — в Европе и 1,4% — в странах Африки [1, 15].

Доходы крупнейших платформ сопоставимы с доходами бюджета целых государств мира, а по числу пользователей они превосходят население самых населенных стран. К примеру, доход *Meta** за 2021 г. (\$118 млрд) сопоставимы с доходами бюджета Аргентины (\$123 млрд), а доходы *Alphabet* в 2021 (холдин-

говая компания, в которую входит *Google*) — 257 млрд долларов, это 2/3 бюджета Российской Федерации (340 млрд долларов, по курсу 73 рубля за доллар).

С 2018 г. измерители цифровой рекламы фиксируют глобальную дуополию *Google* и *Meta** в области поисковых запросов, данных о пользователях и, как следствие — цифровой рекламы [2]. На значительной территории планеты *Google* занимает монопольное положение на рынке интернет-поиска, удерживая около 90% поисковых запросов и контекстной рекламы по миру, а *Meta** доминирует на рынке соцсетей и продажи таргетированной рекламы. Эти компании продолжают концентрировать в своих руках аудиторию, рекламные возможности и технологии. Сейчас это больше 50% всей интернет-рекламы в мире и тотальное доминирование по аудиторным показателям на всех ключевых рынках мира, кроме Китая и России. В 2019–2021 гг. три цифровых гиганта *Google, Meta*, Amazon* занимали в США 64–65% всего рынка цифровой рекламы, и эта триполия сохранится в ближайшие годы, считают эксперты *eMarketer* [3].

Пандемия 2020–2021 гг. стала своего рода катализатором этого роста. Экономисты и специалисты по медиа UNCTAD зафиксировали тот факт, что в этот период доходы и прибыли крупных игроков рынка продолжали расти, несмотря на глобальный спад экономики [4, 17].

Государства многих стран осознали монополию цифровых гигантов на своих территориях и начали активные регуляторные действия против цифровых

* Признана в России экстремистской организацией.

медиакомпаний. Эти действия связаны с ограничением как самих компаний-гигантов, так и поведения их пользователей. В большинстве стран мира, включая Россию, сейчас принимаются законодательные решения о блокировке цифровых платформ, разрушении их монопольного положения и возможном разделении на части.

По исследованию *Freedom on The Internet* в 2021 г. власти как минимум 48 стран из 70 исследованных установили новые правила для техкомпаний, касающиеся контента, данных пользователей или конкуренции. В результате впервые за 11 лет измерений в 2021 г. зафиксировано снижение глобального индекса *Freedom of Internet* [5, 2].

Вот некоторые примеры регуляторных действий 2020–2022 гг. в разных странах. В июне 2020 г. и январе 2021 г. Индия заблокировала *TikTok* и еще 29 китайских приложений, включая *WeChat*, и китайский аналог *Twitter* — сервис микроблогов *Weibo*, заподозрив их в том, что они собирают информацию о пользователях без их ведома [6]. Индийское правительство заявило, что эти приложения «занимаются деятельностью, наносящей ущерб суверенитету и целостности страны, обороне, безопасности государства и общественного порядка».

В декабре 2020 г. Европейский Союз принял *Digital Markets Act*, регулирующий «платформы с функциями входа». Именно по этому акту начались процессы ограничения конкуренции и монополии *Apple Store*. В феврале 2021 г. правительство Австралии под угрозой блокировки обязало *Facebook** платить треть от своих рекламных доходов компаниям, создающим новости, например, *News Corp* Руперта Мердока. Короткое противостояние между *Facebook** и правительством завершилось соглашением на эту тему.

Китайское правительство весной 2021 г. наложило штраф на торговую платформу *Alibaba* размером \$2.8 млрд. за ограничение конкуренции и нарушение антимонопольного законодательства [7]. Компания обязала своих партнеров выбирать «одну или две компании для кооперации», что противоречило закону, принятому в декабре 2020 г. Позже власти Китая решили сократить масштабы технологической и финансовой бизнес-империи основателя *Alibaba Group* Джека Ма. Собеседники *The Wall Street Journal* говорили журналистам, что регулирующие органы сосредоточивают внимание на бизнесе миллиардера в рамках кампании по усилению надзора за все более влиятельной сферой технологий. Так власти планировали «обуздать» бизнесмена [8].

В России в 2020–2021 гг. значительно усилилось регуляторное давление на технологические компании. В сентябре-октябре 2021 г. против *Google*, *Facebook** и *Twitter* вынесены судебные решения о нарушении выборного законодательства, удалении запрещенного контента и отсутствии локализации данных пользователей. Штрафы *Facebook**

за удаление запрещенной информации на октябрь 2021 г. составили в совокупности 66 млн. руб., *Twitter* — 38,4 млн. руб., *Google* — 26 млн. руб. По делам о локализации пользовательских данных *Facebook** и *Twitter* в августе 2021 г. были оштрафованы на 15 млн. и 17 млн. руб. *Apple* вынудили заблокировать в сентябре 2021 г. несколько приложений в российском *AppStore*. Еще несколько присужденных штрафов не получили денежного исчисления. В декабре 2021 г. *Google* получил оборотный штраф за отказ удаления контента на принадлежащей ему платформе *YouTube* в размере 7 млрд. руб. А в июле 2022 г. мировой суд Таганского района оштрафовал *Google* на 21,77 млрд. руб. за повторный отказ удалить запрещенную в России информацию (часть 5 статьи 13.41 Административного кодекса). Решение было принято после того, как Роскомнадзор направил в адрес американской компании полтора десятка уведомлений с требованием удалить с *YouTube* недостоверную информацию о российской военной спецоперации на Украине, но видео не были удалены.

В марте 2022 г. был принят Федеральный закон № 32-ФЗ, получивший название «Закон о фейках». Его правоприменение привело к десяткам уголовных и административных дел за публикации в социальных сетях о ходе специальной военной операции. Однако регуляторное действие закона оказало влияние только на российский сегмент социальных сетей. Сегменты глобальных платформ, на других рынках и аудиториях не попадали под действия регулятора. В апреле 2022 г. *Instagram*, *Facebook* были признаны экстремистскими организациями и полностью заблокированы в России за отказ компаний модерировать контент пользователей, живущих в Украине.

В Сенате США начиная с 2018 г. каждый год проходят слушания по различным делам, связанным с деятельностью *Facebook**. Первыми стали слушания об утечке данных пользователей во время предвыборной президентской кампании в США 2016-го года. Дело было связано с деятельностью консалтинговой компании *Cambridge Analytica*, которая получила несанкционированный доступ к информации 87 млн. пользователей социальной сети. Федеральная торговая комиссия (FTC) США установила, что компания нарушила соглашение, заключенное в 2012 г. Оно требовало улучшение защиты персональных данных. Рассмотрение дела завершилось штрафом *Facebook* (признан в России экстремистской организацией) в размере 5 миллиардов долларов [9]. «Штраф в \$5 млрд., наложенный на *Facebook**, — это крупнейший штраф, когда-либо выписанный какой-либо компании за нарушение конфиденциальности потребителей. Он почти в 20 раз превышает самый большой штраф за нарушение неприкосновенности частной жизни или безопасности данных в мире», — сообщалось в пресс-релизе FTC.

В октябре 2021 г. слушания в Конгрессе были посвящены использованием компанией *Meta** алгоритмов,

негативно влияющих на детей и подростков. Разбирательства и расследования того, как цифровые гиганты используют данные пользователей, могут привести к полному запрету использования файлов куки. Состояние индустрии, которое может наступить после реализации этой идеи, получило название *cookieless*. Для *Google* этот сценарий начал воплощаться: в 2021 г. компания опубликовала дорожную карту отказа от передачи персональной информации о действиях пользователей к 2023 г. [10]. С отменой *3rd-party cookies* будет невозможно пересекать аудиторию сайтов и таргетировать рекламу в мобильных приложениях.

Компания *Apple* под давлением общественности и регулирующих органов США и других стран также начала ограничивать себя в использовании персональных данных пользователей. В конце 2020 г. — начале 2021 г. владельцы *iPhone* стали видеть уведомление: «Приложение X запрашивает разрешение отслеживать вас в приложениях и на сайтах, принадлежащих другим компаниям [11]. И большая часть пользователей запрещает отслеживание IDFA («Идентификатор рекламодателей»). IDFA в чем-то похож на *cookie* — с его помощью рекламная платформа может получать очень конкретную информацию о поведении человека в интернете.

Помимо законодательных ограничений использования техногигантами персональных данных органы власти США разрабатывают и принимают законы и акты, направленные на ограничение монопольного положения цифровых платформ в интернете. В 2020 г. было принято шесть таких законов. В 2021 г. в Конгрессе США был разработан Американский Акт об онлайн инновациях и выборе (*American Choice and Innovation Online Act*), целью которого стала «защита от дискриминации со стороны больших платформ»¹[12]. Есть инициативы законопроектов о принудительном разделении гигантов цифровой индустрии на части. Один из актов, находящихся на рассмотрении, так и называется: Акт об окончании монополий платформ (*Ending Platform Monopolies Act*) [13]. В случае его принятия конгрессом США под принудительное разделение могут попасть *Aphabet*, *Facebook**, *Amazon*.

Продолжаются расследования, связанные с нарушениями платформ при использовании данных пользователей. В ноябре 2022 г. корпорация *Google* была оштрафована в нескольких штатах США на \$391 млн. за нарушения использования личных данных пользователей о своем местоположении [14]. Это крупнейший штраф в истории компании. Расследование против *Google* шло с 2016 г. по 2020 г.

В 2021 г. в Государственной Думе РФ началась работа над законопроектом об ограничении использо-

вания алгоритмов выдачи, используемых социальными сетями, на территории России. В мае 2022 г. он внесен в Госдуму [15]. В случае принятия этого закона, интернет-ресурсы будут обязаны информировать пользователя об обработке его данных рекомендательной системой, человек должен иметь возможность в любой момент отказаться от такой обработки. На каждом сайте должны быть опубликованы правила работы рекомендательного алгоритма, содержащие перечень данных о пользователях и их предпочтениях, источниках их получения.

Похожий закон начал действовать в Китае с 1 марта 2022 г. Он запрещает онлайн-платформам рекомендовать фейковые сообщения, а также обязывает информировать пользователей об основных принципах работы таких механизмов. В документе также отражено, что пользователи должны получить возможность управлять алгоритмом, изменяя его параметры, или вовсе отказаться от получения предложений.

ДЕПЛАТФОРМИНГ ГОСУДАРСТВ И ИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В противостоянии бигтеха с государством интересно то, что цифровые платформы столь велики и влиятельны, что они и сами могут ограничивать власть государства. В январе 2021 г. соцсети *Twitter*, *Facebook*, *Instagram* (признаны в России экстремистскими организациями), а также видеохостинг *YouTube* ограничили доступ к аккаунтам либо целиком заблокировали бывшего президента США Дональда Трампа за нарушение редакционной политики площадок. Впоследствии Дональд Трамп — один из самых популярных микроблогеров в истории — получил пожизненный бан в Твиттере.

Подобным образом глобальные социальные сети действовали в начале 2020 и 2021 гг. по отношению к государственным средствам массовой информации России. Роскомнадзор с января 2020 г. по ноябрь 2021 г. зафиксировал 51 факт цензуры материалов российских СМИ и их официальных аккаунтов со стороны зарубежных интернет-площадок²[16]. «Начиная с 2020 г. Роскомнадзор ведет учет фактов цензуры материалов российских СМИ и их официальных аккаунтов со стороны зарубежных интернет-площадок (социальные сети и видеохостинги). На текущий момент зафиксирован 51 подобный инцидент: *YouTube* — 24; *Facebook** — 13; *Instagram** — восемь; *Twitter* — четыре; *Google* — один; *TikTok* — один», — сказано в сообщении ведомства в ноябре 2021 г.

Это явление получило название деплатформинг.

В 2022 г. все глобальные цифровые платформы отреагировали на события в Украине, заблокировав или ограничив функции пользователей из России. *Google*

¹ Сайт Конгресса США. American Choice and Innovation Online Act. Sponsor: Rep. Cicilline, David N. Introduced 06.11.2021 // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816/text?r=8&s=1>

² РКН зафиксировал 51 «факт цензуры» российских СМИ зарубежными соцсетями // Сайт РБК, 24.11.2021 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/619da7c89a79476bf6a1dce8>

Ad заблокировал рекламные кабинеты рекламодателей, YouTube остановил рекламную монетизацию и рекламные возможности, App Store удалил десятки приложения российских государственных компаний, Netflix и Spotify ушли из России, TikTok приостановил загрузку видео для российских пользователей.

УЖЕСТОЧЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ НА ЦИФРОВЫХ ПЛОЩАДКАХ И МИГРАЦИЯ АУДИТОРИИ

Помимо использования персональных данных пользователей внимание властей и владельцев социальных платформ привлекает содержание публикаций пользователей. Как следствие цензура в цифровой среде становится все жестче.

Блогинг и публикации в социальных сетях стали объектом нескольких законов, принятых в России начиная с 2014 г. Первым в череде подобных законодательных инициатив стал Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г. (Закон о блогах), обязывавший пользователей социальных сетей и сайты с базой аудиторией «свыше 3000 пользователей в сутки» регистрироваться в Роскомнадзоре и ограничивающий содержание этих ресурсов. В 2015 г. вступил в силу Закон о переносе данных россиян на территорию России (242-ФЗ). Он послужил поводом блокировки социальной сети LinkedIn. В 2016 г. был принят так называемый «пакет Яровой», ужесточающий наказания за экстремизм и терроризм. Основными положениями принятых законов стало недоносительство, оправдание терроризма в социальных сетях, ужесточение наказания за экстремизм, склонение к массовым беспорядкам и другое. В апреле 2019 г. Госдума приняла так называемый закон об устойчивом интернете в России, вносящий изменения в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Его применение пока носит тестовый характер и не применяется широко, но, по мнению экспертов, он дает зеленый свет для возникновения «суверенного интернета» в России, то есть закрытого от внешнего мира.

По требованию Роскомнадзора, всего в 2021 г. в реестр запрещенного контента было внесено свыше 425 тыс. ресурсов, владельцы сайтов или провайдеры хостинга удалили порядка 48% из них. Одновременно с этим была замедлена работа Twitter на мобильных устройствах, поскольку не были удалены 726 материалов, по которым ведомство направило ресурсу 1630 уведомлений о необходимости ликвидировать их. Речь идет о детской порнографии, пронаркотическом контенте, материалах, носящих суицидальный характер и призывающих совершить самоубийство, подчеркнул представитель службы. По независимым оценкам было зафиксировано более 451,5 тыс. случаев вмешательства «в свободу интернета в России». При этом под вмешательством авторы доклада «Сетевые свободы» правозащитной группы

«Агора» понимают широкий и разнонаправленный формат влияния: запрет информации и блокировку сайтов, запросы личных данных пользователей, административное давление, уголовное преследование и реальное лишение свободы и др. [17].

Растут цензурные требования и внутри самих интернет-площадок — ужесточается их редакционная политика. «Приходится все время ходить как по минному полю в процессе выбора/создания контента: удалят — не удалят, повесят шторку — не повесят, снизят рейтинг в ленте — не снизят», — сказала в интервью автору исследования Ольга Анисимова, главный редактор интернет-медиа ТОК, входящего в МИА «Россия-Сегодня».

Алгоритмы Facebook* и YouTube мониторят публикации на своих платформах и редактируют свои ленты. Публикации, нарушающие редакционную политику платформ, удаляются или пессимизируются — то есть их выдача ограничивается. Только в Facebook* действуют 11 политик, определяющих правила публикаций на платформе. Ежеквартально Meta (признана в России экстремистской организацией) публикует *Transparency Report* — отчет об удаленных материалах [18]. Согласно отчетам 2021 г., до пользователя доходит только 0,1% контента, нарушающего политики компании. 95% нежелательного контента удалялось проактивно и автоматически, в то время как в 2017 г. удалялось лишь 24%. Однако журналисты и исследователи считают, что алгоритмы социальных сетей не справляются с hate speech, контентом, разжигающим национальную рознь, и призывами к насилию [19]. Жесткие редакционные требования к публикациям пользователей не были соблюдены цифровыми платформами после начала военных действий в Украине весной 2022 г. Руководство Meta* открыто завилло об отказе модерировать контент своих пользователей, находящихся в Украине. По этой причине принадлежащие ей социальные сети Facebook* и Instagram* были признаны экстремистскими и запрещены на территории России.

Критика со стороны прессы и давление государств ведет к еще большему ужесточению алгоритмов цифровых платформ, которые мониторят публикации пользователей в поисках негатива и оскорбительных постов. Это может привести к оттоку пользователей из социальных сетей на площадки, где цензура не так сильна, например, в мессенджер Telegram. Аудитория этого мессенджера к концу 2022 г. может составить 1 млрд. пользователей по миру.

Реакцией на усиливающееся давление на пользователей как внутри цифровых платформ, так и внешнее давление на платформы со стороны государственных властей в разных странах стало появление и развитие концепции Web 3.0. Она связана с децентрализацией всего и освобождением человечества не только от доминирования БигТеха, но от эксплуатирующего капитализма в целом — при помощи

программного кода» — пишет в программной статье влиятельный журнал Кремниевой долины *Wired* [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. DIGITAL ECONOMY REPORT, UNICTAD2021. — Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 10.12.2022).
2. Ethan Cramer-Flood. Duopoly still rules the global digital ad market, but Alibaba and Amazon are on the prowl. // eMarketer. May 10, 2021. — Режим доступа: <https://www.emarketer.com/content/duopoly-still-rules-global-digital-ad-market-alibaba-amazon-on-prowl/> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Sara Lebow. Google, Facebook, and Amazon to account for 64% of US digital ad spending this year // eMarketer. Nov 3, 2021. — Режим доступа: <https://www.emarketer.com/content/google-facebook-amazon-account-over-70-of-us-digital-ad-spending/> (дата обращения: 10.12.2022).
4. DIGITAL ECONOMY REPORT, UNICTAD2021. — Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 10.12.2022).
5. Adrian Shahbaz, Allie Funk. Freedom on the Net. The Global Drive to Control Big Tech. // Freedom House. 2021. — Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech/> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Jessica Bursztynsky. India bans TikTok and dozens of other Chinese apps over security concerns // CNBC. June, 2020. — Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2020/06/29/india-bans-tiktok-and-dozens-of-other-chinese-apps-over-security-concerns.html> (дата обращения: 10.12.2022).
7. Анастасия Батманова. Власти Китая оштрафовали Alibaba на рекордные \$2,8 млрд // РБК 10.02.2021. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/10/04/2021/607105959a79474ed9ff1073> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Lingling Wei. China Eyes Shrinking Jack Ma's Business Empire // The Wall Street Journal. Dec. 29, 2020. — Режим доступа: https://www.wsj.com/articles/china-eyes-shrinking-jack-mas-business-empire-11609260092?mod=hp_lead_pos3 (дата обращения: 10.12.2022).
9. Сайт Federal Trade Commission. FTC Imposes \$5 Billion Penalty and Sweeping New Privacy Restrictions on Facebook. 24 июля 2019. — Режим доступа: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2019/07/ftc-imposes-5-billion-penalty-sweeping-new-privacy-restrictions-facebook> (дата обращения: 10.12.2022).
10. Vinay Goel. An updated timeline for Privacy Sandbox milestones // Google. Keyword. Jun 24, 2021. — Режим доступа: <https://blog.google/products/chrome/updated-timeline-privacy-sandbox-milestones/> (дата обращения: 10.12.2022).
11. Kate Novatska. Apple IDFA is Dead, But Here's What's Next // MarTech Series, Aug 24, 2020. — Режим доступа: <https://martechseries.com/mobile/mobile-advertising/apple-idfa-is-dead-but-heres-whats-next/> (дата обращения: 10.12.2022).
12. Сайт Конгресса США. American Choice and Innovation Online Act. Sponsor: Rep. Cicilline, David N. Introduced 06.11.2021. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816/text?r=8&s=1> (дата обращения: 10.12.2022).
13. Сайт Конгресса США. Ending Platform Monopolies Act. Sponsor: Rep. Jayapal, Pramila. Introduced 06.11.2021. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3825/text?r=34&s=1> (дата обращения 10.12.2022).
14. Google to pay \$391mn in its biggest privacy settlement // Financial Times. 14 ноября 2022. — Режим доступа: <https://www.ft.com/content/c1c57ff8-85c5-4d42-921c-d371f13f6e94> (дата обращения: 21.11.2022).
15. Григорий Шугаев. Законопроект об алгоритмах социальных сетей подготовили к внесению в Госдуму // Lenta.ru. 19 мая 2022. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/05/19/algrtms/> (дата обращения: 10.12.2022).
16. РКН зафиксировал 51 «факт цензуры» российских СМИ зарубежными соцсетями // Сайт РБК, 24.11.2021. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/619da7c89a79476bf6a1dce8> (дата обращения: 10.12.2022).
17. Екатерина Ясакова, Маргарита Алехина. Правозащитники оценили число случаев ограничений в Рунете. // Сайт РБК, 10.02.2022. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/02/2022/6203bb759a7947fb8a114d80 (дата обращения: 10.12.2022).
18. Facebook*. Transparency Report. Режим доступа: <https://transparency.fb.com/data/community-standards-enforcement/> (дата обращения: 10.12.2022).
19. Deepa Seetharaman, Jeff Horwitz, Justin Scheck. Facebook Says AI Will Clean Up the Platform. Its Own Engineers Have Doubts // The Wall Street Journal, Oct. 17, 2021. — Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/facebook-ai-enforce-rules-engineers-doubtful-artificial-intelligence-11634338184/> (дата обращения: 10.12.2022).
20. Gilad Edelman. Paradise at the Crypto Arcade: Inside the Web3 Revolution // Wired. 10.05.2022. — Режим доступа: <https://www.wired.com/story/web3-paradise-crypto-arcade/> (дата обращения: 10.12.2022).

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений (университет)

Поляков М. Л., старший преподаватель кафедры интегрированных коммуникаций, профессор кафедры международной журналистики

E-mail: 9193113@gmail.com

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow State Institute of International Relations (University)

Polyakov M. L., Senior Lecturer of the Department of Integrated Communications, Professor of the Department of International Journalism

E-mail: 9193113@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ГАЗЕТЕ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»

И. Г. Родионова

Пензенский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2023 г.

Аннотация: в статье обосновывается важность отражения трудовой деятельности школьников в годы Великой Отечественной войны в главном советском и российском печатном издании для подростков — газете «Пионерская правда». Отмечается призывная тональность публикаций, обусловленная необходимостью мобилизовать все население страны на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Названы и проанализированы языковые средства выражения побудительной модальности. Обращается внимание на структуру заголовочных конструкций, на жанровые и содержательные особенности текстов. Показана роль газетных публикаций, отражающих трудовую деятельность школьников в годы Великой Отечественной войны, в формировании положительного образа подростка.

Ключевые слова: трудовая деятельность, газета «Пионерская правда», побудительная модальность, заголовочная конструкция, жанр.

Abstract: the importance of reflecting the labor activity of schoolchildren during the Great Patriotic War in the main Soviet and Russian printed publication for teenagers — the newspaper «Pionerskaya Pravda» is substantiated. The invocative tone of publications is noted, due to the need to mobilize the entire population of the country to fight the Nazi invaders. The linguistic means of expressing the incentive modality are named and analyzed. Attention is drawn to the structure of heading constructions, to the genre and content features of the texts. The role of newspaper publications, reflecting the labor activity of schoolchildren during the Great Patriotic War, in the formation of a positive image of a teenager is shown.

Keywords: labor activity, newspaper «Pionerskaya Pravda», incentive modality, title structure, genre.

Одной из важнейших функций средств массовой информации является информативная функция, предполагающая, что «СМИ призваны информировать аудиторию о событиях и условиях жизни непосредственного окружения, сообщества, мира в целом» [1, 109]. Данное положение относится к разным видам СМИ, в том числе к детской печатной прессе.

Известно, что главной газетой для школьников в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий была «Пионерская правда», являвшаяся в СССР печатным органом ЦК и МК ВЛКСМ и главным печатным изданием Всесоюзной пионерской организации. Газета была призвана не только отражать окружающую школьников действительность, но и воспитывать подрастающее поколение в духе патриотизма, добра и справедливости, прививать читателям идеалы дружбы и товарищества. Таким образом, помимо информативной функции, «Пионерская правда» реализовывала функцию воздействующую.

Информативная и воздействующая функции главной газеты для школьников приобрели особую значимость в годы Великой Отечественной войны, когда с помощью печатного слова необходимо было

объединить читательскую аудиторию в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Анализ выпусков «Пионерской правды» в военные годы показал, что среди множества тем, освещаемых газетой, большое место занимало описание трудовой деятельности школьников.

По мнению Н. Н. Рухленко и А. А. Черкашиной, трудовая деятельность является для человека одной из «базовых характеристик ежедневного бытия» [2, 57]. В годы Великой Отечественной войны труд в нашей стране приобрел особое значение: из деятельности, направленной на создание «материальных и духовных ценностей, необходимых для жизни людей» [3, 747], он превратился в единый патриотический порыв, целью которого стала помощь фронту и скорейшее освобождение страны от немецко-фашистских захватчиков.

Наравне со взрослыми в тылу трудились и дети. Этим фактором обусловлено большое внимание газеты «Пионерская правда» к описанию трудовой деятельности подрастающего поколения, представленной как «трудовой фронт», «боевой пост», на котором находились школьники, о чем, в частности, свидетельствует фрагмент передовой статьи под названием «Будьте мужественными помощниками» выпуска от 14 июля 1941 г.: *Юные советские па-*

триоты, пионеры и школьники — верные помощники старших во всех делах. Поэтому каждый из вас должен сейчас помнить: вы находитесь на трудовом фронте, на боевом посту!

Отметим, что публикации, отражающих трудовую деятельность школьников, значительно больше в выпусках первых трех лет войны — в 1941–1943 гг. На наш взгляд, это связано с задачами, которые особенно остро стояли перед страной и, следовательно, перед органами печати в первые военные годы, — объединить все население в борьбе с врагом, мобилизовать силы каждого человека на защиту страны и на приближение победы.

Решению данной задачи способствовала призывная тональность публикаций газеты «Пионерская правда». Практически каждый выпуск содержал лозунг-призыв, который мог помещаться как на первой полосе, так и на других полосах газеты. Он включал обращение-существительное и глагол в форме повелительного наклонения. Отметим, что обращения-существительные и глаголы могли употребляться в форме множественного числа, показывая единство пионеров и школьников всей страны: **Пионеры и школьники, выходите на уборку урожая!** (17 июля 1941 г.); **Пионеры и школьники! Собирайте дикорастущие травы, плоды, ягоды!** (26 мая 1943 г.). Для того, чтобы обратить внимание на роль каждого школьника в деле приближения победы, использовались формы единственного числа: *Всем, чем можешь, стране помогай, чтоб быстрее уничтожить врага!* (19 июля 1941 г.); **Трудись для фронта, юный патриот! Трудись, как трудится советский весь народ!** (22 июля 1941 г.). Рифмованный характер некоторых лозунгов-призывов делал высказывания более выразительными.

О видах трудовой деятельности школьников можно узнать из заголовков публикаций, которые в структурном плане представлены как словосочетаниями, дающими «развернутое название предметов и явлений действительности» [4, 106]: *Октябрьский подарок бойцам* (7 октября 1941 г.); *Пионерский вклад* (2 сентября 1941 г.); *Школьное поле* (7 апреля 1943 г.), так и предложениями, которые, являясь единицами «общения и сообщения» [4, 161], информировали о фактах действительности (повествовательные предложения) или побуждали адресата к активным действиям (побудительные предложения). Повествовательные предложения часто содержали глаголы первого лица единственного или множественного числа, называющие действия школьников. Обычно это заголовки к публикациям, в которых пионеры рассказывали о своей деятельности: *А теперь готовим подарки* (2 сентября 1941 г.); *Вяжу бойцам варежки* (4 сентября 1941 г.); *Учимся и работаем; Дружно работаем* (9 сентября 1941 г.); *Выращиваем лекарственные растения; Помогаю семье красноармейца* (16 сентября 1941 г.). Заголовки, представ-

ленные побудительными предложениями, помимо глаголов в повелительном наклонении, нередко содержали обращения. Как правило, это восклицательные по интонации конструкции: **Ребята, выходите на уборку урожая!** (22 июля 1941 г.); **Пионеры и школьники! Собирайте лом цветных металлов** (26 августа 1941 г.); **Выходите и вы на воскресник!** (11 февраля 1942 г.).

Отметим отсутствие заголовков, представленных одним словом, в силу их недостаточной информативности.

«Содействие школьников, пионеров и комсомольцев фронту было весьма разнообразным и эффективным», — отмечает А. Р. Бормотова [5, 189]. Из публикаций, помещенных в газете «Пионерская правда», можно узнать, чем занимались школьники, помогая взрослым: они **работали на полях** колхозов и на пришкольных участках: *В Федотьевской школе все основные работы по пришкольному участку — обработка земли, посев, первая полка и рыхление — выполняются до начала летних каникул. Поэтому летом прошлого года федотьевские старшеклассники пошли помогать колхозам, не беспокоясь о судьбе своего школьного поля* (7 апреля 1943 г.); **ухаживали за колхозным и совхозным скотом**: *Приближается зима. И у всех сельских школьников и пионеров есть теперь очень важное, боевое дело. Нужно помочь старшим подготовить зимовку колхозному и совхозному скоту* (7 октября 1941 г.); **собирали металлолом и лекарственные растения**: *Вся дружина вышла на сбор металлического лома. За 3 дня мы собрали 4 тонны 670 килограммов металла (29 февраля 1944 г.); 100 килограммов аптечной ромашки и 80 килограммов клеверных головок собрали юннаты Мензелинской станции юных натуралистов (Татарская АССР)* (26 августа 1941 г.); **заботились о семьях бойцов**, сражающихся на фронте: *Советские школьники берут на себя заботу о семьях бойцов, сражающихся с гитлеровскими бандами. Учащиеся Новосибирской школы № 24 — частые гости в семьях красноармейцев Шмакова, Гордеева, Капустина и других. Они ухаживают за детьми, когда матери уходят на работу, следят за порядком и чистотой в квартирах, работают на огородах* (19 июля 1941 г.); **занимались починкой** обуви и одежды: *У нас в дружине пионеры устроили сапожную мастерскую. Ребята работают 2 часа в день. Мы уже починили много ботинок, туфель и сапог для детей фронтовиков* (29 февраля 1944 г.), а также строили оборонные сооружения, выступали с концертами в госпиталях, собирали золу, которая использовалась как удобрение, разносили газеты и письма.

В годы Великой Отечественной войны школьники овладевали профессиями радиста, телеграфиста, шофера, комбайнера и многими другими, о чем также можно узнать из газеты «Пионерская правда»: *900 школьников изучили шоферское дело, 4109 человек*

могут быть трактористами. Сотни юных техников овладели специальностью слесаря по ремонту сельхозмашин, комбайнера, мотоциклиста, радиста (21 декабря 1943 г.).

Важно отметить, что материалы «Пионерской правды» стимулировали школьников к трудовой деятельности. С этой целью редакция газеты организовывала для читателей конкурсы, о чем сообщалось на страницах печатного издания: *Кто больше соберет? Конкурс на лучшего сборщика и хранителя верхушек картофеля* (21 декабря 1943 г.); *Конкурс на лучшего садовода «Украсим Родину садами!»* (11 апреля 1944 г.). Примечательно, что последний из названных конкурсов был ориентирован на будущее страны, а сам факт его организации отражал веру в победу советского народа над врагом. Об условиях конкурсов, их участниках и результатах также сообщалось в газете.

Обращает на себя внимание обширная география трудовых дел школьников и максимально точное и подробное описание места действия: в газетных материалах указывались не только область и город, но и район, село, названия колхозов и совхозов, номера школ. Данная информация содержалась в разных частях публикаций — как в собственно тексте: *Ученики средней школы села Бырка (Читинская область) собрали 240 килограммов цветных металлов* (7 октября 1941 г.), так и в подписи к нему: *Ташкентский район, узбекская школа № 11 при колхозе им. Кирова* (23 февраля 1945 г.).

Газетные публикации содержали подробные сведения о школьниках, проявивших себя в труде: назывались фамилия и имя ученика, место его проживания, номер школы, часто указывался класс и даже общественное поручение пионера. Такая информация помещалась непосредственно в тексте или представляла собой подпись к публикации: *Петя Кузнециков из колхоза «Новая жизнь» (Сталинградская область) пишет, что он с Колей Филиным собрал 3 килограмма листьев полыни* (26 августа 1941 г.); *Вожак звена Ася Принцева. Казахская ССР, город Кустанай, школа имени Горького, 4-й класс* (7 октября 1941 г.); *Галя Крылова. Город Куйбышев, 63-я школа, 7-й класс* (11 февраля 1942 г.).

Для авторов публикаций, помещенных в газете «Пионерская правда», было важно точно отразить результаты труда школьников. Поэтому в текстах использовалось большое количество числительных: *Я собрал 750 граммов латуни и 300 граммов алюминия. А мама мне дала 30-рублевую облигацию. Все это я внес в фонд обороны моей любимой родины* (4 сентября 1941 г.); *Когда началась война с фашистами, я стал собирать лом и уже сдал родине 1 килограмм 200 граммов цветного и 205 килограммов черного металла* (7 октября 1941 г.).

Подробные сведения о школьниках и об их трудовых заслугах, с одной стороны, свидетельствовали

о достоверности фактов, отраженных в газете: речь шла не о выдуманных героях, а о конкретных ребятах и их трудовых достижениях. С другой стороны, такая подробная информация воспринималась юными читателями как пример для подражания: *Тульские школьники сумели за один день собрать 2 тонны лома цветных металлов. Ребята из детдома № 6 в Евпатории сдали 59 килограммов этих металлов. Берите с них пример!* (26 августа 1941 г.).

Считаем необходимым отметить жанровое разнообразие публикаций, описывающих трудовую деятельность школьников в годы Великой Отечественной войны. Наряду с передовой статьей, заметкой, очерком, на страницах «Пионерской правды» широко представлен такой жанр, как письмо в газету, точнее — письмо через газету, адресованное не редакции, а определенной группе читателей. Так, на страницах «Пионерской правды» часто публиковались письма школьников, адресованные бойцам в действующую армию и содержащие сведения о трудовых достижениях: *...мы, школьники, тоже не стоим в стороне: помогаем проверять семена на всхожесть, собираем золу. А потом возьмемся и за другие дела. Я лично в прошлом году заработала 67 трудовней. В этом году думаю заработать куда больше* («Бойцам из деревни Мышино», 1 января 1942 г.); *...такие длинные бревна привезли нам в школу. Но мы решили сами распилить их, чтобы сберечь государственные деньги. <...> Всем классом мы сшили для фронта меховые рукавицы. Мы нашли их много. Хотели шить еще, но нам сказали: «Пока хватит»* («Письмо-рисунок», 1 января 1942 г.).

На страницах газеты «Пионерская правда» публиковались письма бойцов Красной армии, в которых они благодарили школьников за работу в тылу и за присланные подарки. Подписи к таким письмам содержали подробную информацию об адресанте или адресантах с указанием воинских должностей и званий, что придавало публикации важность и значимость: *Дорогие ребята! В этом письме мне хочется рассказать вам, какую большую помощь оказывают раненым бойцам ученицы Салтыковской средней школы № 1 Зина Виноградова, Лиза Митропова, Галя Зайкина, Таля Еремина, Таня и Леля Филимоновы и Вера Юриковская. <...> Заместитель политрука Ш. Мударрисов (7 октября 1941 г.); Мы получили ваши подарки, за что приносим вам большое красноармейское спасибо. Нам бесконечно дорого внимание, которое оказали вы нам. <...> По поручению подразделения гвардейской части: майор Трубицын, старший батальонный комиссар Зубарев, Герой Советского Союза капитан Стольников* (11 февраля 1942 г.).

Среди жанров, представленных на страницах газеты «Пионерская правда» времен Великой Отечественной войны и описывающих трудовую деятельность школьников, можно назвать репортаж, который отражает последовательное воспроизведе-

дение событий, происходящих «здесь и сейчас». Актуальность описываемых действий подкреплялась указанием на время их совершения: *8 часов 30 минут. Только что прозвучал звонок, и ребята сели за парты. Но сейчас им пока не нужны мел, доска и тетради. Они работают. Посмотрите на пионерку с большим клубком в руках. Это пятиклассница Тамара Сергеева. В классе она активный классный организатор и отличная ученица. А в трикотажной мастерской Тамара — лучшая работница. <...> Юные сапожники чинят обувь детям фронтовиков. В швейной мастерской стучат швейные машинки. Девочки не отрываяют глаз от лапок: строчка должна быть ровной, красивой* (31 марта 1941 г.).

Известно, что важнейшей составляющей любого печатного средства массовой информации является фотография, обязательно сопровождаемая подписью. Газета «Пионерская правда» времен Великой Отечественной войны богата фотографическими снимками, отражающими трудовую деятельность школьников. Подписи к таким фотографиям характеризовали ситуацию, содержали имена и фамилии тех, кто изображен на снимке, и их заслуги: *В освобожденных районах Украины идет уборка нового урожая. Первым в Старобельском районе, Ворошиловградской области, начал уборочные работы колхоз имени Шевченко. На снимке: школьники Иван Богодыш и Иван Антоненко накладывают сжатую рожь на арбы. Они выработали уже более чем по 100 трудодней каждый* (11 августа 1943 г.); *Пионерская дружина 169-й московской школы получила от Наркомата социального обеспечения благодарность за хорошую заботу о семьях фронтовиков. На снимке: начальник штаба отряда Ира Бакулина и Неля Орлова в семье фронтовика Абросимова* (23 февраля 1945 г.). Нередко на снимке изображался коллектив школьников. В этом случае их имена и фамилии не указывались: *В совхозах Грузии уже поспел зеленый чай. Пионеры и школьники города Кутаиси помогают колхозникам собирать богатый урожай чайного листа* (19 июля 1941 г.); *Любую работу в колхозе ученики Чернавской школы (Тамбовская область) выполняют хорошо и добросовестно. Вот они убирают махорку* (7 октября 1941 г.).

Описывая трудовую деятельность школьников, газета «Пионерская правда» формировала положительный образ подростка, достойный подражания.

Пензенский государственный университет
Родионова И. Г., доктор филологических наук, и. о. заведующего кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка
E-mail: Inessa96@bk.ru

Публикации о трудовых достижениях ровесников находили отклик у юных читателей, о чем свидетельствовали их письма в редакцию: *Я прочел в газете, что пионеры собирают металлический лом, а на заводах из него делают танки и разное оружие и боеприпасы. У нас во дворе валялось очень много старых вещей, и я принялся за дело. Обходил все закоулки двора, разыскивал в чулане и кладовой ненужные металлические изделия* (3 февраля 1943 г.).

Несмотря на тяжесть выполняемой школьниками работы, при ее описании активно использовалась лексика с положительной коннотацией, стимулирующая подростков на дальнейшие трудовые достижения: *Ребята не боятся труда. Они счастливы, что помогают Родине* (31 марта 1943 г.).

Таким образом, публикации в газете «Пионерская правда», отражающие трудовую деятельность школьников в годы Великой Отечественной войны, позволяют детализировать картину событий военного времени, в полной мере представить нелегкую жизнь подростков в тылу и показать труд как единый патриотический порыв представителей разных поколений советских людей, направленный на помощь Красной Армии, освобождение страны от фашистских захватчиков и приближение Великой Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Л. В. Роль и функции СМИ в современном обществе / Л. В. Васильева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 50. — С. 109–112.
2. Рухленко Н. Н. Представление системы ценностей и мотивов концепта «труд» в газетной периодике Белгородской области / Н. Н. Рухленко, А. А. Черкашина // Научные ведомости. — 2008. — № 15 (55). — С. 57–67.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 10-е, стереотип. / С. И. Ожегов / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. — М.: Сов. Энциклопедия, 1973. — 846 с.
4. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка: монография / В. В. Бабайцева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 576 с.
5. Бормотова А. Р. Основные особенности развития печати в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Курской области) / А. Р. Бормотова // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 1 (72). Выпуск 13. — С. 183–190.

Penza State University
Rodionova I. G., Doctor of Philology, Acting Head of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language Department
E-mail: Inessa96@bk.ru

ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. Рубцова, Н. А. Гир

Байкальский государственный университет

Поступила в редакцию 19 октября 2022 г.

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования, цель которого заключалась в определении оптимальных характеристик профориентационных видеоматериалов. Методами исследования выступили фокус-группа и эксперимент. Полученные результаты позволили определить наиболее оптимальные характеристики профориентационного видеоролика по ряду параметров: продолжительность, формат повествования, главный герой, содержание контента, формат видеосъемки. Результаты исследования могут быть полезны специалистам, осуществляющим подготовку профориентационных видеоматериалов для образовательных учреждений высшего и среднего специального образования.

Ключевые слова: профориентация, видеоматериалы, контент, маркетинговые коммуникации, продвижение, университет, Интернет, коммуникации.

Abstract: the article presents the results of an empirical study. The purpose of the study was to determine the optimal parameters of career guidance video materials. Research methods: focus group and experiment. The results obtained made it possible to determine the most optimal parameters of a career video based on a number of features: duration, narration format, main character, content content, video format. The results of the study may be useful to specialists preparing career guidance video materials for educational institutions of higher and secondary specialized education.

Keywords: career guidance, video materials, content, marketing communications, promotion, university, Internet, communications.

Введение. Вопросы использования маркетинговых коммуникаций университетами, функционирующими на высококонкурентном рынке образовательных услуг, науки и технологий, являются актуальными и имеют научно-практическую значимость. Многие ведущие университеты мира для своего позиционирования и продвижения используют возможности цифровых технологий и сетевого общества [1]. Цифровые технологии в современном обществе главным образом служат для того, чтобы облегчить жизнь человека, предоставить нужную информацию в синтезированном упрощенном виде. Используемые университетом для осуществления маркетинговых коммуникаций медиапродукты, создаваемые посредством цифровых технологий, несут не только рекламную и имиджевую, но и профориентационную функцию.

Рассматривая Интернет как информационно насыщенное коммуникативное пространство, специалисты по продвижению образовательных услуг могут эффективно решать задачи по повышению узнаваемости и открытости университета с помощью веб-сайта, сообществ в социальных сетях, использования каталогов вузов, образовательных и научных сайтов [2]. При этом эффективность продвижения

университета посредством цифровых технологий во многом зависит не только от используемых видов маркетинговых коммуникаций в Интернете, но и от качества контента, распространяемого в Сети. Медиаконтент, созданный без учета предпочтений и нужд целевой аудитории, не способен в полной мере выполнять рекламную, профориентационную и имиджевую функции. Такие медиапродукты только создают видимость деятельности рекламного или PR-отдела университета, но не обеспечивают целевого воздействия на аудиторию. Поэтому при создании профориентационного медиаконтента важно понимать, какими характеристиками он должен обладать, для того, чтобы привлечь внимание абитуриентов к университету и реализуемым им направлениям подготовки.

Отмечая значительный исследовательский интерес к вопросу об использовании цифровых технологий для продвижения товаров и услуг, а также их эффективности [2–16], необходимо констатировать, что освещение данного вопроса в ракурсе рекламной и профориентационной деятельности университетов остается еще крайне недостаточным [7–10]. Среди немногочисленных работ по указанной проблематике, фокусирующих внимание на использование университетом видеоконтента в рекламных и профориентационных целях, можно выделить ис-

следования Д. В. Подобной [17], Н. В. Богдановой, Н. Г. Сидиной [18].

Например, исследователи Н. В. Богданова, Н. Г. Сидина [18], обнаружили прямую положительную связь между известностью и престижностью университета и количеством рекламных видео о нем в сети Интернет. Кроме того, авторами были определены приоритеты информационных компонентов рекламных видеороликов университета для различных категорий пользователей. В частности, эмпирически обосновано, что для абитуриентов важным является наличие в рекламном медиаконтенте университета общей информации о вузе (логотип, история создания, структура, контактная информация) и демонстрация образовательного процесса (факультеты, кафедры, аудитории, оборудование, лекции, практические занятия) [18]. Однако необходимо отметить, что объектом исследования в упомянутой работе были рекламные, а не профориентационные ролики.

Вместе с тем вопрос об определении оптимальных характеристик профориентационных видеоматериалов к настоящему времени является еще недостаточно разработанным, что актуализирует его дальнейшее рассмотрение.

Методология исследования. Цель исследования — эмпирическим путем определить оптимальные характеристики видеоматериалов, используемых в профориентационной деятельности университета. **Задачи исследования:** выявить наиболее привлекательный формат профориентационного ролика; определить наиболее привлекательный способ подачи информации в профориентационном ролике; выявить наиболее подходящие визуальные образы для профориентационного ролика; определить оптимальную продолжительность профориентационного ролика.

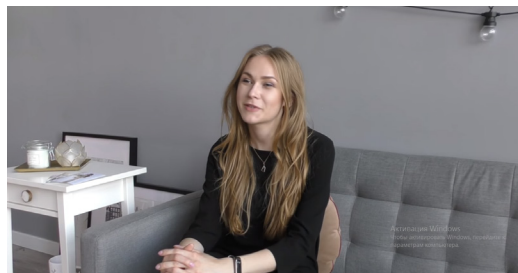
Исследование проводилось в декабре 2021 г. Методы исследования — фокус-группа и эксперимент. Объектом исследования выступили пять профориентационных роликов по специальностям маркетинговой направленности, предметом исследования — их параметры.

Для проведения фокус-группы нами были отобраны пять видеороликов, размещенных в свободном доступе на видеохостинге YouTube, существенно отличающихся друг от друга как по форме представления профориентационной информации, так и по содержанию (фото).

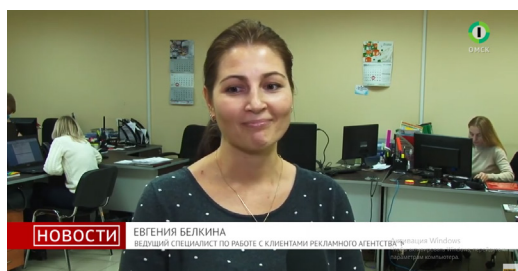
Первый ролик (<https://www.youtube.com/watch?v=s1kYX8SH05w>) представлял собой интервью с маркетологом, при этом интервьюер в видео отсутствовал, а вопросы появлялись на экране в виде текста. Рассказчиком была молодая девушка, место съемки светлое (предположительно студия или квартира с хорошим ремонтом). Качество изображения было четким, однако сами кадры сняты статично. Продолжительность — 6 мин 33 сек.

Фото

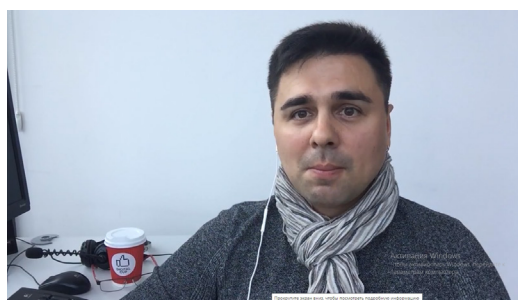
Визуализация объектов исследования

Интервью с маркетологом

Новостной сюжет

Рассказ маркетолога о профессии

Достоинства и недостатки профессии маркетолога

Интервью со студентом маркетинговой специальности

Второй видеоролик (<https://www.youtube.com/watch?v=NGoxtHcsmug>) являлся новостным сюжетом, в котором рассказывалось о работе в рекламном агентстве. Формат повествования — интервью с рекламистом организации. Съемка проводилась непосредственно в самом офисе агентства. Кадры динамичные, есть закадровый голос ведущего, субтитры. Герой интервью — девушка, закадровый голос мужской. Продолжительность — 1 мин 27 сек.

Третий видеосюжет (<https://www.youtube.com/watch?v=NGoxtHcsmug>) представлял собой рассказ маркетолога о своей профессии. Видео снято на телефон самим рассказчиком, картинка статичная. Герой — мужчина. Место съемки — рабочее место маркетолога. Продолжительность — 5 мин 20 сек.

В четвертом видеоролике (<https://www.youtube.com/watch?v=3N2D3KHKd1Q>) маркетолог рассказывает о плюсах и минусах своей профессии. Рассказ представлен в противопоставлении положительных и отрицательных тезисов. Речь героя сопровождается иллюстрациями, которые он рисует на доске. Рассказчиком является девушка. Освещение искусственное, картинка темная, изображение нечеткое, вероятно снято на телефон. Продолжительность — 4 мин 15 сек.

Пятый видеоролик (<https://www.youtube.com/watch?v=3N2D3KHKd1Q>) представлял собой интервью со студентом маркетинговой специальности, имеющим небольшой опыт работы в маркетинге. Съемка профессиональная, кадры динамично меняются. Интервьюируемый — студент-мужчина, интервьюер — девушка. Продолжительность ролика — 8 мин 17 сек.

В фокус-группе участвовали 11 студентов второго курса направления «Реклама и связи с общественностью». Выбор участников фокус-группы обоснован, с одной стороны, их возрастом — наиболее близким к возрасту потенциальных абитуриентов, с другой стороны — тем, что студенты второго курса уже изучают дисциплины профессионального блока и имеют некоторое представление о выбранной ими профессии, следовательно, могут объективно оценить характеризующую ее информацию. После ознакомления с видеоматериалами студентам было предложено пройти опрос, созданный посредством google-формы. В ходе опроса участники фокус-группы отвечали как на общие вопросы о видеороликах (Какой ролик понравился больше? Почему? Была ли информация в ролике исчерпывающей? Какая именно? Что бы вы хотели добавить в видеоролик?), так и оценивали их по ряду параметров: продолжительность, формат съемки, формат повествования, главный герой, содержание контента. После проведения опроса модератор фокус-группы приступил к устному обсуждению мнений участников о просмотренном медиаконтенте.

Далее был проведен эксперимент, в ходе которого участникам необходимо было смоделировать «идеальный» профориентационный ролик с учетом

характеристик, оцениваемых ими после просмотра упомянутого видеоконтента.

Результаты фокус-группы. Наиболее предпочтительным форматом профориентационного видеоролика участниками фокус-группы был определен ролик «интервью со студентом маркетинговой специальности», такой формат назвали привлекательным половина участников фокус-группы. Наименьшее предпочтение опрошиваемые отдали видеоролику в формате «рассказ маркетолога о профессии» — этот ролик не понравился ни одному из участников исследования. Кроме того, непривлекательным оказался и ролик в формате новостного сюжета (рис. 1).

Отметим, что ролик «интервью со студентом» также получил и наибольшее количество положительных комментариев (19) от участников исследования (ответ на вопрос «Почему понравился ролик?»), среди которых: «конкретные ответы на вопросы», «нравится слушать студента», «простой для восприятия ролик», «оживленный диалог», «незатянутый ролик», «снято оператором», «были даны советы» и проч.

Ролик «интервью с маркетологом» прокомментировали 9 человек («живой формат изложения», «видно, что говорит профессионал», «нравится формат» и др.), ролик «достоинства и недостатки профессии маркетолога» — только 3 участника опроса.

Практически все участники фокус-группы (92%) отметили, что съемка профориентационного видеоролика должна осуществляться профессиональным оператором с нескольких ракурсов, а не статичной любительской съемкой.

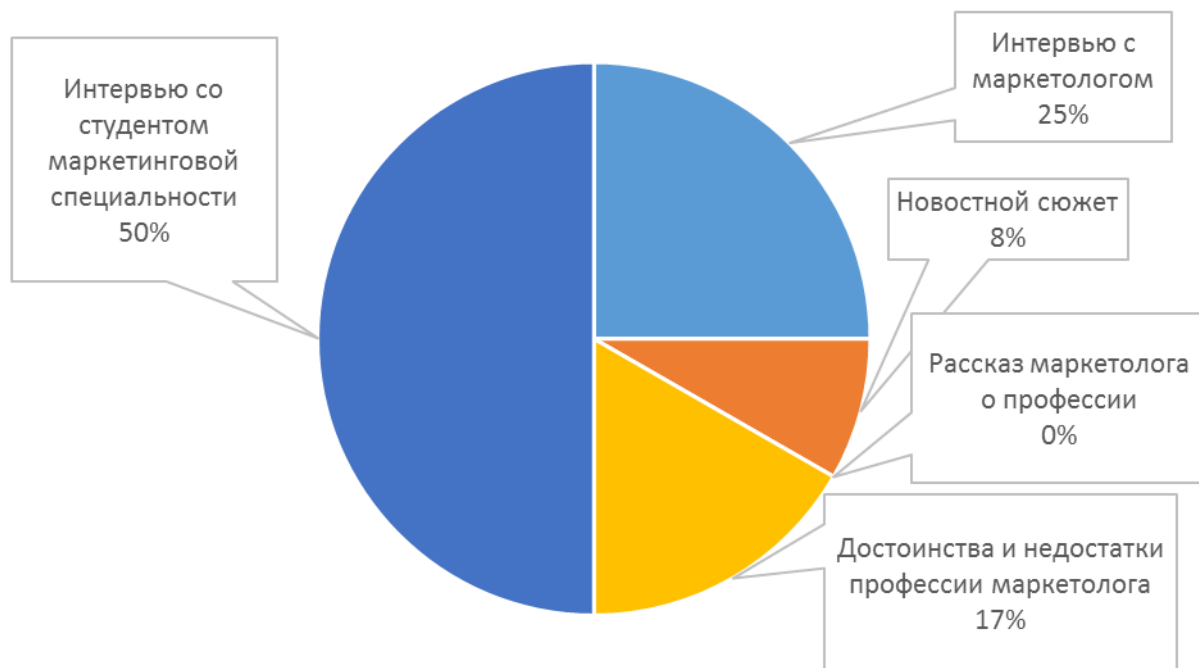
Раздражающими факторами при просмотре профориентационных видеороликов респонденты назвали информацию, не имеющую прямого отношения к профессии, демонстрацию личного мнения рассказчика (57%) и многократное повторение одной и той же мысли (43%).

В качестве пожеланий, направленных на улучшение профориентационных роликов, участники назвали следующие: «излагать информацию более конкретно, с описанием задач будущего специалиста, навыков, которыми он должен обладать», «опытный специалист в качестве героя ролика», «сопровождение видео инфографикой, иллюстрациями, субтитрами».

Стоит отметить, что, отвечая на этот вопрос, участники давали комментарии не только по смысловому содержанию роликов, но и говорили о предпочтительных визуальных характеристиках. В частности, рассуждая об образе героя видеоролика, большинство участников исследования (20%) отметили, что он должен быть профессионалом в своей области. Умение непринужденно вести разговор, уверенность и понятное изложение также являются значимыми характеристиками для героя видеоролика, по мнению участников фокус-группы. Отметим при этом, что возраст и пол героя ролика не имеют принципиального значения.

Рис. 1
Наиболее привлекательный формат профориентационного видеоролика

В целом результаты, полученные в ходе фокус-группы, позволили определить следующие параметры оптимального профориентационного видеоролика:

- Формат видеоролика — вопросно-ответная форма.
- Форма изложения — живое изложение (рассказ).
- Формат съемки — студийная съемка со смелой ракурсов.

Результаты эксперимента. Анализ данных, полученных в ходе эксперимента, позволил выделить оптимальные характеристики, которыми должен обладать профориентационный ролик:

1. Оптимальная продолжительность профориентационного ролика — 5 минут (но не больше 10 минут).
2. Предпочтительный формат повествования — интервью, при этом важно, чтобы вопросы были выведены на экран.
3. Герой профориентационного видеоролика должен быть уверенным профессионалом, с хорошо поставленной речью, должен излучать позитив и непосредственность.
4. Рассказ о профессии должен быть тезисным, лишены субъективных оценок.
5. Съемка должна быть профессиональной, важно, чтобы изображение было не статичным, то есть должна присутствовать смена кадров.
6. Видео должно сопровождаться иллюстрациями, инфографикой, субтитрами.
7. Язык изложения должен быть профессиональным, но доступным для восприятия.

8. При повествовании о направлении подготовки стоит рассказать о конкретных специальностях, которые можно освоить, выбрав его.

9. Помещение для съемки должно быть светлым. Обобщая результаты, полученные в ходе фокус-группы и эксперимента, можно обнаружить их полное соответствие по таким параметрам как: формат видеоролика, форма изложения, формат съемки, образ героя видео.

Выводы. Профориентационные видеоматериалы, которые в сжатой форме информировали бы абитуриентов о вузе в целом и о конкретной специальности, используются университетами для осуществления маркетинговых коммуникаций крайне редко. Вместе с тем именно такой медиаконтент в наибольшей степени привлекает современных абитуриентов. Благодаря профориентационному видео будущие студенты университета могли бы получить наиболее полное представление о специфике учебы, сделать не просто эмоциональный, а более осознанный выбор.

Проведенное нами исследование подтверждает необходимость грамотного использования профориентационных видеоматериалов как эффективного инструмента взаимодействия между университетом и абитуриентами. Для их успешного использования необходимо создавать качественный медиаконтент, отвечающий требованиям оптимальности и предпочтениям современных абитуриентов. Представляется, что полученные нами результаты будут полезны специалистам, осуществляющим подготовку профориентационных видеоматериалов для образовательных учреждений не только высшего, но и среднего специального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Галактика Интернет. Цифровая библиотека по философии / М. Кастельс.— Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001024/st000.shtml> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Окушова Г. А. Технологии PR в коммуникативном пространстве Интернета (на примере электронных коммуникаций томских университетов) / Г. А. Окушова // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект.— 2014.— № 12.— С. 18–26.
3. Анохов И. В. От средств массового вещания к средствам массового соучастия / И. В. Анохов // Вопросы теории и практики журналистики.— 2017.— Т. 6.— № 4.— С. 482–495.
4. Рубцова Н. В. Социальная коммерция как форма экономических массовых коммуникаций / Н. В. Рубцова, К. С. Солордужин // Вопросы теории и практики журналистики.— 2022.— Т. 11.— № 1.— С. 114–128.
5. Карпикова И. С. Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации / И. С. Карпикова, В. В. Артамонова // Вопросы теории и практики журналистики.— 2018.— Т. 7.— № 4.— С. 599–614.
6. Щепилова Г. Г. Рекламные возможности блогосферы на платформе YouTube / Г. Г. Щепилова, В. С. Огурцова // Вопросы теории и практики журналистики.— 2021.— Т. 10.— № 4.— С. 792–806.
7. Гугнина Е. В. Использование маркетинговых коммуникаций в деятельности ВУЗа по продвижению образовательных услуг / Е. В. Гугнина // Современные проблемы науки и образования.— 2010.— № 5.— С. 60–62.
8. Прохоров А. В. Современные технологии продвижения образовательных услуг / А. В. Прохоров, Е. П. Семишова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.— 2014.— № 10 (138).— С. 47–51.
9. Рубцова Н. В. Веб-сайт учреждения среднего образования как эффективное средство коммуникации / Н. В. Рубцова // Азимут научных исследований: педагогика и психология.— 2020.— Т. 9.— № 2 (31).— С. 218–220.
10. Красова К. А. Проведение рекламной кампании в интернет-среде средствами сервиса YouTube / К. А. Красова // Экономическая среда.— 2017.— № 1 (19).— С. 82–85.
11. Kyncl R. Streampunks: YouTube and the Rebels Remaking Media / R. Kyncl, M. Peyvan.— New York: Harper Business, 2017.— 272 p.
12. Miller M. Streampunks: YouTube for Business: Online Video Marketing for Any Business / M. Miller.— 2nd ed.— Indiana: Que Publishing, 2011.— 314 p.
13. Bullard D. N. Academic Capitalism in the Social Sciences: Faculty Responses to the Entrepreneurial University / D. N. Bullard.— Tampa, 2007.
14. Marable M. Race, Class, and Academic Capitalism / M. Marable // Souls.— 2001.— Vol. 3.— № 2.— P. 6–14.
15. Mendoza P. Academic Capitalism and Doctoral Student Socialization: a Case Study / P. Mendoza.— Amherst, 2005.
16. Marginson S. Competition and Markets in Higher Education: a «glonacal» analysis / S. Marginson // Policy Futures in Education.— 2004.— Vol. 2.— № 2.— P. 175–244.
17. Подобина Д. В. Особенности визуального контента в молодежном медиапроекте направления «Реклама и связи с общественностью» / Д. В. Подобина // Челябинский гуманитарий.— 2017.— № 2 (39).— С. 28–34.
18. Богданова Н. В. Информационные видеоматериалы как часть медиатехнологий в создании коммуникационного пространства ВУЗа / Н. В. Богданова, Н. Г. Сидина // Россия в глобальном мире.— 2015.— № 7 (30).— С. 64–77.

*Байкальский государственный университет
Рубцова Н. В., кандидат экономических наук, доцент
кафедры журналистики и маркетинговых технологий
E-mail: runatasha21@yandex.ru*

*Гир Н. А., студентка
E-mail: girrulthepeace@mail.ru*

*Baikal State University
Rubtsova N. V., Candidate of Economy, Associate Professor of
the Journalism and Marketing Technology Department
E-mail: runatasha21@yandex.ru*

*Gir N. A., Student
E-mail: girrulthepeace@mail.ru*

МУЗЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОТ ТЕХНОЛОГИИ К АУДИТОРИИ

О. А. Рыжкова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 10 января 2023 г.

Аннотация: *в современном мире сложно представить себе деятельность, не связанную с цифровыми средствами коммуникации, и область культуры в этом вопросе — не исключение. Статья обобщает особенности новых медиа и анализирует материал сети «VKонтакте» музея, что позволяет выявить наиболее востребованные способы взаимодействия с аудиторией и влияние цифровизации на установившуюся информационную политику музея.*

Ключевые слова: *коммуникация, музей, цифровая среда, аудитория, обратная связь.*

Abstract: *in the modern world, it is difficult to imagine activities that are not related to digital means of communication, and the field of culture in this matter is no exception. The article summarizes the features of new media and analyzes the material of the museum's VKontakte network, which makes it possible to identify the most popular ways of interacting with the audience and the impact of digitalization on the established information policy of the museum.*

Keywords: *communication, museum, digital environment, audience, feedback.*

Область информационного обмена за последнее время подверглась существенным трансформациям. Наиболее значимы процессы, связанные с произошедшей цифровой революцией, ростом числа медийных платформ, открывшим широкий доступ к разнообразным информационным источникам. В практику информационного обмена включилось огромное количество людей, у которых появилась возможность фактически «присутствовать» на событиях в режиме реального времени и чувствовать свою причастность к происходящему. Благодаря ускоренным темпам повсеместной медиатизации культурная жизнь перетекает в цифровое пространство (выставки и концерты исполнителей переходят в онлайн) [1, 123]. Изменения, связанные с цифровой средой, стали причиной формирования новой информационной культуры. Глобализация и сокращение пространственно-временных рамок, трансформация аудитории в пользователей, способных обозначать свою позицию и оказывать влияние на контент создают новые возможности для информационного обмена. Коммуникация становится процессом активного и равноправного взаимодействия участников процесса с помощью новых видов информационных технологий, социальных сетей и групп, блогосферы, мессенджеров и т.д. Важными факторами становятся общность взглядов и интересов, обмен компетенциями, осуществление совместной деятельности, достижение значимой для участников сообщества цели. Об интернете говорят как

о «среде уникальной, предъявляющей к личности человека, группам людей и предприятиям, попадающим в нее, специфические требования, организующей взаимодействие между людьми в соответствии с совершенно иными принципами, нежели при других видах опосредованного и не опосредованного общения. Интернет — это принципиально новая, не имеющая аналогов в истории, сложная, самоорганизующаяся коммуникативная среда, обладающая постоянно появляющимися, новыми свойствами. Часто эту среду называют цифровой, чтобы подчеркнуть, что речь идет о коммуникации с использованием технологий, то есть цифровых устройств» [2, 28].

Интернет стал средством, создающим не только необходимые условия для взаимодействия, но и объединяющим общество. Коммуникация может носить индивидуальный или групповой характер, быть в той или иной степени открытой, заинтересовывать пользователей разной степени территориальной удаленности, охватывать различные временные рамки. Кроме этого, нельзя не отметить влияние технических носителей, с помощью которых осуществляется информационный обмен — кроме компьютера в коммуникации задействованы мобильные телефоны и планшеты, чьи особенности опосредованно влияют на характер, основные черты и специфику общения. Речь идет, прежде всего, о скорости отклика и отсутствии временных и пространственных ограничений. Кроме этого, к значимым чертам интернет-коммуникации можно отнести:

- Общение, основанное на равноправии;
- Возможность высказать свою точку зрения, выразить эмоции;
- Ощущение общности с какой-либо группой людей, проявление своей идентичности;
- Определение актуального для себя контента, формирование информационных запросов;
- Свободный выбор контактов, социальных групп, собеседников, партнеров;
- Анонимность участников, которая способствует открытому и свободному общению;
- Формирование пользовательской интернет-культуры;
- «Новая устность» [3]. Общение в интернете (особенно в чатах) протекает в письменной форме, но при более детальном рассмотрении обнаруживается, что речь, которую мы «слышим» в чате — это не письмо, это устная речь, парадоксальным образом произносимая пальцами.

Становится понятно, что все перечисленные особенности связаны друг с другом: свобода самовыражения соприкасается с открытым и масштабным информационным полем, индивидуальным выбором тем и групп, определением собственной идентичности.

Таким образом, медиа, погруженные в цифровую среду, принципиально отличаются от существовавших ранее. Цифровое преобразование не изменило традиционные цели и задачи коммуникации, но отразилось на формах, инструментах и разнообразии, которое вызывает необходимость конкурировать за внимание публики. Можно отметить, что понимание аудитории исключительно в дихотомическом ключе активной–пассивной сменяет более комплексный подход. Новые медиатехнологии расширяют традиционное понимание публики либо как избирательной, ориентированной на личные вкусы и цели, либо зависимой в выборе контента от СМИ.

В частности, Дж. Узбстер [4] разработал следующие модели: аудитория — как масса, как объект воздействия и как активный агент. Первая модель относится к публике, подверженной влиянию СМИ с акцентом на массовость, поэтому большое значение придается попыткам определить ее численность. Модель аудитории-объекта связана с изучением феноменов пропаганды и воздействия на сознание, исследования вариантов медиапотребления и воздействия медиа. Модель аудитории-агента акцентирует внимание на возможностях новых медиатехнологий, связанных для пользователей со свободой выбора и личной заинтересованностью.

Музейная деятельность непосредственно связана с коммуникацией, поскольку основана на деятельности «по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей» [5].

В музейной сфере трансформация от аналогового формата к цифровому стала фактором, влияющим

на коммуникативную политику и взаимодействие с аудиторией. К ведущим задачам, к примеру, можно отнести оцифровку музейных предметов, позволяющую хранить и передавать огромное количество информации, в отличие от аналоговых форм. С помощью оцифровки можно обеспечить интеграцию музея в информационную среду, добавить интерактивности с помощью VR-приложений или проанализировать пользовательский интерес к предлагаемым программам. У аудитории появляется возможность выбора той или иной формы организации досуга в соответствии со своими предпочтениями.

С помощью мобильных устройств доступны, к примеру, виртуальное посещение выставок или погружение в историческую канву создания художественного произведения. Для цифровой музейной среды, кроме очевидной доступности информации и повышения качества контента, характерны такие черты, как интерактивность.

Исследователи отмечают, что новые интерактивные медиа предоставляют не только огромный выбор, но также и некоторые другие возможности. Это, прежде всего события, происходящие в онлайн-формате, видео, подкасты, кросс-медийный контент. Новые медиа предоставляют отличный от традиционных объем содержания, которым зритель может манипулировать, и расширение возможностей восприятия, которые могут быть активированы во время использования медиа [6]. Кроме этого, музей активно осваивает мультимедийный формат, форма и контент которого находится в прямой зависимости от информационного носителя. Возможность свободного выбора привлекает аудиторию, сочетание избирательности аудитории и адресных медиапосланий, рассылки и рекламы делает коммуникацию более эффективной.

Целевую аудиторию можно сегментировать по ряду критериев (например, по интересам и сценариям поведения, географической удаленности и т.д.). Однако для построения коммуникации чаще всего используется базовая схема, которая основана на общих представлениях об аудитории, и этому подходу не хватает использования особенностей, отличающих посетителей музея от посетителей других досуговых учреждений. Важно определить точки соприкосновения с аудиторией, используя портрет пользователей, их интересы и потребности, анализируя социальные сети и используя дополнительные источники информации: опросы, мониторинг вовлеченности посетителей, видеонализ, тепловое картирование и т.д.

Для систематизации особенностей цифровых коммуникаций рассмотрим практику ведения страницы ВКонтакте Новгородского объединенного музея-заповедника за период 2022 года. В настоящее время именно в социальных сетях и мессенджерах происходит привлечение аудитории, а влияние по-

сетителей на изменения, контент и организацию сайта проявляется более наглядно. По мнению исследователей, «традиционные площадки для информирования и просвещения населения, к примеру, официальные сайты государственных творческих учреждений (департамента и управления культуры, образования, филармонии, детских школ искусств, музыкальных колледжей и училищ, специализированных институтов искусств), а также конкурсные сайты профессионального мастерства остались статичными к надвигающимся изменениям, а их функции сводились к коротким сообщениям новостного характера» [7]. Предварительное рассмотрение показывает, что контент у страницы ВК и официального сайта схожий — справочная информация и музейные события, поданные в виде анонсов, новостей или заметок, с официальной подачей на музейном сайте и более лично-ориентированной у социальной сети. Данные площадки можно отнести к так называемым собственным медиа, созданным музеем для освещения своей деятельности. Однако, коммуникационная активность музея не исчерпывается собственными медиа, музей упоминается онлайн-изданиях, личных блогах, фото-хостингах и т.д. Количество выданных по запросам «Новгородский объединенный музей-заповедник», «Музей Великий Новгород», «НГОМЗ», «Музей в кремле Великий Новгород» только в поисковой системе Яндекс составляет в сумме 877 тысяч. Музейная страница ВКонтакте располагает более 12 тыс. подписчиков. К целевой аудитории можно отнести посетителей музея — как жителей Великого Новгорода, так и туристов. Рассматриваемые информационные ресурсы представляют ценность и для узкой группы специалистов — педагогов, организующих внеурочную деятельность, историков, исследователей, специалистов по материальной культуре, провайдеров туристических услуг.

Рассмотрим основные коммуникативные характеристики музейной страницы ВКонтакте, к которым можно отнести:

Наглядность — на сайте представлена ведущая организация, понятны назначение, цели и задачи. Кликнув на ссылку *Официальная информация*, пользователь получает доступ к справочным данным, музейному сайту, мессенджером и контактными телефонам. Основной информационный блок предваряют разделы «Клипы», «Фото событий» и «Музейный магазин» и справочная информация с указанием основных музейных объектов и стоимости посещения. Вся информация на сайте представлена на русском языке. Верхнюю часть страницы занимает заставка-логотип музея. Для текстов, в отличие от официальных источников, характерно использование большого количества смайлов и эмодзи, как в этом объявлении об археологических раскопках:

Летом можно проводить время на даче, а можно... на археологическом раскопе!

👷 И там, и там — земельные работы. В чем разница? Выращивать культурные растения — дело полезное 🌱. А вот раскрывать культурный слой — дело национальной важности 💎.

🎯 На легендарном Троицком раскопе предстоит погрузиться в новгородское средневековье. Может именно вам предназначено найти новую берестяную грамоту или уникальный артефакт, который станет сенсацией в науке.

23 июня в 10:20

Содержательность и иллюстративность — контент страницы обоснован и подобран в соответствие с тематикой и назначением. Изображения представлены в достаточном разрешении, сопровождаются комментариями, которые могут быть шуточными. Иногда изображения могут быть не связаны напрямую с музейной тематикой, но являются художественным посылом или частью викторины или конкурса. Как правило, сообщение содержит от одного до шести фотоизображений. Кроме типичного для ВК формата изображение+текст, страница содержит видео контент, виртуальные путешествия, трансляции и т.д. Содержание страницы дает посетителю полное представление о музейной деятельности, реализуемых и готовящихся проектах, культурных памятниках, научной и реставрационной деятельности музея.

Аудиторию привлекают забавные подписи на фото:

На масштабной выставке «Викинги. Путь на Восток» легендарная эпоха становится реальной!

6 июня в 10:01

Илл.1

Пост и комментарии к нему, которые не состоялись бы без фото:

Немного интриги о том, что происходит во время реставрации прясел кремля.

Подробности будут у новгородской прессы и на сайте музея.

Открытия, которые приносят только ещё больше тайн и загадок

Илл. 2, 3

Серафим Игнатъев 🍷

Внутренняя лестница для худеньких, это нормально))

14 апр в 16:50

Новгородский музей-заповедник

Василий, учитывая возможную историю этого места, коррулентность не предполагалась.

Пример размещения видеоконтента:

В нашей рубрике #Реставрация рассказываем о восстановлении фресок из храма начала XII века. Им занимаются специалисты Новгородского музея-заповедника. Все подробности — в ролике.

Подробнее о работе специалистов Центра реставрации монументальной живописи — в сюжете 🙌🙌🙌

16 дек в 14:35

Пример привлекающего анонса видеоматериала: **УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ. КРАТИР.**

Из короткого видео вы узнаете:

- как звали первого известного русского ювелира;
- чьи имена начертаны на ножке чаши;
- в каких крупнейших мировых музеях побывал кратир!

24 ноя в 18:40

Примеры контента, напрямую не связанного с музейной деятельностью:

Так интересно наблюдать за людьми, которые возможно впервые зашли на территорию Кремля. Они оглядываются по сторонам, наводят камеры телефонов в поисках «того самого» кадра, указывают друг другу в сторону заинтересовавших их объектов. А рядом с туристами пролетают местные жители, забывая поднять взгляд, задержаться на минутку, чтобы услышать разнообразие исторического великана! Не привыкайте! Цените!

Света Семёнова

Вы не правы. Сотни местных не пробегают «мимо». Также любуемся красотой. Также пытаемся уловить самый-самый красивейший момент на своих телефонах.

15 ноя в 8:30

Новгородский музей-заповедник

Света, это очень радует! Пусто больше будет таких внимательных и неравнодушных новгородцев!

15 ноя в 12:21

Светлана Смирнова

Впервые побывала в вашем чудесном городе на экскурсии. Я влюбилась в этот незабываемый город, хочу побывать ещё.

17 ноя в 0:14

Материал об обитателях Соколиного двора — одного из подразделений музея:

На Соколином дворе живет один талантливый актер, который мог бы возглавить пернатую антрепризу и претендовать на премию Золотая маска! Один раз к сотрудникам Соколиного двора прибежали испуганные посетители и наперебой в красках начали рассказывать, как ворон, схватившись за крыло, метался по клетке, а затем замертво упал на пол! Сбежавшаяся толпа сочувствующих была не менее удивлена чудесному воскресению Топы, который спокойно разгуливал по клетке, получив то, что желал — внимание посетителей!

Ольга Журавлева

У меня подруга такая, без внимания родных и друзей на стенку лезет, одна надолго вообще не может оставаться..

15 ноя в 15:33

Новгородский музей-заповедник

Ольга, им с Топой нужно подружиться!

16 ноя в 10:56

Обновляемость — информация страницы регулярно пополняется, ежедневно публикуются от одного до четырех постов. Поиск на сайте типичен для ВК, соответственно, не очень удобно искать материал, вышедший некоторое время назад.

Ориентация на аудиторию — страница ВК информативна, полезна, проста в работе и привлекательна для посетителей благодаря большому количеству иллюстративного материала. Навигация в новостных материалах, представляющих основное содержание страницы, в случае временной удаленности события, требует времени. Пользователей привлекают викторинами и розыгрышами призов (чаще всего это билеты музейные события).

Викторина, посвященная охотничьим пристрастиям Н. А. Некрасова:

В Доме-музее Н. А. Некрасова (г. Чудово) сохранились игральные карты с охотничьими пословицами и поговорками. Продолжите выражение на одной из них: «Был бы ловец ...»

заяц будет

ружьё будет

охота будет

Проголосовал 51 человек

Новгородский музей-заповедник:

Правильный ответ: «Был бы ловец, а ружьё будет»

13 дек в 8:35

Пользователи могут оставить обратную связь, прокомментировав представленный материал, или, как минимум, прочитав его — в дальнейшем будет отражаться число просмотров.

Пример материала с достаточно высоким числом просмотров:

Ювелирное искусство V–XIX вв.

Новгородский музей-заповедник

4 175 просмотров

♥107

Оценили 107 человек

Страница содержит достаточное количество средств, существующих для того, чтобы пользователи дать свои комментарии или смогли связаться с сотрудниками и службами музея. Благодаря комментариям посетители могут опосредованно вносить свой вклад в содержание страницы, так как значимые комментарии могут быть опубликованы отдельно.

К слову, официальный сайт содержит специальную вкладку — *Обратная связь*: «Мы благодарны за ваши тёплые отзывы на сайте нашего центра учреждения!»

Мы растём и меняемся вместе с вами, чтобы сохранить нашу великую историю и популяризировать искусство!» Таким образом, в процессе коммуникации акценты становятся более личностно-ориентированными, а посетители музея чувствуют свою значимость.

Тёплые отзывы с официального сайта <https://novgorodmuseum.ru/visit/otzyvu> становятся частью музейной истории:

Татьяна Шарапова

Спасибо сотрудникам Детского музейного центра, наша семья не пропускает ни одного праздника. Такие творческие, весёлые, образовательные мероприятия наши дети ждут с нетерпением. Покидая площадку, ищем анонс следующего Веселья!!!! Творческих успехов всем сотрудникам центра, а детям-счастья от встречи с ними!!!! Спасибо.

8 июня в 16:43

Елена Кузьмина

Мне тут свезло, так свезло. Коллега, который специализируется на музейной тематике, отбыл в командировку, и мне представилась редкая возможность вместо него отправиться на редакционное задание в Новгородский музей.

И что это было за задание! Реставрация новгородских икон. Теперь её выполняют здесь с использованием современного немецкого оборудования Leica, которое приобрели попечители музея. Прекрасная оптика, которая позволяет рассмотреть красочные слои древних икон во всех деталях.

14 июля 2022 в 18:36

Таня Завьялова

Новгородский музей-заповедник <https://vk.com/ngotz> подарил мне приглашение в любой музей Великого Новгорода и памятные сувениры в честь

Юбилея музея-усадьбы А. Суворова. С чего такие подарки, спросите вы. А все дело в том, что я подписана на телеграм-канал музея и среди подписчиков как раз и разыграли эти подарки.

29 окт 2022 в 16:26

Музей тоже благодарит посетителей за интерес и активность:

НОЧЬ МУЗЕЕВ 2022 в Новгородском музее

22 мая 2022 в 0:01

И традиционное фото засыпающего кремля. Ночь музеев в Новгородском музее-заповеднике завершена. Спасибо всем, кто считал сегодня шаги и столетия, внимал и созидал. Вы — лучшие посетители!

Реактивность

Значимой чертой групп в социальных сетях является возможность контакта с пользователями, которые могут оставить вопрос и получить быстрый информативный ответ. Обычно вопросы касаются времени и стоимости и места проведения музейных программ, как здесь:

5 счастливчиков смогут ВЫУГРАТЬ бесплатный приглашенный на «Новогодние чудодейства Деда Трескуна!»

Евгения Куринная

А программа на улице или внутри?

20 дек в 12:20

Новгородский музей-заповедник

Евгения, здравствуйте! Программа внутри, в помещении!

Работу реставраторов оценили по достоинству:

На выставке представлена кукла «Маша» (СССР, 1950-е гг.) из фонда игрушки Новгородского музея-заповедника после проведенных реставрационных работ. Автор реставрации — Мария Федотова, художник-реставратор комбинированных материалов.

Светлана Берман

Надо же. Кукла прям умершая на одном фото и счастливая на финальном)

8 дек в 21:02

Новгородский музей-заповедник

Светлана, умелые руки и любовь реставратора творят чудеса!

10 дек в 12:52

Светлана Берман ответила Сообществу

Новгородский музей-заповедник, точно

10 дек в 12:57

Ответы не всегда отвечают требованиям информативности, но не выходят за рамки стандартной вежливости:

С 22 сентября в Главном здании музея (зд. Присутственных мест, Кремль, 4) начинается работу масштабный межмузейный выставочный проект «Викинг. Путь на Восток».

Лена Васильева

почему на открытие нельзя было прийти? бесплатные дни посещения отменены?

22 сен в 22:37

Новгородский музей-заповедник

Лена, в этот день территория Кремля была открыта только для сотрудников и аккредитованных представителей СМИ в связи с приездом президента РФ.
23 сен в 10:48

Лена Васильева ответила Сообществу

Новгородский музей-заповедник, и что? 😊 у вас написано открытие 22 сентября. Я думаю, дело в деньгах, как обычно. Это для вас 200 руб не деньги. Для пенсионеров, и не только, деньги. Это не падение метеорита, чтобы открытие перенести нельзя. Но для ыкс очень удобно. Противно
23 сен в 16:28

Новгородский музей-заповедник ответил Лене

Лена, сожалеем, что данные обстоятельства вызвали у Вас такие эмоции.

25 сен в 20:00

Лена Васильева ответила Сообществу

Новгородский музей-заповедник, какие же эмоции может вызвать пренебрежение, которое выразилось и в этой фразе? Я наивно подумала, что вы о своём поведении сожалеете. Обстоятельства ни при чем.
25 сен в 22:32

Пользователи могут обмениваться информацией, задавать уточняющие вопросы друг другу, вступать в дискуссии:

Как объяснить детям, в какое время жили их бабушки и дедушки? Лучше один раз увидеть!

В Музее истории г. Боровичи и Боровичского края открылась выставка «СССР. К 100-летию образования».

Лаура Кузина

Даже увидев всё это нынешние дети не поймут в какой прекрасной стране мы выросли и какое у нас было классное детство и юность. Это не прочувствовать в музеях
27 ноя в 16:38

Елена Демидова ответила Лауре

Лаура, вот подумала сейчас — хорошо бы по ходу экскурсии включать записи пионерских песен и «Пионерскую зорьку». Можно в качестве динамика использовать радиоприемник советский простенький. Люди, дарю идею, может и пригодится
Пионерская зорька
27 ноя в 19:10

Пример профессионального запроса:

Николай Пономарёв

Подскажите литературу для более углубленного изучения храма Благовещения XII века??
9 дек в 18:00

Новгородский музей-заповедник

Николай, рекомендуем посмотреть видео <https://yandex.ru/video/touch/preview/596194497628127..>
9 дек в 19:40

Николай, или почитайте информацию на нашем сайте <https://novgorodmuseum.ru/muzei/cerkovblagoveshcheni..>

Самое большое количество комментариев собрал материал, предлагающий придумать подпись к фото с изображением прогулки кота по Кремлю:

Предлагаем вам придумать подпись к фотографии. Самый оригинальный и остроумный вариант будет вознагражден 🎁

98 комментариев

Катя Борисенок

Эй, не подходите близко,

Я тигрёнок, а не киска 😊

30 мая в 9:52

Мария Клапатнюк

Ночь собирается, и начинается мой дозор...

30 мая в 9:54

Любовь Макуха

За мной кремлёвская стена

Иду вперёд, не зная сна

Не ведаю что ждёт.

я просто кот.

30 мая в 9:56

Таким образом, изучение музейной страницы Вконтакте выявляет коммуникационную трансформацию, которая относится не только к внешним представлениям, но и смыслом. Цифровые медиа, возможность чувствовать себя «на связи» и ускоренный информационный обмен будут все более значимы в политическом, социальном и культурном отношении. Эксперты отмечают и то, что креативность как качество и как инструмент будет играть все большую роль и значение не только в креативных индустриях, но прежде всего в коммуникациях [8].

Чтобы конкурировать в сфере культуры и досуга и привлекать различные группы посетителей, музеям приходится использовать приемы, более характерные для коммерческого сектора. Для того, чтобы не допустить сокращения аудитории, диапазон музейных продуктов за последние десятилетия расширился: от дополненной реальности и проведения театрализованных экскурсий и образовательных программ, до освоения издательского сегмента и блогосферы. Пользуются популярностью фуд-фестивали и сувенирная продукция, сопровождающие значимые выставки, но использование подобных приемов привлечения аудитории ставит музей «в очередь» за театрами, книжными магазинами и кафе — за театральным представлением скорее пойдут в театр, профессиональные издательства эффективнее освоют книжный рынок и для знакомства с аутентичной кухней музей тоже не самое очевидное место. Следовательно, музей должен разработать и представить на суд публики собственный уникальный продукт, для развития которого важны понимание запросов аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова С. В. Медиа в условиях коммуникационно-го изобилия и «новой нормальности» / С. В. Иванова // Вест-

ник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — № 2. — С. 123–125.

2. Федюнин Д. В. Современные особенности построения цифровых коммуникаций и их эффективность / Д. В. Федюнин, Н. Ю. Гончарова // Практический маркетинг. — 2012. — № 11(189). — С. 28–34.

3. Крюкова Н. А. Медиакультура и ее роль в современном информационном обществе / Н. А. Крюкова // Омский научный вестник. — 2013. — № 5(122). — С. 226–228.

4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М., 2004.

5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866> (дата

обращения: 10.01.23).

6. Goertz (1995). Wie interaktiv sind die neuen Medien? Auf dem Weg zu einer Definition von Interaktivität. [How interactive are the new media? On the way towards a definition of interactivity]. Rundfunk und Fernsehen, 43, 477–493 p.

7. Колесникова В. В. Музыкальная журналистика Воронежской области в период пандемии: визуализация контента в социальных сетях / В. В. Колесникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — № 2. — С. 131–133.

8. Новая цифровая реальность: какими будут коммуникации в 2021 году — Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/190831-novaya-cifrovaya-realnost-kakimi-budut-kommunikacii-v-2021> (дата обращения: 10.01.23).

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Рыжкова О. А., аспирант кафедры журналистики

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

*Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
Ryzhkova O. A., Postgraduate Student of the Department
of Journalism*

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ МИХАИЛА КУРАЕВА

В. А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты понимания истории в произведениях публицистов, в том числе проблемы медиатизации всех аспектов социальной реальности, приобретения ею онтологических свойств новой, цифровой реальности. Поскольку процесс медиатизации непосредственно захватил духовную сферу, историческую память общества в том числе, то на авансцену интерпретации событий и фактов истории вышел вопрос о понимании феномена «память/забвение». Поднятые вопросы рассматриваются по результатам анализа публицистических выступлений писателя Михаила Кураева. Исследование носит аксиологический характер, применяются методы контент-анализа, интен-анализа, проведение фокус-группы.

Ключевые слова: память, забвение, публицистика, медиа, ценности.

Abstract: the article examines key aspects of understanding history in the works of publicists. Among them are the problems of mediatization of all aspects of social reality, the acquisition of its ontological properties by the new, digital reality. Since the process of mediatization has directly captured the spiritual sphere, including the historical memory of society, the question of understanding the phenomenon of «memory/forgetting» has come to the forefront of the interpretation of events and facts of history. The issues raised are considered on the basis of the analysis of the publicist speeches of the writer Mikhail Kuraev. The study has axiological character, the methods of content-analysis, inten-analysis and focus-group conducting are applied.

Keywords: memory, oblivion, journalism, media, values.

1. ВВЕДЕНИЕ

Цикл из четырех публицистических статей писателя Михаила Кураева с акцентированным в заголовках рефреном «Кому не нужна наша история?» был напечатан в феврале-марте 2022 г. газетой «Санкт-Петербургские ведомости». Статьи публициста легли в основу состоявшейся в рамках курса аксиологии журналистики студенческой дискуссии по вопросам актуализации ценностей исторической памяти в условиях обострения военно-политической ситуации вокруг России. Обсуждение далеко не простой проблематики приоткрыло завесу над еще более сложной темой — присутствием в журналистской культуре феномена памяти/забвения. Именно так, вслед за современными подходами философов, участниками дискуссии стал трактоваться вопрос о том, какая она, память в национальной культуре, какое выражение находит в медийной среде: что и почему помнится, а что и почему предается забвению, как должна выглядеть подлинность/мнимость памятного, в чем политико-культурный смысл забвения того или иного исторического опыта.

Так предопределен главный ракурс анализа проблематики, согласно которому «забвение не является врагом памяти, память может существовать в равновесии с забвением» [1, 65]. В сущности, был

поставлен вопрос о том, что память и забвение представляют собой диалектически единый феномен, для которого одинаково важны две его стороны, находящиеся, казалось бы, во взаимном отрицании, но по сути функционально дополняющие друг друга.

Актуализация исторической памяти выглядит особенно обостренной, когда она соответствует процессам «консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. Без памяти не может быть ни человека, ни социальной группы, ни государства. А согласие по поводу памяти прошлого — центральный, ключевой момент формирования идентичности: социальной, национальной, культурной» [2, 132]. Достижение такого согласия почти всегда обусловлено построениями нового понимания истории и разрушениями прежнего. Поэтому процесс непременно происходит в медийной среде как обращенной ко всем стратам общества. Таким образом формируется, по словам культуролога, коммуникативная память, в которой «прошлое сворачивается в символические фигуры», при этом «культурному воспоминанию присуще нечто сакральное» [3, 52, 54, 55].

По своей сути публицистика не является научным произведением, она обращена к сознанию аудитории СМИ — как традиционных, так и возникших за последние 10–20 лет в интернет-пространстве. Вместе с тем публицистика, являясь одной из высо-

ких ступеней профессионализма журналистов и в целом литераторов, непременно несет в себе массивы научного знания, ибо только в опоре на научное познание мира она может быть трибуной публичного разума. Такого уровня публицистика никогда не станет массовым явлением, потому что талант и культура публициста формируются в длительном творческом процессе, носят особый характер, а лучшие образцы публицистики могут быть востребованы читателем через многие годы. Так что изучение отдельных публицистических произведений или их небольшой совокупности не менее важно, чем популярный в современной гуманитарной науке анализ больших данных.

Для понимания и оценки результатов проведенного нами исследования вкратце охарактеризуем цикл статей Михаила Кураева, акцентируя при этом время его публикации — зима-весна 2022 г.; две первые статьи увидели свет буквально за считанные дни до начала специальной военной операции на Украине, и их понимание читателями было адекватно обстановке в стране до 24 февраля, дня начала СВО, а вот последующие неизбежно воспринимались аудиторией в соответствии с новой после этой даты политической повесткой.

Первая статья «Календарь новой России. Кому не нужна наша история?» возвращает читателя к публично освещаемым или специально преданным забвению фактам российской истории. «Открываю Интернет, — пишет Михаил Кураев. — В рубрике “В этот день в истории” — с десятков сюжетов. Оказывается, в этот день в 1893 году в Англии был принят новый закон о каком-то там налоге. Спасибо, что напомнили. Припомнили конгресс по итогам Русско-турецкой войны, забыв сказать, что условия ее окончания победительнице России диктовали Англия и Австро-Венгрия, в эту войну нас и втравившие... Ладно. Вспомнили что-то из спортивных событий, что-то конькобежное из 1909 года. А вот 9 января 1905 года, Кровавое воскресенье, упомянуто не было. Что-то помешало. Хотелось бы узнать, что?» [4].

Во второй статье «Забятая дата. Как Александр II отменил крепостное право в России» Михаил Кураев вспомнил китайского философа: «Конфуция спросили, что бы он сделал, если бы стал Богом? Я назвал бы вещи своими именами, сказал мудрец. Историкам для этого не нужны чрезвычайные полномочия, но по разным причинам они предпочитают не называть вещи своими именами» [5]. Назвал вещи своими именами публицист: вспоминая царский Манифест об освобождении крестьян, не о крепостном праве сказал публицист, сказал о рабовладении, приводя в подтверждение 14 достоверных исторических фактов о подлинном лице крепостного права.

Третья статья «Исторический контекст. Кому не нужна наша история?» затрагивает острый во-

прос современной оценки того или иного трагического события прошлого и приходит к мысли о невозможности примирения на этот счет носителей разных политических взглядов. В данном случае речь о покушении на императора Александра II, на которое «у наших историков сложились две точки зрения. В одном случае безапелляционно утверждалось: в воскресенье, 1 марта 1881 года, государь в 14 часов ехал в Зимний дворец, чтобы подписать своей даровать России конституцию. В другом, государь в этот день никаких исторической важности документов подписывать даже не собирался» [6].

В четвертой статье цикла «Кому не нужна наша история? О вступлении русских войск в Париж» вопрос о памяти и забвении выносится за пределы страны и в полном соответствии с повесткой дня адресуется зарубежным недоброжелателям России XXI века, но на самом деле обращен к внутренней аудитории, к нашим интенциям в оценке фактов исторической памяти. Автор статьи в заключение приводит высказывание Д. И. Менделеева: «Наша земля представляет великий соблазн для окружающих нас народов. Нам необходимо быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор...» Писатель уверен, что в сказанном великим ученым «не потускнело ни одно слово, как и значки в его признанной всем миром таблице удельных весов. Вот и “удельный вес” России он определил с безупречной точностью. Хорошо, если бы и этот урок ...усвоили и наши соотечественники, и, как он выразился, окружающие нас народы» [7].

Михаил Кураев, рассматривая факты медийной реальности, вскрывает односторонний, зависящий от субъективного начала характер их подачи. При этом феномен памяти/забвения дробится, в объектах дробления приобретает черты двух образований — памяти и забвения, которые якобы между собой не связаны. Дробление памяти/забвения участвует в медийном формировании недостоверной повестки дня, в которой «факт и фейк свободно переходят друг в друга, создавая фейкт — единицу цифрового опыта. ... факт и фейк вступают в отношения взаимодополнительности» [8, 319, 321]. Безусловно, такого рода явления усложняют современную информационную ситуацию, и в конечном счете «виртуальная реальность, утверждает Славой Жижек, является средой текучести контуров и нелинейности точек самоидентификации» [9]. В такой среде феномен «память/забвение» теряет свою определенность. Но этот процесс бесповоротным назвать нельзя, так как в нем принимают участие по-разному и по-своему мыслящие акторы медиа. И поэтому мы рассматриваем диалектику проявления памяти и забвения как единый феномен современной медийной реальности. Факты медиатизации прошлого, проанализированные в статьях Михаила Кураева, послужили объектом нашего изучения.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе избранной для исследования методологии предусматривается рассмотрение в медийной практике феномена «память/забвение». Поэтому в статье анализируются наиболее заметные представления о памяти/забвении, сложившиеся в работах отечественных и зарубежных ученых (Ю. Лотман, Г. Тульчинский, Ф. Анкерсмит, Я. Ассман, П. Рикёр и др.). Проведенный на их основе анализ теории вопроса о функционировании исторической памяти и сопутствующего ей забвения подкрепляется результатами формализованного изучения текстов статей Михаила Кураева.

В качестве резонеров выступают студенты — участники фокус-группы, организованной для обсуждения вопросов культурной и исторической памяти в современной российской медийной среде, в том числе публицистами. Контент-анализ публицистики (на примерах статей Михаила Кураева) дополнен проведением определенных процедур интен-анализа: отбирались фрагменты текстов, содержащие интенции второго уровня — коммуникативные, то есть опирающиеся на социальный опыт. Как известно, «сознание и его репрезентации мира не могут существовать без опыта. Без опыта нет сознания», — пишет Ф. Анкерсмит, при этом ставит перед учеными задачу «реанимировать понятие опыта» [10, 26–27]. Интенции второго уровня имеют двусоставную структуру: обозначают объект и фиксируют отношение к этому объекту. Тем самым оценки и целеуказания, фиксируемые в тексте публициста, вызывают необходимость ценностного анализа интенций автора. В результате понимание памяти/забвения в медиа получило определенное углубление.

Интенции второго уровня вписываются в свойства личности, а также в исторический опыт человека, «вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира... Тогда “мировая мудрость” вещает его устами, а его личная духовная схватка с тем историческим миром, в котором он живет, будет ничуть не менее интересна, нежели проблемы этого мира» [10, 368–369]. В данном случае такой личностью является публицист.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современная наука вплотную подошла к идее, согласно которой «основу исторической памяти человека и общества создает та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится» [11, 185]. Сегодня все чаще говорится о медиатизации не только всего того, что окружает человека в мире, но и того, что было когда-то, потому что современное сознание индивида и общественное сознание в целом оказываются непосредственно зависимыми от наших представлений о прошлом. Более того, мы эти же представления сами и формируем, когда весь

предшествующий исторический опыт «подвергается ярко выраженному процессу медиатизации реальности, то есть происходит сдвиг в парадигме СМИ и коммуникационных исследований, при котором медиа выступают посредником при воспроизводстве исторического знания... Медиа существенно влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая ее в высшей степени субъективно ориентированной» [12, 359]. Медиатизация означает не только представленность какого-либо объекта в информационном поле социума, но и его символизацию, то есть закрепление за ним определенного образа. Факты исторической памяти закрепляются в культурных символах, которые воплощают в себе «доминирующие в обществе ценности, являются их носителями... Система культурно-исторических символов — часть национального и гражданского самосознания, выражающая отношение к нации и стране» [13, 77–78]. И как тут не вспомнить Ю. Лотмана с его идеей о том, что «смыслы в памяти не “хранятся”, а растут» [14, 674–675].

Статьи писателя прошли процедуру контент-анализа в качестве единого текста. Интен-анализ полученных данных позволил определить три аспекта авторского обращения к ценностям исторической памяти: 1) память/забвение (11 раз), 2) память (12 случаев непосредственного обращения к этой ценности) и 3) забвение (5 случаев выделения данной ценности).

Однако более внимательное изучение всех эпизодов обращения автора к феномену памяти показывает, что даже в тех случаях, когда публицист говорит исключительно о памяти, никак «не примешивая» к ее значению противоположное ей забвение, все равно интенции того или иного смысла сказанного подразумевают оборотную сторону феномена. Так, явно подчеркнута в тексте значение подлинности памяти: «Помню красный диабаз на площади перед Нарвскими воротами, там пролилась кровь... По мирным людям стреляли...» [4]. Но и оно подспудно таит в себе некий острый диалог с теми, кто отрицает подлинность этой памяти. Увидеть такую подспудность позволяет анализ контекста. Так, в этой же статье содержится нескрываемый посыл насчет бытующего в медийном мире забвения: «Открываю Интернет. В рубрике “В этот день в истории” — с десятков сюжетов [перечисление]. ...А вот 9 января 1905 года, Кровавое воскресенье, упомянуто не было». И там же — «Как не вспомнить о том, что о человеческих жертвах обстрела из танков и штурма Верховного Совета РФ нынешняя история умалчивает. А штурм был долгим. ...Но разве нашей истории эти подробности, да и цифры жертв нужны?» [4]. В этой писательской интенции уже отмечается непосредственное восприятие памяти и забвения как органичного целого, хотя и подчеркнута, что забвение носит намеренный характер. Такая интенция — «забвение носит намерен-

ный характер» — в цикле статей возникает в **девяти** случаях, плюс к тому в **двух** эпизодах усиливается представлением о «фейке беспамятства». М. Кураев негодует по поводу того, что общество намеренно «освобождают» от груза исторических знаний, заставляя подлинно грандиозное ничего не значащим событием: «Это сколько же народа нынче усердно заботится о том, чтобы нам жилось с облегченными от этого груза душами и мозгами!» [4]. И это неприятие публициста семь раз рефреном звучит в вопросе «Кому не нужна наша история?»

Писатель не столько негодует, не столько показывает своему читателю специально создаваемое в обществе беспамятство, ибо убежден, что тот, кто ему «неудобные» факты истории передает забвению, сам-то их помнит, сколько активно сопротивляется этой тенденции — своими интенциями показывая, как важно придерживаться подлинности в исторической памяти публициста, и эту позицию автор подчеркивает в **девятнадцати** случаях. К этому ряду примеров присовокупим еще **восемь** эпизодов, среди них актуальный (март 2022 г.). Публицист процитировал несколько строк из воспоминаний Наполеона: «Мне надо было вытеснить Россию из Европы... Надо было победить русских и заставить их принять границы, начертанные острием меча». Привел слова императора и прокомментировал их, явно учитывая политическую ситуацию с началом специальной военной операции на Украине: «Признание это многое объясняет не только в давней истории... Чем может ответить Россия на обещание определить ее границы “острием меча”?» [7]. Так обнаруживается намерение писателя артикулировать историческую память как производное политики потомков, а феномен памяти/забвения как проблему публичной истории.

Рост смыслов исторической памяти прежде всего обнаруживается в медийной среде, в которой органично выглядит информационная дуэль между сторонами диаметрально противоположных взглядов на связь истории и современности. Противопоставление смыслов прошлого вытекает из разных взглядов на обретение обществом социокультурной идентичности, потому что «идентичность основана на памяти и воспоминании о прошлом» [3, 93]. Однако современным ученым делается разумное предостережение о том, что в отличие от истории память представляет собой сложное «эмоциональное переживание, допускающее манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [15, 63–64].

Согласимся с теми, кто предупреждает, что манипуляция с историей России «не имеет прямого отношения к прошлому. Речь об активной фазе... формирования российской идентичности» [2, 141]. В том же ключе проблема рассматривается и в другом труде: его автор сталкивает два фактора — «культуру намеренного увековечения и культуру намеренного разрушения, которые одинаково значимы в процессе...

формирования национальной идентичности» [15, 62]. В сущности, это и есть те «злоупотребления памятью, которые одновременно являются и злоупотреблением забвением» [16, 118]. Так критика отдельных медийных процессов под пером философа оборачивается утверждением диалектического единства феномена «память/забвение».

Понимание единства и противоположности составляющих феномена не может состояться без учета всех составляющих современного облика социума, его социально-политических проблем, без учета господствующей идеологии, «в рамках которой предаются забвению невмещаемые в ее “прокрустово ложе” феномены истории и актуализируются адекватно отвечающие ей факты...» [15, 63–64]. Но в полном соответствии со скепсисом Ф. Анкерсмита, полагающего термин «память» спекулятивным, другой российский исследователь пишет о том, что «сегодня историческая память становится инструментом решения политических проблем *ситуативного* характера» [17, 227]. Анкерсмит избегал понятия «память», считая, что картины прошлого покрыты сплошной коркой интерпретаций, потому и рассматривал как предмет анализа исторический опыт, видя в нем «“ответ” историка на “зов” прошлого» [10, 186, 188], но при этом по-своему раскрыл проблему забвения. Из заключений философа явно просматривается единая сущность феномена «память/забвение». Ф. Анкерсмит предлагает нам четыре типа свойств забвения:

- ...то, что вначале не имело никакого значения, может оказаться неожиданно важным позднее;
- историки “забывают” о решающем значении части фактов прошлого — они не знают о значении определенных причинных факторов;
- бывает, появляются все основания забыть о прошлом, когда память о нем слишком болезненна;
- человек вступил на порог совершенно нового мира, потому что забыл прежний и отрекся от предшествующей идентичности. Забвение здесь всегда является условием обретения новой идентичности [10, 439–446].

Выделяя основные черты забвения, философ представляет нам особенности обретения идентичности индивидом и обществом, считая, что в основу процесса заложено свойство человека сосредоточивать свое внимание на травмирующих его сознание страницах истории. Эти страницы становятся травмирующими в силу динамики исторических преобразований, когда люди теряют себя, безвозвратно утрачивается прежняя идентичность и на смену ей приходит новая — историческая и культурная. «И нет примирения прежней и новой идентичности... Новая во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности — и именно в *этом* заключается ее главное содержание» [10, 445–446]. Такой философский подход позволяет понять, каким образом память и забвение органичны в своем един-

стве, почему публицист никогда не смирится с забвением тех страниц истории, которые ему видятся достойными памяти, и почему новая идентичность российского общества строится не только на памяти о прекрасных страницах истории России, но и на забвении не вписывающихся в идеологическую парадигму современности фактов прошлого.

Следует присмотреться к тому, что думают о публицистике М. Кураева участники фокус-группы — студенты, которым новая идентичность России близка по возрасту. Среди мнений молодых людей заслуживает выделения несколько позиций.

Так, Анастасия сразу же резко проводит черту между своими взглядами и точкой зрения писателя. В публицисте усматривает «создателя — на свой лад — исторических мифов, видит в его статьях односторонность и предвзятость».

Ольга, другая участница фокус-группы, вопрос рассматривает иначе: «Амбивалентность характера исторической памяти и ее проектирование журналистами крайне важный аксиологический вопрос. Для человека массового общества события прошлого строятся в зависимости от политической обстановки, и поэтому закономерен вопрос о подлинности памяти, так как гарантии, что новый облик прошлого является более верным и точным по сравнению с предыдущим, нет. Медиа не минует ретрансляция ценностей, их переосмысление и даже отторжение. Это неизбежно. Однако неизменным должно оставаться верное понимание единственной ценности — ценности жизни, это ее культурный код».

Никита в определенном аспекте продолжает сказанное Ольгой, но при этом исходит из особой ценности подлинности истории, потому что «только совмещая факты и память, можно воссоздать цельную картину прошлого. Созданные образы прошлого будут выступать как модели, помогающие ориентироваться в мире». Сказанное студентом дополняет его однокурсница Елизавета, в целом актуализируя содержание проанализированных статей: «Проблема исторического беспамятства/амнезии, нежелания знать прошлое, злободневна для общества, тонущего в усердно тиражируемых фейках в условиях проведения специальной военной операции на Украине, отсутствия в стране единой ценностной и идеологической основы».

Пожалуй, максимально емкие выводы были сделаны двумя студентами — Анной и Романом. Молодой человек склонен к анализу статей Кураева с точки зрения разрешения задач, поставленных временем перед российской журналистикой: «Журналистика формирует историческую память, и за это на нее возложена великая ответственность... Искажение фактов истории ставит под угрозу не только настоящее, но и будущее, и может привести к разрыву ее «мировоззренческих универсалий»». Девушка сосредоточила внимание на философском ракурсе дис-

кутируемой проблемы. По ее мнению, «понимание прошлого и уважение к нему формирует трезвое отношение к настоящему и сознательное отношение к будущему. Историческая память, несмотря на ее неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие действия людей».

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ диалектического единства памяти и забвения в публицистике, прежде всего, позволяет установить, что мы имеем дело с одним феноменом — «памятью/забвением», который явственно дает о себе знать в журналистских произведениях, касающихся проблем исторической памяти. Это объясняется тем, что в настоящее время в российском социуме идет процесс обретения новой идентичности, отличной от прежних ее состояний. Новая и прежняя идентичности находятся в фазе противостояния, они питают не сходящиеся между собой политические идеологии, отчего события и факты истории по-разному выглядят в представлениях сторон: на ступает крайность, которая ведет к искусственному забвению определенных страниц прошлого, а также к приданию чрезмерной значимости другим событиям минувших столетий.

С развитием информационных технологий и образованием глобального цифрового пространства ученые отмечают явление всеобщей медиатизации социальной реальности. Медиатизация означает не только представленность объекта в информационном поле социума, но и его символизацию, то есть закрепление за ним определенного образа. Подобным образом медиа влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая ее в высшей степени субъективно ориентированной. Медиафакты исторической памяти закрепляются в культурных символах, воплощающих в себе доминирующие в обществе ценности, являются их носителями.

В основе процесса свойство человека останавливать свое внимание на травмирующих его сознание страницах истории — политических разломов, когда социум безвозвратно утрачивает прежнюю идентичность, а на смену ей приходит новая — историческая и культурная. Новая конституируется травмой от потери прежней. Такой подход позволяет понять, каким образом память и забвение органичны в своем единстве, почему публицист никогда не смирится с забвением страниц истории, которые ему видятся достойными памяти, и почему новая идентичность российского общества строится не только на памяти о прекрасных страницах истории России, но и на забвении не вписывающихся в идеологическую парадигму современности фактов прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов / Е. Н. Костина // Ученые записки Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153. — № 1. — С. 60–65.
2. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский // Социально-политические науки. — 2016. — № 4. — С. 10–13.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М., 2004.
4. Кураев М. Календарь новой России. Кому не нужна наша история? / М. Кураев // СПб. ведомости. — 2022. — 7 февр.
5. Кураев М. Забытая дата. Как Александр II отменил крепостное право в России / М. Кураев // СПб. ведомости. — 2022. — 21 февр.
6. Кураев М. Исторический контекст. Кому не нужна наша история? / М. Кураев // СПб. ведомости. — 2022. — 10 марта.
7. Кураев М. Кому не нужна наша история? О вступлении русских войск в Париж / М. Кураев // СПб. ведомости. — 2022. — 31 марта.
8. Очеретяный К. А. Фейк — единица цифрового опыта / К. А. Очеретяный // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей. — СПб., 2020.
9. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая запутанность бытия / С. Жижек // Искусство кино. — 1998. — № 1. — С. 119–128.
10. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. — М., 2007.
11. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий / Л. А. Тюкина // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 1 (20). — С. 181–187.
12. Артамонов Д. С. Медиатизация истории и проблемы исторического образования в цифровом мире / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук: Матер. VIII междунар. науч. конференции. — Саратов, 2020. — С. 357–365.
13. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Меншиков // Историко-педагогические чтения. — 2007. — № 11. — С. 74–78.
14. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. — СПб., 2000. — С. 673–676.
15. Кочеляева Н. А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества / Н. А. Кочеляева // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. — М., 2012.
16. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. — М., 2004.
17. Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л. Ю. Логунова // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11. — № 1. — Ч. 2. — С. 227–253.

Санкт-Петербургский государственный университет
Сидоров В. А., доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: vsidorov47@gmail.com

St. Petersburg State University
Sidorov V. A., Doctor of Philosophy, Professor of the Theory of Journalism and Mass Communications Department
E-mail: vsidorov47@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОЗИТОВ С ПРЕПОЗИТИВНЫМИ ЗАИМСТВОВАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

О. Б. Сиротинина, А. В. Дегальцева

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского*

Поступила в редакцию 21 ноября 2022 г.

Аннотация: в современных СМИ активно функционируют композиты с препозитивными заимствованными компонентами. В большинстве случаев такие композиты действительно необходимы русскому языку, обогащают его лексическую систему, однако иногда они лишь засоряют язык СМИ. Чаще всего композиты с препозитивными заимствованными компонентами относятся к сфере информационных технологий, что связано с активной цифровизацией многих сфер современной жизни. Хотя нормативное написание большинства таких сложных лексических образований уже отражено в академическом словаре, в СМИ до сих пор наблюдается вариативность их орфографического облика.

Ключевые слова: заимствования, СМИ, иноязычная лексика в СМИ.

Abstract: composites with prepositive borrowed components are actively functioning in modern media. In most cases, such composites are really necessary for the Russian language, enrich its lexical system, but sometimes they only clog up the language of the media. Most often, composites with prepositive borrowed components belong to the field of information technology, which is associated with the active digitalization of many areas of modern life. Although the normative spelling of the majority of such complex lexical formations is already reflected in the academic dictionary, the variability of their spelling appearance is still observed in the media.

Keywords: borrowings, mass media, foreign language vocabulary in mass media.

Общественная жизнь конца XX — начала XXI вв. характеризуется глобализационными процессами, которые охватывают важнейшие сферы жизни общества: науку и образование, культуру, экономику, политику, спорт. Наблюдается активная реализация международных проектов (особенно заметной она была до введения антиросийских санкций), современные технологии и бизнес-процессы во многом ориентируются на зарубежный опыт, а работы ученых из разных стран снабжаются аннотациями и ключевыми словами на английском, ставшем языком глобального общения; происходит активное проникновение латинизмов и англицизмов во многие мировые языки.

Процесс глобализации оказывает значительное влияние и на русский язык. В большинстве случаев иноязычные слова входят в нашу речь тогда, когда они действительно необходимы: «либо они закрывают какие-то лакуны в лексической системе (*риелтор, банкинг, дилер, брокер* и т.д.), либо обогащают синонимические ряды обозначением оттенков смысла: *киллер* — заказной убийца; <...> *электорат* — не просто избиратели, но именно совокупность из-

бирателей, объединенных по какому-то признаку» [1, 191]. Использование иноязычной лексики бывает эффективным потому, что позволяет экономить речевые усилия и печатное пространство: например, *краудфандинг* используется чаще, чем словосочетание *народное финансирование* именно из-за своей однословности.

Современная «информационная эпоха сопровождается сменой культур, которую мы сегодня наблюдаем: от традиционной книжной — к медийной, экранной» [2, 75]. Мониторинг газет «Московский комсомолец» (далее — МК), «Аргументы и факты», а также передач на радио «Россия», регулярно проводимый О. Б. Сиротининой, показывает, что журналисты и ведущие довольно часто используют иноязычную лексику, причем хорошо освоенные русским языком заимствования соседствуют с новыми [3]. Так, в статье Е. Березиной «Земельная доля — в хорошие руки» о передаче в безвозмездное пользование пригородных земель для ведения на них сельского хозяйства бросается в глаза постоянное использование иноязычных слов: *фермер, фермерское хозяйство, аграрии, агропромышленный комплекс, авансирование, реабилитация, бизнес, бизнес-план, лидер* (вместо прежнего «передовик»), *глэмпинг* и др.: **Фермер**

предоставляет **бизнес-план** <...>; Ну а в отдаленном будущем, возможно, удастся еще построить **глемпинг** (МК. 03.11.2022).

Иноязычное воздействие испытывает не только русская лексика, но и грамматика. Под влиянием западной культуры в современный русский язык активно входят сложные образования (компози́ты) с препозитивными заимствованными компонентами, иногда пишущимися латиницей: *арт-объект, бизнес-план, веб-страница, интернет-магазин, киберспорт, криптовалюта, мегапроект, нанотехнологии, онлайн-конференция, офлайн-встреча, пиар-ход, топ-менеджер, СМС-сообщение, Web-адрес, PR-компания, USB-порт* и мн. др. Они являются результатом усиления в русском языке рубежа XX–XXI вв. тенденции к аналитизму, выражающейся в увеличении доли неизменяемой лексики (наречий, несклоняемых существительных и прилагательных), ослаблении подчинительных связей, уменьшении роли флексии в морфологии и синтаксисе [4; 5]. Л. П. Крысин метафорически метко назвал такие композиции «кентаврами» [6].

Широкое распространение и высокая продуктивность компози́тов с атрибутивным иноязычным компонентом обусловлены рядом причин: экономией языковых средств, позволяющей «говорящему (пишущему) быстро штамповать лаконичные <...> наименования для сложных понятий», «отсутствием необходимости эксплицитно семантические связи между главным и подчиненным компонентами комплекса», а также «престижностью английского языка, поскольку данная модель имитирует структуру английской именной группы с препозитивным определением, примыкающим к вершинному существительному» [7, 36].

Цель данной работы — изучение особенностей функционирования компози́тов с препозитивными заимствованными компонентами в прессе и электронных СМИ 2002–2022 гг. Исследование проводится на материале мониторинга СМИ, регулярно проводимого О. Б. Сиротиной, данных газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка и сетевых СМИ, опирается на дискурсивный и интерпретативный методы анализа, а также прием количественной обработки материала.

Следует заметить, что среди лингвистов пока нет единого мнения о статусе находящейся в препозиции части изучаемых языковых образований. Как справедливо замечает Е. В. Маринова, «в толковых словарях большинство подобных единиц подается, по сложившейся лексикографической традиции, как «первая часть сложных слов». Такое обозначение «снимает» вопрос о том, чем именно является эта «часть» — самостоятельным словом (неизменяемым прилагательным) или морфемой того или иного типа. Однако на самом деле вопрос остается открытым. Его решение значительно затруднено, как

отмечают многие ученые, из-за отсутствия единого написания элементов, стоящих в препозиции. Например, «первая часть сложных слов» *бизнес-* пишется с определяемыми существительными через дефис (*бизнес-план*), отдельно (*бизнес центр*) и слитно (*бизнесспециализация*). Именно слитное написание некоторых элементов прежде всего вызывает сомнения в их принадлежности к классу <...> отдельных слов» [8, 628]. Некоторые ученые, следуя концепции М. В. Панова [9], рассматривают такие компоненты в качестве аналитических прилагательных (аналитов) [10; 11; 12; 13 и др.]. Другие, при условии, что подобные заимствованные компоненты выполняют роль морфемы и не предполагают дефисного написания, относят их к аффиксоидам и префиксоидам [14; 15]. Некоторые ученые затрудняются однозначно ответить на вопрос о грамматической принадлежности первой части таких компози́тов. В таком случае говорят о «неясной (предположительно, промежуточной между основной и самостоятельным словом) уровневой принадлежности» данных компонентов [7, 35]. В задачи нашей работы, однако, не входит установление их грамматического статуса.

Появление в русском языке сложных образований с препозитивными иноязычными компонентами не всегда связано с прямым заимствованием таких компози́тов из языка-источника. Так, слова *онлайн* и *офлайн* «первоначально были заимствованы русским языком как наречия со значениями, соответственно, «в режиме реального времени» и «автономно от сети Интернет» (например, *зарегистрироваться онлайн, работать офф-лайн*), а уже затем от этих наречий методом конверсии образовались соответствующие неизменяемые прилагательные (*режим онлайн / он-лайн <...>*) и существительные (*жизнь в онлайн*) <...>. Таким образом, употребление в русском языке элементов *онлайн-* и *офлайн-* в качестве компонентов именных компози́тов типа *онлайн-коммерция, оффлайн-операция* связано не с параллельным заимствованием из английского языка компози́тов и их элементов, а с применением принципа аналогии» [7, 33].

Заимствованные препозитивные компоненты, функционирующие в составе компози́тов в современных СМИ, можно разделить на два крупных семантических типа, называющих: 1) признак, относящийся к разным сферам жизни и деятельности человека (*арт-, бизнес-, айти- (IT-), интернет-, HR- (эйчар-), PR- (пиар-), пресс-, шоу-, эконо-* и мн. др.), и 2) меру и степень проявления признака (*гига-, мега-, микро-, нано-, супер-, топ-* и др.). При этом для одновременного выражения атрибутивного и обстоятельственного значений журналист может использовать в одном композите несколько таких препозитивных заимствованных компонентов: *Просто появилось это как некий продукт людей, которые хотели оставлять сообщения о тех или иных местах, и не как из-*

начальный **супер-мега-бизнес-проект**, а как проект, направленный именно на улучшение общения, информацию для путешественников (Коммерсант. 23.12.2014); *Вокруг столика господина Михалкова тут же образовалась мега-VIP-зона, ведь практически каждый гость считал своим долгом подойти к столику расцеловаться с президентом фестиваля* (Vesti.ru. 17.08.2006).

Большинство композитов с препозитивными заимствованными компонентами являются нарицательными существительными, есть среди них, однако, и имена собственные: *А это на подиуме Кибер-Гулливер — образ от молодого художника по костюмам Кирилла Саленкова* (Вести.ru. 22.10.2020); *Провести время весело и с пользой всей семьей можно будет в субботу, 13 августа, в галерее развлекательной МЕГА-МОЛЛ «Армада»* (Комсомольская правда, далее — КП. 12.08.2022).

Иногда употребление композитов с заимствованными компонентами действительно необходимо, поскольку позволяет экономно называть новые реалии действительности (*веб-страница, интернет-адрес, фитнес-клуб, СМС-сообщение* и мн. др.). В других же случаях журналисты употребляют их вместо русских словосочетаний, исходя из представлений о большем социальном престиже иноязычной лексики. Так появляются *бизнес-встреча* вместо *деловая встреча*, *мега-проект* вместо *крупный проект* и под.: *Внутри госкорпорации он курирует мега-проекты по строительству высокоскоростных магистралей «Евразия» и Москва-Казань* (МК. 10.10.2017); *Бизнес-встреча прошла в Историческом парке «Россия — Моя история»* (saratov24.ru. 30.05.2022).

Наши наблюдения показывают, что большинство композитов с препозитивными заимствованными компонентами (67%), функционирующих в современных СМИ, относятся к сфере информационных технологий, что объясняется бурным ростом цифровизации многих областей современной жизни (*IT-/айти-, Internet-/интернет-, online-/онлайн-, offline-/оф(ф)лайн-, digital/диджитал-, AI-, AR-, VR-, 3D-, SMS (sms)- / СМС (смс)-, MMS-/ (ММС-), SIM-/СИМ-, WEB (web)- / веб-, WWW(www)-* и др.). Это подтверждают и данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Слова с компонентами *интернет-, онлайн-, офлайн-, айти-, веб-* встречаются в центральных СМИ более 200 000 раз: *В рамках нац-проекта в Каменске-Уральском открыли школу веб-дизайна* (Vesti.ru. 22.10.2020); *Также в большинстве госорганизаций существует необходимость в дополнительных средствах контроля входящего и исходящего интернет-потока (защита от спама, интернет-мошенничества, <...> возможность блокировки категорий WEB-запросов и другие виды угроз)* (Коммерсант. 25.11.2020).

Следует заметить, что композиты с новейшими заимствованными компонентами могут быть знако-

мы далеко не всем читателям. Особенно затруднено восприятие новейшей лексики, связанной со сферой цифровых технологий. В большинстве случаев журналисты пытаются разъяснить значения таких слов: *«Ростелеком» запускает уникальную интерактивную платформу для детей и их родителей, которая позволяет сформировать индивидуальную программу развития ребенка в соответствии с его возрастом и увлечениями. Платформа разработана с использованием нейросетевых технологий, искусственного интеллекта (AI) и дополненной реальности (AR) на базе мобильного приложения компании Devar — мирового эксперта в области дополненной реальности* (МК. 23.06.2020). Иногда, однако, значения незнакомых слов не разъясняются, что снижает эффективность коммуникации журналиста с аудиторией: *20 апреля в Москве прошел экспертный федеральный семинар Ассоциации по распространению AI-технологий* (МК. 22.04.2022), *В настоящее время «Свеза» уже внедрила в свои технологические и административные процессы искусственный интеллект, VR-технологии, нейросети и многое другое* (МК. 02.06.2021).

Функционируя в российских СМИ, иноязычные компоненты нередко расширяют свою сочетаемость, а также могут приобретать негативную коннотацию или иронически обыгрываться. Так, используя номинацию **VIP-ДТП** (МК. 13.10.2010) в качестве подзаголовка статьи журналист с осуждением рассказывает о том, как начальника УВД, виновника ДТП, пытался оправдать в суде его родственник. А переделанный с использованием импортных запчастей старый российский автомобиль сотрудник журнала «За рулем» иронически называет **евросараем** и использует эту номинацию в качестве заголовка своего материала (За рулем. 01.05.2014). Нескрываемая ирония сквозит и в газетном заголовке **«Делаем ремонт в стиле супер-пупер-эконом»** (КП. 19.05.2016). Иногда на ироническом обыгрывании заимствований, в том числе изучаемых нами композитов, строится весь публицистический материал. В качестве примера приведем отрывок из спортивного репортажа Д. Акинина: **Топ-бой Александр Емельяненко — Вячеслав Дацик стал топ-разочарованием**. *К этому бою готовились 13 лет, а закончился он на 13-й секунде боя. <...> Два короля поп-ринг-сцены сошлись лоб в лоб. По правде говоря, их спортивное противостояние должно было случиться еще 13 лет назад. Но тогда оба были заняты блатной романтикой. Дацик лежал в психушке, <...> Емельяненко менял один алко-загул на другой. Такой бекграунд сделал из качественного спортивного противостояния супер-мега-ультра-хайповый поединок. <...> По итогу, главный поп-бой всея Руси разочаровал, как ни один другой второсортный* (Спорт КП. 25.09.2022).

Если рассматривать функционирование изучаемых композитов в современных СМИ в норматив-

ном аспекте, у некоторых из таких языковых единиц можно заметить колебания в написании препозитивной части. Когда подобные заимствованные компоненты только вошли в русский язык, их написание было еще неустойчивым (*онлайн* и *он-лайн*; *офлайн*, *оффлайн* и *офф-лайн*; *СМС*, *смс*, *эсэмэс* и *эсемес*). Сегодня правила их написания регламентированы академическим «Русским орфографическим словарем» под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой [16]. Согласно ему, среди кириллических вариантов верными являются следующие написания: *офлайн*-, *онлайн*- и *СМС*-. Тем не менее, в современных СМИ до сих пор наблюдаются колебания в написании этих заимствованных компонентов. Подобную вариативность можно проследить даже в рамках одного издания. Так, в «Московском комсомольце» англоязычное *offline* (англ. «вне линии») может передаваться кириллическим написанием с двумя или одной буквами *ф*: *Как раз тогда грянул гром, и оффлайн-мероприятие пришлось отменить* (МК. 14.05.2020) и *В регионе будет открыто 140 офлайн-площадок <...>* (МК. 03.11.2022). *Online* (англ. «на линии») может писаться через дефис (*онлайн*) или слитно (*онлайн*); выступать как самостоятельное атрибутивное слово или часть композита (при дефисном написании): *Если эпидобстановка не улучшится, студентов переведут на он-лайн обучение* (МК. 12.11.2020) и *Подробно изучив всю информацию об онлайн-школе и отзывы учащихся, Кузина забрала документы дочки из школы и заключила договор на он-лайн-обучение* (МК. 14.02.2020). Подобное явление наблюдается и при функционировании в современных СМИ заимствования *SMS*. Оно может писаться кириллицей или латиницей, строчными или прописными буквами: *Налоговые органы имеют право раз в квартал информировать налогоплательщиков о налоговой задолженности с помощью СМС-сообщений или по электронной почте <...>* (МК. 10.11.2022); *Все говорят об отсутствии традиционных SMS-сообщений от службы МЧС и других оповещений* (интернет-портал Правмир. 01.05.2017); *<...> теперь школьная система sms-оповещения сообщает, что ребенок покинул детское учреждение* (сетевой журнал Нож. 10.04.2019); *Чаще всего токены 2FA отправляются в виде смс-сообщения или письма на адрес электронной почты* (МК. 11.11.2022). Безусловно, при написании новых слов, в том числе и композитов с препозитивными англоязычными компонентами, журналисты должны обращаться к академическому словарю как авторитетному источнику лингвистической информации (тем более, что в Интернете существует его общедоступная и регулярно пополняющаяся версия: орфографический ресурс «Академос», правда, в нем не всегда дается информация о предпочтительности того или иного варианта). Многие из сотрудников СМИ, однако, полагаются или на собственное языковое чутье, которое нередко их подводит, или на когда-то встречавшиеся им варианты написания слов. В результа-

те у читателей возникают ложные представления о допустимости альтернативного написания таких композитов или правильности их неверного орфографического облика.

Таким образом, именные композиты с препозитивным заимствованным компонентом активно функционируют в современных СМИ. Чаще всего это слова, относящиеся к сфере информационных технологий, что объясняется активной цифровизацией важнейших сфер современной жизни. Хотя нормативное написание многих из таких сложных слов отражено в академическом орфографическом словаре, журналисты продолжают допускать ошибки в их написании.

Проведенный нами анализ показал, что чаще всего сложные образования с заимствованными компонентами действительно необходимы русскому языку и обогащают его лексическую систему. Вместе с тем ряд таких слов неоправданно вытесняет менее престижные, по мнению журналистов, русские аналоги и просто засоряет язык.

Сотрудники СМИ, однако, далеко не всегда слепо следуют за западной культурой, кроме того, они могут иронически переосмыслять и обыгрывать модные заимствования. Сейчас из-за сложной внешнеполитической обстановки популярность иноязычной (особенно — англоязычной) лексики постепенно падает. Рост патриотических настроений в современном российском обществе подтолкнул правительство к рассмотрению возможности законодательного урегулирования использования иноязычной лексики. Так, в Совете Федерации и Государственной думе уже принят к рассмотрению ряд мер по сохранению богатства и независимости русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должно пониматься борьба за экологию языка / О. Б. Сиротинина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2013. — № 1. — С. 177–193.
2. Клушина Н. И. Медиастилистика / Н. И. Клушина. — М.: Флинта, 2018. — 183 с.
3. Сиротинина О. Б. Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться / О. Б. Сиротинина // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения. — Красноярск, 2022. — С. 268–288.
4. Акимова Г. Н. Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе / Г. Н. Акимова // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. — СПб., 1998. — С. 86–94.
5. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. — М.: Яз. славян. культуры, 2007. — 702 с.
6. Крысин Л. П. Слова-кентавры / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — 2010. — № 9. — С. 76–81.
7. Горбов А. А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутив-

ным элементом в препозиции к вершине / А. А. Горбов // Вопросы языкознания. — 2010. — № 6. — С. 26–36.

8. Маринова Е. В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 628–630.

9. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. В 2 т. Т. 1. / М. В. Панов. — М., 2004.

10. Голанова Е. И. О «мнимых» сложных словах (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) / Е. И. Голанова // Лики языка. — М., 1998. — С. 31–39.

11. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М. Яз. славян. культуры, 2004. — 883 с.

12. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е. В. Маринова. — М.: Флинта: Наука, 2013. — 292 с.

13. Edberg V. N. Аналитические прилагательные и аналитизм в современном русском языке / V. N. Edberg. — Tromso, 2014.

14. Дьяков А. И. Участие англоязычных морфем в русском словообразовании / А. И. Дьяков // Филология и человек. — 2012. — № 2. — С. 43–56.

15. Николина Н. А. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2020. — № 2. — С. 5–19.

16. Русский орфографический словарь. — М., 2012.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Сиротинина О. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного

E-mail: skunak@mail.ru

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky

Sirotnina O. B., Doctor of Philology, Professor of the of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language Department

E-mail: skunak@mail.ru

Дегальцева А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного

E-mail: deganna@mail.ru

Degaltseva A. V., Doctor of Philology, Professor of the of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language Department

E-mail: deganna@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЖУРНАЛИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 сентября 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается понятие профессионализма в журналистике, константы профессионализма журналистов применительно к современным условиям, а также то общее и различное, что характеризует две профессии — журналиста и преподавателя журналистики.

Ключевые слова: профессия, профессиограмма, моральные ценности, ценности компетенции, журналист, преподаватель журналистики, средства массовой информации.

Abstract: the article examines the concept of professionalism in journalism, the constants of professionalism of journalists in relation to modern conditions, as well as the common and different that characterize two professions — a journalist and a journalism teacher.

Keywords: profession, professionogram, moral values, competence values, journalist, journalism teacher, mass media.

Профессия журналиста — это специализированная и институционализированная индивидуально-коллективная и производственно-творческая деятельность по выполнению работ, связанных с поиском, обработкой и трансляцией информации в виде публицистических произведений. Означенные особенности журналистского труда позволяют рассматривать данную профессию с творческой, технологической и экономической точек зрения: в первом случае важны такие качества субъекта деятельности, как призвание и талант, во втором — прагматизм и предприимчивость [5, 9].

Творческая природа журналистской деятельности проявляется на всех ее этапах — при поиске актуальной темы и вычленении проблемы, при сборе фактического материала и создании медиапосланий. Более того, креативность крайне необходима, когда имеешь дело с такими «текущими субстанциями», как информация и общественное мнение — и не просто информация, а информация социальная, которая должна быть сугубо документальной, идейно и фактически насыщенной, доходчиво и оперативно изложенной.

Экономический и технологический факторы проявляются, с одной стороны, в рассмотрении профессии как средства получения дохода «для поддержания существования человека» [1, 249], возможности добиться общественного успеха, карьерного роста; с другой — возможности проявить в работе с информацией универсализм, супероперативность, мобильность и т.д. и т.п.

Рассмотрим константы профессионализма журналистов применительно к современным условиям.

Будучи открытой профессией, журналистика призывает в свои ряды тех, у кого есть некая природная предрасположенность к данной духовно-практической, общественной деятельности; талант к созданию и творчеству. Но поскольку количество СМИ продолжает расти, численность медиаспециалистов увеличивается, их профессиональный уровень в целом снижается, нередко и размываются миссия, цели, задачи журналистской профессии. Если прежде в прессу шли по призванию, с мечтой послужить обществу, то сегодня нередко ведущим стимулом становится желание самовыразиться, «продать свой талант подороже», даже независимо от целеустремлений заказчика.

Между тем для любой профессии, а для журналистской тем более, важны прежде всего моральные ценности, а затем уже ценности компетенции. «Верховные» предпочтения, определяющие профессиональные качества, конечные, базовые ценности можно обозначить либо абстрактно (стремление к свободе, искания смысла жизни и т.п.), либо достаточно конкретно (честность, аккуратность и т.п.). При определении составляющих профессионализма рассматриваются ценности, определяющие поведение и действия субъекта, имеющие отношение как к морали (ответственный и т.п. работник), так и к компетенции (логичный, здравый). Но заметим, что дальновидный редактор качественного издания, принимая на работу молодого специалиста, оценивает прежде всего его мировоззренческие установки, считая, что совершенствование профессиональных навыков будет происходить непосредственно в редакции в процессе выпуска СМИ.

В этом смысле интересно сравнить профессиограммы журналиста и преподавателя журналистики, используя ряд сравнительных критериев (табл. 1).

Таблица 1

Профессиограммы журналиста и преподавателя журналистики

№ п/п	Критерии	Журналист	Преподаватель журналистики
1	<i>Цель деятельности</i>	Отражение событийной картины мира, объективный анализ социальных проблем, способствующий их разрешению	Подготовка сотрудников печатных изданий и электронных СМИ
2	<i>Специализация и профилизация</i>	Связаны с тематико-проблемными интересами журналиста, а также с типом СМИ и спецификой отдела редакции данного СМИ	Связаны с научно-педагогическими интересами преподавателя и спецификой кафедры
3	<i>Функционал</i>	Сбор информации, анализ и интерпретация (оценка) значимых событий в различных сферах жизни общества; изложение, литературная обработка материалов с учетом требований жанра и стиля; подготовка материалов и публикация в СМИ	Подготовка материалов для лекций, семинаров, практических, лабораторных занятий и их проведение; индивидуальные и коллективные научные исследования; повышение методической квалификации; воспитательная работа
4	<i>Условия и характер труда</i>	Работа в офисе, дома, на месте событий (командировки); достаточно свободный график работы, нерегламентированный рабочий день; постоянное устное и письменное коммуницирование; использование компьютерной техники, мобильных средств связи	Работа в аудиториях вуза и дома (дистанционное обучение); график работы по расписанию; постоянное устное и письменное коммуницирование; использование компьютерной техники, мобильных средств связи
5	<i>Критерии эффективности</i>	Соответствие качества публикаций профессиональным и этическим стандартам; реакция аудитории, властных и бизнес-структур; тиражи и рейтинги СМИ	Соответствие преподавания требованиям ФГОС; успехи и реакция обучающихся; показатели эффективного контракта
6	Знания	История, теория и практика журналистики. Профессиональные и этические стандарты. Законодательство о СМИ. Компьютерные технологии	Педагогика и психология высшей школы. История, теория и практика журналистики. Профессиональные и этические стандарты. Законодательство о СМИ. Компьютерные технологии
7	Умения и навыки	Коммуникационное мастерство (умение налаживать контакты с целью получения информации); мастерство исследователя (умение выделять наиболее значимые факты и события; умение проводить конкретно-социологические исследования, а также анализировать данные мониторинга реакции аудитории); литературное мастерство (умение создавать эффективные тексты); мастерство ратора; владение компьютерными технологиями	Информационные, мобилизационные, развивающие, ориентационные педагогические умения: коммуникационное мастерство и мастерство ратора (эффективная передача знаний студентам; внеаудиторное общение); мастерство исследователя (подготовка научных статей и монографий, участие в научно-практических конференциях); владение компьютерными технологиями
8	<i>Интересы и склонности</i>	Широкий кругозор, эрудиция, общительность, креативность	Широкий кругозор, эрудиция, интеллигентность, артистизм, общительность, креативность
9	<i>Профессионально важные качества</i>	Высокая общая культура, способность воспринимать и перерабатывать большие объемы информации, коммуникабельность, активность, настойчивость в достижении цели, наблюдательность, прекрасная память, внимание, развитость аналитического и образного мышления, креативность, принципиальность, выносливость (физическая и моральная)	Высокая общая культура, способность воспринимать и перерабатывать большие объемы информации, коммуникабельность, стрессоустойчивость, активность, вежливость, тактичность, настойчивость в достижении цели, наблюдательность, прекрасная память, внимание, развитость аналитического и образного мышления, креативность, принципиальность, выносливость (физическая и моральная)

10	Качества, препятствующие деятельности	Некоммуникабельность, невнимательность, замкнутость, неумение излагать мысли на бумаге и в эфире, ригидность мышления (неспособность изменять решения в условиях меняющихся требований окружающей среды), неумение оперативно работать	Незнание журналистской практики, неумение владеть аудиторией, неспособность проводить научные исследования, некоммуникабельность
11	Медицинские противопоказания	Заболевания, ограничивающие двигательную активность, восприятие, познавательную активность, способность установления эффективных межличностных коммуникаций, а также психические и нервные расстройства	Заболевания, ограничивающие двигательную активность, восприятие, познавательную активность, способность установления эффективных межличностных коммуникаций, а также психические и нервные расстройства
12	Родственные профессии	Пиармен, рекламист, писатель, социолог	Филолог, историк, психолог, социолог
13	Места подготовки	Факультеты (бакалавриат, специалитет, магистратура) и школы журналистики	Факультеты журналистики (магистратура, аспирантура)
14	Области применения профессиональных знаний	СМИ, пресс-центры, пресс-службы в различных организациях	Вузы

В профессиональной медиасреде бытует мнение, что, например, журналист-практик легко может передать свои умения ученику, но это не всегда происходит [4]: оказывается, недостаточно овладеть комплексом теоретических знаний и навыков на факультете журналистики, приобрести богатый практический опыт редакционной работы, необходимо еще овладеть рядом педагогических компетенций, а главное — иметь призвание наставника и воспитателя.

Из таблицы видно, что цели данных видов деятельности, имеющих непосредственное отношение к СМИ, все же различаются: в первом случае это отражение событийной картины мира, объективный анализ социальных проблем, способствующий их разрешению [3], во втором — подготовка сотрудников для редакций печатных изданий и электронных СМИ, для пресс-служб и пресс-центров.

Специализация и профилизация журналиста связаны прежде всего с его интересом к той или иной тематике и зависят от типа СМИ и специфики отдела редакции, в котором он работает. Исходя из набора функций различают, например, журналистов-новостийщиков, аналитиков, очеркистов (эссеистов, фельетонистов) и др.; учитывая миссию журналистской профессии, выделяют иной ролевой ряд: журналист-гуманист, журналист-специалист, журналист-художник [6]. Специализация и профилизация преподавателя журналистики связаны с научно-педагогическими интересами человека и спецификой кафедры, на которой он работает (истории журналистики; теории и практики журналистики; стилистики и литературного редактирования и др.), или избранного им научного направления (поэтика публицистики; типология СМИ; медиадизайн и др.).

Существенно различаются *должностные обязанности* журналиста (сбор информации, анализ и интерпретация значимых событий; подготовка публикаций определенного жанра и формата и т.д.)

и преподавателя журналистики (чтение лекций, проведение семинаров, практических и лабораторных занятий; научная, методическая и воспитательная работа).

Конечно, очень важно, чтобы преподаватель имел за плечами стаж определенной редакционной работы — это база, благодаря которой намного успешнее реализуются и *общетрудовые педагогические функции* (воспитание и обучение студентов в рамках положений ФГОС; помощь и поддержка в социализации молодежи) и *специальные функции* по передаче обучающимся своих знаний, по планированию своей научно-педагогической деятельности, по стимулированию познавательного интереса студентов, содействию в организации самостоятельной работы, практики и научных исследований и др.

Часть *умений и навыков* в обоих случаях совпадают (коммуникационное мастерство, мастерство исследователя, владение компьютерными технологиями), но, конечно, сохраняется специфика — в условиях, в характере и результатах труда, в критериях эффективности и др. [2; 7].

В заключение отметим, что всегда приветствуется, если журналист-практик проявляет себя как талантливый педагог и если преподаватель журналистики сочетает работу в вузе с внештатной работой в СМИ, поскольку такой подход обогащает его как многогранного профессионала. Тем не менее необходимо четко представлять себе, что журналист и преподаватель журналистики — две разные, уважаемые обществом профессии, у которых есть свои вершины и свои лидеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркович Д. Ж. Социология труда / Д. Ж. Маркович. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 511 с.
2. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество: учебное пособие / В. Ф. Олешко. — М.: РИП-холдинг, 2003. — 221 с.
3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналисти-

ки: учебное пособие / Е. П. Прохоров. — М: РИП-холдинг, 2000. — 307 с.

4. Свитич Л. Г. Профессия: журналист: учебное пособие / Л. Г. Свитич. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 253 с.

5. Симкачева М. В. Профессионализм журналиста: трансформация понятия, модели практического воплощения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Симкаче-

ва. — Казань, 2006. — 24 с.

6. Тулупов В. В. Профессиональные типы и роли в журналистике / В. В. Тулупов // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 136–140.

7. Тулупов В. В. Уроки журналистики: учеб. пособие для вузов / В. В. Тулупов. — М.: Юрайт, 2019. — 105 с.

Воронежский государственный университет

Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov Vladimir V, Doctor of Philology, Head of the of the Public Relations, Advertising and Design Department, Dean of the Faculty of Journalism

E-mail: vlvtul@mail.ru

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ЗЕРКАЛО ИМИДЖА КИТАЯ В МИРЕ

Л. Н. Федотова, С. Юй

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 23 января 2023 г.

Аннотация: в данной статье авторы уделяют особое внимание изучению опросов общественного мнения с их возможностями отражать отношения стран друг к другу, использованию результатов этих опросов как навигацию в процессе формирования имиджа государств. Такие исследования крупнейших мировых центров могут реально создать повестку при выстраивании положительного образа страны, в частности Китая, в сознании иностранных граждан. Опросы общественного мнения могут задать направление в коммуникативной политике государства по формированию своего имиджа, корректировке имиджевых стратегий.

Ключевые слова: национальный имидж Китая, опросы общественного мнения, исследовательский центр «Pew Research Center».

Abstract: in this article, the authors pay special attention to the study of public opinion polls with its function to reflect the relationship and image of countries to each other, as well as the utilization of the polls results as navigation in the process of forming the national image of states. The deep study on the report of the global famous research center can really present an approach for building a positive image of the country, in particular China, in the minds of foreign citizens. further, public opinion polls can support to make the country's communication policy for the formation of its image and the adjustment of image strategies.

Keywords: national image of China, public opinion polls, Pew Research Center.

ВВЕДЕНИЕ

Имидж государства в определенной мере демонстрирует международное влияние страны и может играть позитивную роль в реализации национальных интересов, поэтому процесс его формирования становится все более актуальной темой для обсуждения во внутринациональном и мировом дискурсах. Всего за 73 года с момента создания КНР страна смогла выстроить систему национальных интересов, параллельно с развитием которой формировался ее имидж. Создание и последующее развитие образа Китая, как надежного, экономически выгодного и стабильного партнера усилило и национальную сплоченность внутри страны, прибавило у населения Китая уверенности в процветающем будущем.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что важной коммуникативной категорией в этих процессах построения позитивного имиджа в Китае является конфуцианство: древнекитайские философские рассуждения присутствуют в китайском обществе и в настоящее время, что, безусловно, продолжает оказывать влияние на китайскую культуру и мировосприятие, в котором главенствующую роль продолжает играть принцип «важно соблюдать гармонию». Это перетекло в политику выстраивания дипломатической концепции Китая, которая также учитывает три основных постулата конфуцианства — «мир»,

«доброта» и «гармония». Отсюда основным посылом идей сегодняшнего руководства страны для дипломатии стало выдвижение концепции «сообщества с единой судьбой человечества», согласно которой необходимо создать мир, где царят стабильность, всеобщая безопасность, процветание и открытость. Эта концепция корреспондирует с общечеловеческими ценностями, такими как развитие, справедливость, демократия и свобода.

Сошлемся в этой связи на высказывание Николаса Д. Калла, профессора магистерской программы общественной дипломатии в школе коммуникации и журналистики Анненберга при Университете Южной Калифорнии, который отмечает: «На протяжении всей истории ни одна страна не могла справиться с возникающими глобальными вызовами в одиночку. Положительный имидж государства складывается из попыток и усилий, предпринимаемых странами в отношении коллективных интересов всего мира» [1, 68]. Зачастую для создания позитивного образа страны в международном сообществе достаточно активно участвовать в решении таких насущных проблем, как здравоохранение, охрана окружающей среды, изменение климата, борьба с последствиями COVID-19, что рассчитано на мультипликативный эффект.

Политика создания китайского имиджа соответствует международным требованиям участия в решении глобальных общественных проблем. Однако

в связи с историческими, культурными и идеологическими различиями восточного и западного мира Китаю трудно добиться желаемого общемирового признания. Это факт стратегического характера.

Один из важнейших инструментов понимания процессов, происходящих в стране и непосредственно влияющих на формирование ее международного имиджа — опросы общественного мнения. Опросы общественного мнения как отражение имиджа государства могут предоставить информацию для разработки национальных коммуникационных стратегий, обозначить лакуны в этом процессе, дают возможность проследить эти процессы в динамике, сопоставить результаты опросов общественного мнения и конкретные шаги во внутривнутриполитической и внешнеполитической политике, проследить реакцию населения внутри и за пределами страны, а также определить контент, представляющий интерес для таких аудиторий.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Методологические основы конструирования имиджа государства зависят от многих факторов. В 1959 г. американский профессор К. Боулдинг, один из основоположников имиджологии, впервые предложил концепцию «национального имиджа» и назвал основные факторы, влияющие на имидж государства: географическое пространство, враждебные или дружественные отношения с другими государствами, а также экономические и военные возможности [2]. В 2002 г. российский политолог Д. В. Ольшанский предложил в «Основах политической психологии» определение, что имиджем государства называется его воображаемый, складываемый под воздействием различных факторов образ государства у собственных граждан и зарубежья [3, 166]. В том же году китайский ученый С. Лю аналогично объяснил суть имиджа государства, как реакцию общества внутри страны и за рубежом на возникающие объективные ситуации в стране. Реакция выражается во впечатлении, мнении, том или ином отношении и оценке данной ситуации ее гражданами, а значит, правительства и страны в целом [4, 61].

Итак, имидж государства может пониматься как результат социального взаимодействия членов общества и государственных органов с помощью информационных структур, а также собственного опыта населения. Имидж государства — это совокупность знаний, верований, впечатлений и мнений населения о своем месте проживания или о других странах. Таким образом, имидж государства — это один из фрагментов более широкого общественного мнения по самым разнообразным проблемам внутренней и внешней политике государства. И в этом своем качестве общественное мнение, его состояние на определенный период времени может выступать как один из ключевых критериев для оценки имиджа

государства. Развивая эту мысль, можем утверждать, что состояние общественного мнения на определенный период времени — это навигация в отношении выстраивания верного курса по позиционированию государства. Если представить этот процесс в динамике, то ориентация на общественное мнение — это аспект, который необходим при модернизации системы государственного управления, а это соответствует общей тенденции современного социума, которой стремится к неуклонному и постоянному развитию.

Обращаясь к истории опросов общественного мнения, важно подчеркнуть, что фактически первый опрос общественного мнения в том виде, в каком мы знаем его сейчас, был проведен в США. Согласно данным, опубликованным в «Пенсильванской газете», в 1824 г. начали проводиться опросы, касающиеся подсчетов голосов избирателей с целью определения расхождения во взглядах общественности по важным социальным вопросам, а также в отношении выдвигаемых на государственные должности кандидатов [5–6]. Первый общенациональный по своему характеру опрос общественного мнения в США провел в 1916 г. крупный, появившийся еще в 1890 г., журнал *Literary Digest*. *Literary Digest* не ограничивался тем, что пытался предсказать результаты президентских выборов, но и старался выяснить состояние общественного мнения США по каким-либо другим актуальным проблемам: это касалось введенного еще в 1917 г. «сухого закона», что позволило достаточно точно выявить тенденции в настроениях общественности в тот период времени [5, 112].

И с самого начала профессиональной деятельности по изучению общественного мнения особый интерес общественности привлекла проблема прогнозирования — совпадения предварительных опросов и итогов самих выборов. Эта проблематика выполняла, как минимум, три задачи: она обладала характеристиками эксклюзивности и новизны для аудиторий информационных каналов, которые печатали такую информацию, и таким образом привлекали ее дополнительное внимание; для политического менеджмента она была почвой для принятия решений в процессе проведения предвыборной борьбы; для самих центров это была основа для подтверждения качества результатов опросов — некий залог адекватности и точности всей их деятельности.

К середине 1930-х гг. стало понятно, что при проведении общественных опросов репрезентативного характера необходимо опрашивать не все население, а составлять выборку, что в принципе способствовало как методологическим основаниям опросов, так и позволяло перейти к регулярной деятельности в этой области. Эта деятельность приобретала таким образом черты индустриального регулярно обеспечения общества информацией о нем самом. Именно в этом направлении и стал работать Джордж Х. Гэллуп. В 1935 г. Джордж Х. Гэллуп создал

свою собственную фирму — Американский институт общественного мнения (*American Institute of Public Opinion*). Это было фактически первое в стране профессиональное учреждение, которое стало в массовом порядке проводить опросы общественного мнения, благодаря которым выяснялось отношение жителей США к каким-либо актуальным в определенный момент времени проблемам.

Также в США, в 1990 г. *Times Mirror* основала проект *People & the Press*, который положил начало исследовательскому центру *Pew Research Center*. В рамках проекта проводились регулярные опросы по основным вопросам политики. В 1996 году Благотворительный фонд *The Pew Charitable Trusts* стал его спонсором и переименовал его в Исследовательский центр *Pew Research Center for the People & the Press* [7]. Этот фонд изначально не был связан с прессой, но под руководством Ребека У. Раймела он быстро превратился в крупную медиасилу, использующую журналистику, а также связи с общественностью, как инструмент актуализации голоса граждан. В 2004 г. фонд был преобразован в некоммерческую организацию *Pew Research Center*.

Изучение общественного мнения в СССР началось в 1960 г. с создания при «Комсомольской правда» Института изучения общественного мнения — рук. Б. А. Грушин. В период с 1960 г. по 1966 г. было проведено в общей сложности 15 опросов. В тот же период появились фундаментальные теоретические труды, связанные с исследованием общественного мнения: А. К. Уледов «Общественное мнение советского общества» и Б. А. Грушин «Мнения о мире и мирных мнений» [8–9]. В целях изучения социальных проблем общества в 1969 году был создан сектор изучения общественного мнения (рук. Б. А. Грушин) в рамках организованного к тому времени Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР, который спустя какое-то время уже получил заказы на исследования от почти 100 подразделений. В настоящее время Левада-Центр, Фонд общественного мнения (ФОМ), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и др. на регулярной основе проводят исследования по внутригосударственным и международным проблемам.

Итак, первая половина XX века показала, что возможности профессиональных институтов изучения общественного мнения особенно велики и востребованы обществом в таких областях:

— они дают информацию об актуальном состоянии мнений, отношений, оценок, настроений населения по множеству общественно-значимых социальных проблем внутри государства;

— они участвуют в конкурентной борьбе организаций, создающих для общества многосложный, многофакторный, вариабельный набор сценариев социально-политического развития, намечая тем самым векторы такого развития, поддержанных или

отвергнутых массами членов общества, которым как раз и предстоит реализация такого развития;

— они дают информацию об актуальных бизнес-проблемах, касающихся отношений с общественностью и продвижении товаров и услуг в бизнес-сообществе для структур, которые осознали значимость такой информации для эффективного решения своих проблем;

— тенденции глобализации обозначили интерес к исследованиям общественного мнения с учетом международного существования каждого национального образования, в рамках которого проявили себя как экономические связи (феномен транснациональных компаний), политические связи (политические альянсы), военные связи, социальные связи (международный туризм, межкультурные, образовательные контакты). Исследования такого рода обозначили важность методически адекватных опросов общественного мнения с участием разных стран, роль международных объединений, межнациональных контактов в этой области.

К сегодняшнему дню именно эти области реализуются в повседневной деятельности большинства профессиональных институтов изучения общественного мнения. Последняя будет интересовать нас в нашей статье в связи с выбранной тематикой.

В Китае первый опрос общественного мнения был проведен в 1922 г. [6, 35] специалистом-психологом Я. Чжан (кит. 张耀翔), получившим магистерскую степень в Колумбийском университете США по специальности — «Общая психология». Во время учебы он особенно интересовался экспериментальной психологией. По случаю празднования 14-й годовщины основания Пекинского педагогического университета психологическая лаборатория Я. Чжан открыла двери для всех посетителей. Психологи разработали анкету и провели анкетный опрос. Вопросы в основном касались государственных дел, местного управления, социальной психологии и улучшения жизни (например, «Какими китайцами вы восхищаетесь больше всего?», «Какие обычаи и привычки, по вашему мнению, необходимо улучшить в Китае?»). Я. Чжан назвал это «опросом общественного мнения» и опубликовал в газетах в январе 1923 г. статью «Годовщина Пекинского педагогического университета — Опрос общественного мнения» (кит. «高师纪念日之“民意测验”»)[10]. На месте опроса была поставлена коробка для сбора анкет. Организаторы приняли меры по обеспечению конфиденциальности ответов (были предприняты предосторожности: 1. Никому не разрешается подглядывать при заполнении анкеты; 2. Анкета не подписывается; 3. Не разрешается перелистывать анкеты в коробке). Было получено 931 анкет.

В истории науки Китая этот опрос вошел как первый случай такого рода, от которого ведется начало современного изучения мнений населения в стране.

Целенаправленные систематические исследования общественного мнения в Китае начались в 1980-х гг. В этот период в стране появляются профессиональные институты общественного мнения: центр общественного мнения Китайского народного университета является первым академическим институтом данного направления в стране. В декабре 1986 г. был создан Китайский центр социальных исследований — первое частное учреждение по проведению социальных опросов на материковом Китае. С 1990-х гг. СМИ начинают использовать опросы общественного мнения с целью публикации достоверных данных по проблемам, существовавшим в обществе. Так, в 1993 году «Пекинская молодежная газета» (кит. 北京青年报) создала Центр социальных опросов и запустила собственную страницу для публикации результатов исследований.

Формирование позитивного имиджа Китая стало важной темой в стратегии по государственному управлению председателя КНР Си Цзиньпина. В 2022 г. он подтвердил видение имиджа государства как достойной доверия и уважения со стороны населения Китая, так и международного общественного мнения страны и предложил развивать международные коммуникационные потенциалы в этом направлении.

Китаю необходимо активно использовать инструменты опросов общественного мнения, усилить исследования и расширить дискуссии в международном сообществе, а также постоянно анализировать новые направления, возникающие в сфере политики позиционирования государств. На 8-м Национальном имиджевом форуме университета Цинхуа директор центра иностранных коммуникаций управления КНР по делам издания и распространения литературы на иностранных языках Ю. Юй заявил, что в настоящее время отношение мира к Китаю постепенно меняется, поэтому можно спрогнозировать положительные результаты в скором времени. Конечно, это оптимистический сценарий, но он заставляет нас поднять проблему прогнозов при интерпретации результатов опросов.

Китайский ученый С. Сюй развил мысль о важности проведения социальных опросов в разрезе развития коммуникационного потенциала заказчиков — организаций, институтов, госучреждений, в целом государственного управления, что прямо или косвенно влияет на состояние имиджа государства [11, 36]. Каждая страна стремится к созданию положительного имиджа, поскольку он позитивно влияет на внутригосударственное и мировое общественное мнение в данной стране. Изучение общественного мнения и совершенствование коммуникационных возможностей присутствия страны в межгосударственных отношениях взаимосвязаны [12, 347].

Автор статьи анализирует основы формирования имиджа государства на основе данных Международ-

ного официального исследовательского института: опросы аудиторий и зарубежный опыт изучения общественного мнения об имидже Китая. Автор также размышляет о возможностях улучшения способов и каналов международной коммуникации, которые могут повлиять на разработку концепций позиционирования Китая и создания его положительного образа в международном сообществе.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

Методически выработка механизма перехода от концептуальной модели к системе показателей является довольно сложной задачей [12, 185]. Опросы относят к одним из основных методов для изучения имиджа государства. Любое измерение начинается с поиска простейших качественных признаков, отношения между которыми могут быть выражены в некотором числовом масштабе [12, 200]. В ходе социологического опроса мы получаем некоторые данные по проблеме и их анализируем.

Анализ включал углубленное изучение информации центра *Pew Research Center* по отношению населения разных стран к разным государствам. Отчеты и данные исследований центра на сегодня хорошо известны и широко цитируются в среде исследователей из разных стран. Китайский ученый Л. Ма считает, что исследовательский центр *Pew Research Center* приобрел огромное влияние на общественное мнение и общественную жизнь благодаря опросам, и его популярность в Китае растет в последние годы [13, 17]. Другой исследователь Х. Чжоу указывает, что использование центром методов зондирования для изучения имиджа различных государств полезно и эффективно [14, 19].

С 2002 г. исследовательский центр *Pew Research Center* проводит опросы граждан других стран в отношении восприятия ими Китая. Сегодня их проект *Global Attitudes* провел более 600 000 интервью в 69 странах. В своей статье в качестве объектов анализа мы выбираем из их результатов страны *G7* и *BRICS* по отношению к Китаю, так как «Большая семерка» — объединение развитых стран, а страны БРИКС — это динамично развивающиеся рынки, которые уже оказывают весомое влияние на мировую экономику.

Респондентам было предложено выразить мнение о Китае, выбрав из вариантов «благоприятное отношение» и «неблагоприятное отношение» [15]. Позиция респондентов в отношении Китая формировалась на основе оценки таких составляющих, как экономика, военная мощь, культурные ценности, идеология, спорт, взаимоотношения с другими государствами, участие в решении международных проблем, связанных с защитой прав человека, изменением климата и др.

В *диаграмме 1* авторы указали самые большие цифры по каждой стране в течение 2002–2022 гг.

Отметим, что процент опрошенных, выразивших неудовлетворительное отношение к Китаю в развитых странах G7 выше тех, кто высказался позитивно, а общее число положительных отзывов в последние годы заметно снижается. В числе опрошенных особенно следует отметить британцев и японцев. Неблагоклонность первых вызвана различиями в решении экономических и общегуманитарных вопросов, а последних — историческими причинами.

Заметим, что помимо Японии положительное отношение итальянцев также ниже, чем в среднем по всем странам G7 за определенный период. В 2015 г. 40% итальянских респондентов положительно относились к Китаю, что является самым большим показателем за последние годы. Благодаря развитию инициативы «Один пояс, один путь» к 2021 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Италии в Азии. Тесные торговые обмены оказали влияние на китайско-итальянские отношения, мы видим, что образ Китая в восприятии итальянцев с 2018 г. улучшается. Таким образом, мы видим, что международные отношения, геополитика, экономическое сотрудничество содержат важные факторы, влияющие на имидж государства на международной арене.

Отметим три пика в этой диаграмме: данные за 2006, 2008 и 2011 гг. Они тесно связаны с аэрокосмической отраслью, торговой стратегией, событиями в Тибете и Всемирной выставкой в Китае. Это отражает тот факт, что проведение масштабных международных мероприятий и развитие технологической отрасли могут не только способствовать повышению «жесткой силы» страны, но и эффективно улучшать имидж государства.

Напротив, страны с развивающейся экономикой высказались позитивно в отношении Китая, что демонстрирует их желание выстраивать диалог и укреплять доверие для развития межгосударственных отношений. В среднем общее положительное впечатление стран БРИКС о Китае с 2002 г. по 2021 г. составило 56,9%, а у стран G7—36,0%. Население развивающихся стран заметно более позитивно расположено к Китаю, как сильному и стабильному экономическому партнеру в силу ранее выстроенных торгово-экономических отношений, которые ведут к получению взаимной выгоды. Но следует предположить также, что помимо экономических оснований в случае с развивающимися странами (а мы должны активизировать здесь *все* отличия комплекса признаков, как основания деления всех стран мира на *развитые* и *развивающиеся*), играют роль этнические стереотипы, культурные матрицы, ценностные ориентиры.

Согласно данным *Pew Research Center* за 2022 г., на позицию опрошенных стран-участников G7 повлияла вспышка эпидемии *COVID-19*, в результате чего количество респондентов с благоприятным отношением к Китаю снизилось. Но в то же время, согласно исследовательскому отчету данного центра

за май 2021 г., меры, проводимые Китаем в борьбе с пандемией, позитивно оценены 49% респондентами в 17 развитых странах — они посчитали, что Китай лучше справляется с предотвращением распространения коронавирусной инфекции. Это оказалось основной причиной увеличения позитивно настроенных к Китаю граждан западных стран (это при том, что только 37% опрошенных уверены в правильности и эффективности политики США в отношении *COVID-19*) [16].

Последний из таких опросов — с 14 февраля по 3 июня 2022 г. 24 524 респондента из 19 стран Северной Америки, Ближнего Востока, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона были опрошены по телефону и с использованием онлайн-опросников с целью выяснить отношение населения выбранных стран к США и Китаю.

Согласно результатам исследования, четыре страны имеют более чем 50% своего населения положительно расположены к США, чем к Китаю, а именно Южная Корея (70%), Польша (63%), США (62%) и Япония (58%). Среди 19 стран только Сингапур и Малайзия в Азиатско-Тихоокеанском регионе относятся к Китаю более благоклонно, чем к США.

За исключением Польши, другие страны-участники опроса уверены, что международное влияние Китая сегодня растет быстрее, чем у США. Население Австралии, США, Великобритании и Японии считают, что рост влияния Китая в мире более стремительный, чем у США.

Тогда же Центр провел опрос среди жителей тех же 19 стран с целью выявить причины их негативного отношения к КНР. Причинами такого положения дел были названы нарушение Китаем политики в области прав человека, рост военной мощи КНР, экономическая конкуренция с Китаем и его позиция при решении внутрисостоятельных конфликтов.

В последние годы экономический рост Китая был очень быстрым, страна вступила на путь «мирного подъема». Однако из-за проблем с правами человека в международной повестке дня появилась тема «китайской угрозы», хотя Китай в государственных декларациях обещает не бросать вызов существующему международному порядку или наносить ущерб интересам других стран. Это основные причины, по которым Китаю нелегко формировать свой благоприятный имидж в мире.

Анализируя *диаграмму 6*, можно увидеть, что среди стран-участников БРИКС, Индия имеет самые низкие показатели позитивного отношения к Китаю (28,4%). Среди стран семерки наименьший показатель благоклонности у Японии (18,9%). Здесь стоит вспомнить многолетние территориальные претензии между этими странами.

В целом восприятие имиджа Китая другими странами — сложное и многофакторное явление. Здесь можно обозначить еще важнейшую причину,

влияющую на состояние общественного мнения по этой проблематике, это содержание информационных каналов, существующих в том или ином обществе: насколько они полифоничны, каким набором источников они пользуются. Можно ведь все свести и к одномерной идеологической парадигме, что объяснение отношения населения в ряде стран к Китаю — стремительный военно-экономический подъем Китая может представлять угрозу международной безопасности [19, 45]. За этим следует, что несмотря на достижения Китая во многих областях (высокий ВВП на душу населения, космические открытия, борьба с экологическими проблемами, успехи в спорте и т.д.), мы получаем сдержанные оценки западного общественного мнения в отношении Китая. Поэтому правительству КНР следует уделять внимание другим проблемам при позиционировании страны. Как раз в этом смысле мы повторяем тезис о том, что опросы общественного мнения служат навигацией для формулировки повестки дня в широкомасштабных коммуникационных мероприятиях правительства той иной страны при ее позиционировании на международной арене. С целью анализа мнений международного сообщества о Китае и развития коммуникационного потенциала, китайская платформа исследования национального имиджа с 2011 г. проводит социальные опросы и публикует результаты в открытом доступе («Отчет о национальном имидже Китая»).

Т а б л и ц а 1

Данные онлайн-опросов, проведенных в период с 2012 г. по 2019 г.

Год опроса	Количество стран	Выборки
2012	6	2359
2013	7	3017
2014	9	4500
2015	19	9500
2016-2017	22	11000
2018	22	11000
2019	22	11000

Таким образом, в последних трех опросах число стран, участвовавших в опросе, возросло до 22, а число респондентов, принявших участие в исследованиях, — до 11000 человек: первое исследование 2012 г. было проведено всего в 6 странах. При участии в опросе респондентам было предложено оценить такие аспекты, как образ китайского населения и бренд «сделано в Китае». По результатам опроса было установлено, что Китай уже достиг определенного статуса среди выбранных стран, а некоторые из брендов китайского производства пользуются большой популярностью. Поэтому в 2013 г. в исследование было добавлено несколько новых вопросов о культурном, научно-исследовательском, политическом и экономическом развитии КНР, чтобы убедиться в привлекательности китайской культуры для зарубежных

стран. Важным для КНР также являлся вопрос о признании его быстрого политического и экономического развития в мире. В настоящее время данный опрос включает в себя аспекты дипломатического имиджа и развития военной сферы, текущие политические проблемы и каналы распространения информации. Это отражает стремление Китая к созданию всеобъемлющего международного имиджа, основными инструментами на пути к достижению которого являются наращивание международного коммуникационного потенциала и культурная привлекательность.

Анализируя *диаграмму 7*, можно сделать вывод, что доля опрошенных в развитых странах, которые не осведомлены о развитии Китая, его внутренней и международной политике, все еще относительно высока (например, Англия).

По мнению китайских ученых, существует процесс, посредством которого у аудитории возникает чувство идентичности и резонанса с чем-то, а именно процесс «познание–эмоции–поведение», как первый шаг к появлению позитивных эмоций к объекту [20, 94]. Опрос, показанный на *Диаграмме 5*, является «опросом на знание аудитории». Результаты показывают, что Китай имеет определенную репутацию в мире, но в целом малое количество людей имеют действительное представление о Китае. Таким образом, задачей номер один является построение международной коммуникационной платформы, укрепление коммуникационного потенциала и донесение информации о Китае до всего мира является основой для формирования положительного имиджа государства, *при условии эффективного решения проблем, о которых идет речь в этих коммуникационных каналах.*

В 2014 г. в анкеты были включены вопросы о каналах, по которым люди из-за рубежа могут получить информацию о Китае. Такими каналами для иностранцев стали телевидение, интернет, газеты и журналы [21]. Китайская глобальная телевизионная сеть была официально запущена 1 января 2017 г., предоставляя китайский контент, локализованный на разных языках людям из разных регионов.

Также проводится опрос на тему «эмоции аудитории». С 2015 г. в опросный лист был добавлен вопрос, касающийся желания граждан других стран посетить Китай. Результаты показали, что 31% иностранных граждан заявили о своей готовности посетить Китай в течение трех лет. Количество опрошенных из развивающихся стран, готовых приехать в Китай, намного выше, чем из развитых, и составляет 44% к 17% соответственно. Согласно данным за 2019 г. Пекин, Гонконг и Шанхай — наиболее привлекательные для туристов города, где наибольший интерес вызывают культурный ландшафт (59%), местный колорит (49%) и природа (46%).

Приведенные выше данные рисуют перспекти-

вы для развития городского и культурного имиджа Китая. Распространение информации о культуре Китая и ее правильно выстроенное маркетинговое продвижение для зарубежной аудитории автоматически повышает имидж государства. Кроме того, анализ вопросов, поступающих от журналистов из разных стран на регулярных пресс-конференциях МИД Китая показал, что иностранные журналисты беспокоит будущее развитие отношений Китая с другими странами мира, развитие совместных экономических рынков, выстраивание мировой экономической системы и взаимодействие по решению социальных проблем общества [22, 299].

Таким образом, изучение проблематики имиджа государства показало, что он неотделим от повышения доверия к Китаю со стороны населения других стран [23–24]. Доверие в данном случае лишь одна из составляющих показателей состояния массового сознания, актуальным выражением которого является общественное мнение.

ВЫВОДЫ

Инструментом для выводов нашего исследования является профессиональные опросы общественного мнения. Они отражают — при определенном уровне профессионализма — всю сложность процесса формирования оценок, отношений, мнений как у отдельной личности, так и в рамках всего общества. Действительно, это многоуровневый процесс: он зависит как от усилий самого человека — его внедрения в пласты современной культуры, образования, социальных коммуникативных сетей, так и от условий, создаваемых для этого социумом: требований как к школьному, так и высшему образованию, сложность и глубина культурной деятельности, полифонизм информационных каналов.

Учитывая результаты описанных в работе исследований, авторы делают вывод, что население *развивающихся* стран настроено более позитивно по сравнению с *развитыми* странами, где положительное отношение к Китаю держится на уровне ниже среднего. К причинам подобного положения дел авторы относят следующее:

Во-первых, существующая информационная повестка международных коммуникационных сетей в сочетании с практическим опытом населения и текущими политическими событиями оказывают большое влияние на восприятие образа Китая другими странами.

Во-вторых, на развитие и динамику международных процессов в огромной степени влияют национальные интересы. Стремительное экономическое развитие Китая за короткий промежуток времени расценивается рядом стран как «угроза» со стороны Китая. Ситуация воспринимается как конфликтная, переводится в разряд противоречий между восточным и западным миром, расценивается в разрезе

столкновения с общемировыми ценностями. И это отражается в опросах.

В-третьих, опросы мирового общественного мнения показывают, геополитические и исторические причины, международные отношения — важные факторы, влияющие на мнение людей. Рассматривая Японию, Южную Корею и Индию с точки зрения мнений их населения, можно заметить следы ухудшений отношений Китая с данными странами. Согласно данным ежегодного опроса *Pew Research Center*, японцы демонстрируют самый маленький процент положительного отношения к Китаю. За этим стоит период времен Второй мировой войны; Индия имеет к Китаю территориальные претензии и т.п.

Опросы показывают, что с течением времени появляется немало положительных оценок, связанных с китайскими культурой и традициями, высокими технологиями и т.д. Например, респонденты позитивно оценивают китайскую атрибутику (китайскую кухню, традиционную китайскую медицину, боевые искусства (ушу), китайский гороскоп, каллиграфию и т.д.), которая лучше всего демонстрирует самобытность народа Поднебесной. В этом есть потенциал по продвижению национального имиджа государства. Таким образом, продвижение культуры может получить признание международного сообщества. Результаты опросов общественного мнения могут помочь в сегментации аудитории, уточнить контент и каналы, которые необходимо использовать. Международная коммуникация — это важный плацдарм межкультурного и межъязыкового общения. Необходимо в полной мере учитывать разные характеристики зарубежной аудитории с точки зрения языка, образа жизни, ценностей, религиозных убеждений и политических взглядов, чтобы проводить интеграцию в международную систему отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фань Х. Диверсифицированное построение имиджа Китая и международных коммуникационных стратегий в новую эпоху / Х. Фань, С. Су // Внешняя коммуникация. — 2022. — № 2. — С. 67–71.
2. Boulding K. E. National Images and International Systems / K. E. Boulding // The Journal of Conflict Resolution. — 1959. — № 2. — С. 123–125.
3. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь / Д. В. Ольшанский. — М., 2002.
4. Лю С. Размышления о СМИ, формирующих имидж государства / С. Лю // Китайский журнал журналистики и коммуникации. — 2002. — № 2. — С. 61–66.
5. Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение / Л. Н. Федотова. — СПб., 2003.
6. Ван Д. Обзор исследований общественного мнения в Китае / Д. Ван, Б. Тун // Современная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 34–37.
7. Pew Research Center. Our History. — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/about/>

8. our-history/ (дата обращения: 23.11.2022).
9. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений / Б. А. Грушин.— М., 1967.
10. Уледов А. К. Общественное мнение советского общества / А. К. Уледов.— М., 1963.
11. Чжан Я. Годовщина Пекинского педагогического университета — Опрос общественного мнения / Я. Чжан // Газета Миньгожибао.— 1923.— 14 января.
12. Сюй С. Проблема национального имиджа в пространстве распространения новостей / С. Сюй // Исследование журналистики и коммуникации.— 1996.— № 2.— С. 36–46.
13. Федотова Л. Н. Общественное мнение: хвалить или хвалить? / Л. Н. Федотова.— М., 2018.
14. Ма Л. Влияние на общественное мнение с помощью опросов общественного мнения / Л. Ма // Шанхайский журнал обзора журналистики.— 2011.— № 12.— С. 25–29.
15. Чжоу Х. Сравнительное исследование стратегии «мягкой силы» Китая и США / Х. Чжоу.— Пекин, 2013.
16. Pew Research Center: Global Indicators Database.— Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/24>. (дата обращения: 15.06.2022).
17. China's international image remains broadly negative as views of the U.S. rebound.— Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/06/30/chinas-international-image-remains-broadly-negative-as-views-of-the-u-s-rebound/> (дата обращения: 20.07.2022).
18. Across 19 countries, more people see the U.S. than China favorably — but more see China's influence growing.— Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/06/29/across-19-countries-more-people-see-the-u-s-than-china-favorably-but-more-see-chinas-influence-growing/> (дата обращения: 20.07.2022).
19. Negative Views of China Tied to Critical Views of Its Policies on Human Rights.— Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/29/negative-views-of-china-tied-to-critical-views-of-its-policies-on-human-rights/> (дата обращения: 25.07.2022).
20. Тун С. Исследование системы оценочных показателей межкультурной коммуникации национального имиджа Китая. / С. Тун.— Шанхай, 2014.
21. У Ш, Ши И. Контакты со СМИ и культурная идентичность китайской аудитории / Ш. У, И. Ши// Журналистика и коммуникации.— 2014.— № 1.— С. 94–110.
22. Отчет о национальном имидже Китая 2012.— Режим доступа: <http://www.charhar.org.cn/manage/uploads/newsimg/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%BD%A2%E8%B1%A1%E8%B0%83%E6%9F%A5%E6%8A%A5%E5%91%8A2012.pdf> (дата обращения: 04.17.2022)
23. Юй С. Пресс-конференции главы МИД КНР как способ формирования национального имиджа / С. Юй // Мир науки, культуры, образования.— 2021.— № 5.— С. 298–301.
24. Лян Ж. Исследование механизма оценки национального имиджа на фоне эпохи больших данных / Ж. Лян.— Ухань, 2015.
25. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации / Л. Н. Федотова.— М., 2009.

Диаграмма 1 [15]

Количество респондентов стран-участников G7 с благоприятным отношением к Китаю (2002–2021), %

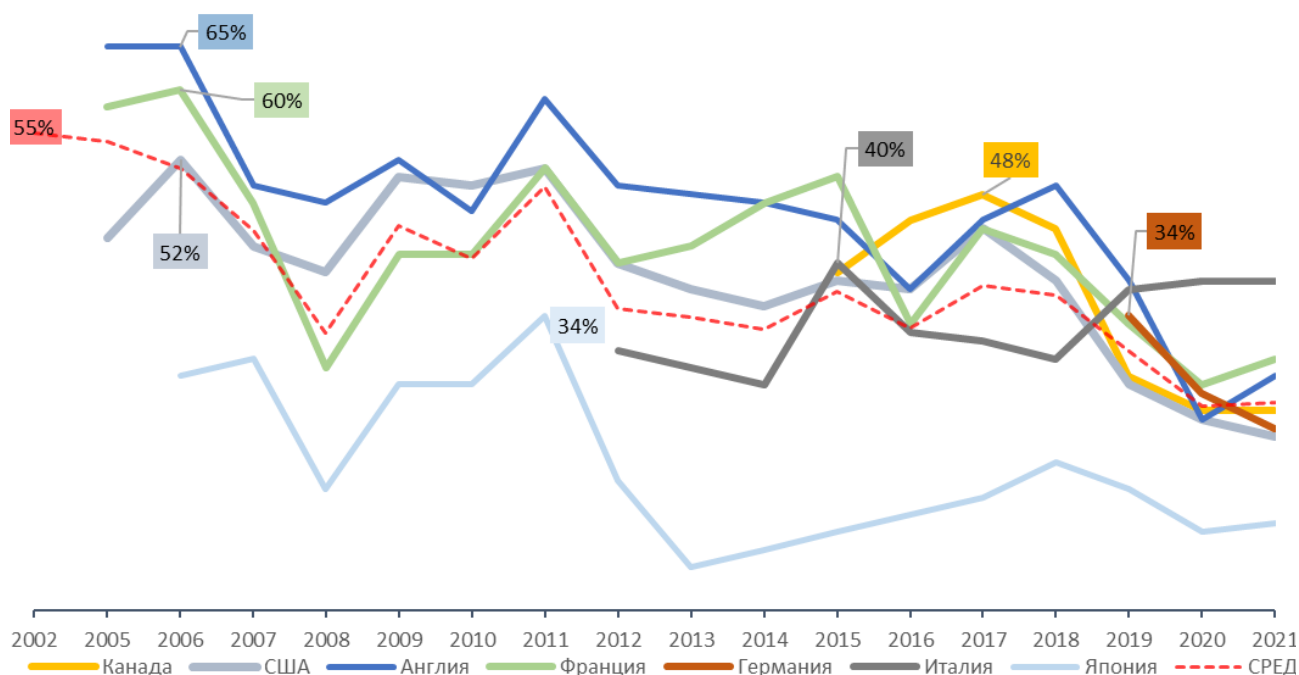

Диаграмма 2 [15]

Количество респондентов стран-участников БРИКС с благоприятным отношением к Китаю (2002–2021),%

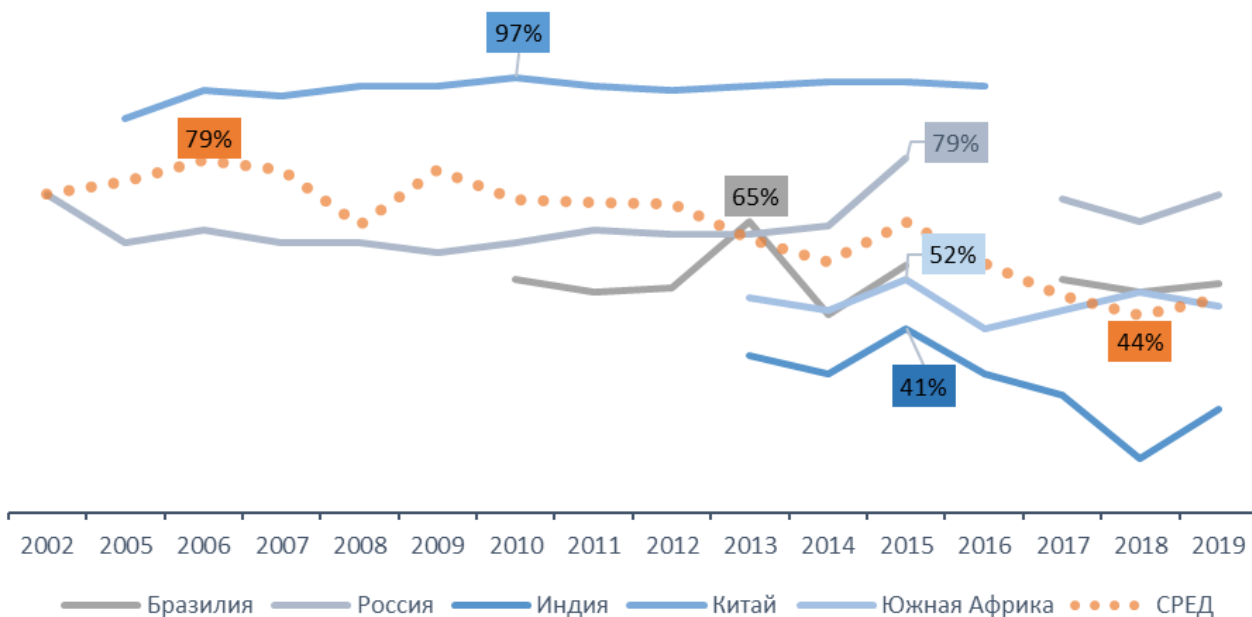

Диаграмма 3 [17]

Положительное отношение общественности к Китаю и США в 19 странах, %

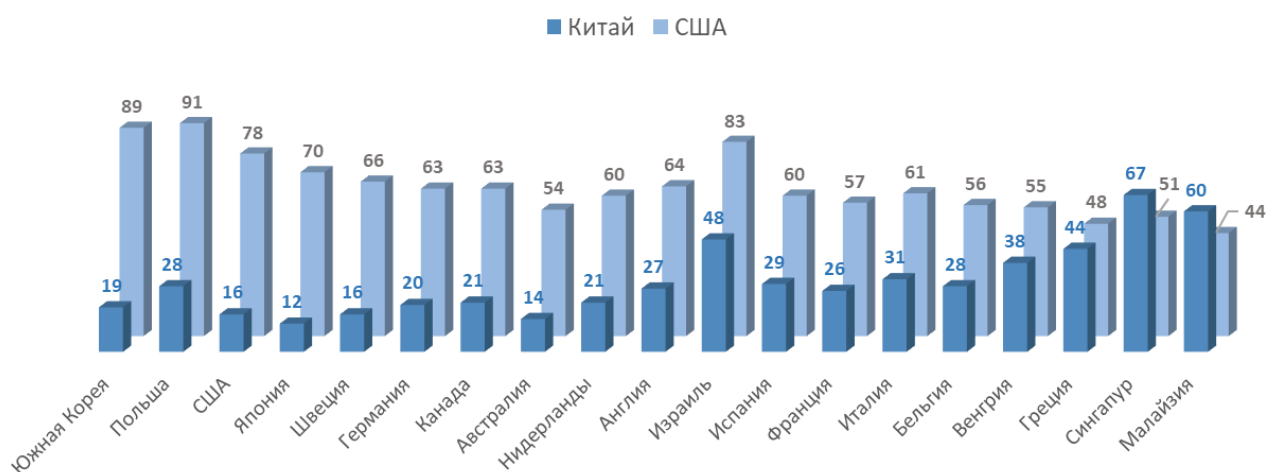

Диаграмма 4 [17]
Мнения респондентов из выбранных 19 стран о росте международного влияния США и Китая, %

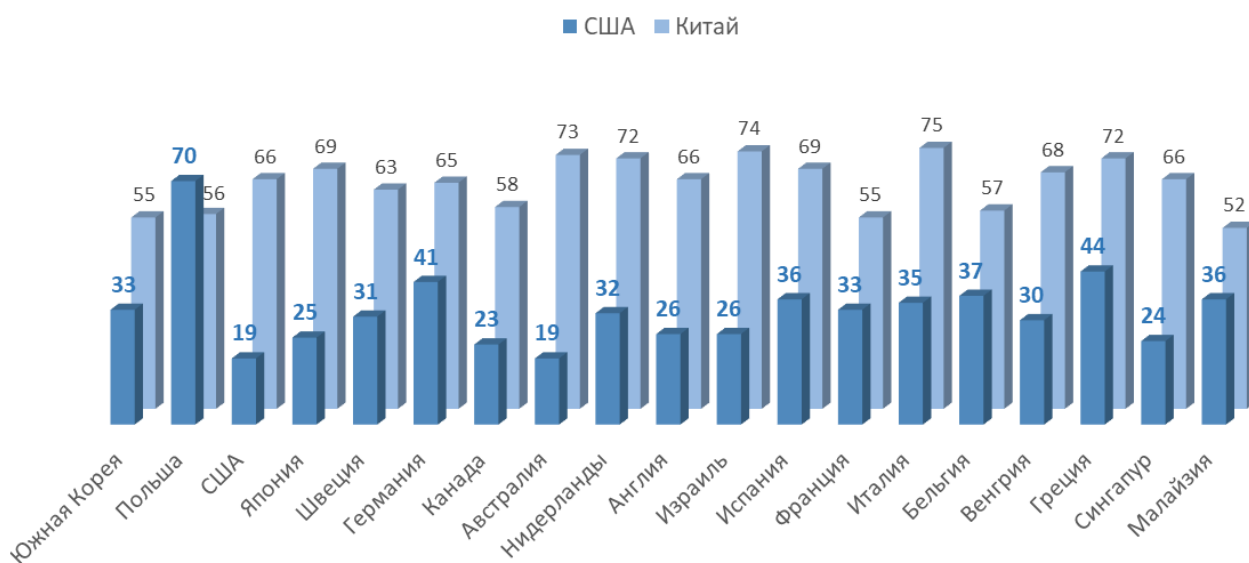

Диаграмма 5 [18]
Причины негативного отношения к Китаю у респондентов из 19 стран, %

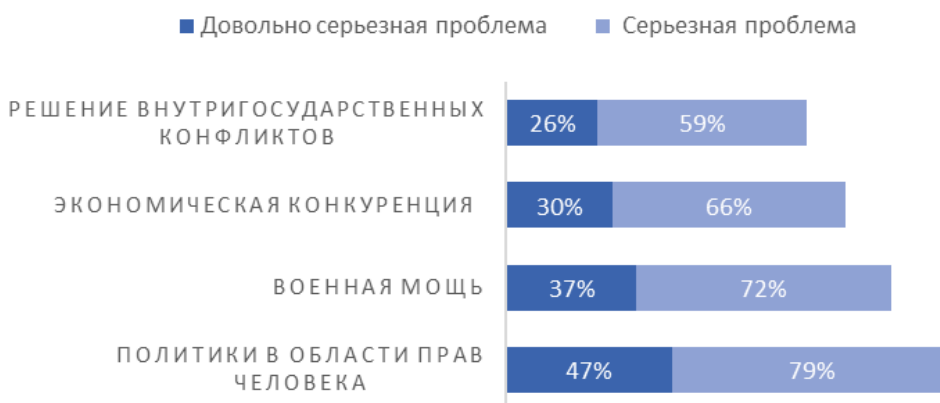

Диаграмма 6 [18]
Количество респондентов стран-участников G7 и BRICS, позитивно настроенных к Китаю (2002–2021), %

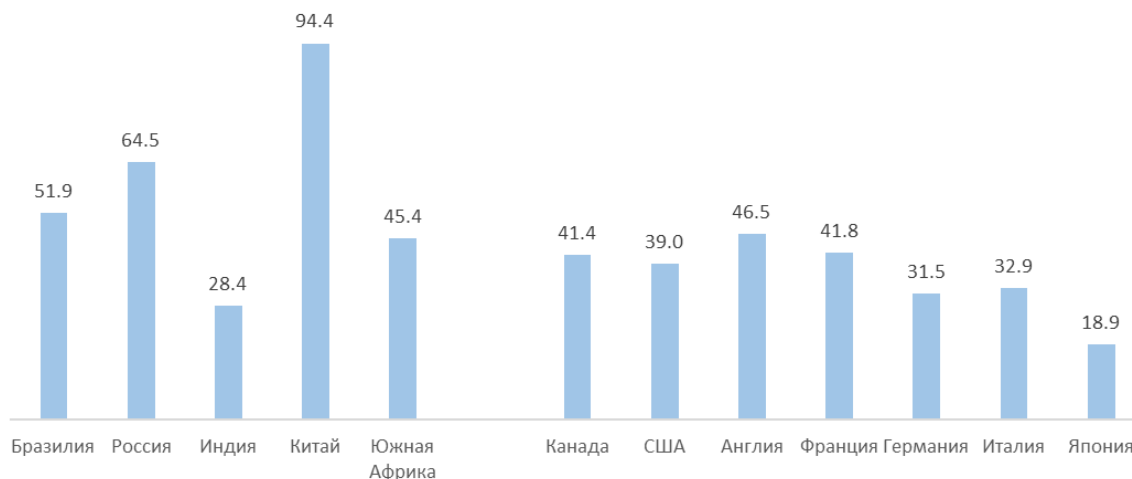
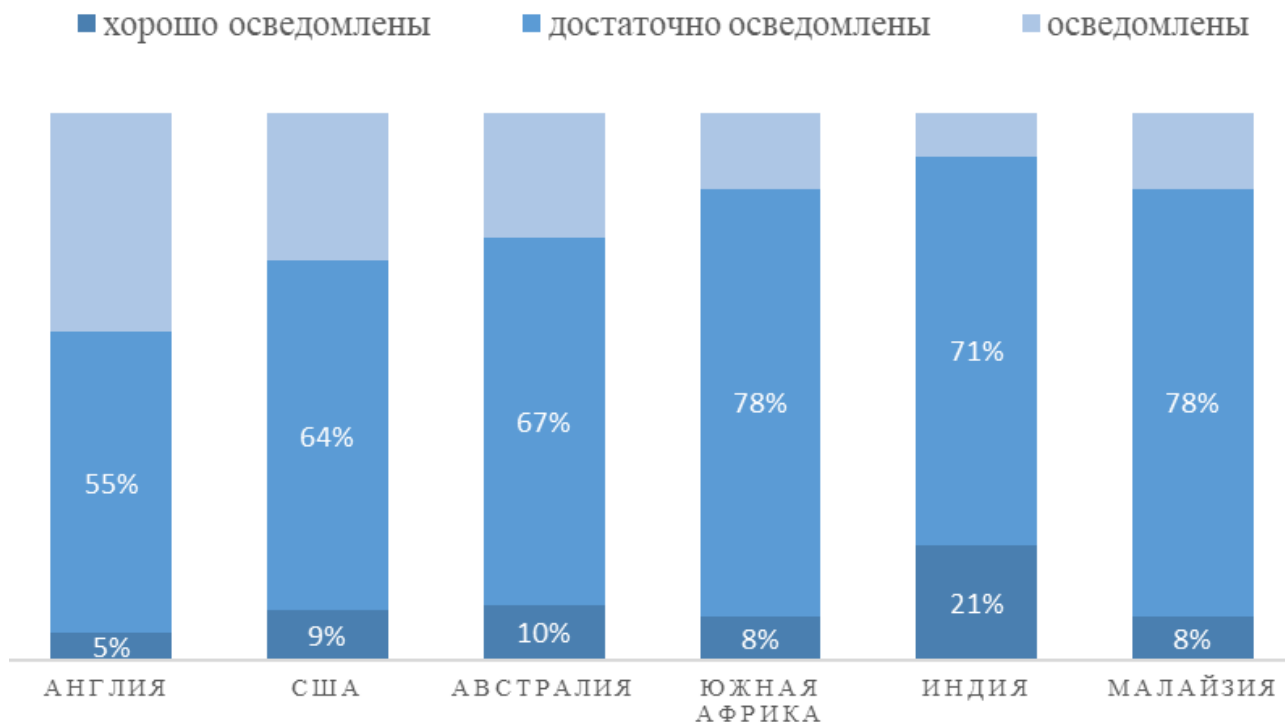

Диаграмма 7
Количество иностранцев, имеющих определенные знания о Китае, 2012 г., %

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

Федотова Лариса Николаевна, д.с.н, профессор кафе-
дры рекламы и связей с общественностью факультета
журналистики

E-mail: fedotova117437@mail.ru

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

Юй Сяо, аспирант кафедры рекламы и связей с обще-
ственностью

E-mail: gobelieveyu@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
Fedotova L. N., Doctor of Sociological sciences, Professor of
the Department of Advertising and Public Relations
E-mail: fedotova117437@mail.ru

Lomonosov Moscow State University
Yu Xiao, Postgraduate Student, Department of Advertising
and Public Relations
E-mail: fedotova117437@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРРАТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Чэнь Исинь, Хань Цзясин

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.

Аннотация: способ получения информации людьми претерпел огромные изменения в связи с быстрым развитием науки и техники на современном этапе. Статья посвящена реконструкции повествования о цифровом изображении в рамках современной технологии дополненной реальности. В частности, автором исследуются методы повествования о цифровых изображениях в рамках технологии дополненной реальности в стране и за рубежом и дается оценка их эффективности. Автор уделяет особое внимание выявлению преимуществ и недостатков технологии дополненной реальности. В работе анализируются теоретические работы исследователей в области технологии дополненной реальности, а также определяются основные траектории и детерминанты его развития и дальнейших перспектив.

Ключевые слова: дополненная реальность, повествование, цифровое изображение, реконструкция.

Abstract: at the present stage, with the rapid development of science and technology, the way people receive information has also undergone tremendous changes. The article is devoted to the reconstruction of the narrative of a digital image in the framework of modern technology of augmented reality. In particular, the author investigates the methods of narration about digital images within the framework of augmented reality technology in the country and abroad and evaluates their effectiveness. The author pays special attention to identifying the advantages and disadvantages of augmented reality technology. The paper analyzes the theoretical work of researchers in the field of augmented reality technology, and also determines the main trajectories and determinants of its development and future prospects.

Keywords: augmented reality, narration, digital image, reconstruction.

В 1990 г. Томас Коделл, исследователь отдела компьютерных исследований *Boeing*, создал термин «дополненная реальность» (*Augmented reality, AR*). В то время целью разработки технологии дополненной реальности Kaudel было главным образом оказание помощи техническим специалистам в установке неразрывно связанных кабелей внутри первого реактивного лайнера *Boeing 777* для повышения эффективности работы. На сегодняшний день исследования дополненной реальности как технологии имеют более чем двадцатилетнюю историю, и ее применение охватывает многие области, такие как военные, медицинские, образовательные, промышленные и развлекательные.

«Дополненная реальность» также может быть понята как представление различных типов реальности в реальности. Определение понятия *AR*, или дополненной реальности (*augmented reality*) иначе называют «расширенной реальностью» (*extended reality*). Это виртуальная среда, в которой физически присутствуют объекты из реального мира. В научной литературе часто встречаются и другие определения понятия. Например, *AR* — физическая среда,

для которой характерно «прямое или косвенное дополнение физического мира цифровыми данными в режиме реального времени при помощи цифровых устройств, а также программного обеспечения к ним», или *AR* — это «результат введения в поле восприятия любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и улучшения восприятия информации» [1, 4]. Форма выражения — это слияние реального окружения и виртуальной среды, созданной с помощью компьютерных технологий, и перенесенной в реальную среду. Она демонстрирует новое восприятие формы виртуального изображения, которое соответствует нормальному зрению людей. Аудитория может сосуществовать и взаимодействовать с реальной средой и виртуальной средой в пространстве [2].

Дополненная реальность — это сосуществование информации виртуального мира и информации реального мира. Лев Манович, профессор Городского университета Нью-Йорка, считает, что дополненная реальность накладывает динамическую и контекстуализированную информацию на визуальную область пользователя. Проще говоря, дополненная реальность заключается в размещении виртуальной информации, генерируемой компьютерами и техно-

логиями визуализации, на основе реального мира, который воспринимают люди, чтобы помочь людям лучше понять реальный мир [3, 219–240].

Дополненная реальность характеризуется следующими признаками: сочетание виртуального и реального, взаимодействие в реальном времени, трехмерная регистрация. Первые два показателя не требуют дополнительных пояснений. Однако, что касается третьей функции — трехмерной регистрации, то в действительности это точная и бесшовная интеграция информации сгенерированного компьютером трехмерного виртуального объекта с реальной сценой точки наблюдения пользователя, так что пользователь может расширить и усилить осведомленность об информации окружающего мира [4, 355–385]. Из этого следует, что дополненная реальность основана на реальном мире и использует дополнительную виртуальную информацию для динамического улучшения окружающих сцен реального мира. По сравнению с «виртуальной реальностью» (*Virtual Reality, VR*), широко обсуждавшейся ранее в академических кругах, виртуальная реальность подчеркивает изоляцию испытуемого от реального окружения, чтобы интегрироваться в виртуальную сцену, созданную технологией.

Маршалл Маклюэн много раз использовал слова среда и технология как взаимозаменяемые в своих работах. Среда, а также в более широком смысле, любая новая технология — это продолжение человеческих существ. Средства массовой информации здесь включают газеты, телевидение, радио, электрические лампочки, автомобили, речи, железные дороги, аэропорты и так далее. Информация любого носителя или технологии — это изменение масштаба, скорости и структуры людей и вещей [5]. Поэтому, все эти средства массовой информации, как технологии, регулируют наше общение и коммуникацию. Хотя эта точка зрения вызвала широкие дискуссии в академических кругах, она обращает наше внимание с информации, передаваемой СМИ на сами средства массовой информации, а затем подчеркивает значение самих масс-медиа. Обращаясь в данной статье, стоит отметить, что дополненная реальность рассматривается как средство коммуникации. Согласно мнению Алана Крейга, исследователя Национального центра суперкомпьютерных исследований, дополненная реальность — это среда, а не технология. Используя слово «среда», имеется в виду ее регулирующая роль между людьми и компьютерами, людьми и людьми, компьютерами и людьми.

Появление цифровых изображений вызвало существенные изменения в повествовательном режиме изображений. Виртуальные объекты, созданные с помощью компьютерного виртуального производства, могут решить многие проблемы, которые трудно достичь в физической реальности. Аудиовизуальные эффекты с реалистичным воздействием могут

усилить повествовательную привлекательность изображения, которое не только будет привлекать широкую аудиторию, но и выражать мысли автора более прямолинейно и ясно. Однако, повествование цифрового изображения в двумерном поле зрения самолета также имеет определенные ограничения. Например, его двумерное отображение может быть ограничено только его плоским экраном, что очень ограничивает восприятие информации зрителем с более глубоким чувством погружения.

Исходя из этого, в небе появилось новое выражение цифровых изображений с помощью технологии дополненной реальности. Повествовательный метод цифровых изображений в рамках технологии дополненной реальности больше не является традиционной коммуникацией в одной плоскости. Он обладает сильным эффектом видимости реальности и реального опыта. Мы можем использовать новую технологию дополненной реальности и использовать новую платформу, чтобы иметь больше возможностей для повествовательного выражения.

Проблематика данного исследования посвящена повествовательному выражению цифровых изображений в поле зрения дополненной реальности. Это обусловлено необходимостью анализа методов повествования цифровых изображений с точки зрения дополненной реальности и посредством диалектического сравнения с традиционными методами выражения цифровых изображений, а также изучения научных работ с дополненной реальностью с целью получения нового понимания в реконструкции цифровых изображений с точки зрения дополненной реальности. Вопрос, связанный с тем, как цифровые изображения могут позволить аудитории лучше понять передаваемый контент изображения, а также интерактивное использование информации о контенте в перспективе дополненной реальности, в настоящее время является актуальным, который требует решения при исследовании повествования изображений.

В целом, можно констатировать высокую интенсивность ведущихся научно-исследовательских работ проблематики дополненной проблематики.

В «Обзоре применения технологии дополненной реальности» исследователи Чжу Цзеце, Пан Чжигэн и Сунь Чао предположили, что ключевыми технологиями дополненной реальности являются регистрация виртуальных и реальных объектов, технология отображения и технология реалистичного рисования, а также выявили связь и различия между дополненной и виртуальной реальностью [6, 310–317]. В данном исследовании также осуществляется попытка определения уровня развития технологии дополненной реальности.

В научной статье «Исследование технологии рекламы дополненной реальности на портативных устройствах» Ву Сянбо рассматривается принцип

реализации рекламы дополненной реальности с технического уровня, то есть, как использовать технологию дополненной реальности для внедрения рекламы на портативные устройства с камерами. Иными словами, портативные устройства, такие как мобильные телефоны, используют цветочные визуальные коды для реализации преобразования 3D в 3D, а затем отображают различную трехмерную графику путем вычисления различных значений цветочных визуальных кодов [7]. В определенных приложениях этот простой прототип системы может быть использован в качестве дополнения к различному текстовому вводному контенту. Благодаря реалистичной технологии дополненной реальности оригинальный скучный вводный рекламный копирайтинг становится ярким и интересным, так что аудитория может видеть интересную трехмерную графику на безвкусных мобильных телефонах, планшетах и других мобильных носителях. Стоит отметить, что эта технология также может быть применена к рекламным играм, что в определенной степени значительно повышает интерактивность и играбельность рекламных игр. При технической поддержке реклама в дополненной реальности может в полной мере использовать свои уникальные преимущества при последующей разработке, а ее коммуникационный эффект может быть улучшен.

В научной работе Сюй Лина исследуется реклама дополненной реальности с пяти точек зрения: характеристики инноваций, ситуация с внедрением, процесс распространения, существующие проблемы и перспективы на будущее. В труде автора анализируются новые характеристики рекламы дополненной реальности и отмечается, что это новая форма рекламы, которая объединяет виртуальную деловую информацию, традиционно прилагаемую к рекламным носителям, с реальной жизнью [8].

Автор сопоставляет текущее внедрение рекламы дополненной реальности и обобщает инновационную модель волны распространения рекламы дополненной реальности. В то же время, с точки зрения теоретических исследований, он размышляет о распространении рекламы дополненной реальности и делает предварительные прогнозы относительно ее будущих перспектив развития. Предполагается, что реклама дополненной реальности может нарушать частную жизнь потребителей и усугублять асимметрию информации между получателем и адресатом.

Стоит также отметить работу Яо Юаня, которая посвящена рассмотрению теоретических принципов и платформе разработки технологии дополненной реальности в научно-популярной форме, а также включает в себя большое количество классических примеров и профессиональный теоретический анализ, чтобы читатель мог иметь более полное и систематическое научное понимание технологии дополненной реальности.

В работе Б. С. Яковлева и С. И. Пустова «История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности» отмечается, что на рынке есть все предпосылки для активного развития приложений с дополненной реальностью. Главным образом, это связано с увеличением доли проникновения смартфонов и планшетных компьютеров среди потребителей, а также ростом их производительности. Ван Юйси, Чжан Фэнцзюнь и Лю Юэ отметили в статье: «Хотя технология дополненной реальности все еще несовершенна, большое количество прикладных исследований и анализов показали, что у нее огромные перспективы применения» [9, 75–83]. После своих исследований они пришли к выводу, что дополненная реальность в настоящее время опирается на компьютерное зрение и искусственный интеллект, продемонстрировав сильную тенденцию к развитию на основе технологии реального времени. Дополненная реальность получила существенное развитие в таких важных аспектах, как взаимодействие и точность компьютерного зрения, однако, ее-ограниченные возможности во многих сферах все еще очевидны. Например, нехватка информации об объектах окружающей среде для компьютерного оборудования; взаимодействие более захватывающее, а интерактивная технология, которая может использоваться несколькими людьми, все еще несовершенна; с точки зрения визуального отображения устройства дополненной реальности, которые позволяют пользователям ощущать сильное погружение, нелегко носить с собой, и, наконец, цена слишком высока. Чжу Си и Ву Фэннань также выразили аналогичные взгляды в статье «Применение и развитие технологии дополненной реальности в области искусства и дизайна» [10, 131].

Объединяя реальные случаи повествования о технологии дополненной реальности и диалектическое сравнение с другими описательными случаями, в этой статье обобщается метод повествования о цифровом изображении, который относительно больше подходит для поля зрения дополненной реальности:

1) Сравнительный метод: проведение сравнительного исследования традиционного и современного коммуникационного нарративного методов с точки зрения дополненной реальности, обобщение преимуществ и недостатков обоих методов и рациональное использование преимуществ для исследования дизайна.

2) Метод анализа примеров: анализ примеров дизайна технологии дополненной реальности, поиск их преимуществ и возможных недостатков и изучение повествовательных характеристик их методов повествования, для реконструкции повествования о цифровых изображениях.

3) Метод индукции и обобщения: теория связана с реальностью, и, благодаря анализу описательных примеров цифровых изображений в рамках превос-

ходных технологий дополненной реальности в стране и за рубежом, характеристики цифровых изображений в поле зрения дополненной реальности суммируются и обобщаются. И на этой основе продолжается изучение того, как лучше использовать технологию дополненной реальности для реализации повествовательного метода цифровых изображений.

Характеристика цифрового повествования изображения в области дополненной реальности.

С помощью технологии дополненной реальности повествовательный метод цифровых изображений не будет ограничен только выражением информации на двумерном цифровом экране, в том числе благодаря разнообразию мобильных терминалов.

Основным выражением дополненной реальности является наложение виртуальных вещей, созданных компьютерами, поверх реального мира. Из-за современного развития науки и техники виртуальные вещи в реальном мире имеют множество различных выражений, таких как очки дополненной реальности, шлемы или мобильные телефоны, планшеты или другие терминалы отображения информации с функциями экранного отображения. И отображение этих различных информационных методов в сочетании с высокой степенью интеграции технологии дополненной реальности и окружающей среды вызовет огромные структурные изменения в повествовании цифровых изображений.

Художница Тамико Тиль использует инсталляцию дополненной реальности, чтобы выразить огромное влияние человека на экологию морских кораллов. На шестом этаже Музея американского искусства Уитни Тамико Тиль использует технологию дополненной реальности для наложения созданных в цифровом виде виртуальных объектов — странной смеси коралловых животных и пластика — на реальные здания. Через нее можно увидеть сцены, которые могут появиться в параллельных измерениях или в будущем. Эти виртуальные объекты растут. Эта тенденция роста следует принципу роста коралловой ветви и меняется с изменением количества людей, наблюдающих за ней. С увеличением числа зрителей внешний вид этого виртуального объекта будет расти и становиться белым, что соответствует влиянию людей на его рост. Таким образом, он передал информацию о морских пластиковых отходах и возможном будущем воздействии глобального потепления на человечество.

Этот способ сравнения реального мира с предположениями о мире будущего ломает традиционный метод линейного повествования и использует личный опыт пользователя для повествования и усиливает цель повествования для передачи информации. Эти формы повествований дополненной реальности, реконструированных с разных уровней, также более естественны и интересны, чем традиционные повествования. Это разнообразие дополненной реальности

также делает методы повествования в различных историях более целенаправленными [11, 102–106].

РАЗНООБРАЗИЕ РЕКОНСТРУИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ НАРРАТИВОВ

В отличие от повествований с двумерными цифровыми изображениями, технология дополненной реальности может интегрировать элементы среды физической реальности с цифровыми изображениями, созданными компьютером, чтобы создать более наглядное повествование о текстовом содержании. Цифровые изображения, генерируемые компьютерной виртуальной реальностью, — это то, что мы в основном хотим описать. Поэтому пользователи дополненной реальности могут взаимодействовать с вещами в реальном мире, с тем предметом, который хотят выразить двумерные или трехмерные виртуальные объекты. В процессе визуализации этого контента и взаимодействия с реальностью, пользователи могут получить реалистичный опыт, который в наибольшей степени стимулирует пользователей. Например, повествовательное обучение с помощью технологии дополненной реальности в библиотечном обучении использует технологию интерактивной 3D-визуализации для обучения студентов определенным понятиям библиотечных знаний и навыков. Дополненная реальность может плавно интегрировать реальный и виртуальный миры, так что осязаемый интерфейс в библиотечном туре смутно переходит от реального мира к виртуальному.

В публичной библиотеке округа Джонсон сотрудники использовали визуальные характеристики технологии дополненной реальности, чтобы рассказать о своих взглядах, а также помочь детям усваивать знания. Пользователи библиотеки округа Джонсон — дети — будут давать правильные или неправильные ответы на вопросы в своем конкретном приложении Metaverse. По мере изменения ответов на камере мобильного телефона пользователя будут появляться мультяшные изображения, такие как пауки и пингвины, и они будут реагировать по-разному из-за ответов пользователя. Если дети направят мобильные терминалы, такие как мобильные телефоны или планшеты, на заранее подготовленные книги, задания или сюжетные линии в книгах появятся в камере в виде цифровых изображений, что позволит детям усваивать знания в процессе взаимодействия с ними. В игре «Охота за мусором», созданной публичной библиотекой округа Джонсон, создатели попросили детей использовать камеру для поиска книг в Metaverse, приложении на своих мобильных телефонах или планшетах. Как только они найдут нужную книгу в комнате, код найденной книги будет введен в приложение и участники также могут использовать приложение для поиска подсказок, чтобы найти местоположение книги. Эти повествования, сочетающие технологию дополненной реальности

с цифровыми изображениями, не только помогают детям творчески участвовать в них, но и учат их решать проблемы.

Можно видеть, что дополненная реальность может преобразовывать текстовую информацию книг в библиотеке в подвижное трехмерное изображение и выражать ее в более прямой и ясной визуальной форме. Этот высоковизуальный повествовательный режим значительно повышает эффективность библиотечного обучения благодаря своей повышенной привлекательности для пользователей, и в то же время расширяется способность пользователей приобретать знания.

ВЫСОКАЯ ИНТЕРАКТИВНОСТЬ С ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

Высокоинтерактивные характеристики повествовательной реконструкции цифровых изображений дополненной реальности могут быть объединены с визуализацией для описания более абстрактных концепций, которые трудно четко выразить в изображении и тексте. Возьмем в качестве примера интерактивную AR-инсталляцию *Obscure Digital* Диаграмма отношений.

Эта интерактивная инсталляция с дополненной реальностью была разработана и спродюсирована командой *Obscure Digital* для компании *Coca-Cola* на конференции разработчиков Facebook. Пользователь использует инструмент с технологией радиочастотной идентификации (*RFID, Radio Frequency Identification*), чтобы включить устройство, и, стоя на диаграмме, вокруг пользователя появится радиальный эффект [12]. Этот рендеринг основан на социальных данных пользователя. Дизайнер размещает сеть пользователя на полу, используя визуальные характеристики технологии дополненной реальности, точно так же, как «отпечатки пальцев» людей. Отображаемая информация имеет уникальные личные характеристики пользователя и не может быть скопирована. Вокруг пользователя появится много разных аур. Диаграмма отношений описывает отношения между пользователями в виде цветных аур. Лучи разных цветов света на аурах могут быть распространены на другие ауры. Эти ауры представляют разных пользователей, а ступенчатая связь между лучами означает, что они обладают характеристиками о взаимосвязи.

Он использует реальные позиционные отношения участвующих пользователей в реальности для взаимодействия с оборудованием дополненной реальности в компьютере, и оборудование реагирует соответствующим образом. Автор использует этот метод, чтобы выразить сложные отношения между людьми, которые изменчивы, далеки, но взаимозависимы. Если выражение этого контента происходит не через взаимодействие, пользователям трудно испытывать такое глубокое чувство.

В отличие от других компьютерных интерак-

тивных технологий, дополненная реальность может быть виртуально усилена поверх реальных вещей. Например, на выставке, описанной в приведенном выше примере, интерактивная передача информации о сцене конкретной среды и виртуальной программе позволяет пользователям повысить интерес к вещам, изображенным на выставке, улучшают восприятие реального окружения и позволяют пользователям более интуитивно понимать повествовательный замысел автора на основе глубокого восприятия. Этот метод реконструированного повествования также усиливает повествовательный эффект цифровых изображений и в то же время делает его более вероятным.

ПРИМЕНЕНИЕ РЕФАКТОРИНГА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Текущее повествование о цифровых изображениях в рамках технологии дополненной реальности можно разделить на:

- повествовательный метод распознавания искусственных маркеров;
- повествовательный метод распознавания естественных маркеров;
- повествовательный метод распознавания местоположения.

Описания цифровых изображений в поле зрения дополненной реальности, основанные на определенных маркерах, обычно используют искусственные маркеры, такие как 2d-матрицы, для облегчения распознавания конечных объектов. Напротив, повествования о цифровых изображениях в дополненной реальности без опознавательных знаков используют некоторые характеристики естественных объектов для идентификации, таких как обложки книг, плакаты или ориентиры. Эти объекты не требуют искусственных маркеров для помощи, но основаны на сенсорных устройствах на устройстве, таких как *GPS* и цифровые компасы.

Как правило, существует три требования для реализации реконструкции повествований цифровых изображений в рамках технологии дополненной реальности, а именно интеграция реального мира и виртуального мира [13, 61–64]. Взаимодействие в реальном времени и точная 3D-регистрация виртуальных и реальных объектов. Дополненная реальность — это сосуществование пространства и времени, виртуального и реального, а цифровые изображения в рамках технологии дополненной реальности являются важным проявлением ее характеристик. Чтобы максимально использовать преимущества дополненной реальности для реализации применения реконструкции повествования в дополненной реальности, необходимо использовать сочетание окружающей среды и истории, а также взаимодействия между пользователями и историей.

СОЧЕТАНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСТОРИИ, ЧТОБЫ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Высокая интеграция цифровых изображений и окружающей среды в технологии дополненной реальности является важной особенностью повествования о цифровых изображениях дополненной реальности и ее незаменимым и важным преимуществом. Например, выражение виртуальной реальности из-за отделения виртуальных вещей от реальности затруднит пользователям полное погружение в нее. Технология дополненной реальности отличается тем, что может описывать меняющиеся вещи и явления. Например, она описывает, что пустырь, который был десять лет назад, теперь является высотным зданием. Используя технологию дополненной реальности для наведения камеры медиа-терминала, такого как мобильный телефон или планшет, на указанное место, цифровой на экране появится изображение пустоши десятилетней давности. Пользователь сравнивает пустошь, появившуюся в том же месте в мобильном телефоне, с высотным зданием перед ним, и у него будет более глубокое ощущение потрясающих изменений на этой земле за последние десять лет.

Современная индустрия туризма также в полной мере использует технологию дополненной реальности. Традиционный туристический процесс часто возглавляет гид, и путешественники должны следовать за туристической группой в соответствии со статичным туристическим маршрутом в течение определенного периода времени, слушая стилизованные повествовательные комментарии гида, что не только ограничивает здоровое общение между туристами и туристическим пространством, но и отсутствие связи между туристами и достопримечательностями [14, 1–2].

Даже если они самостоятельные туристы, их также беспокоят языковые барьеры, незнание достопримечательностей и то, что во время тура легко заблудиться. Сочетание окружающей среды и сюжета с использованием технологии дополненной реальности может компенсировать эти недостатки и удовлетворить персонализированные и геймифицированные потребности туристов в путешествиях.

Повествования в рамках технологии дополненной реальности могут использовать участие туристов в окружающей среде для создания цифровых изображений повествований для предоставления туристических услуг с гидом: туристы используют приложение мобильного терминала для сканирования идентификационной карты достопримечательностей перед ними и путем активации системы приложений дополненной реальности для идентификации конкретных достопримечательностей. расположение указателей позволяет туристам одновременно наблюдать за достопримечательностями на экране мобильного терминала

С помощью технологии дополненной реальности можно получить цифровые изображения, разработанные и спродюсированные автором, а также информационные истории, которые трудно реализовать в реальности. Например, профессор Ван Юнтянь использовал технологию дополненной реальности для цифрового восстановления живописного района Юаньминъюань. В прошлом, даже если пользователь имел историческое образование, оставшиеся руины Юаньминъюаня не могли удовлетворить потребности зрителя в визуальной информации, но технология дополненной реальности может воспроизвести первоначальный облик Юаньминъюаня. В одном месте, связаны прошлое и настоящее, позволяя туристам наслаждаться сокровищами Китая в захватывающей манере и укрепляя восприятие классической культуры и исторического значения.

В вышеупомянутых случаях эта функция используется для реконструкции повествования с использованием реальных объектов окружающей среды, объединяя повествование традиционных цифровых изображений с окружающей средой, в которой находятся туристы, и позволяя дополнять виртуальные цифровые изображения на основе реальных объектов, позволяя пользователям иметь более сильное представление о чувстве погружения и переживания.

Взаимодействие между пользователем и историей, чтобы реконструировать повествование.

При разработке нарратива дополненной реальности история, которую будет передавать цифровое изображение, может быть использована в качестве отправной точки, а интерактивные характеристики технологии дополненной реальности могут быть использованы для реконструкции нарратива посредством ассоциации между местоположением пользователя и самим событием, которое должно быть описано цифровым изображением. Еще в 1999 г. Джон Павлик, известный эксперт по коммуникациям, бывший директор Нового медиа-центра Школы журналистики Колумбийского университета, а ныне профессор Университета Ратгерса, обсуждал применение дополненной реальности в ситуационных документальных фильмах. Ситуационные документальные фильмы используют повествования дополненной реальности для представления исторических событий в определенном регионе. Взяв в качестве примера ситуационный документальный фильм Колумбийского университета, можно сказать, что документальный фильм эквивалентен системе гидов. Когда пользователи, оснащенные системами дополненной реальности, прогуливаются по Морнингсайд-Хайтс, Колумбийский университет, они могут заново пережить парад студентов Колумбийского университета 1968 г. Среди них глобальная система позиционирования может определять местоположение пользователя, а *head tracker* может отслеживать, куда смотрит пользователь. Когда пользователь поворачивает

голову к административному зданию библиотеки и кампуса, пользователь может видеть, что на дисплее, установленном на голове, отображается полупрозрачный шрифт Ротонды Роквелла и написано название здания.

Кроме того, хорошим примером является повествование музея о дополненной реальности. Музей является важной туристической достопримечательностью. В нем есть коллекция и выставка многих ценных исторических книжных коллекций, фотонегативов и текстовых материалов, но туристам трудно четко получить информацию, которую хотят донести до них за короткий промежуток времени. Ощущение исторического момента туристами путем технологии дополненной реальности создает привлекательность для посещения музеев.

Музей создает виртуальные цифровые изображения на основе людей или соответствующих исторических событий в музее, а затем сопоставляет эти виртуальные цифровые изображения с координатами местоположения коллекции, которая будет выставлена в музее. Туристы используют мобильные телефоны или планшеты для посещения и ознакомления, направляют камеру на определенное место и таким образом общаются. После обработки программным обеспечением они могут увидеть реальное историческое место и окунуться в атмосферу прошлого. Внешний вид или форма отображения этих цифровых изображений будут иметь определенную связь с отображаемыми элементами. Например, объекты выходят из картины, персонажи на цифровом изображении взаимодействуют со зрителями на месте, а главные герои вместе переживают прошлое лично. Применяется логическая взаимосвязь между экспонатами и событиями в выставочном зале музея, чтобы использовать виртуальные объекты, отображаемые с помощью технологии дополненной реальности, в качестве моста для взаимодействия. Также для взаимодействия с объектами и персонажами в коллекции аудитория погружается в историческую атмосферу, позволяя каждому не только испытать удовольствие от погружения, но также дать пользователям более глубокое понимание истории, изложенной автором.

Технология дополненной реальности является очень репрезентативной формой выражения, в рамках которой пользователи участвуют в ситуации, которую автор хочет выразить, и взаимодействуют с мышлением автора. Виртуальные объекты и субъекты, созданные техническими средствами, влияют на человека через его ощущения: обоняние, чувство равновесия и положения в пространстве, осязание, зрение, вкус, слух [15, 75–84].

Необходимо интегрировать виртуальное творение автора, реальную среду, а также взаимодействие и участие пользователей друг с другом. Вместо того чтобы полностью заменять объективную реальность

виртуальной, дополненная реальность расширяет ее виртуальной, обеспечивая за счет этого более адекватное «ощущение» объективной реальности, не теряя при этом привязанности к миру объективных маркеров, что позволяет исследовать их вместе с виртуальными объектами, «наложенными» на реальный мир [16, 20–32].

Это позволяет виртуальности и реальности совместно реализовать реконструированную нарративную коммуникацию цифровых изображений. Метод нарративной коммуникации является новаторским по сравнению с предыдущим двухмерным нарративным методом, поскольку позволяет избежать от большого количества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малыгина Л. Е. Дополненная реальность в ТВ-промодискурсе / Л. Е. Малыгина // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2019. — № 19. — С. 4.
2. Саффер Д. Дизайн для взаимодействия: создание инновационных приложений и устройств / Д. Саффер. — Беркли, Калифорния, 2010.
3. Манович Л. Поэтика дополненного пространства / Л. Манович // Визуальная связь. — 2006. — № 2. — С. 219–240.
4. Азума Р. Т. Обзор дополненной реальности / Р. Т. Азума // Присутствие: телеоператоры и виртуальные среды. — 1997. — № 6. — С. 355–385.
5. Ван Ниан. Исследование приложений технологии дополненной реальности в коммуникации — Применение технологии дополненной реальности в печатных изданиях / Ниан Ван. — Пекин, 2013.
6. Чжу Цзеце. Обзор приложений дополненной реальности / Цзеце Чжу, Чжигэн Пан, Чао Сунь // Материалы 4-й совместной научной конференции по гармоничной человеко-машинной среде. — 2008. — № 5. — С. 310–317.
7. Ву Сянбо. Исследование рекламных технологий дополненной реальности на портативных устройствах / Сянбо Ву. — Цзинань, 2011.
8. Сюй Лин. Исследование инновационного распространения рекламных технологий дополненной реальности / Лин Сюй. — Чанша, 2012.
9. Ван Юйси. Состояние исследований и тенденции развития технологии дополненной реальности / Юйси Ван, Фэнцзюнь Чжан, Юэ Лю // Вестник науки и техники. — 2018. — № 10. — С. 75–83.
10. Чжу Сию. Применение и развитие технологии дополненной реальности в сфере арт-дизайна / Сию Чжу, Фэннань У // Художественные технологии. — 2017.
11. Лю Юнлянь. Поворот кинонарратологии с точки зрения кросс-медиа / Юнлянь Лю, Липин Ван // Журнал Цзянсиского педагогического университета науки и технологий. — 2015. — № 4. — С. 102–106.
12. Чжан Рун. Проектирование и реализация системы считывания радиочастотных карт на базе C8051F301 / Рун Чжан. — Сучжоу, 2010.

13. Вэнь Ридинь. Исследование инновационных сервисов цифровых библиотек на основе технологии дополненной реальности AR / Ридинь Вэнь // Сельскохозяйственная библиотека и информационный журнал. — 2016. — № 8. — С. 61–64.

14. Ван Юхун. Исследование применения технологии дополненной реальности AR в туризме / Юхун Ван // Технологическая коммуникация. — 2018. — № 10. — С. 1–2.

*Российский университет дружбы народов
Чэнь Исинь, аспирант кафедры массовых коммуникаций
E-mail: 1042218228@pfur.ru*

*Хань Цзясин, кандидат филологических наук
E-mail: jiaxing_han@mail.ru*

15. Кузнецов В. А. Об использовании виртуальной и дополненной реальности / В.А Кузнецов, Ю.Г Руссу // Международный журнал открытых информационных технологий. — 2019. — № 4. — С. 75–84.

16. Бауэр В. П. Блокчейн как дополненная реальность: от гипотезы к основам теории и практики / В. П. Бауэр, С. А. Побываев, С. Н. Сильвестров // Экономическая наука современной России. — 2018. — № 1. — С. 20–32.

*Peoples' Friendship University of Russia
Chen Yixin, Postgraduate Student of the Department of Mass
Communications
E-mail: 1042218228@pfur.ru*

*Han Jiaxing, Candidate of Philology
E-mail: jiaxing_han@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОСКОМНАДЗОРА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е. В. Шишпарёнок

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Поступила в редакцию 16 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются формы реализации обратной связи с аудиторией на официальном сайте Роскомнадзора, открытость органа исполнительной власти, доступность размещенной информации. Делается вывод о том, что общение с гражданами отражается в основном в количественных показателях или с общим указанием тематики, что не создает картину эффективного взаимодействия и учета мнения аудитории в процессе регулирования деятельности СМИ. Публичные доклады РКН отмечены как удачный опыт регулятора рассказать о своей работе и обосновать ее отдельные аспекты.

Ключевые слова: Роскомнадзор, массовые коммуникации, средства массовой информации, обратная связь, публичная коммуникация, культура открытости.

Abstract: the article discusses the forms of feedback with the audience on the official website of Roskomnadzor and the availability of posted information. It is concluded that communication with citizens is reflected mainly in quantitative indicators or with a general indication of the topic. It does not create a picture of effective interaction and taking into account the opinions of the audience in the process of regulating the activities of the media. Public reports of the RCN are noted as a successful practice of the regulator to talk about its work and justify its individual aspects.

Keywords: Roskomnadzor, media communications, feedback, public communication, culture of openness.

Целью данной статьи является анализ форм взаимодействия Роскомнадзора и его референтных групп: медиасообщества как объекта контроля и граждан как аудитории СМИ, в интересах которой осуществляется контроль и надзор. Объектом исследования стала содержательная часть официального сайта органа исполнительной власти: рубрики и разделы, посвященные регламентирующей и разъяснительной информации, анализу правоприменительной практики, положения, планы, отчеты о деятельности Роскомнадзора, работа пресс-службы, сведения о приеме и обращениях граждан и др. Были поставлены следующие задачи: определить формы обратной связи, проанализировать жалобы аудитории на деятельность СМИ (количество обращений и тематика), определить характер и объем разъяснительной и профилактической деятельности Роскомнадзора в сфере законодательства, а также определить, существуют ли возможности учета мнения аудитории при осуществлении регулирования деятельности СМИ.

В научной литературе встречаются исследования истории становления государственного контро-

ля и надзора в сфере массовых коммуникаций [1; 2], анализируется деятельность органа исполнительной власти в сфере информационной безопасности [3–10], достаточное внимание уделяется ограничительной практике распространения экстремистских материалов [11–14].

Ю. В. Устинова и А. В. Малов поднимают вопрос о необходимости более четкого определения критериев эффективности государственного контроля в медиасфере. Делается вывод о том, что «при построении системы оценки эффективности деятельности Роскомнадзора используются следующие параметры: степень выполнения плана проведения проверок, степень соответствия проведения контрольно-надзорных мероприятий действующему законодательству, уровень охвата проверками объектов надзора, степень результативности проверок» и т.д. [15]. Подобная отчетная информация есть в документах Роскомнадзора на сайте, она представлена в виде сложных таблиц с кодами и цифрами и предназначена для вышестоящих контролирующих структур. Нам больше интересуют отчетная деятельность регулятора, направленная широкой аудиторией и нацеленная на формирование не только строго надзорного образа организации, но более позитивного, откры-

того к диалогу, приглашающего к сотрудничеству и согласованию интересов.

Проблема доверия общества органам власти была обозначена в Распоряжении Правительства РФ еще в 2014 году: «развитие нормативно-правовой базы в области обеспечения открытости государственного управления является необходимым, но недостаточным для внедрения культуры открытости и изменения приоритетов и поведенческих норм в работе государственных гражданских служащих <...> при этом продолжает оставаться на низком уровне влияние граждан и общественных объединений на принятие и реализацию решений федеральных органов исполнительной власти. Все это оказывает влияние на негативное восприятие обществом проводимых политических и социально-экономических преобразований и вызывает недоверие со стороны населения к органам государственной власти в целом»¹.

Главной проблемой во взаимодействии власти и общества И. А. Байкова называет «получение информации о деятельности органов власти». «Коммуникационная составляющая политической действительности в связи с развитием современных информационных технологий усложняется, — пишет автор, — но анализ механизмов политической коммуникации федеральных органов исполнительной власти показывает их традиционный и консервативный характер, низкую интенсивность использования инструментов публичной коммуникации, что, конечно, ограничивает диалоговый режим власти и общества. Ввиду того, что российское общество традиционно с недоверием относится к властным структурам, существует недостаточность своевременной, объективной информации, исходящей от самих органов власти, отсутствует уверенность в том, что структуры власти, должностные лица работают в интересах общества, возникает недоверие большинства граждан к государственной власти» [16].

Вопрос замещения системы четко иерархической политической коммуникации более сложной системой представительства интересов различных групп общества давно поднимается учеными. Исследователь политической коммуникации О. А. Попов называет необходимые факторы качественного изменения системы управления по отношению к обществу: открытие более широкого доступа аудитории к процессу принятия решений; расширение институциональных возможностей для вовлечения общества в процесс государственного управления; замещение традиционных видов иерархического управления на более интерактивные формы взаимодействия [17].

¹ Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-п. // URL.: <https://rkn.gov.ru/about/p740/p839/>

В современном мире технологические изменения происходят с огромной скоростью. Расширение технических возможностей ставит государство перед новыми угрозами и вызовами, связанными с информационной безопасностью, распространением экстремизма, недостоверной информации. Органы власти вынуждены реагировать, издавать новые законы, где-то ориентируясь на зарубежный опыт, где-то — пробуя новые методы. «Но журналисты, отмечает И. А. Бойкова, — зачастую принимают эти меры как ограничение свободы слова. Поэтому запрос на информацию из официальных источников очень велик» <...> современные коммуникативные технологии «не позволяют в полной мере удовлетворить этот запрос и стать партнёрами со СМИ. Отчасти и поэтому для многих СМИ надзорные органы в этой сфере воспринимаются часто как враждебные организации» [16]. Реже, чем в медиапространстве, такой образ власти формируется в научных исследованиях [18].

Добавим, что не только со стороны СМИ, общество в широком смысле также нуждается в возможности не только получить доступные разъяснения политики органа исполнительной власти, но и в возможности быть услышанным в процессе согласования интересов и осуществления необходимых реформ. И. А. Бойкова выделяет такие проблемы во взаимоотношениях общества и власти как «неэффективность обратной связи, недостаток доверия, невнимание федеральных органов к внешним аудиториям, ограниченность методов и средств коммуникации, закрытость органов управления <...> недостаточное или неэффективное взаимодействие с общественностью приводят к отчуждению людей от власти» [16].

Вопрос обратной связи поднимается в научных исследованиях, как правило, на материале деятельности территориальных органов Роскомнадзора. Они показывают, что обращения связаны чаще всего с жалобами на Интернет-сайты, действия банков и коллекторских организаций, качество мобильной связи, некорректное использование персональных данных [19]. Признавая за СМИ важную функцию «артикуляции общественных интересов», исследователь А. И. Кондратенко указывает на не менее значимую функцию общества высказывать свою оценку деятельности отдельных медиа, с тем чтобы надзорные органы видели и учитывали мнения аудитории при осуществлении контроля. «Право журналистов — писать о том, что интересует людей. Однако право общества — оценивать работу СМИ, отдельных авторов и их публикации, телепередачи, формировать отношение к ним» [20].

Методология ООН по оценке качества управления помимо верховенства права, отсутствия дискриминации, эффективности и подотчетности органов власти содержит такие критерии как: участие граждан в процессе принятия политических решений; ори-

ентация на консенсус и использование механизмов посредничества и согласования интересов; прозрачность процедур выработки и реализации политики². Отечественные политологи оценивают данную методологию как достаточно эффективную, соответствующую концепции «ответственного правительства», которое действует с обоснованием «целей развития управляемого объекта на основе анализа общественных потребностей» [21].

Рассматривая действия Роскомнадзора в отношении интернет-ресурсов, нарушающих законодательство о персональных данных, А. С. Шерстобитов делает вывод о преобладании «политических стратегий» над «стратегиями публичной политики», которые основываются на согласовании интересов с объектом управления [9].

В «Публичной декларации целей и задач Роскомнадзора на 2022 год» «миссия» организации обозначена следующим образом: «мы вносим вклад в стабильность общества, добиваясь соблюдения законодательства РФ в информационной сфере». Перечисленные цели и задачи также относятся к вертикальной схеме управления, не учитывающей или уделяющей недостаточное внимание обратной связи как механизму согласования интересов: пресечь незаконную деятельность <...>; представить социально значимые гос. услуги в электронном виде; снизить уровень доступности для граждан информации, нарушающей законодательство <...>; разработать механизмы раннего выявления угроз <...>; добиться неукоснительного соблюдения установленных обязанностей при осуществлении деятельности в сфере СМИ и т.д.³. Тем не менее, готовность контролирующего органа принимать обращения граждан продемонстрирована наличием соответствующих рубрик на официальном сайте. Попробуем проанализировать содержание этих разделов, частоту обновляемой информации, тематику обращений, а также их систематизацию и ответную, разъяснительную деятельность РКН.

Раздел «Обращения граждан и юридических лиц» начинается с описания порядка рассмотрения жалоб на предоставление государственных услуг и запросов информации. Определены требования к форме обращения, указаны ситуации, при которых жалобы рассматриваться не будут (если «текст сообщения не позволяет определить его суть» или содержит оскорбительные выражения, угрозы и т.п.). Обозначен также ряд вопросов, которые не входят в компетенцию РКН и перенаправляются в другие ведомства. В завершении раздела предложены «Ответы на типовые вопросы», в сфере массовых коммуникаций

их два: «о принятии мер к СМИ за распространение ими информации, не соответствующей действительности» и о контроле за соблюдением законодательства о рекламе. На первый вопрос дан развернутый ответ со ссылками на нормативные акты, на второй — краткая отсылка к ФАС.

В разделе о разрешительно-лицензионной деятельности в сфере связи пять вопросов от граждан, ответы на них выражены стилистически более доступно, не перегружены ссылками на законы. У читателя сайта создается впечатление реального диалога между обществом и органом исполнительной власти. Однако чаще ответы выглядят официально или являются выдержкой из соответствующего документа.

РКН ведет ежеквартальный мониторинг обращений граждан. Так, например, в четвертом квартале 2022 года их количество составило 10171, из них 84 процента поступило в электронном виде. Тематика выглядит следующим образом: 52% — вопросы информационных технологий; 8% — вопросы в сфере связи; 30% — защита персональных данных; 7% — СМИ; 3% — другое⁴. Есть статистика о том, какое количество обращений поддержано, отклонено, перенаправлено и т.д. Безусловно, такой непрерывный мониторинг иллюстрирует взаимодействие регулятора и аудитории. Тем не менее, кроме общей тематики и количества хотелось бы видеть конкретные вопросы граждан, касающиеся деятельности СМИ. Хотелось бы видеть готовность органа исполнительной власти принимать зрительскую оценку конкретных аспектов деятельности СМИ и вести мониторинг жалоб и пожеланий к отдельным медиа/ каналам/ рубрикам/ передачам, с тем чтобы учитывать мнение общества в процессе регулирования деятельности СМИ и совершенствования законодательства.

В разделе «Открытые данные» опубликован 31 набор данных о деятельности РКН в машиночитаемом формате. Проведен опрос населения о степени удовлетворенности информацией в рубрике. Из 59 человек 23 процента ответили, что «не знают, зачем она нужна», 33 процента — что «нет необходимости в такой информации». Удовлетворены — 28 процентов. На вопрос «Почему я не могу прочитать информацию, которая в открытых данных скачивается?» (от 23.11.2018) дан краткий ответ в виде выдержки из Приказа РКН. Очевидно, что в разделе недостаточно разъяснена информация для обычных пользователей, хотя граждане указаны в качестве референтной группы, которой адресована рубрика⁵.

В 2022 году РКН направил 104830 приглашений оценить качество ответов на обращения граждан. Было получено 6245 откликов. 58 процентов (3661) остались не удовлетворены ответом; 33,2% (1971) — удовлетворены. Среди недостатков отмечены «из-

² What is Good Governance? (2009) UNESCAP // URL: <https://web.archive.org/web/20060428063306/http://www.unescap.org/huset/gg/governance.htm>

³ <https://rkn.gov.ru/chamber-of-commerce/>

⁴ <https://rkn.gov.ru/treatments/p436/>

⁵ <https://rkn.gov.ru/opendata/>

лишнее цитирование положений нормативно-правовых актов, затрудняющих восприятие изложенной информации». В то же время количество обжалованных решений РКН составило всего 1%. Тем не менее по результатам анализа анкеты были разработаны методические рекомендации сотрудникам, призванные исправить положение.

На наш взгляд, одной из самых удачных форм обращения к аудитории являются «Публичные доклады» Роскомнадзора. Это отчетный документ о деятельности за определенный период, выполненный в понятной, привлекательной форме, с обширным использованием наглядных графиков, рисунков, схем. Просматривая документ, обычный посетитель сайта видит довольно полную картину: сколько СМИ зарегистрировано, сколько и по каким причинам исключено из реестра, на каких основаниях РКН может ограничивать распространение информации во внесудебном порядке, как ведется мониторинг содержания СМИ и т.д. Доступно и просто рассказано о работе с обращениями граждан, показана динамика вопросов в каждой сфере по сравнению с предыдущим годом.

В Докладе мы можем увидеть, например, что в 2019 году РКН направил 3113 обращений к издателям о нарушении статьи 4 Закона о СМИ («Злоупотребления свободой массовой информации»), 158 предупреждений о материалах с признаками экстремизма, 2930 — с ненормативной лексикой и т.д. Форма и стиль изложения информации в публичном докладе направлены именно широкой аудитории, нацелены на популяризацию деятельности органа исполнительной власти, который открыт обществу и готов к сотрудничеству. На сайте представлены Публичные доклады с 2007 по 2019 гг. На наш вопрос о причинах прекращения подобной практики был получен ответ на официальном бланке, согласно которому «действующим законодательством не установлена обязанность федеральных органов исполнительной власти готовить и размещать на официальных сайтах публичные доклады» с отсылкой к разделу «Отчеты и планы».

Роскомнадзор рассказывает о профилактических мероприятиях, новостях и обновлениях законодательства на своей странице во ВКонтакте. Информация здесь выражена в доступной форме, с использованием инфографики, приводится статистика нарушений и принятых мер. Выполняется задача популяризации деятельности РКН и выхода на более широкую аудиторию, однако практически нет обратной связи: уточняющие вопросы пользователей как правило остаются без ответов⁶.

Итак, подведем итоги. Сайт Роскомнадзора содержит очень много информации нормативного и разъяснительного характера. Целый ряд рубрик

нацелен на развитие обратной связи, разработана «Концепция открытости», с 2018 года создан совещательно-консультативный орган общественного контроля Общественный Совет, проводится мониторинг обращений и опрос о степени удовлетворенности ответами. Тем не менее, проанализировав содержание этих рубрик и документов, можно сделать вывод о том, что на сайте Роскомнадзора не полностью представлена двусторонняя коммуникация с общественностью и полноценная обратная связь. Возможности обратной связи существуют и каналы работают, но являются частичными, нерегулярными и не складываются в картину активного взаимодействия. О деятельности Общественного Совета на сайте мало информации, мониторинг обращений учитывает только их количество и общую тематику. В декларации целей РКН нет четко прописанной готовности принимать не только жалобы граждан, но и их оценки тех или иных аспектов деятельности СМИ и учитывать мнение аудитории.

Вопросы пользователей к Роскомнадзору на его странице во ВКонтакте, оставшиеся без ответа, создают отчуждение и впечатление односторонней коммуникации. На сайте РКН отвечают на любые обращения, но здесь они выглядят очень официально. Ответ даже на самый простой вопрос набирается на бланке организации, содержит печать и подпись ответственного лица, часто — ссылки или выдержки из документов или законов, нередко — профессиональную терминологию. В этом вроде бы и нет ничего плохого, только нет, к сожалению, и доверительного, располагающего отношения к аудитории.

На вопрос, сформулированный простым языком, человек ожидает получить такой же ответ не от документа, а от человека, способного перевести профессиональную информацию на язык обычного общения. Переводя живую коммуникативную ситуацию в стилистическое поле нормативно-правовых актов, мы обезличиваем общение и теряем доверие. Создается и замыкается впечатление вертикальной односторонней коммуникации, при которой власть обеспечивает объект управления избыточной информацией и удивляется отсутствию обратной связи. Между тем, приглашать граждан задавать вопросы и перечислять при этом, какие обращения рассматриваться не будут («написанные по-русски с использованием латиницы», «набранные целиком заглавными буквами», «не разбитые на предложения» и т.д.), значит настраивать, опять же, не на доверительное, а строго регламентированное официальное общение. При таком подходе забывается, что все органы исполнительной власти существуют и работают в первую очередь для отдельного конкретного человека, а не для отвлечённых понятий.

Мы убеждены, что именно люди, наделенные властью и имеющие выход на широкую аудиторию (в том числе — журналисты), способны качествен-

⁶ <https://vk.com/rkn>

но изменить коммуникацию и пригласить общество к сотрудничеству, убедить обычного человека в том, что его голос важен и будет услышан. Для этого общение должно быть открытым и доброжелательным. Мониторинг обращений — отражать их суть и содержать конкретику. Должны быть возможности выражения зрительской и читательской оценки деятельности того объекта (СМИ), деятельность которого орган исполнительной власти регулирует в интересах общества. И важен, конечно, не только отчет, но рассказ о процессе принятия решений и результатах этой деятельности, выполненный стилистически доступно и наглядно. Мы выделили «Публичные доклады» Роскомнадзора как хороший пример такого рода работы.

Сфера обязанностей РКН достаточно обширна. На сайте размещено огромное количество нормативных документов, законов, постановлений. Материалы, разъясняющие правоприменительную практику и написанные доступным языком, теряются в этом обилии официальных актов. Между тем, культура открытости органов власти базируется не на формальном наличии рубрик обратной связи, а на постоянном, живом, доброжелательном обращении к аудитории, на настойчивом приглашении к сотрудничеству, на возможности выразить свое мнение с уверенностью в том, что оно будет услышано.

Речь не о том, чтобы исполнять все просьбы, выраженные в обращениях граждан, безусловно, РКН должен и будет руководствоваться, в первую очередь, Законом о СМИ и другими документами в своей сфере деятельности. Тем не менее, учет и наличие зрительских / читательских оценок, откликов на сайте организации очень важен. Важен не только для построения доверительных отношений с аудиторией (что тоже ценно). Это еще и возможность формирования активности гражданского общества, которое постепенно убедится в том, что органы власти открыты к согласованию интересов, приобретет устойчивый навык ценить свое мнение и публично выражать его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прошина Д. А. История становления государственного контроля и надзора в сфере информационных технологий и связи / Д. А. Прошина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5–3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-i-svyazi> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Меньшиков П. В. Особенности государственного регулирования информационной сферы России / П. В. Меньшиков // Международные коммуникации. — 2018. — № 1(6). — С. 2. — EDN XEEETX.
3. Афонин А. А. Анализ управления Роскомнадзора по центральному Федеральному округу как объекта информационной безопасности / А. А. Афонин // Ресурсам области — эффективное использование: Сборник материалов XVII Ежегодной научной конференции студентов Технологического университета, Королёв, 2017. Том Часть 1. — Королёв: Общество с ограниченной ответственностью «Научный консультант», 2017. — С. 34–40. — EDN YRPBLN.
4. Байкова И. А. Информационно-регулирующая функция государства в сети Интернет / И. А. Байкова // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 11–2 (20). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-reguliruyuschaya-funktsiya-gosudarstva-v-seti-internet> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Галушкин А. А. К вопросу о месте и роли федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в сфере обеспечения национальной информационной безопасности российской федерации на современном этапе посредством работы с операторами поисковых систем / А. А. Галушкин // Образование и право. — 2018. — № 11. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-i-rolifederalnoy-sluzhby-po-nadzoru-v-sfere-svyazi-informatsionnyh-tehnologiy-i-massovykh-kommunikatsiy-v-sfere> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Карцхия А. А., Севостьянов В. Л. Информационная безопасность: правовые аспекты / А. А. Карцхия, В. Л. Севостьянов // Правовая информатика. — 2018. — № 4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-pravovye-aspekty> (дата обращения: 06.12.2022).
7. Радченко Д. А. Роскомнадзор-тян и другие: перформативные практики фольклорной реакции на блокировки Telegram / Д. А. Радченко // Этнографическое обозрение. — 2020. — № 3. — С. 24–37. — DOI 10.31857/S086954150010046-0. — EDN XHBDJA.
8. Унукович А. С. Деятельность Роскомнадзора по обеспечению безопасности пользователей сети Интернет / А. С. Унукович // Молодой ученый. — 2019. — № 22(260). — С. 370–372. — EDN KEBZHQ.
9. Шерстобитов А. С. Роскомнадзор против. Стратегические и институциональные ограничения качества публичного управления (на опыте блокировок онлайн-ресурсов в России) / А. С. Шерстобитов, К. А. Неверов, Е. А. Барина // Южно-российский журнал социальных наук. — 2018. — Т. 19. — № 3. — С. 163–176. — EDN YAJFTV.
10. Хуа Ли Кибербезопасность в России в свете Доктрины информационной безопасности РФ 2016 года / Хуа Ли // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-rossii-v-svete-doktriny-informatsionnoy-bezopasnosti-rf-2016-goda> (дата обращения: 06.12.22).
11. Ульянов М. В. Порядок рассмотрения дел о признании информационных материалов экстремистскими / М. В. Ульянов // НВ: Административное право и практика администрирования. — 2017. — № 5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-rassmotreniya-del-o-priznanii-informatsionnyh-materialov-ekstremistskimi> (дата обращения: 25.11.2022).
12. Абрамов Е. Г. Наиболее частые нарушения зако-

нодательства при издании средств массовой информации / Е. Г. Абрамов // Научная периодика: проблемы и решения. — 2011. — № 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/naibolee-chastye-narusheniya-zakonodatelstva-pri-izdanii-sredstv-massovoy-informatsii> (дата обращения: 25.11.2022).

13. Алферов О. Л., Суходолов А. П., Рачков М. П., Бычкова А. М. Запретительная политика государства в сфере массовой информации: анализ законодательства и правоприменительной практики. — М.: ЗАО ИД «аргументы недели», 2018. — 234 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. — 2019. — № 3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-03-017-suhodolov-a-p-rachkov-m-p-bychkova-a-m-zapretitelnaya-politika-gosudarstva-v-sfere-massovoy-informatsii-analiz-zakonodatelstva-i> (дата обращения: 29.11.2022).

14. Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Правовое поле массмедиа: тренды последних лет / И. А. Панкеев, А. А. Тимофеев // Меди@льманах. — 2018. — № 2 (85). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-pole-massmedia-trendy-poslednih-let> (дата обращения: 18.11.2022).

15. Устинова Ю. В., Малов А. В. Проблемы формирования критериев эффективности государственного контроля и надзора в сфере связи и инфокоммуникаций / Ю. В. Устинов, А. В. Малов // Т-Comm. — 2014. — № 7. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-kriteriev-effektivnosti-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-v-sfere-svyazi-i-infokommunikatsiy> (дата обращения: 18.11.2022)

16. Байкова И. А. Коммуникационное взаимодействие органов исполнительной власти и средств массовой информации в регионах российской федерации / И. А. Байкова // НАУ. — 2015. — № 3-4 (8). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnoe-vzaimodeystvie-organov-ispolnitelnoy-vlasti-i-sredstv-massovoy-informatsii-v-regionah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.11.2022).

17. Попов О. А. Проблемы развития политических коммуникаций в федеральных органах исполнительной власти в современной России / О. А. Попов // Автореферат. 2011. // [Электронный ресурс] / Человек и Наука. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/problemy-razvitiyapoliticheskikh-kommunikatsiy-v-federalnyh-organahispolnitelnoy-vlasti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 21.11.2022).

18. Аммосов А. О. Становление интернет-цензуры в Российской Федерации с 2012 по 2017 годы / А. О. Аммосов // Academy. — 2017. — № 10 (25). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-internet-tsenzury-v-rossiyskoy-federatsii-s-2012-po-2017-gody> (дата обращения: 25.11.2022).

19. Фофанова А. Ю. Работа с населением и обеспечение обратной связи на примере деятельности управления Роскомнадзора по Мурманской области / А. Ю. Фофанова, И. А. Храмцов // Modern Science. — 2022. — № 3-1. — С. 376-379. — EDN QWJQNK.

20. Кондратенко А. И. Деятельность СМИ как фактора артикуляции общественных интересов и сохранения социально-политического консенсуса / А. И. Кондратенко // Вестник ЧелГУ. — 2013. — № 21 (312). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-smi-kak-faktor-artikulyatsii-obschestvennyh-interesov-i-sohraneniya-sotsialno-politicheskogo-konsensusa> (дата обращения: 06.12.2022).

21. Писаревский Е. Л. Качество государственного управления: проблемы целеполагания / Е. Л. Писаревский // Административное право и процесс. — № 10. — 2013. — С. 4. — Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/66499-kachestvo-gosudarstvennogo-upravleniya-problemy-celepolaganiya> (дата обращения: 06.12.22).

Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета
Шишпарёнок Е. В., кандидат филологических наук, доцент Высшей школы журналистики и медиапроизводства
E-mail: irk-lena@yandex.ru

The Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communications Irkutsk State University
Shishparonok E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Higher School of Journalism and Media Production
E-mail: irk-lena@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках) и английский перевод заголовка материала.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.